

ДЖЭК ВЭНС

СОКРОВИЩНИЦА
ВОЕВОЙ
ФАНТАСТИКИ И
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

КОРОЛЕВСКАЯ
ОХОТА

Джэк ВЭНС

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

TALLINN

1996

И (США)

Серия основана в 1993 году.

Джэк ВЭНС

«Королевская охота». Перевод с англ. Составитель А. Саяпин. Таллинн: «Мелор». 1996, 368 стр., ил. («Сокровищница боевой фантастики и приключений»).

Продолжаем знакомить читателей с приключениями Кирта Герсена — героя фантастического сериала, начатого романом «Мечь».

20 лет назад Алан Трисонг вместе с другими демонами тьмы уничтожил вместе с жителями родной городок Герсена: Маунт-Плизант, расположенный на планете Провиденс. Кирт Герсен поклялся отомстить убийцам и начал беспощадную охоту за ними.

В романах «Королевская охота» и «Демоны тьмы» он вступает в смертельную схватку еще с двумя главарями убийц и выходит из неё победителем.

ИТАК, КИРТ ГЕРСЕН — ГЕРОЙ НОВОГО
ФАНТАСТИЧЕСКОГО СЕРИАЛА...

В $\frac{470310100-029}{8УЗ(03)-96}$

ISBN 5-87005-029-4

© «MELOR», 1996 г.

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА

Глава I

Смейд был человеком скрытным. Правда о его происхождении и молодых годах была известна только ему самому. В 1479 году он приобрел крупную партию отличного строевого леса, который и переправил на маленькую каменистую планету, расположенную на краю Галактики, в так называемой Глуши. И здесь, с помощью десяти законтрактованных рабочих и примерно такого же количества рабов, он соорудил таверну Смейда.

Расположена она была на длинной узкой косе, поросшей вереском, между горами Смейда и морем Смейда, точно на экваторе планеты. Построил он ее в старинном стиле, возведя каменные стены, стропила из досок и крышу из шифера. Когда она была закончена, то хорошо вписалась в окружающий ландшафт, с первого взгляда напоминая случайное обнажение горных пород: продолговатое двухэтажное строение с высокой двухскатной крышей, с двумя рядами окон по фасаду и тыльной стороне, с дымовыми трубами по краям крыши. Сзади таверны стояла группа кипарисов, и форма их крон ничуть не казалась чужеродной на фоне пейзажа планеты.

Смейд добавил несколько новых черточек к экологии планеты: в укромной долине позади таверны он посадил фруктовый сад, еще в одной из долин он держал небольшое стадо скота и некоторое количество домашней птицы. Количество животных было весьма умеренным, и не было никаких признаков того, что их присутствие может принципиально повлиять на природу планеты.

Владения Смейда могли простираться сколь угодно далеко — на планете не было других обитателей, но он предпочитал держать под своим контролем площадь примерно в три акра внутри побеленного каменного забора. Он оставался абсолютно глух ко всему, что происходило снаружи этого забора, если только у него не было причин опасаться ущемления своих собственных интересов — но такого до сих пор ни разу не случалось.

Планета Смейда была единственным спутником звезды

Смейда, тусклого карлика в сравнительно пустой области пространства. Прёжняя флора планеты была скудной: лишайники, мхи, примитивные стелющиеся и вьющиеся растения; водоросли на поверхности океана, придававшие воде черный цвет. Фауна была еще более скудной: немного студнеобразных созданий, которые питались черными водорослями, небольшое количество низкоорганизованных одноклеточных... Едва ли изменения экологии планеты, проведенные Смейдом, могли нанести какой-либо ущерб.

Сам Смейд был высоким, широкоплечим и сильным человеком с белой кожей и черными, как смоль, волосами. Прошлое его, как об этом уже упоминалось, было неопределенным, и никто не слышал, чтобы он когда-нибудь вспоминал о нем. Тем не менее таверну он содержал, соблюдая все приличия. Три его жены жили в согласии, дети были красивы и хорошо воспитаны, а сам Смейд — безукоризненно вежлив. Цены у него были высокими, и он не часто встречался с затруднениями в приумножении своих доходов.

Над стойкой бара висела надпись:

«Ешь и пей сколько захочешь. Тот, кто может платить и расплачиваться, — клиент. Кто не может и не расплачивается — гость заведения».

Среди завсегдатаев Смейда встречались самые разные люди: исследователи, разведчики, техники по обслуживанию оборудования, частные агенты по розыску пропавших людей или украденных сокровищ; гораздо реже — представители «Интергалактопол», или «хорьки» на жаргоне обитателей Глуши. Остальные посетители — всякое отребье, столь же отличающееся друг от друга, сколь отличаются друг от друга бесчисленные виды преступлений. Мирясь с необходимостью, Смейд совершенно одинаково обращался со всеми обитателями этой части Вселенной, посещавшими его таверну.

В июле 1524 года в таверне Смейда появился Курт Герсен, представившийся разведчиком. Его корабль был стандартной моделью, сдаваемой в аренду соответствующими предприятиями в пределах Ойкумены: цилиндр длиной в десять метров, оборудованный только самым необходимым: монитором-автопилотом — устройством для отыскания звезд, хронометром, телескопом и пультом ручного управления, расположенным в носовой части. В средней секции располагались жилой отсек, информационное устройство и кладовые. На корме находился энергоблок, расщепитель Ожарнелла и еще одно хра-

нилище. Корабль был весь в заплатах и выбоинах, как и любой другой разведчик. Внешность Герсена также была совершенно заурядной, одежда — изрядно поношенной, особой разговорчивостью он не отличался. Но все это мало беспокоило Смейда.

— Вы надолго к нам, мистер Герсен?

— Скорее всего, дня на два-три. Мне нужно кое-что обдумать у вас в тиши, мистер Смейд.

Владелец таверны понимающе кивнул.

— У нас сейчас затишье. Только вы и Звездный Король. Если вам нужна тишина, то ее будет даже с избытком.

— Меня это вполне устраивает, — сказал Герсен, и это было правдой.

После завершения всех своих дел у него оставалось еще немало неразрешенных сомнений. Он повернулся, затем замер и оглянулся, так как только теперь до него дошли слова Смейда.

— У вас в таверне сейчас находится Звездный Король? — изумился он.

— Во всяком случае, он сам так представился мне.

— Ни разу не доводилось встречаться с Звездным Королем, знаете ли. Кроме того, даже наши ученые мало что знают о них.

Смейд вежливо поклонился, давая понять, что разговор достиг дозволенных пределов подробностей. Он сделал жест в сторону часов таверны:

— Время — наше местное. Можете переставить свои часы. Ужин в семь часов, ровно через полчаса.

Герсен поднялся по каменистой лестнице в свою комнату, крохотную клетушку с кроватью, стулом и столиком. Он взглянул в окно на полосу вереска между горами и океаном. На посадочной площадке было всего два корабля: его собственный и другой, более крупный и тяжелый, очевидно, принадлежащий Звездному Королю.

Герсен умылся в ванной, расположенной в общем коридоре, и спустился в холл на первый этаж, где пообедал продуктами с огорода и скотного двора Смейда.

Пока он обедал в столовой, туда спустились еще два гостя. Первым был Звездный Король, который, шурша своей богатой одеждой, быстро прошел в дальний конец комнаты — индивидум с черной как уголь кожей и такими же черными глазами. Выше среднего роста, он держался с предельным высокомерием, а черный как уголь цвет кожи делал его лицо похожим на причудливую

маску. Штаны из оранжевого шелка, свободная алая мантия с белым кушаком и широкая шапочка с серыми и черными полосами служили прекрасным дополнением к его экзотической внешности. Герсен оторвался от еды и смотрел на него с нескрываемым любопытством. Это был первый увиденный им Звездный Король, хотя и ходила молва о том, что сотни их инкогнито посещают планеты людей. Это была одна из великих тайн космоса со временем первого же посещения людьми планеты Лямбда-Грас.

Второй из гостей, по-видимому, только что прибыл — худой мужчина средних лет и неопределенной расовой принадлежности. Герсен повидал множество подобных людей — самых разнообразных, разношерстных бродяг Глуши. Короткие неопрятные волосы светлого оттенка, болезненно-белая кожа этого человека, весь его вид говорили о неуверенности и неопределенности. Ел он без аппетита, поглядывая то на Герсена, то на Звездного Короля, однако все же казалось, что более изучающие взгляды он бросает в сторону Герсена. Герсен попытался избежать этих, становящихся все более настойчивыми взглядов, меньше всего ему хотелось быть вовлеченным в какие-нибудь дела незнакомца.

После обеда, когда Герсен сидел, наблюдая за блеском молний над океаном, этот человек бочком подошел к нему, часто мигая и нервно гримасничая. Стараясь придать голосу безразличие, незнакомец произнес:

— Мне кажется, что вы из Кринктауна?

С самого детства Герсен привык скрывать свои чувства за полной, если не сказать свинцовой, непроницаемостью. Однако вопрос незнакомца, переключаясь с его собственными тревогами и неловкостью, озадачили его. Он сделал паузу перед тем, как ответить и утвердительно кивнул:

— По сути дела, да.

— Я ожидал увидеть кого-нибудь другого. Но это не имеет значения. Я уже решил, что не смогу выполнить свои обязательства. Ваша поездка сюда стала бессмысленной. Вот и все.

Он отошел назад, ослабившись в лишенной какого-либо веселья улыбке — очевидно, для того чтобы как можно собранней встретить ожидаемую резкую реакцию.

Герсен вежливо улыбнулся и покачал головой.

— Вы по ошибке приняли меня за кого-то другого.

Ответом ему был полный недоверия взгляд.

— Но вы прибыли сюда из Кринктауна?

— И что же из этого?

Незнакомец сделал безнадежный жест.

— Все равно. Я ожидал... но это все равно,— и, выждав несколько мгновений, добавил: — Я заметил ваш корабль — модель ЭВ. Вы, значит, разведчик.

— Верно.

Откровенность Герсена придала незнакомцу еще большую смелость.

— И вы сейчас направляетесь еще дальше? Или назад?

— Еще дальше,— ответил Герсен, затем, решившись на еще большую откровенность, добавил: — Не могу сказать, что мне сопутствует удача.

Напряженность, казалось, неожиданно покинула незнакомца. Плечи его поникли.

— Я и сам занимаюсь этим же делом. Что же касается удачи... — Он безнадежно вздохнул, и Герсен уловил запах самодельного виски, производимого Смейдом. — Если удачи не было, то, несомненно, я должен винить в этом только самого себя.

Однако подозрения Герсена полностью не исчезли. В хорошо модулированном голосе незнакомца слышался акцент образованного человека, но это само по себе еще ничего не значило. Он мог быть в действительности всего лишь тем, кем представился: разведчиком, имевшим какие-то неприятности в Кринктауне. Но, возможно, все было иначе. Герсен с удовольствием бы предпочел остаться наедине со своими мыслями, но из элементарной предосторожности следовало взглянуть более глубоко на создавшееся положение. Курт глубоко вздохнул и сделал любезный, хотя и несколько кривой, жест:

— Может быть, хотите присоединиться ко мне?

— Благодарю вас.

Незнакомец уселся рядом с ним и, казалось, осмелел настолько, словно и не было у него каких-то хлопот и неприятностей.

— Зовут меня Тихальт, Луго Тихальт. Выпьете? — И, не дожидаясь согласия, он сделал знак одной из младших дочерей Смейда, девочке лет девяти или десяти, одетой в скромную белую кофту и длинную черную юбку. — Я предпочитаю виски, малышка, а этому джентльмену подай то, что он сам соизволит выбрать.

Казалось, Тихальт черпает свои силы то ли из выпивки, то ли из перспективы предстоящего разговора.

Голос его стал тверже, взгляд — более ясным и пристальным.

— Сколько же времени вы отсутствовали?

— Месяца четыре или пять, — ответил Герсен, не выходя из роли разведчика. — И за все это время ничего не видел, кроме скал, грязи и серы... Не знаю даже, стоило ли ради этого так тяжело работать?

Тихальт улыбнулся и понимающе закивал головой.

— Но все же, разве в этом нет ничего захватывающего? Звезды сияют и купают в своем свете кружащие вокруг них планеты. И ты спрашиваешь себя, может быть, это произойдет сейчас? Так, раз за разом — дым, аммиак, сказочные кристаллы, течение окиси углерода, дожди из кислоты. А ты все продолжаешь и продолжаешь искать. Может быть, именно в следующем секторе и образуется сращение благородных элементов и тебе усмехнется удача? Но конечно же это опять все тот же шлак или снег из метана. Но вот, вдруг, вот она! Абсолютная красота...

Герсен потягивал виски, не перебивая своего собеседника. По-видимому, Тихальт был человеком порядочным и образованным, но, к несчастью, опустившимся на самое дно этого мира. Он все говорил и говорил, наполовину обращаясь к самому себе:

— Не знаю, где залегает удача. Я уже ни в чем не уверен. Счастливая случайность оборачивается неудачей, а разочарование кажется счастливее, чем успех... Но и тогда я все же не считаю неудачи, я никогда не путаю неудачи с успехом, а в случае успеха не уступлю разочарованию. Я не такой. И жизнь продолжается.

Герсен позволил себе немного расслабиться. Такого рода непоследовательность трудно представить среди его врагов. Если только они не наняли сумасшедшего? Немного помолчав после того, как его собеседник сделал паузу, Герсен осторожно заметил:

— Неуверенность часто может повредить больше, чем незнание.

Тихальт с уважением взглянул на него, как будто это утверждение было проявлением глубокого ума.

— Значит, вы считаете, что неведение лучше неуверенности?

— Это совершенно разные вещи, — произнес Герсен легко и непринужденно, что было для него вполне естественным. — Ведь ясно, что неуверенность порождает нерешительность, а это — тупик. Человек же несведущий

может действовать. Правильно он будет поступать или нет — это уже зависит от конкретного человека, от конкретных обстоятельств. Настоящего единогодущия в этом вопросе не может быть никогда.

Тихальт печально улыбнулся и тихо заговорил:

— Вы — приверженец весьма популярной доктрины этического прагматизма, которая всегда оборачивается доктриной своекорыстного эгоизма. И все же я понимаю вас, когда вы говорите о неуверенности. Потому что я сам — человек неуверенный. Я знаю, что я неудачник, но разве я не мог бы им не быть? У меня достаточно горький опыт, чтобы говорить так. — Он до дна выпил свое виски и наклонился вперед, почти вплотную к лицу Герсена. — Вы, пожалуй, более восприимчивый человек, чем кажется с первого взгляда. У вас более острый ум, чем у меня, и вы моложе, чем кажетесь.

— Я родился в 1490 году, — рассмеялся Герсен.

Тихальт издал вздох, который можно было истолковать как угодно, и еще раз внимательно взглянул в лицо Герсена.

— Вы могли бы понять меня, если бы я сказал, что мне довелось увидеть абсолютную красоту?

— Может быть, я и смог бы вас понять, — кивнул головой Герсен, — но только в том случае, если вы впредь будете выражаться яснее.

Тихальт задумчиво прищурился.

— Я попытаюсь. — На мгновение он остановился. — Как я вам уже говорил, моя профессия — разведчик. Это неважное ремесло — я прошу у вас извинения — потому что оно, по сути, предопределяет деградацию красоты. Иногда только в самой незначительной степени — а именно на это надеялся я; а иногда она уничтожается полностью. — Тихальт сделал жест рукой в сторону океана. — Эта таверна ничему не вредит. Она позволяет красоте этой ужасной планетки выявлять себя. — Он склонился вперед, облизав губы. — Вам известно имя Малагате? Атель Малагате?

Уже во второй раз Герсену стало не по себе. После небольшой паузы он небрежно произнес:

— Уж не тот ли это Малагате, которого называют еще Горе?

— Да, Малагате-Горе. Вы знакомы с ним? — И Луго Тихальт бросил на Герсена такой неприязненный взгляд, как будто сам факт признания такой возможности возобновил его подозрения.

— Я знаком только с его репутацией,— сказал Герсен, изобразив на своем лице нечто вроде кислой улыбки.

— Все, что вы, возможно, слышали, является лестью, заверяю вас.

— Но вы же не знаете, что именно я слышал!

— Сомневаюсь, что вы слышали худшее. Но тем не менее и в этом заключается удивительный парадокс... — Тихальт закрыл глаза. — Я занимаюсь разведкой для Аттеля Малагате. Он — владелец моего корабля. И я взял у него деньги.

— Положение затруднительное...

— Когда я это обнаружил — что я мог сделать? — Тихальт возбужденно всплеснул руками — то ли вследствие повышенной эмоциональности, то ли благодаря действию виски Смейда. — Я задавал себе этот вопрос много раз. Не я делал этот выбор. Я получил корабль и деньги не от частной лавки, а от одного почтенного учреждения. И поэтому я не считал себя рядовым разведчиком. Я был Луго Тихальтом, человеком больших способностей, который получил назначение на должность Главного Исследователя учреждения! Я был уверен в этом. Но они послали меня на разведку в корабле модели В, и я уже больше не мог обманывать себя. Теперь я был Луго Тихальтом, самым заурядным поисковиком.

— А где же ваш корабль, Луго? — спросил Герсен из праздного любопытства. — На посадочной площадке только мой корабль и корабль Звездного Короля.

— У меня есть основания для осторожности. — Он посмотрел по сторонам. — Вас не удивит, если вы узнаете, что я ожидал вас встретить... — Он запнулся в нерешительности и стал более тщательно обдумывать то, что собирался сказать, молча глядя на свой пустой бокал. Герсен дал знак, и юная Араминта Смейд принесла виски на светлом нефритовом подносе, который она сама разрисовала орнаментом из алых и голубых цветов.

— Но это все несущественно! — неожиданно вымолвил Тихальт. — Я уже наскучил вам со своими наболевшими проблемами...

— Вовсе нет,— живо откликнулся Герсен. Он даже сам удивился, насколько искренне это у него получилось. — Все, что связано с Аттелем Малагате, интересует меня!

— Это можно понять,— произнес Тихальт после еще одной паузы. — Он представляет собой своеобразное сочетание качеств.

— От кого вы прячете свой корабль? — спросил бесхитростно Герсен.

Тихальт покачал головой.

— Не скажу. И знаете почему? Потому что вы, возможно, человек Малагате. Хотя, ради вас самого, я надеюсь, что это не так.

— Почему это я должен быть человеком Малагате?

— Обстоятельства наводят на эту мысль. Но только обстоятельства! Фактически же я уверен, что вы не его человек. Он не послал бы сюда кого-нибудь, кого я не встречал прежде.

— Значит, у вас здесь свидание?

— Это единственное, из чего я не делаю тайны. Что же касается остального — не знаю, что мне предпринять.

— Возвращайтесь в Ойкумену!

— А как же быть с Малагате? Неизвестно, что он сделает со мной.

— Почему он так заинтересован в вас? Ведь разведчиков хоть пруд пруди.

— Я уникален, — печально усмехнулся Тихальт. — Я — разведчик, который обнаружил слишком драгоценный для продажи приз.

На Герсена это признание произвело впечатление, хотя он и попытался внешне не показать этого.

— Мир, который я открыл, слишком красив для Малагате. Невинный мир, полный света, воздуха и красок. Отдать эту планету в его распоряжение, чтобы он мог построить на ней дворцы, рулетку и казино, — это все равно, что отдать ребенка взводу солдат с Саркоя. И, возможно, даже хуже.

— И Малагате знает ваши намерения?

— У меня есть нехорошая привычка пить и, не думая, болтать.

— Вот как сейчас, — намекнул Герсен.

Тихальт, вздрогнув, натянуто улыбнулся.

— Вы не сможете сказать Малагате ничего такого, чего он уже не знал бы. Непоправимое произошло в Кринктауне.

— Расскажите мне подробнее об этой планете. Она обитаема?

Тихальт снова улыбнулся, но ничего не ответил. Это нисколько не обидело Герсена. Тихальт, обращаясь к Араминте Смейд, заказал Фрэйз, крепкий сладкий ликер, обладающий особым свойством, поскольку среди

его ингредиентов был слабый галлюциноген. Герсен решил, что сам он больше пить не будет.

Ночь уже окутала планету. То там, то здесь сверкали молнии. Неожиданный ливень забарабанил по крыше.

Тихальт, казалось, наблюдал за игрой пламени в камине, но тут внезапно произнес:

— Вам никогда не найти эту планету. Я решительно настроен на то, чтобы никому не выдавать ее местонахождения.

— А как же ваш контракт с работодателем?

Тихальт сделал пренебрежительный жест.

— Я выдам ее за обычную планету.

— Но информация находится в запоминающем устройстве — мониторе, — заметил Герсен. — И это — собственность вашего нанимателя.

Тихальт ничего не говорил так долго, что Герсен уже решил было, что он заснул. Однако в конце концов он все же произнес:

— Я очень боюсь смерти. Иначе я бы направил свой корабль вместе с собой и монитором прямо в какую-нибудь звезду.

Герсен предпочел промолчать.

— Не знаю, что же мне предпринять. — Голос Тихальта стал спокойным, как будто спиртное утешило его разум. — Это планета просто замечательная. Красивая, да! Меня беспокоит даже, а не скрывается ли за этой красотой какое-нибудь другое качество, которое я не смог увидеть, как красота женщины маскирует ее более отвлеченные достоинства. Или пороки... В любом случае планета настолько красива и безмятежна, что нет слов для описания. Там есть горы, омываемые дождями. Над долинами проплывают облака, легкие и блестящие, как снег. Небо — глубокое, темно-голубое. Воздух прохладен, чист и настолько свеж, что кажется хрустальным. Там есть цветы, хотя и не очень много. Они растут небольшими группами, так что, когда находишь их, то кажется, что наткнулся на сокровище. Но зато там много деревьев, и среди них есть великаны с такими огромными стволами, с такой побелевшей корой, что кажется, что они живут вечно.

Вы спросили, является ли эта планета обитаемой? Я вынужден ответить утвердительно, хотя создания, которые живут там... немного странные. Я назвал их дриадами. Мне пришлось видеть их около сотни, и впечатление такое, что это очень древняя раса. Такая же

древняя, как деревья, как горы. — Тихальт закрыл глаза. — День на этой планете вдвое длиннее нашего стандартного, утренние часы очень длинные и наполненные светом. Дни спокойные, вечера золотистые, как мед. Дриады купаются в реке или стоят в темном лесу... — Голос Тихальта стал тише. Казалось, что он наполовину спит.

Герсен подтолкнул его.

— Дриады?

Тихальт пошевелился, приподнимаясь в кресле.

— Название не хуже любого другого. Они, по меньшей мере, наполовину растения. Я не делал настоящей проверки, не посмел. Почему? Не знаю. Я был там предположительно две или три недели... Вот что я увидел...

Глава 2

Тихальт посадил потрепанный старый корабль модели 9В на лугу рядом с рекой. Он подождал, пока анализатор произведет проверку окружающей среды, хотя, судя по пейзажу, она никак не могла быть враждебна — так, во всяком случае, подумал Тихальт, который в равной степени был ученым, поэтом и праздным мечтателем. Действительно, атмосфера оказалась вполне здоровой, чувствительные к аллергиям культуры давали отрицательную реакцию, микроорганизмы в воздухе и почве быстро погибали от соприкосновения со стандартными антибиотиками. Причин для того, чтобы откладывать высадку на планету, не было, и поэтому Тихальт начал обычные приготовления к высадке.

Ступив на дерн прямо возле корабля, Тихальт пришел в восторг. Воздух был настолько свежим, чистым и прозрачным, как будто бы только что прошел весенний дождь. Вокруг стояла абсолютная тишина.

Тихальт побрел по долине. Остановившись в восхищении перед группой деревьев, он увидел дриад, которые стояли, собравшись небольшой группой, в тени. Они были двуногими, со странно человеческим строением туловища и головы, хотя было ясно, что они похожи на людей только в высшей степени поверхностно. У них была серебристо-бурая, местами заленоватая кожа, вся в сверкающих блестках, на голове не было ничего, кроме пурпурно-зеленых пятен, похожих на глазницы. Из плеч росли органы, напоминающие руки; они разветвлялись на прутья. Иногда встречались темно-коричневые, темно-

красные, бронзовые и золотистые оттенки. Дриады увидели Тихальта и двинулись вперед с почти человеческим любопытством, остановились на расстоянии пятнадцати метров, покачиваясь на гибких конечностях. Их многоцветные листья переливались в лучах солнца. Тихальт столь же внимательно рассматривал дриад, постепенно приходя к мысли, что это наиболее очаровательные создания из всех, кого ему довелось видеть.

Все следующие дни, судя по его воспоминаниям, были идиллическими и полностью безмятежными. В планете было что-то величественное, что-то удивительно чистое, — и это внушало ему почти религиозное благоговение. В конце концов он понял, что надо как можно скорее покинуть эту планету, или он не выдержит и полностью отдастся этому миру. Понимание этого привело его в состояние невыносимой печали, ибо он уже больше никогда не вернется сюда.

В течение долгого времени он следил за тем, как дриады перемещались по долине, им двигало праздное любопытство относительно их природы и привычек. Были ли они разумны? К своему удовлетворению, Тихальт так и не смог ответить на этот вопрос. Их обмен веществ оставался для него загадкой, как и природа их жизненного цикла, хотя со временем ему удалось кое-что выяснить. Он понял, что они черпают какую-то часть энергии посредством своеобразного фотосинтеза.

Затем, в одно прекрасное утро, когда Тихальт задумчиво наблюдал за одной группой дриад, стоявших неподалеку на болотистом лугу, крупное, похожее на ястреба, крылатое создание устремилось вниз и ударило одну из дриад в бок. Пока она падала, Тихальту удалось заметить два белых стержня, уходивших из гибких серых ног дриады в землю. Как только дриада упала, стержни втянулись внутрь. Похожая на ястреба тварь не обратила никакого внимания на опрокинутую дриадку, но вонзила когти в болото и вытащила оттуда огромного белого червя. Тихальт с большим интересом наблюдал за этой сценой. Дриада, по-видимому, нашла червя в его подземной норе и пронзила его чем-то вроде хоботков, чтобы пожрать его как пищу. Тихальт ощутил чувство неприязни и разочарования. Дриады, очевидно, были не такими уж невинными и эфирными созданиями, какими он их себе представлял.

Ястреб некоторое время неуклюже пытался подняться в воздух, издавая при этом квохчущие звуки. Тихальт рва-

нулся вперед и, махая руками, заставил крылатое создание выпустить добычу и взмыть в воздух. Смотреть, в общем-то, было не на что, кроме кусков белой плоти, желтой слизи и черного твердого шара величиной в два кулака Тихальта — вот и все, что осталось от искромсанного червя. Пока Тихальт рассматривал свою находку, дриады медленно подошли к нему, и он отступил. С удивлением он наблюдал, как дриады столпились вокруг мертвого червя, и человеку показалось, что они оплакивают изувеченное создание. Через некоторое время с помощью гибких нижних конечностей дриады подняли черный шар, и одна из них понесла его прочь, держа высоко на своих руках-ветвях. Тихальт последовал за нею и зачарованно наблюдал за тем, как рядом с рощицей стройных деревьев с белыми ветвями дриады закопали черный шар.

Вспоминая обо всем этом впоследствии, он удивился тому, что не сделал попыток вступить в контакт с дриадами. Раз или два, когда он еще оставался на этой планете, такая мысль приходила ему в голову, но он отбрасывал ее — вероятно, вследствие того, что ощущал себя пришельцем, вторгшимся в этот мир, неуклюжим и очень шумным созданием, пытавшимся нарушить покой этой сказочной страны. Дриады же со своей стороны относились к нему с вежливым безразличием.

Через три дня после этого события Тихальт случайно вернулся к рощице деревьев и, к своему удивлению, обнаружил бледный побег, растущий из земли точно на том месте, где был зарыт шар. На верхушке его нежно-зеленые листья уже разворачивались к солнцу. Тихальт отступил и внимательно рассмотрел рощицу: каждое из деревьев в ней, вполне возможно, выросло из шара бывшего в теле подземного червя! Он внимательно осмотрел листву, корни, кору и не обнаружил ничего, что подтвердило бы такое впечатление.

Он окинул взглядом долину и остановил свой взгляд на огромных гигантах с темной листвой. Были ли эти две разновидности деревьев похожи друг на друга?

Подойдя к гигантскому дереву, Тихальт осторожно срезал странный по форме плод, напоминающий мешочек. Продолжая разглядывать свой трофей, он направился к кораблю.

Он прошел мимо группы дриад, которые, уставившись своими пурпурно-зелеными глазами на мешочек, приняли напряженное положение. Тихальт ошеломленно наблюдал за ними. Теперь они приближались, их яркие листья

дрожали и взволнованно переливались. Тихальт ощутил неловкость и стыд. Очевидно, сорвав мешочек, он, не ведая того, чем-то обидел дриад. Почему и как, он не мог сейчас понять и поэтому поспешно укрылся в корабле, где и разрезал свою добычу. Оболочка плода была крепкой и сухой. В центре располагался черенок, к которому были прикреплены семена величиной с горошину, но очень сложной структуры. Тихальт осмотрел семена под микроскопом. Они поразительно напоминали небольших недоразвитых жуков и ос. С помощью шипчиков и ножа он препарировал одно из семян на листе бумаги, обнаружив крылья, грудь и челюсти: несомненно, это было насекомое.

В течение долгого времени он думал об этих существах, растущих на деревьях. Любопытным аналогом было дерево, выросшее из черного шара, который дриады вынули из тела белого червя.

Закат солнца окрасил небо, отдаленные места долины стали неразличимы. Надвигались сумерки, а за ними и ночь, и огромные, как лампы, звезды загорались на небе.

Когда прошла долгая ночь, Тихальт вышел из своего корабля. Он уже знал, что близится время его отлета с этой планеты. Как? Почему? На это у него не было ответов. Тяга тем не менее была реальной: он должен был покинуть эту планету, и он знал, что никогда больше не вернется сюда.

Он смотрел на чудесное голубое небо, плавные изгибы холмов, на рощи и леса, спокойную реку, и глаза его стали влажными. Планета была слишком красивой, чтобы покидать ее, но и слишком красивой, чтобы оставаться на ней. Он ощущал какое-то странное смятение, истинных причин которого не мог уяснить. Непрерывно какая-то сила побуждала его бежать прочь от корабля, бросить одежду, оружие, слиться с планетой, обнимать все вокруг и самому быть поглощенным, принести себя в жертву ради экстаза приобщения к красоте и великолепию...

Сегодня он должен будет уйти. «Если я останусь здесь еще хоть на один день,— подумал Тихальт,— то у меня, как и у дриад, над головой вырастут листья».

Он побродил по долине, непрерывно оборачиваясь ко все больше поднимающемуся солнцу. Он взобрался на вершину холма и начал всматриваться в чередование вздымающихся хребтов и долин, к востоку постепенно сливавшихся в одну громадную гору. К западу и югу он

заметил блеск волн. К северу простирались зеленые леса, среди которых виднелись огромные серые валуны, похожие на руины древнего города.

Возвратившись в долину, Тихальт прошел под кронами гигантских деревьев. Взглянув вверх, он заметил, что все плоды раскрылись и теперь висели сморщенные и увядшие. Он услышал жужжание крыльев. Какой-то твердый тяжелый шарик ударился об его щеку, прицепился к ней и ужалил.

От неожиданности и боли Тихальт раздавил насекомое. Запрокинув вверх голову, он увидел других — целое множество, снующих туда-сюда или роящихся. Поспешно вернувшись к кораблю, он одел комбинезон из толстой ткани, защитив лицо и голову прозрачной сеткой. Он был разгневан без всяких видимых причин. Нападение осы испортило последний день его пребывания в этой божественной долине, впервые за все это время ему были причинены какой-либо вред. Слишком много он ожидал, размышлял он с горечью, вряд ли рай может существовать без своего змея. И он швырнул в подсумок целый флакон сжиженного репеллента, хотя он вполне мог и не подействовать на этих насекомых растительного происхождения.

Покинув корабль, он двинулся по долине, все еще испытывая жгучую боль от укуса насекомого. Приближаясь к лесу, он натолкнулся на группу дриад, окруженную жужжащим роем ос. Тихальт с любопытством подошел ближе. Он увидел, что дриады подверглись нападению, но каких-либо действенных мер по своей защите они не предпринимали. Когда осы стрелой устремились, чтобы пристроиться на их серебристой коже, они стали размаживать ветвями, терлись друг о друга, скребли ногами почву, стараясь избавиться от насекомых. Насколько действенна была такая защита, Тихальта видел воочию.

Он медленно приближался к дриадам, наполненный ужасным гневом. Одно из созданий, подвергшихся нападению, совсем ослабло: несколько насекомых вгрызлись в кожу, вытягивая капли сукровицы. Весь рой внезапно сосредоточился на этой несчастной дриаде, которая вдруг затряслась и повалилась на землю, в то время как оставшиеся дриады спокойно уходили прочь.

Тихальт, охваченный омерзением и негодованием, бросился вперед и направил носик флакона с репеллентом прямо в центр роя ос. Действие яда было потрясающе

эффективным — осы белели прямо на глазах, лишались сил и падали на землю. За одну минуту весь рой превратился в ворох белой шелухи. Дриада, подвергнувшаяся нападению, также лежала мертвая. Дриады, которые уходили от роя, теперь возвращались и были, как показалось Тихальту, крайне возбуждены и даже разъярены. Их ветви трепетали и бились, они двигались прямо на него, ничуть не скрывая решительности своих намерений. Тихальт поспешно ретировался к своему кораблю.

Отсюда он в бинокль наблюдал за поведением дриад. Они стояли возле своего мертвого собрата и, как показалось Тихальту, были в нерешительности относительно своих дальнейших действий. По-видимому, решил разведчик, их поразил не столько мертвый вид подруги, сколько гибель насекомых.

Они тесно обступили погибшую дриаду, и Тихальт не смог отчетливо разобрать, что же они делают. Одна из дриад нагнулась и что-то подняла с земли. Тихальт навел на эту фигуру бинокль и увидел, что она держала в своих руках-ветвях черный шар. Он долго следил за тем, как дриады несли этот шар через долину, пока не скрылись в роше гигантских деревьев.

Глава 3

Тихальт сидел, наблюдая за игрой огня. Герсен, глубоко тронутый рассказом, ждал продолжения.

Наконец Тихальт заговорил:

— Вот так я покинул эту планету, не мог дольше оставаться там. Чтобы жить на этой планете, нужно либо забыть о себе, всецело отдавшись красоте, растворив свою личность в ней, либо овладеть ею, подчинить ее себе, поломать ее, низвести до собственного низменного уровня своих корыстных побуждений. Я не мог сделать ни то, ни другое, и поэтому я никогда больше не смогу туда вернуться... Но воспоминания об этой планете постоянно преследуют меня.

— Даже несмотря на этих зловредных ос?

— Да, даже несмотря на них. Я поступил неправильно, что вмешался. На этой планете существует определенный ритм, равновесие, которое я грубо потревожил. Я много дней размышлял об этом, но так до конца и не понял этот процесс. Осы рождаются как плоды на деревьях, черви производят семена одного из видов растений —

вот и все, что мне известно. Я подозреваю, что дриады производят семена для великанов. Процесс жизни становится замкнутым или, вероятно, характеризуется последовательностью перевоплощений с деревьями-великанами в конце цикла.

— Похоже, что дриады используют червей как часть своего пропитания, осы же пожирают дриад. Откуда же берутся черви? Или осы являются их первой фазой? Летающими личинками, так сказать? А может быть, черви со временем превращаются в дриад? Я чувствую, что, может быть, так оно и есть, хотя и не уверен полностью. Если это так, то такой цикл прекрасен настолько, что я даже не нахожу слов для выражения своего восхищения. Как нечто извечно обусловленное — подобно приливам или вращению Галактики. Если заведенный порядок нарушается, если выдерживается одно из звеньев, то весь процесс рушится. И это тягчайшее преступление — оборвать одно из звеньев этой цепи!

— И вследствие этого вы не хотите раскрыть местоположение этой планеты своему поручителю, будучи уверенным, что это Малагате-Горе?

— Я уверен, что мой хозяин — Малагате, — твердо произнес Тихальт.

— Но как вы это обнаружили?

Тихальт искоса посмотрел на Герсена.

— Что-то вы очень интересуетесь этим человеком. К чему бы это?

Герсен, удивившись собственной откровенности, пожал плечами.

— О нем ходит много странных рассказов.

— Это правда. Но я не собираюсь подтверждать их. И вы, наверное, хотите знать, почему?

— Да.

— Я переменял свое мнение относительно вас. Теперь я подозреваю вас в том, что вы соглядатай.

— Будь я соглядатаем, — с улыбкой сказал Герсен, — я едва ли признался бы вам в этом. У «Интергалактопола» не так уж много друзей за пределами Ойкумены, особенно здесь, в Глуши.

— Мне это безразлично, — сказал Тихальт. — Но я надеюсь на лучшие дни, если только вернусь домой. И я вовсе не намерен накликать на себя злобу Малагате своей откровенностью с соглядатаем-шпионом.

— Будь я агентом Конфедерации, — покачал головой Герсен, — вы бы уже давно подвергли себя опасности.

Вы ведь знаете о средствах для извлечения правды и о гипнотических лучах?

— Да. Но я знаю также, как избежать их. Но это сейчас не имеет значения. Это просто несущественно. Вы спросили, каким образом я узнал, что моим попечителем является Малагате? У меня нет возражений по этому поводу. Это уже не тайна, благодаря моей пьяной болтовне. Итак, я находился тогда в Кринктауне. В таверне Син-Сан я много пил и болтал, точно так же, как и с вами сегодня вечером. Правда, тогда слушателей было намного побольше — что-то около дюжины. Да... я приковал к себе их внимание. — Тихальт с горечью улыбнулся. — Вскоре меня вызвали к телефону. Мой собеседник на другом конце линии назвался Хильдемаром Даске. Вы слышали это имя?

— Нет.

— Странно, — качнул головой Тихальт. — Если вы так интересуетесь Малагате, то... Но в любом случае Даске говорил со мной. Вот от него-то я и узнал, что должен прибыть в определенное время в таверну Смейда. Даске сказал, что здесь я встречу Малагате.

— Что? — воскликнул Герсен, не в состоянии контролировать резкость своего голоса. — Здесь?

— Да, здесь. У Смейда. Я спросил, какое это отношение имеет ко мне. Ведь у меня не было никаких деловых связей с этим человеком и я не стремился заводить их. Даске же убедил меня в обратном. И вот я здесь. Я человек не очень-то храбрый, — Тихальт беспомощно махнул рукой и, взяв пустой стакан, беспомощно взглянул внутрь. — И я не знаю, что делать. Если я останусь в Глуши... — Он пожал плечами.

Герсен на мгновение задумался, потом сказал:

— Уничтожьте монитор.

Тихальт печально покачал головой.

— Это залог, которым я покупаю себе жизнь. Впрочем, я бы... — Он на мгновение замолчал. — Вы слышали что-нибудь?

Герсен резко повернулся в кресле. Бесплезно скрывать то, что он нервничает, — во всяком случае, от самого себя.

— Дождь, раскаты грома... И больше ничего.

— Я подумал, что услышал рев ракетных двигателей. — Тихальт поднялся и выглянул в окно. — О, кто-то направляется сюда!

Герсен подбежал к окну.

— Я ничего не вижу.

— На посадочное поле сел корабль,— сообщил Тихальт и на мгновение задумался.— Здесь есть или, вернее, были только два корабля — ваш и Звездного Короля...

— А где ваш корабль?

— Я сделал посадку в долине к северу. Понимаете, мне не очень хотелось, чтобы кто-нибудь ковырялся в моем мониторе, пока я здесь выпиваю и жду этого Малагате.

Разговаривая, Тихальт немного растягивал паузы, словно прислушиваясь к тому, что творилось на улице. Затем, взглянув в глаза Герсена, он сказал:

— Вы не разведчик!

— Что правда, то правда.

Тихальт кивнул.

— Я знал, что прав. Разведчики, как правило, всякий сброд. Но вы, пожалуй, и не из «Интергалактополы», а?

— Считайте меня исследователем.

— Вы, может быть, поможете мне?

Суровые заповеди подготовки Герсена боролись с искренним сочувствием. Он пробормотал:

— В определенных пределах можете рассчитывать на мою помощь. Только учтите, что эти пределы очень узкие.

Тихальт слабо улыбнулся.

— Но мне надо было бы знать рамки этих пределов. Тогда бы я знал, стоит ли в каждом конкретном случае просить вашей помощи?

— У меня неотложное дело. Понимаете — неотложное!!! И я не могу позволить себе отвлекаться по всяким пустякам.

Тихальт не был разочарован, как и не был возмущен. Он не мог ожидать чего-то большего от незнакомца.

— Странно,— снова сказал Тихальт,— что вы ничего не слышали о Хильдемаре Даске. Неужели вы никогда не слышали и клички — «Красавчик»?

— Что вам так дался этот Даске?

— Красавчик вот-вот придет сюда. Вы спросите — откуда я его знаю? Благодаря логике обычного страха.

— Пока кто-то находится внутри таверны, ему нечего бояться. Жизнь находится вне опасности. Не забудьте, что у Смейда есть свои правила.

Тихальт кивнул, вежливо извиняясь за то, что стал причиной замешательства Герсена.

Прошла минута.

Звездный Король поднялся со своего места. Его розовое с красным одеяние блестело, отражая огонь от камина. Медленно, не поворачивая головы ни влево, ни вправо, он стал подниматься по лестнице.

Тихальт проводил его взглядом.

— Впечатляющее создание... Я слышал, что только красивым особям разрешено покидать планету.

— Я тоже слышал об этом.

Тихальт сел, глядя на огонь. Герсен хотел было заговорить, но сдержался. Он почувствовал, что Тихальт его раздражает, и причина этого проста и очевидна: Тихальт пробудил в нем сочувствие. Тихальт нашел путь к его душе и обременил его новыми заботами. Он ощутил недовольство собой, причем без всякой рациональной причины. Бесспорно, его собственные дела были первоочередными, поэтому он не мог позволить себе отвлекаться на что-либо другое. А если эмоции и настроение так легко могли поколебать его, то как же он может уделять должное внимание своим делам?

Неудовлетворенность, от которой было очень тяжело избавиться, становилась все более невыносимой.

Между произошедшим разговором и этим чувством существовала какая-то связь, слишком тонкая для того, чтобы различить ее. Для того чтобы понять, что чувство неудовлетворенности каким-то образом связано с той планетой, которую так красочно описал Тихальт, Герсен сделал сердитый жест, как бы отмахиваясь от надоедливых сомнений и вопросов, возникших в его сознании. Они способны только уменьшить его боеспособность.

Прошло пять минут.

Тихальт засунул руку в пиджак и вынул конверт.

Дверь отворилась. В проеме стояли три темных силуэта, глядя в комнату. Смейд громко закричал из-за стойки:

— Заходите внутрь или оставайтесь снаружи! Я что, должен обогревать эту проклятую планету?

В зал вошло самое страшное человекообразное существо, из всех, кого доводилось видеть Герсену.

— Вот вам и довелось увидеть Красавчика-Даски, — болезненно хихикнул Тихальт.

Ростом Даске достигал шести футов. У него было совершенно цилиндрическое туловище одной и той же ширины от колен до плеч. Худые и длинные руки с большими костлявыми запястьями и огромными кистями, казалось, доставали до пола. Голова этого создания

была также большой и круглой, со взъерошенной огненно-рыжей шевелюрой. Даске выкрасил свою шею и лицо ярко-красной краской, за исключением щек, которые казались ярко-голубыми шарами. На каком-то этапе его карьеры его нос оказался расщепленным на пару зубьев из хряща, а веки были срезаны. Для того чтобы увлажнить роговые оболочки своих глаз, он носил два наконечника, присоединенных к флакону с жидкостью, из которых через каждые несколько секунд выпускался тонкий слой влаги в глаза. У него была также пара заслонок, которые в данный момент были подняты и которые он мог опускать, чтобы прикрыть свои глаза от света.

Двое мужчин за его спиной были, в противоположность ему, самыми заурядными человеческими существами, оба загорелые, крепкие, ловкие. У них были быстрые умные глаза.

Даске бесцеремонно обратился к Смейду, который бесстрастно наблюдал за вновь вошедшими, облокотившись о стойку бара.

— Три комнаты, хозяин, и побыстрее! К тому же позаботьтесь о том, чтобы скорее нас накормить!

— Очень хорошо.

— Меня зовут Хильдемар Даске.

— Очень хорошо, мистер Даске.

Даске кивнул и прошел через всю комнату к тому месту, где сидели Тихальт и Герсен. Его взгляд перебежал с одного на другого.

— Поскольку мы все здесь собратья-путешественники и к тому же гости этого замечательного мистера Смейда, позвольте нам представиться,— сказала эта пародия на человека.— Меня зовут Хильдемар Даске. Могу ли я спросить, кто вы?

— Я — Курт Герсен.

— Я — Килен Таннас.

Губы Даске, бледно-пурпурные на фоне красной кожи лица, сжались в тонкую линию.

— Вы удивительно похожи на некого Луго Тихальта, которого я ожидал встретить здесь.

— Думайте как вам угодно,— произнес Тихальт тонким голосом,— но я назвал вам свое имя!

— О, какая жалость! Ведь у меня такое важное дело к этому самому Луго Тихальту.

— Бессмысленно говорить об этом со мною!

— Как пожелаете. Хотя мне кажется, что дела Луго Тихальта вполне могли бы заинтересовать Килена Танна-

са. Не могли бы вы отойти в сторону для личного разговора?

— Нет! Меня это не интересует. Мой друг может подтвердить, что мое имя — Килен Таннас.

— Ваш друг? — Даске обернулся к Герсену. — Вы что, хорошо знаете этого человека?

— Так же, как и любого другого.

— И его имя Килен Таннас?

— Если это то имя, которое он предложил, то я полагаю, что вам придется принять его без всякого колебания.

Без каких-либо дальнейших замечаний Даске повернулся и вместе со своими людьми уселся за столом в другом конце зала, где их уже ждал обед.

Тихальт глухо произнес:

— Ничего не получилось. Этот Красавчик довольно хорошо знает меня.

Герсен ощутил новый приступ раздражения. Что побуждало Тихальта впутывать незнакомца в свои неприятности, если его личность была давно идентифицирована?

Казалось, ощутив недовольство Герсена, Тихальт поспешил объяснить свою линию поведения:

— Поскольку я не клюнул на его крючок, он думает, что поймал меня в западню, и теперь это забавляет его.

— А как же насчет Малагате? Я думал, что он придет сюда вместе с Даске, чтобы встретиться с вами.

— Лучше было бы, если бы я вернулся в Альфинор и встретился с ним там. Я уже решил. Деньги его я отдам, но ни в коей мере не буду способствовать тому, чтобы он попал на мою планету.

В другом конце зала Даске со своими двумя компаньонами расправлялся с содержимым тарелок из кухни Смейда. Герсен некоторое время наблюдал за ними.

— Похоже, что они в нерешительности.

Тихальт фыркнул.

— Они думают, что я буду разговаривать только с Малагате, поэтому и отказался иметь дело с ними... Но я попытаюсь воспользоваться этим и сбежать. Даске не знает, что я сел за холмами. Вероятно, он думает, что ваш корабль — этой мой.

— Кто эти двое других с ним?

— Убийцы. Они меня довольно хорошо знают еще по таверне в Кринктауне. Первый из них — Тристано-землянин. Он убивает одним прикосновением своей руки. Второй — с сурового Саркоя. Он может приготовить от-

раву даже из песка с водой... Все трое — сумасшедшие, но Даске наихудший из них. Ему знакомы все виды пыток.

В это мгновение Даске взглянул на часы. Вытерев рот тыльной стороной ладони, он поднялся, пересек комнату, склонился над Тихальтом и хрипло прошептал:

— Атель Малагате ждет вас снаружи. Он хочет видеть вас.

Тихальт с отвалившейся челюстью взглянул на него, но Даске уже ковылял назад к своему столику. Трясущими пальцами Тихальт потер лицо и обратился к Герсену:

— У меня все еще есть возможность улигнуть от них, если только у них нет Инфра-ТВ. Но отступать уже некуда. Когда я пойду к двери, вы сможете задержать этих троих?

— А как, вы полагаете, я смогу сделать это? — язвительно скривился Герсен.

Тихальт на мгновение задумался.

— Не знаю...

— И я не знаю, хотя и безумно хотел бы узнать.

Тихальт печально кивнул.

— Что ж, хорошо. Я сам постою за себя. Прощайте, мистер Герсен.

Он поднялся и пошел к бару. Даске скосил взгляд в его сторону, но во всем остальном казался безразличным. Тихальт встал так, чтобы Даске не смог его увидеть, после чего метнулся на кухню, стараясь сделать это так, чтобы Красавчик ничего не заметил. Смейд удивленно посмотрел ему вслед, но затем вернулся к своим занятиям.

Даске и двое убийц продолжали флегматично поглощать пищу, как ни в чем не бывало.

Герсен исподтишка наблюдал за ними. Почему они ведут себя так нарочито равнодушно? Уловка Тихальта была абсолютно очевидна. Герсен почувствовал, как у него покалывает кожа — он стал барабанить пальцами по столу, покрытому бугристой кожей тюленя Томпсона с планеты Олифейн, обладающей способностью накапливать статическое электричество. Несмотря на свое принятое ранее решение, он поднялся и пошел к двери.

Ночь была темной. Тускло светили звезды. Ветра не было, но море накатывалось на берег и откатывалось назад с глухим печальным стоном... Короткий резкий крик донесся откуда-то из-за таверны. Герсен отбросил свое решение ни во что не вмешиваться и бросился вперед. Но...

Его руку зажали как бы в стальных тисках, ущипнув

за нерв сзади локтя. За этим последовал удар по шее. Герсен преднамеренно упал, стараясь освободиться от железной хватки. Неожиданно все его сомнения и раздражение исчезли — он снова стал нормальным человеком. Он перевернулся, вскочил на ноги, принял наполовину согнутую стойку, подавшись слегка вперед.

Перед ним, чуть улыбаясь, стоял Тристано-землянин.

— Осторожно, дружище! — проговорил он с резким земным акцентом. — Не создавай мне лишних хлопот, парень, не то Смейд сбросит твоё тело в море.

Из двери вышел Даске, а за ним появился отравитель с Саркоя. Тристано присоединился к ним, и все трое двинулись к взлётному полю.

Герсен остался на террасе, тяжело дыша и поеживаясь от нерастраченного порыва к действию.

Через десять минут два корабля поднялись в ночь... Первый — приземистый, бронированный, с орудиями на носу и корме. Вторым был потрепанный разведчик марки 9В.

Глава 4

Герсен изумленно смотрел на небо. Вторым был его собственный корабль!

Вскоре небо снова стало пустынным. Курт вернулся в таверну и сел перед камином. Вынув конверт, переданный ему Луго Тихальтом, он открыл его и извлек три фотографии, которые внимательно изучал почти добрый час.

Огонь в камине погас. Смейд отправился в постель, оставив за стойкой дремлющего сына. Снаружи снова забарабанил ночной ливень, стонал океан.

Герсен сидел, глубоко задумавшись. Затем он вынул из кармана лист бумаги, на котором были перечислены пять имен:

Аттель Малагате
Говард Алан Трисонг
Виоле Фалюши
Кокор Хеккус
Ленс Ларке.

Из кармана он вытащил карандаш, но задумался. Если он постоянно будет пополнять свой список именами, то этому не будет конца. Конечно, особой нужды в том, чтобы писать, не было — как и не было особой необ-

ходимости в самом списке. Герсен знал все эти пять имен так же хорошо, как и свое собственное. Он пошел на компромисс. Справа и ниже последнего имени в списке он дописал шестое: Хильдемар Даске.

Огонь совсем потух. Алел только сушеный мох на дне камина. Рев прибора также уменьшился, волны стали реже накатываться на берег. Герсен поднялся и по каменной лестнице направился к себе в комнату.

За всю свою жизнь Герсен привык к постоянной смене чужих кроватей, тем не менее он долго не мог уснуть и лежал, вглядываясь в темноту. Одно за другим проходили перед его взором видения, начиная с самых ранних лет его детства.

Сначала он увидел яркий и красивый пейзаж. Коричневые горы, деревья, как бы нарисованные пастельными красками, вдоль берегов широкой коричневой реки.

Но за этой картиной, как и всегда, следовала другая, еще более живая: тот же пейзаж и беспорядочно валяющиеся, изрубленные, окровавленные тела. Мужчины, женщины и дети, едва волоча ноги, поднимаются под дулами трех десятков людей в необычно мрачных одеждах. Курт Герсен вместе со стариком, его дедом, в ужасе наблюдает за этим с другого берега реки, спрятавшись от захватчиков за остов старой баржи. Когда корабли взмыли в небо, они поднялись и вернулись через реку к мертвой тишине, которую нарушал только негромкий треск прогоревших головешек.

— Твой отец имел много великолепных планов в отношении тебя, — сказал дед, глядя мальчика по голове. — Он хотел, чтобы ты учился. Это принесет тебе жизнь в мире и довольстве. Ты помнишь его слова?

— Да, дедушка.

— Учеба еще впереди. Ты научишься терпению и находчивости, проверишь возможности своих рук и своего ума. Твоя работа будет очень полезной — уничтожение злых людей! Какой труд может быть более полезным? Это Глушь, и ты скоро обнаружишь, что работы для тебя здесь будет очень много, и поэтому, возможно, ты так и не познаешь мирной жизни. Однако я гарантирую тебе достаточное удовлетворение, потому что я научу тебя жаждать крови этих людей сильнее, чем плоти женщин.

И старик сдержал свое слово!

Вскоре они отправились на Землю — главное хранилище всевозможных знаний.

Юный Курт научился многим вещам у сменявших

друг друга преподавателей, перечислить которых подробно было бы весьма утомительным занятием. Первое убийство он совершил в четырнадцать лет, покончив с грабителем, которому повезло наброситься на них на одной из темных улиц Роттердама. И пока его дед стоял рядом, как старый волк, обучающий щенка охоте, юный Курт, сопы и пыхтя, сломал ногу, а затем и шею незадачливому бандиту.

С Земли он отправился на Альфинон, столичную планету скопления Ригеля, и здесь Курт Герсен пополнил свои технические знания.

Когда Герсену исполнилось девятнадцать лет, дед умер, завещав ему внушительную сумму денег и письмо: «Мой дорогой Курт!

Я редко говорил о своей привязанности и расположении к тебе. Сейчас я пользуюсь случаем, чтобы навестить упущенное. Ты стал для меня значить даже больше, чем мой собственный сын. Я не скажу, что жалею о том, что направил тебя по избранному мною пути, хотя на нем тебе будет отказано во многих удовольствиях и удобствах.

Был ли я неправ, решив придать твоей жизни такую форму? Думаю, что нет. В течение нескольких лет ты мог поступать в соответствии с собственными побуждениями, но оказалось, что у тебя нет склонности направить свою жизнь по какому-нибудь иному руслу. В любом случае, я не мог бы придумать более полезной службы для мужчины, чем та, которую я уготовил тебе. Закон человека действует только в пределах Ойкумены. Добро и зло, однако, являются понятиями, распространенными на всю Вселенную. К несчастью, за пределами Ойкумены, в так называемой Глуши, у добра гораздо меньше возможностей торжествовать над злом.

По существу, само это торжество содержит два процесса: во-первых, должно быть искоренено зло, во-вторых, добро должно заполнить получившийся пробел. Невозможно, чтобы один и тот же человек был одинаково эффективным при осуществлении обеих этих функций. Добро и зло, несмотря на широко распространенное заблуждение, не являются полярно противоположными, не являются зеркальными отображениями, так же как одно из них не является просто отсутствием другого. Чтобы свести к минимуму неразбериху, твоей работой будет только уничтожение носителей зла.

Какой же человек является носителем зла? Тот чело-

век, который принуждает других к повиновению ради своих корыстных целей. Тот, кто уничтожает прекрасное, причиняет боль, убивает жизнь. Нужно помнить, что убийство людей — носителей зла вовсе не эквивалентно искоренению зла как такового. Не забывай никогда, что зло является взаимозависимостью между окружением и личностью. Ядовитое семя произрастает только в унавоженной почве. В данном случае такой питательной средой является Глушь, и, поскольку выше человеческих сил изменить там что-либо (она всегда будет существовать), ты должен посвятить свою жизнь уничтожению ее ядовитых спор, которыми и являются злые люди. Это такая задача, конца которой ты никогда не увидишь!

Нашим первым побуждением, не спорю, было всего лишь примитивное стремление к отмщению. Пять капитанов-пиратов уничтожили и обратили в рабство многих из тех, кто был нам дорог. Месть вовсе не такой уж благородный поступок. Имен этих пяти пиратов я не знаю. Мои самые отчаянные попытки не дали необходимой информации. Одного человека, мелкую сошку, мне все же удалось найти. Его имя Парсифаль Панкароу. Он так же скверен, как и те пять капитанов, хотя у него гораздо меньше возможностей творить зло. Ты должен найти его и узнать имена капитанов-пиратов!

Затем ты должен убить всех пятерых, и никакого вреда не будет, если при этом они испытают боль, поскольку сами они причинили гораздо больше страданий и печали другим людям.

Но тебе еще многому надо научиться. Я посоветовал бы тебе поступить в Институт, но боюсь, что дисциплина этого заведения будет противоречить твоему духу. Поступай, как ты сам считаешь нужным. В моей юности я думал стать неофитом, но судьба подготовила мне другое. Будь я другом одного из членов Совета, я бы послал тебя, чтобы ты мог получить у него утешение — но у меня нет такого друга. Возможно, что это даже к лучшему, так как вне Института у тебя будут развязаны руки.

Впрочем, поступай, как ты сам знаешь, только учти, что в течение первых четырнадцати этапов на неофитов налагаются очень суровые ограничения.

В любом случае я советую тебе посвятить немало времени изучению ядов Саркоя. Кроме того, ты должен досконально овладеть техникой рукопашной схватки, и, опять-таки, это лучше всего сделать на самом Саркое.

Тебе нужно значительно повысить меткость стрельбы и

лучше овладеть ножом. У тебя хорошие интуитивные суждения, твое самообладание, сдержанность поступков и разносторонность можно только похвалить. И все же тебе многое еще нужно познать. В течение следующих десяти лет учись, тренируйся, будь осторожен. Есть много способных людей, не рассчитывай на себя, пока не станешь более чем готов. Короче, не делай сверхдобродетель из храбрости или героизма. Хорошая доза осторожности — можешь назвать это страхом и даже трусостью — в высшей степени желательное дополнение к качествам такого человека, как ты, единственной ошибкой которого может стать мистическая, почти суеверная вера в успех своего предназначения. Не позволяй одурачить себя. — все мы люди смертные, что я сейчас и доказал.

Вот так, мой внук, я уже мертв. Я воспитал тебя и надеюсь, что ты в состоянии отличить добро от зла. Я испытываю гордость за свои достижения и надеюсь, что ты будешь помнить обо мне с любовью и уважением.

Твой любящий дед Рольф Марр Герсен.

В течение одиннадцати лет Курт Герсен послушно выполнял все предписания своего деда. Одновременно с этим он не переставал искать, как в самой Ойкумене, так и за ее пределами, Парсифаля Панкароу. Но пока все было безрезультатно.

Не многие занятия могли предложить такой вызов, такой азарт, такие остужающие неудачи в случае некомпетенции в сравнении с тем, что давала служба агента «Интергалактопола». Герсен получил два поручения, на Фараде и на Голубой Планете. Во время выполнения второго он сделал запрос на информацию, касающуюся Парсифаля Панкароу, и был вознагражден, узнав, что в настоящее время этот человек живет в Кринктауне под именем Айры Багнолооса. Он работает маклером в одной процветающей фирме.

Кринктаун был расположен на плато, которое стояло, как остров, среди черных и оранжевых джунглей. Герсен следил за всеми передвижениями Панкароу в течение двух недель, изучив тем самым весь его распорядок дня, который свидетельствовал о удивительной беззаботности этого человека.

Затем, как-то вечером, он нанял кэб, лишил водителя сознания и стал ждать возле одного из клубов, пока Панкароу не устанет от своих собутыльников и не появится на влажной ночной улице. Самодовольный Панкароу, напевая один из только что услышанных мотивов, плюх-

нулся в кэб и был отвезен не в свой роскошный особняк, а на одну удаленную поляну в джунгли. Здесь Герсен и задал ему несколько вопросов, на которые у Панкароу не было желания отвечать.

Панкароу сделал было даже попытку прикусить свой язык, чтобы не расколотся, но в конце концов пять имен были все же выжаты из его памяти.

— Что же вы теперь со мной сделаете, сэр? — почти-тельно проквашал в конце бывший Айра Банглоос.

— Просто убью! — сказал Герсен, все еще бледный и дрожащий после упражнений, не доставлявших ему никакого наслаждения. — Я сделал из вас своего врага, и поэтому вы не заслуживаете ничего лучшего, как смерть. А за все ваши преступления против людей вы сто раз заслуживаете смерть!

— Нет! — закричал вспотевший Панкароу. — Нет! Не сто раз! Один раз — да, но не сто раз! Теперь я веду безупречную жизнь! Я больше не причиняю никому вреда!

Герсену стало не по себе: что, если каждый подобный случай будет вызывать у него такую тошноту и отвращение? Сделав над собой усилие, он жестко сказал:

— То, что вы только что сказали, наверное, правда. Но ведь все ваше богатство пропитано кровью невинных людей! А кроме того, если я вас сейчас отпущу, вы не преминете сообщить о нашей встрече кому-нибудь из тех пятерых, имена которых вы только что выдали.

— Нет! — сдавленный крик поверженного противника прервал высказывания Герсена. — Клянусь вам, что нет! А что касается моего богатства — заберите его! Оно ваше, только отпустите меня!

— Где ваше состояние?

Панкароу попытался было договориться об условиях:

— Я отведу вас туда.

Но Герсен печально покачал головой.

— Примите мои извинения... Сейчас вы умрете. Не надо печалиться — это в конечном итоге происходит со всеми людьми, и сейчас лучше бы вы подумали о том, чем бы отплатить за все то зло, которое вы причинили...

— Под моим надгробным памятником! — закричал Панкароу. — Все мое состояние находится под каменной плитой перед моим домом!

Герсен прикоснулся к шее Панкароу трубкой, которая впрыснула под кожу яд с Саркоя.

— Я пойду взглянуть,— сказал он.— Вы будете спать, пока мы не увидимся снова.

Герсен говорил вполне убедительно, и Панкароу с благодарностью расслабился и через несколько секунд умер.

Герсен вернулся в Кринктаун, обманчиво мирное поселение из высоких богато украшенных трех-, четырех- и пятиэтажных домов, окруженных зелеными, фиолетовыми и черными деревьями. Когда наступили сумерки, он лениво двинулся по тихой аллее к дому Панкароу. Каменный надгробный памятник стоял прямо перед домом: массивный монумент из мраморных шаров и кубов, увенчанных скульптурными изображениями Парсифаля Панкароу в разных позах. Прямо перед ним одна из скульптур «Наглосса» — стояла в благородной позе, с откинутой назад головой и взором, устремленным в небо. Впечатление благородства позы усиливалось простертыми вверх руками каменного изваяния, как скептически отметил про себя Герсен. Он стоял и рассматривал это чудо искусства, когда по ступенькам сошел мальчик лет тринадцати-четырнадцати и приблизился к нему.

— Вы от моего отца? Он у этих жирных женщин?

Герсен ожесточил свое сердце, чтобы выдержать угрозы совести, и отбросил всякие мысли о конфискации имущества Панкароу.

— Я пришел передать тебе весть от твоего отца,— вежливо наклонил голову Курт, произнося ритуальные слова.

— Может, пройдем в дом? — справился мальчик, немного оробев.— Я сейчас позову маму.

— Нет! Пожалуйста, не надо. У меня совсем нет времени. Слушай внимательно, малыш. Твоего отца вызвали. Куда — это тайна! Он не уверен, что сможет знать, когда вернется. Возможно, что уже никогда.

Мальчик слушал, вытаращив глаза.

— Он что, сбежал?

Герсен кивнул.

— Да. Какие-то старые враги разыскивали его, и теперь он не сможет здесь показываться. Он велел сказать тебе или твоей матери, что деньги спрятаны под надгробной плитой этого памятника.

Мальчик взглянул на Герсена.

— Кто вы?

— Вестник, и не более. Передай своей матери, малыш, все в точности. Не забудь. И еще одно: когда будете

смотреть под надгробьем, будьте осторожны. Там может быть какая-нибудь ловушка, чтобы сохранить деньги от грабителей. Ты догадываешься, о чем я говорю?

— Да, сэр.

— Будь осторожен, малыш. Пусть кто-нибудь из мужчин, кому вы с матерью можете довериться, поможет вам.

Герсен покинул Кринктаун. Он подумал о планете Смейда с присущим ей спокойствием и уединением в качестве прекрасного противоядия от его капризной совести... «Где,— спросил он у самого себя, как только корабль-разведчик стал тормозиться во временно-пространственном континууме,— лежит равновесие?» Он по всем меркам достиг точки опрокидывания. Парсифаль Панкароу заслужил казнь. Но как же тогда его жена и сын? Разве малыш заслуживает того, чтобы больше не знать отца? Он будет очень страдать. И разве это справедливо? Почему он должен страдать?»

Как ни пытался Герсен убедить себя, что он поступил правильно, притаившаяся печаль в глазах мальчика навсегда осталась у него в памяти.

Судьба вела его дальше. Первое, о чем зашел разговор в таверне Смейда, было имя Малагате-Горе, и именно это имя первым выдавил из себя Парсифаль Панкароу. Лежа в постели, Герсен глубоко вздохнул. Панкароу мертв. Бедный, жалкий Луго Тихальт, скорее всего, тоже мертв. Все люди смертны. Зачем задумываться над этим? Он ухмыльнулся в темноте при мысли о том, как Малагате и Даске-Красавчик будут проверять монитор его корабля.

Для начала, они не смогут своим ключом открыть автопилот — это довольно трудно преодолимое препятствие для людей, которые не знают правильного кода. К тому же, вся трудность усугубляется и тем, что они готовятся встретить при вскрытии всякие подвохи — взрывные устройства, аэрозоли с отравляющим газом или кислотой... И когда после немалых усилий эти типы все-таки извлекут память монитора, она окажется пустой. Толку от монитора Курта Герсена было не больше, чем от занавесок на окнах: он никогда не удосуживался активировать его.

Малагате вопросительно взглянет на Даске-Красавчика, который пробормочет что-то вроде оправдания.

Возможно, что тогда они решат проверить серийный номер корабля и обнаружат, что это не тот корабль, который получил некогда в аренду Луго Тихальт. И тог-

да — немедленное возвращение на планету Смейда. Но Герсен уже уйдет.

Глава 5

Герсен проснулся в незнакомой постели. Через маленькое квадратное окошко виднелось пасмурное небо. Он оделся и по каменной лестнице спустился в холл, где увидел, как один из сыновей Смейда, загорелый малый лет двенадцати со строгим лицом, пытается вдохнуть жизнь в угли камина. Он поздоровался с Герсеном, бросив отрывистое: «Доброе утро», но не высказал ни малейшего желания продолжить разговор. Герсен вышел на террасу. Утренний туман клубился над поверхностью моря и вересковыми пустошами, все вокруг казалось унылым и причудливо одноцветным. Чувство полнейшей изоляции было в высшей степени удручающим. Герсен вернулся в холл и направился к разгоревшемуся камину, чтобы согреться.

Мальчик подметал пол возле камина.

— Прошлым вечером произошло убийство, — сказал он Герсену. — Маленький худой человек все-таки был убит. Сразу же за сараем для сушки мха.

— Там было найдено тело? — поинтересовался Герсен.

— Нет. Тела не было. Они забрали его с собой. Трое мерзавцев, возможно, четверо. Отец вне себя от ярости, ведь они сделали свое грязное дело внутри изгороди!

Герсен покачал головой, недовольный любым из аспектов сложившегося положения. Он попросил завтрак, и вскоре ему принесли еду. Пока Курт ел, карликовое солнце поднялось над горами — крохотная белая облатка, едва видимая сквозь туман. С моря тянуло ветром, и, когда Герсен снова вышел наружу, небо уже было чистым, хотя маслянистая поверхность моря еще во многих местах была укрыта клочьями тумана.

Герсен пешком отправился на север вдоль пляжа, зажатого между морем и горным обрывом. Под ногами был толстый ковер из губчатого серого мха, источавшего запах резины. Герсен взобрался на обрыв и в узкой долине в нескольких милях от таверны нашел корабль Тихальта. Он произвел его проверку. Корабль был действительно марки 9В, привод и механизмы управления казались исправными. В нише носовой части размещался монитор, который стоил бедному Тихальту жизни.

Герсен возвратился в таверну. Его первоначальный план провести здесь несколько дней следовало изменить. Малагате мог обнаружить свою ошибку и вернуться вместе с Хильдемаром Даске и двумя убийцами. Они захотят забрать монитор Тихальта, а именно этого решил не допустить Герсен, хотя он не собирался рисковать своей жизнью, пытаясь сохранить автопилот в своих руках.

Возвращаясь в таверну, он заметил, что взлетное поле опустело. Звездный Король покинул планету Смейда. Сегодня утром? Или в течение ночи? Герсен не имел представления об этом. Он рассчитался с хозяином и, повинуясь какому-то неосознанному импульсу, уплатил по счету Луго Тихальта. Смейд ничего не сказал по этому поводу. Чувствовалось, что он едва сдерживает ярость. Конечно, причиной его ярости был не Луго Тихальт, понял Герсен. Убийца, кто бы он ни был — Даске обронил упоминание об Аттеле Малагате, — поправил закон Смейда, он причинил ущерб Смейду. Герсен ощутил даже некоторое злорадство, которое ему с большим трудом удалось скрыть. Вежливо он справился:

— Когда покинул таверну Звездный Король?

В ответ на это Смейд только бросил злой взгляд на Герсена.

Курт собрал свою небольшую поклажу и покинул таверну, отклонив предложение о помощи со стороны двенадцатилетнего паренька. Он еще раз пересек серый вереск, двигаясь к северу. Поднявшись на обрыв, он обернулся в сторону таверны. Она стояла прочно и безопасно на берегу черного, обдуваемого всеми ветрами моря — стояла совершенно одиноко. Герсен в сомнениях покачал головой и сказал сам себе:

«Все одинаковы. Всей душой куда-то стремятся, а когда приходят туда — удивляются, зачем они это сделали».

Еще несколько минут — и вот он поднял корабль в воздух, вывел его в космос и направил в сторону Ойкумены, включив предварительно Расщепитель. Планета Смейда мгновенно ушла из-под кормы и исчезла вместе со своим карликовым солнцем, слившись в одну крохотную искорку среди миллионов ей подобных. Исчезло всякое ощущение расстояния, уступив место оптическим иллюзиям. Глаз как прибор потерял всякое значение, потому что не мог уже разобраться в окружившем корабль хаосе мерцающих и кружащихся звезд.

Глава 6

Герсен установил звездный определитель по индексу Ригеля, активировал автопилот и устроился поудобнее, насколько это позволяла спартанская простота модели 9В.

Посещение таверны Смейда сослужило ему неплохую службу, хотя это и было оплачено жизнью Луго Тихальта.

Малагате нужен монитор Тихальта, именно это являлось предпосылкой, которая обуславливала ход дальнейших событий. Малагате захочет вступить в переговоры, сам или через какого-нибудь из своих агентов. «Хотя,— подумал Герсен,— он почему-то счел необходимым убить Тихальта собственноручно...».

В этом было что-то загадочное.

Почему была необходима смерть Луго Тихальта? Откровенная злоба со стороны Малагате? Вполне возможно. Но Малагате убивал и производил опустошения в столь широких масштабах, что отнять жизнь у одного жалкого человека было для него пустяком, вряд ли доставлявшим хоть какое-нибудь удовлетворение.

Гораздо более вероятным мотивом убийства могла оказаться привычка, выработанный за много лет шаблон. Для того чтобы прервать отношения с человеком, который мог в дальнейшем стать помехой, Малагате проще всего было его убить...

Третья возможность: может быть, Тихальт зашел слишком далеко в раскрытии анонимности, которой Малагате из всех Демоньев-Тьмы придавал наибольшее значение? Герсен попытался поподробнее вспомнить разговор с Тихальтом. Несмотря на свой потрепанный и удрученный вид, Тихальт казался человеком образованным. В его жизни были гораздо более лучшие дни. Почему он обратился к пользующейся сомнительной репутацией профессии разведчика?

На этот вопрос, конечно, ответа не было. Почему человек начинает действовать в каком-нибудь направлении? Почему и как человек, который рождается от обыкновенных родителей, становится Аттелем Малагате-Горе?

Тихальт намекал на то, что Малагате каким-то образом связан с наймом разведывательных кораблей. Не упуская из виду эту мысль, Герсен произвел тщательную проверку корабля. Он нашел традиционную медную дощечку с указанием места производства:

«Ливерстоун. Планета Фиам. Скопление Ригель».

К монитору тоже крепилась бронзовая табличка с указанием серийного номера и производителя:

«11154/6587 Компания точных приборов «Ферици», город Сансонтиана, планета Оллифейн».

Но ему не удалось найти ни каких-либо указаний на владельца, ни регистрационного свидетельства.

Значит, при необходимости можно было проследить принадлежность корабля косвенным путем. Герсен всесторонне обдумал, как это сделать. Монополии по торговле недвижимостью владеют двумя третями всего парка кораблей-разведчиков. Предметами их торговли являются миры со специфическими характеристиками: планеты с высоким содержанием ценных минералов в коре; планеты, пригодные для колонизации группами инакомыслящих, достаточно приятные для того, чтобы служить местами отдыха для миллионеров; планеты, флора и фауна которых настолько экзотичны, что служат приманкой для биологов или дельцов по поставке экспонатов в музеи и зоопарки; гораздо реже — планеты с разумной или полуразумной жизнью, представляющие интерес только для социологов, этнографов, лингвистов и тому подобных.

Компании по торговле недвижимостью были сосредоточены в космополитических центрах Ойкумены: на трех-четырех планетах Скопления, главной из которых была Альфинор, на некоторых планетах Веги и Кассиопеи и на старой Земле. Местом старта, если следовать логике, должно быть только Скопление, но это при условии, что Луго Тихальт работал на одну из компаний Ригеля. Но Курт помнил, что Тихальт намекал на что-то противоположное.

Таким образом, сфера расследования значительно сужалась. После монополий главным нанимателем разведчиков были университеты. Тут Герсену пришла в голову одна мысль. Если Тихальт когда-нибудь был студентом или сотрудником определенного лица, колледжа или университета, то он, скорее всего, обратился бы в это самое учреждение в поисках работы.

Однако тут Герсен поправил себя: такая связь вовсе не была обязательной. Человек гордый, имевший друзей и знакомых, которые помнили бы его, мог бы воспользоваться этой возможностью только в крайнем случае, при крайней необходимости. Но был ли Тихальт гордым

человеком? Именно в этом смысле — не особенно! Тихальт как раз и был таким человеком, который мог бы с легкостью обратиться за помощью в свою альма-матер.

Другой очевидный источник информации — компания точных приборов «Ферици» в Сансонтиане, где монитор должен быть обязательно зарегистрирован на имя покупателя. И это направление Герсену больше нравилось — была еще одна причина, по которой было просто необходимо посетить фирму «Ферици»: Курт хотел открыть монитор и извлечь содержащуюся в нем информацию. А для этого ему нужен был ключ. Мониторы зачастую были снабжены предохранительными устройствами от чужого проникновения, устройствами в виде взрывных капсул или ампул с окислителем: насильственное извлечение содержимого редко приводило к получению полезной информации.

Служащие фирмы «Ферици» могли помочь Герсену в безопасном открывании монитора, но в равной степени могли остаться и равнодушными к его просьбе. Сансонтиана была населена брэйгианцами, представителями одного из девятнадцати независимых народов Оллифейна. Брэйгианцы слыли своевольными, упрямыми, весьма своеобразными людьми. Закон Скопления, однако, не признавал частных заявок вне пределов Ойкумены и не потворствовал применению взрывных предохранителей. Исходя из этого, был издан закон, по которому для оборудования на борту космических кораблей «производителям подобных устройств (мониторов) предписывается предоставлять ключи, активирующие устройства, дешифраторы, последовательности чисел и любые другие устройства, инструменты либо информационные сведения, необходимые для безопасного открывания приборов. Такое представление должно быть осуществлено без задержки, обжалования, преднамеренного ввода в заблуждение, завышения оплаты или каких-либо иных действий, рассчитанных на задержку просителя при получении ключа, декодирующего устройства или необходимой информации во всех тех случаях, когда проситель способен предъявить свои права на владение указанным прибором. Представление серийной таблички, первоначально или впоследствии прикрепленной изготовителем к прибору, должно считаться достаточным и правомочным свидетельством права на собственность».

Исходя из таких правил, Герсен вполне мог требовать и надеяться получить ключ. Но компания могла

не предоставлять сведений относительно прежней регистрации прибора. Особенно, если бы Малагате заподозрил, что Герсен может прибыть в Сансантиану с целью выяснить личность владельца монитора. Вполне возможно, что Аттель уже предпринял определенные шаги для предотвращения разглашения такой информации.

Подобная мысль открывала целый набор новых возможностей. Герсен нахмурился. Не будь он таким осторожным, все эти варианты могли и не прийти ему в голову. При этом он был бы избавлен от изрядной доли сомнений и проблем, но, скорее всего, при этом он и умер бы быстрее... Он покачал головой и принялся за звездные карты.

Неподалеку от курса его корабля находилась звезда Лебедь 7342. Население ее планеты Эувилль, неприятное и подверженное психозам, жило в пяти городах: Они, Ми, Че, Дан и Ви, каждый из которых был построен в виде пятиугольника с центральной пятиугольной цитаделью. Космопорт, расположенный на отдаленном острове, имел оскорбительное прозвище среди населения Галактики — «Клоака». Все, что нужно было Герсену, можно было найти в этом космопорте. У него не возникло никакого желания посещать эти города, поскольку для посещения каждого требовалось вместо пропуска сделать татуировку в виде звезды на лбу, причем для каждого города — своего цвета. Для того чтобы посетить все пять поселений эувилльцев, предполагаемый турист должен был предъявить все пять звезд: черную, оранжевую, лиловую, желтую и зеленую.

Глава 7

Расположенный точно впереди, Ригель казался яркой бело-голубой точкой, в сиянии которой блекли другие звезды. Единственное, что сейчас оставалось делать Герсену, — это размышлять о цели своего полета, борясь с напряженностью и беспокойством, растущими все более по мере того, как увеличивалось количество возможных вариантов поведения Аттеля Малагате и соответствующих ответных ходов Герсена.

Проблема номер один: где совершить посадку? Не нарушая законов, он мог посадить свой корабль в любом из ста восьмидесяти трех космопортов на двадцати двух из двадцати шести миров. Кроме того, он мог воспользо-

ваться и бесчисленными пустынями и незаселенными местами, при этом, правда, рискуя подвергнуть себя аресту за нарушение карантинных правил.

Насколько сильно Малагате хотел заполучить монитор Тихальта? Устроит ли он наблюдение за каждым из космопортов? Теоретически это можно было бы сделать, подкупив служащих. Наиболее дешевым и действенным способом было бы объявление внушительной награды тому, кто сообщит о прибытии Герсена. Конечно, он мог бы предпочесть совершить посадку и в другой планетной системе, и, разумеется, было бы затруднительно установить надзор за всеми космопортами Ойкумены.

Но в намерения Герсена совсем не входило стремление где-то укрыться. Ему необходимо было узнать, кто скрывается под именем Малагате. Для выполнения этой задачи напрашивалось два способа: он мог бы проследить за регистрационным номером монитора, либо ждать, пока на него не выйдет кто-нибудь из людей Малагате, а затем проследить за ним и выяснить все ступени власти в этой преступной организации, вплоть до самого верха.

Магалате же, скорее всего, примет во внимание намерение Герсена извлечь содержимое монитора и поэтому, вероятно, будет проявлять особенную бдительность в космопорте Киндьюн, обслуживающем Сансонтиан.

Но тем не менее, основываясь на целом ряде определенных причин, Герсен решил сесть в Главном межпланетном космопорте в Авенте.

Он приблизился к Альфинору, спустился на посадочную орбиту, перевел автопилот в режим стандартной автоматической посадки и вновь откинулся в кресле. Ревя тормозными ракетами, корабль сел на обожженную землю посадочного поля.

Двигатели выключились, и наступила тишина. Автоматически зашипели клапаны, выравнивая давления между кабиной и атмосферой планеты.

Прибыли чиновники космопорта в автомобиле на воздушной подушке. Герсен ответил на вопросы, подвергся краткой медицинской проверке, получил пропуск на выход из космопорта и проводил чиновников из корабля.

Вскоре прибыл автокран, поднял корабль и отвез его на свободное место на стоянке, расположенной в дальнем конце поля.

Герсен спустился на землю, чувствуя себя странно

уязвимым вне надежных стен корабля. Подозвав рукой ближайшую летающую тарелку-робота, он собрался заняться демонтажем монитора. Но тут из-за корпуса ближайшего корабля вышли двое, и Герсен мгновенно узнал одного из них — уроженца Саркоя, который сопровождал Хильдемара Даске в таверне Смейда.

Когда они приблизились, Герсен сделал вид, что не заметил их появления, но все его органы чувств напряглись до такой степени, что ни одно их движение не могло остаться незамеченным. На уроженце Саркоя был скромный темно-серый костюм, на лацканах блистали опалы. Его спутник, худой мужчина с соломенного цвета волосами и быстрыми светло-серыми глазами, был одет в свободный рабочий комбинезон синего цвета.

Они остановились в двух шагах от него и стояли, казалось, без особого интереса наблюдая за незнакомцем. Герсен также принял безразличный вид и лишь скользнул глазами по прищельцам, хотя по коже у него пробежали мурашки и бешено заколотился пульс. Уроженец Саркоя прошептал что-то своему спутнику и подошел еще ближе.

— Мне кажется, что мы встречались с вами,— спокойно, но немного язвительно произнес он.

— Ваше имя мне неизвестно, сэр,— пожал плечами Герсен, не отрываясь от своего дела.

— Меня зовут Сутиро. Мивиж Сутиро.

Герсен внимательно посмотрел на саркоита: перед ним стоял человек среднего роста с удивительно плоской головой, характерной для жителей степной зоны Саркоя,— ширина его лица была больше, чем длина. У него были тусклые невыразительные оливковые глаза, вздернутый нос с темными ноздрями, широкий рот с толстыми губами — лицо, сформированное более чем тысячью годами эволюции и близкородственных браков.

Обитатели Ойкумены были весьма невысокого мнения о жителях Саркоя, прежде всего из-за отвратительных привычек в еде и чрезмерной активности и неприкрытости сексуального поведения, зачастую превращавшегося в откровенный эксгибиционизм. С презрением относились и к любимому на Саркое виду спорта, известному под названием «харбит», который заключался в избивании хари-кана, крупного, покрытого щетиной полуразумного двуногого существа, населяющего леса северной части планеты. Несчастное создание, доведенное до крайности голодом, загонялось в круг людей, вооруженных вилами и

факелами, приводилось в состояние бешенства огнем и удерживалось в центре круга при каждой попытке бегства.

Саркой, единственная планета звезды Змееносца, была миром мрачных степей, болот, дремучих лесов и трясин. Саркоиты жили в высоких деревянных домах, окруженных частоколом из стволов деревьев. Даже самые крупные их города нередко подвергались набегам бандитов и кочевников из полупустынь.

Саркоиты, по традиции и накопленному опыту, были законченными отравителями. Убить человека каждый из них мог очень легко — просто пройдя рядом с ним.

Глядя на саркоита, Герсен не смог уловить признаков так называемого «дыхания смерти», характерного для наемных убийц. Эта привитая способность укорачивала их жизнь, а внешне она проявлялась в желтоватой глянцевиной коже и жестких, тусклых волосах. Кожа Сутиро была бледно-матовой, волосы — блестящими, черными и курчавыми, на правой щеке Герсен заметил маленький мальтийский крест одного из аристократических кланов Саркоя.

— Прошу прощения, уважаемый Сутиро, но ваше имя я слышу впервые. Не помню, чтобы мы с вами где-то встречались, — сказал Герсен.

— О! — Глаза Сутиро расширились, когда он услышал почтительные слова Герсена. — Вы бывали на Саркое? На нашем любимом зеленом Саркое, с его безграничными степями и веселыми фестивалями?

— Веселыми, пока есть еще хариканы! А что будет, когда вы замучаете последнего?

Сутиро, как представитель расы, привыкшей спокойно переносить все оскорбления, не подал виду, что заметил обидные слова Герсена.

— Будем веселиться друг с другом. Я вижу, что вы хорошо знакомы с моей планетой.

— Довольно неплохо. Возможно, вы могли видеть меня на Саркое.

— Нет, — уклончиво ответил Сутиро. — Мы виделись с вами совсем в другом мире, и притом недавно.

Герсен покачал головой.

— Это невозможно. Я только что прибыл из Глуши.

— Вот именно. Там мы и встречались. В таверне Смейда.

— Неужели?

— Да. Я прибыл туда с несколькими попутчиками, чтобы встретить своего друга Луго Тихальта. Разволно-

вавшийся Луго покинул планету Смейда в вашем корабле. Разве вы не обнаружили этого?

Герсен засмеялся.

— Будь у Тихальта намерение извиниться передо мною, я уверен, что он обязательно нашел бы меня.

— Точно,— кивнул Сутиро.— Луго Тихальт послал меня уладить ваши взаимоотношения. Он просит прощения за допущенную ошибку и желает только, чтобы я принес ему его монитор.

Герсен покачал головой.

— Вы не сможете забрать его.

— Нет? — Сутиро подвинулся поближе.— Луго предлагает вам тысячу СЕВов (стандартных единиц валюты Ойкумены) в качестве компенсации за допущенную ошибку.

— Я приму их с благодарностью. Давайте деньги.

— А монитор?

— Я верну его, когда Тихальт сам прибудет за ним.

Худошавый спутник Сутиро раздраженно цокнул языком, но Сутиро только улыбнулся.

— Но как же это получается? Вы получите свои деньги, а монитор нам не отдадите? Где же справедливость?

— А зачем вам этот монитор? Во-первых, это монитор Луго Тихальта, поэтому я отдам этот прибор только ему. Во-вторых, передача мне денег является вполне законной операцией, если только Тихальт поручил вам это. Можете полагаться на мою честность.

— Мы не собираемся испытывать вашу честность,— прервал его Сутиро.— Мы просто предлагаем вам, чтобы вы сейчас же, здесь, отдали нам монитор.

— Ну уж если начались угрозы, то монитора вам не видать как своих ушей. По-моему, у меня возникает желание самому заняться его содержанием.

— Об этом не может быть и речи!

— Что ж, попробуйте остановить меня,— Герсен возобновил прерванную работу и снял пломбы с кожуха монитора.

Сутиро спокойно наблюдал за этим. Он сделал знак художу, тот сделал несколько шагов назад и оглянулся по сторонам.

— Я бы мог остановить вас так неожиданно, что вы превратились бы в мраморную статую,— он взглянул через плечо на художу, который кивнул. Сутиро показал оружие, которое внезапно появилось у него в руке.— Я могу

вызвать у вас сердечный приступ, кровоизлияние в мозг или спазмы кишечника — по вашему усмотрению!

Герсен прекратил работу и глубоко вздохнул.

— У вас впечатляющие аргументы. Платите мне пять тысяч СЕВов.

— Я мог бы ничего не платить! Но вот та тысяча, о которой я уже упоминал.

Он швырнул Герсену пачку банкнот, затем дал знак своему напарнику, который сейчас же подошел к Герсену и, взяв инструменты в руки, начал со знанием дела демонтировать монитор. Герсен подобрал деньги, пересчитал их и отошел в сторону. Худой передал монитор Сутиро, тот бросил его в сумку и, не проронив больше ни слова, повернулся и пошел прочь. Худой бросился его догонять. Герсен тихо засмеялся. Это был тот монитор, который он купил и установил на Зувилле за четыреста СЕВов. Монитор же Тихальта находился в безопасном месте внутри корабля.

Герсен возвратился на корабль и задраил все люки. Главным теперь было время. Сутиро понадобится около десяти минут, чтобы сообщить о своем успехе Даске или, возможно, самому Малагате. Во все космопорты будут сейчас же отосланы директивы о снятии тревоги. Малагате получит монитор, если Герсену посчастливится, через несколько часов, а может быть, и дней, в зависимости от стечения обстоятельств. Возникнет еще добавочная задержка, когда будет обнаружена подмена, и тогда организация Малагате вновь будет приведена в состояние боевой готовности, сосредоточив свое внимание на компании точных приборов «Ферици» в Сансонтиане на Оллифейне.

К тому времени Герсен надеялся уже побывать там и, разузнав все необходимое, смыться. Поэтому, не теряя больше времени, Курт включил ракеты, поднялся в голубое небо Альфинора и направил свой корабль на Оллифейн.

Глава 8

Герсен приземлился в космопорте Киндьюна и, прихватив с собой в портфеле монитор Тихальта, сел в метро, ведущее в Сансонтиану. Насколько он мог судить, никто не обратил внимания на его прибытие и никто не последовал за ним.

Но теперь времени оставалось все меньше. В любое мгновение Малагате поймет, что его одурачили, и попытается отомстить.

Некоторое время после свидания с Сутиро Герсен чувствовал себя в безопасности, но тем не менее он произвел несколько классических маневров, чтобы обезопасить себя от «прилипал» (трейсеров). Существовало, по крайней мере, пять разновидностей так называемых «прилипал», пригодных для всевозможных случаев. Этим названием земных морских рыб называли оптические ячейки на вращающихся крыльях, управляемые оператором на расстоянии; кроме того, существовали и автоматически действующие ячейки, которые следовали за радиоактивной или монокрематической нашлепкой, незаметно прикрепленной на определенного человека или экипаж. Были еще шпионы-кульпы, полумозговые летающие создания, специально выдрессированные для следования за объектом, представляющим интерес. Они были умны, послушны, всегда готовы к сотрудничеству, но сравнительно велики, и поэтому их было легко заметить. К «прилипалам» относили также и птиц-шпионов Манкса — созданий меньших размеров и менее навязчивых. Выдрессированные так, чтобы выполнять слежку, они, однако, были не столь покорны и понятливы, как кульпы, да к тому же еще более агрессивны. И, наконец, была еще одна разновидность птиц Манкса — похожие на предыдущие создания, но снабженные устройством управления.

Не обнаружив ничего подозрительного, Герсен поместил монитор в автоматическую камеру хранения на станции пересадки под отелем «Ранунцель», оставив при себе только медную дощечку с серийным номером. Затем он отправился экспрессом в лежащую в восьмидесяти милях к югу Сансантиану. Прибыв туда через пятнадцать минут, он узнал в справочном бюро адрес компании «Ферици» и вскоре вышел со станции всего в нескольких метрах от проходной в самом центре района Ферристуун, мерзкого нагромождения промышленных зданий и складов с затесавшимися среди них случайными тавернами, представляющими из себя красочно оформленные уголки среди кирпича, труб и металла.

Начинался день, но брусчатка мостовой еще была темной от ночного дождя. Улицы загромождали шестиколесные фургоны, и казалось, что весь район наполнен непрекращающимся гулом машин. Пока Герсен шел

пешком к проходной, раздался резкий короткий звук сирены, означавший пересмену. Сейчас же тротуары заполнились рабочими. Это были бледные люди с невыразительными, не улыбающимися лицами, одеты в теплые комбинезоны серого, темно-серого или желто-коричневого цвета. Костюм дополняли черные или белые пояса и черные круглые шапки. Все это было стандартной одеждой, которую выдавало правительство, такое же бескомпромиссное, осторожное и лишенное чувства юмора, как и его избиратели.

Прозвучали еще два отрывистых сигнала сирены, и, как по мановению волшебной палочки, улицы опустели — рабочие опрометью бросились в здание, как тараканы от внезапно включенного света.

Мгновением позже Герсен подошел к раскрашенному бетонному фасаду, на котором большими бронзовыми буквами было выведено: «Ф Е Р И Ц И», а пониже крючковатым шрифтом: «точные приборы».

Снова возникла необходимость раскрыться перед противником — перспектива не очень приятная. Однако тут он ничего не мог поделать. Герсен прошел через проходную в длинный, тускло освещенный коридор, затем в бетонный туннель, который через полсотни шагов вывел его к конторе предприятия. Здесь к нему подошла молодая уже женщина приятной наружности, с хорошими манерами, одетая в темно-синий комбинезон (в соответствии с местными правилами женщины на работе носили мужскую одежду) с черным поясом. Узнав в Герсене инопланетянина неизвестной касты, она любезно поклонилась и спросила низким почтительным голосом:

— Чем, сэр, мы можем служить вам?

Герсен протянул ей медную табличку:

— Я утратил ключ от своего монитора, и мне нужен его дубликат.

Женщина заморгала от неожиданности и на мгновение как будто забыла о хороших манерах. Она нерешительно взяла табличку, держа ее между большим и указательным пальцами, как будто она была заразной, и отвела глаза в сторону.

— Так что же? — спросил неожиданно резким голосом Герсен.

— Сейчас новые правила, — пробормотала женщина. — Мне предписано... я должна посоветоваться с Главным контролером Мосенсеном. Простите меня, сэр...

Она почти на цыпочках направилась к боковой двери

и скрылась. Герсен ждал, нервничая куда больше, чем следовало. Такое возбуждение затрудняло ясность мышления, искажало точность наблюдения... Женщина медленно возвращалась к барьеру в конторе, все время оглядываясь по сторонам и стараясь не смотреть Герсену в глаза.

— Один момент, сэр. Пожалуйста, подождите... Нужно посмотреть кое-какие записи... Вы сами понимаете, когда спешить...

— А где табличка с серийным номером, которую я вам только что отдал?

— Главный контролер Мосенсен забрал ее.

— В таком случае я хотел бы сейчас же переговорить с этим Главным контролером Мосенсеном.

— Сейчас спрошу у него.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказал Герсен и, не обращая внимания на ее протестующий крик, быстро прошел мимо нее во внутренний кабинет.

За столом сидел тучный мужчина с одутловатым лицом, в причудливом голубовато-сизом одеянии, говоря с кем-то по телефону и разглядывая табличку с серийным номером, которую он держал в руке. Увидев Герсена, он поднял брови, челюсть его отвисла от неожиданности и страха. Он быстро опустил телефонную трубку и, прежде чем закричать, быстро окинул взглядом одежду вошедшего.

— Кто вы, сэр? Почему вы ворвались в мой кабинет без приглашения?

Герсен подскочил к нему и вырвал медную дощечку.

— А с кем это вы говорили по телефону в связи с этим делом?

Мосенсен надменным скрипучим голосом закричал:

— Это не ваше дело, сэр! Нисколько не ваше, сэр! Какая дерзость! Я сейчас же призову сюда опекунов!

Герсен пожал плечами и произнес спокойным голосом:

— Ну что ж, думаю, что опекунов очень интересуют ваши противозаконные действия. Я просто не знаю, что и думать, видя, как вы беззастенчиво попираете законы!

Мосенсен откинулся в кресле, нервно отдуваясь. Опекуны принадлежали к столь высокой касте, что для них различия между Мосенсеном и его секретаршей казались практически ничтожными. У опекунов не было ни малейшего почтения к отдельным личностям, они имели

склонность верить обвинениям гораздо больше, чем доказательствам невиновности. Они носили мундиры из роскошной толстой шерсти, которая в зависимости от освещения принимала тот или иной оттенок: темно-фиолетовый, сочно-зеленый, золотистый. Будучи не столько высокомерными, сколько сосредоточенно-серьезными, они вели себя в полном соответствии с тем, что налагала на них принадлежность к столь высокой касте. На Оллифейне мучительные наказания применялись как дешевое средство устрашения, еще более действенное, чем штрафы или тюремное заключение. Угроза обвинения со стороны полиции могла, следовательно, вызвать оцепенение и у невинных.

Главный контролер Мосенсен вскричал:

— Но я же не нарушил законов! Разве я отказал вам? Отнюдь нет!

— Тогда немедленно предоставьте мне ключ, как это требует закон, и забудем о случившемся.

— Тише, тише, — немного успокоившись, сказал Мосенсен. — Мы не сможем сделать это так быстро. Нам необходимо свериться со своими записями. Не забывайте, что у нас есть дела и посерьезнее, чем прыгать на задних лапках перед каждым красавцем-бродягой из разведчиков, который может нахально ворваться к нам в комнату и оскорблять нас.

Герсен внимательно посмотрел на круглое бледное лицо, на котором вновь появилось выражение высокомерия и враждебности.

— Очень хорошо, — сказал Герсен, решая не обращать внимания на колкости. — Мне остается только одно в этом деле — пойти и тут же подать жалобу в Совет опекунов.

— Будьте же благоразумны! — вскричал Главный контролер. — Вы же умный человек, и неужели вы не понимаете, что нельзя все сделать сразу!

— Где мой ключ? Вы продолжаете упорствовать в своем намерении мне в выдаче ключа?

— Разумеется, вы совершенно не правы! Просто необходимо подождать. Садитесь и возьмите себя в руки хотя бы на несколько минут.

— Я не намерен ждать!

— Тогда идите, пожалуйста! — взревел Мосенсен. — Я сделал все, что требуется по закону! — Лицо его стало багровым от ярости, он забарабанил кулаком по столу. Клерк, стоящий у двери, издал вопль ужаса. — Приведите опекунов! — гремел Мосенсен. — Я обвиняю вас в

вымогательстве и угрозах! Я хочу увидеть, как вас высекут!

Герсен не решился и дальше откладывать действия. Он опрометью выскочил из кабинета и выбежал из приемной в бетонный туннель. На миг он остановился, мельком взглянул на дрожащую от испуга секретаршу, не обратившую на него никакого внимания. Курт быстро направился по коридору в сторону, противоположную выходу, и вскоре очутился в одном из цехов компании.

Прижавшись к стене и используя колонну как покрытие, он внимательно осмотрел помещение, следя за технологическим процессом сборки. Некоторые этапы выполнялись при помощи биомеханического управления, на других процессах работали должники, морально опустившиеся люди дна, бродяги и пьяницы, которых дюжинами нанимали на временную работу. Они сидели, прикрепленные цепями к своим верстакам, под наблюдением пожилого охранника и работали довольно споро. Надзиратель участка сидел на возвышенной тележке, которая могла проехать в любое место цеха.

Герсен нашел то место, где собирались мониторы, точно определил, где устанавливаются замки — в нише, протянувшейся на пятьдесят метров. В одном из концов ее в квадратной кабине сидел на высоком стуле нормировщик.

Герсен еще раз тщательно осмотрел помещение. Никто не обращал внимания, даже надзиратель, поглощенный наблюдениями за рабочими.

Курт прошел вдоль стены к кабине, где сидел нормировщик, беспокойный молодой человек со впалыми щеками и насмешливо приподнятыми бровями. У него была морщинистая, болезненного вида кожа, циничный изгиб рта и крючковатый нос. Этот человек мог и не быть пессимистом, но, разумеется, оптимистом он тоже не был. Герсен стал рядом с кабиной, в ее тени.

Клерк удивленно взглянул на него.

— Ну, сэр? Что вы хотите? Здесь не разрешено находиться.

— А как насчет того, чтобы заработать сотню Севов? — спросил Герсен. — И притом очень быстро!

Клерк печально скривил губы.

— Согласен. Кого я должен убить?

— Мои требования гораздо скромнее, — усмехнулся Курт и показал медную табличку. — Достаньте мне ключ

от этого монитора, и полсотни — ваши. — Он положил пять пурпурных ассигнаций на стол. — А если отыщете, на чье имя зарегистрирован этот серийный номер, то получите еще полсотни! — С этими словами Курт отсчитал еще пять купюр.

Клерк посмотрел на деньги, затем нерешительно обернулся в сторону входа в цех.

— А почему бы вам, сэр, не обратиться непосредственно в контору? Такими делами обычно занимается Главный контролер.

— Я разругался с Главным контролером Мосенсеном, — пожал плечами Герсен. — Он стал требовать слишком много времени для этого дела, а я очень спешу.

— Другими словами, Главный контролер Мосенсен не одобрил бы то, что я помогу вам?

— И именно поэтому я предлагаю вам сотню СЕВов за выполнение моей совершенно законной просьбы.

— Это может стоить мне места.

— Если я уйду отсюда через запасной выход, вряд ли кто-нибудь узнает об этом, даже сам Мосенсен.

Клерк задумался.

— Хорошо, — сказал он. — Я могу сделать это. Но мне нужны еще пятьдесят СЕВов для специалиста, который изготавливает ключи.

Герсен пожал плечами и отсчитал пятьдесят оранжевых купюр.

— Я высоко ценю скорость выполнения моей просьбы, — напомнил он еще раз, передавая деньги служащему компании.

Клерк засмеялся.

— С моей точки зрения, чем скорее вы уйдете, тем лучше. Мне нужно просмотреть две картотеки. И у нас не очень хорошая система информации. А пока что постарайтесь не показываться на виду, оставайтесь где-нибудь в тени.

Он записал серийный номер монитора, вышел из кабинки и исчез за поворотом.

Шло время. Герсен заметил, что задняя стена выложена из окрашенного стекла. Согнувшись, он приложил глаз к царапине на краске и увидел, что происходит за простенком.

Клерк стоял возле старомодного шкафа с выдвижными ящиками, просматривая карточки. Он нашел папку и сделал несколько пометок. В это время через другую дверь в комнату вошел Мосенсен. Клерк закрыл папку и

отошел. Главный контролер на мгновение остановился, что-то отрывисто спросил у клерка, который с безразличным видом произнес в ответ одно-два слова. Герсен отметил про себя готовность этого человека помочь ему. Мосенсен взглянул куда-то за спину клерка и подошел к шкафу.

Глава 9

Наблюдая одним глазом за спиной Мосенсена, клерк наклонился над специалистом по ключам, прошептал что-то ему на ухо и удалился. Мосенсен подозрительно посмотрел ему вслед, но клерк уже закрыл за собой дверь.

Механик вставил заготовку для ключа в машину, еще раз сверился с бумагой, нажал на ряд кнопок на пульте, которые задавали машине данные о канавках и изгибе ключа, электрической и магнитной проводимости отдельных его частей.

Мосенсен, порывшись в картотеке, достал конверт, извлек из него карточку и вышел из комнаты. Клерк тотчас же вернулся. Механик протянул ему ключ. Клерк вошел в кабину; протянул ключ Герсену и прошептал:

— Уходите побыстрее, сэр. Что-то мне не нравится поведение Главного контролера.

— А на чье имя зарегистрирован монитор? — спросил Курт нетерпеливо.

— Здесь я вам ничем не могу помочь. Мосенсен забрался в картотеку раньше меня и забрал карточку.

Герсен хмуро посмотрел на ключ. Главной его целью было узнать, кто зарегистрировался как владелец монитора. Ключ, конечно же, был лучше, чем ничего, — информацию, хранящуюся в мониторе, было гораздо легче спрятать, чем сам монитор! Но времени было в обрез. Нельзя было тянуть дальше.

— Возьмите и остальные пятьдесят, — сказал он. — Деньги, в общем-то, от Малагате. Купите своему ребенку подарок.

Клерк отрицательно покачал головой.

— Я беру плату только за то, что сделал. Моему ребенку не нужен подарок.

— Как хотите. — Герсен спрятал деньги в карман. — Скажите, как мне выйти отсюда, не возбуждая подозрений?

— Лучше всего тем же путем, каким вы пришли, — посоветовал клерк. — Если вы попытаете выйти через запасной выход, вас может остановить охрана.

— Спасибо, — поблагодарил Герсен. — Вы, похоже, не с этой планеты?

— Нет. Но я прожил здесь так долго, что уже забыл, что бывают места получше.

Герсен осторожно выглянул из кабинета. Все было на своих местах. Он выскользнул наружу и быстро пошел вдоль стены. Оказавшись в бетонном туннеле, он невольно замедлил шаг, проходя дверь в контору. Заглянув внутрь, он увидел, что Мосенсен расхаживает взад-вперед по комнате, очевидно, будучи в дурном настроении. Герсен прошел мимо и поспешил по коридору к наружной двери. Но теперь эта дверь открылась. Внутрь вошел какой-то мужчина, черты лица которого было трудно различить против света с улицы.

Герсен продолжал уверенно шагать, как будто у него было самое обычное дело.

Человек приблизился, их взгляды встретились. Незнакомец остановился и издал пронзительный вскрик — это был Тристано-землянин.

— Какая удача! — второй возглас этого человека был уже членоразделен. Он прямо так и светился радостью. — В самом деле, какая удача!

Герсен ничего не ответил. Медленно, осторожно он попытался пройти мимо, его нервы были напряжены, но страха он не ощущал.

Тристано сделал шаг и преградил ему путь. Герсен остановился и оценивающе взглянул на противника. Тристано уступал примерно на дюйм, но зато мог похвастать куда более мощными бедрами — все это были качества, указывающие на ловкость и хорошее соотношение мышц. Поражало спокойное выражение лица Тристано, безмятежная улыбка, изгибавшая уголки рта. Он казался безрассудно смелым человеком, которому неведомо чувство ненависти, но в то же время и чувство жалости, человеком, которым движет только необходимость проявлять себя на грани своих способностей. В высшей степени опасный человек, отметил про себя Герсен и тихо сказал:

— Отойдите в сторону!

Тристано вежливо протянул левую руку.

— Как бы вас ни звали, сэр, будьте благоразумны и следуйте за мной!

Размахивая из стороны в сторону вытянутой рукой, он подался вперед. Герсен следил за выражением глаз противника, не обращая внимания на отвлекающие действия левой руки. Как только взметнулась правая рука, он отбил ее в сторону и ударил кулаком прямо в лицо Тристано.

Тристано отлетел назад, громко крича от боли, и Герсен притворился, что поддался на эту уловку. Он бросился вперед с отведенной назад рукой для повторения удара, но внезапно остановился, когда Тристано с невероятной ловкостью взмахнул ногой — удар, предназначенный для того, чтобы искалечить или убить.

Когда нога прошла мимо цели, Герсен схватил за носок и пятку и резко повернул. Тристано, мгновенно расслабившись, перевернулся в воздухе и сгруппировался, используя момент своего переворота и падения для того, чтобы, не повредив, освободить свою ногу от захвата Герсена. Он, как кошка, упал на четвереньки и попытался откатиться в сторону, но Герсен успел ухватить за его затылок и резко ударить лицо Тристано о свое колено. Хрустнули хрящи, затрещали зубы.

Совершенно ошеломленный, Тристано упал на спину. В течение какого-то мгновения он бессильно опустил руки. Герсен схватил ногу своего противника и, сделав замок, навалился на нее всем своим телом. Он почувствовал, как с треском сломалась кость. Тристано задохнулся и, схватившись за нож, открыл горло. Герсен нанес сильный удар тыльной стороной кисти по гортани. Горло противника было мускулистым, и он не потерял сознание, продолжая бессильно размахивать ножом. Курт выбил оружие, но больше не решался приближаться к Тристано, так как у этого землянина вполне могло быть припасено еще одно или даже дюжина хорошо спря-
танных видов оружия.

— Оставь меня, — прохрипел убийца. — Оставь и убирайся, куда хочешь...

Он стал подтягиваться к стенке.

Герсен осторожно двинулся вперед, тем самым давая Тристано возможность для нападения, но тот не решился. Герсену пришлось протискиваться мимо его широченных плеч. Тристано почувствовал это. Взгляды их встретились. Внезапно землянин сделал захват, одновременно приводя в действие свою здоровую ногу. Герсен ушел от захвата, схватил ногу и приготовился сломать и вторую лодыжку. Позади него раздались крики, суматоха. С искаженным

лицом по коридору неуклюже бежал Главный контролер Мосенсен. За ним семенили двое или трое служащих.

— Прекратите это! — кричал Главный контролер. — Что это вы делаете в этом здании? — Он буквально плевался слюной перед Герсеном. — Вы — дьявол! Преступник самого низкого пошиба! Вы оскорбили меня! Вы напали на моего клиента! Я постараюсь, чтобы опекуны внимательно присмотрелись к вам!

— Сколько угодно, — пыхтя, ответил Герсен, неожиданно ощутив приступ мстительности. — Зовите опекунов! Мосенсен поднял брови.

— Что? У вас хватает нахальства и на это?

— Здесь никакого нахальства. — Курт злобно усмехнулся. — Просто добропорядочный гражданин помогает полиции в задержании преступника.

— Что вы имеете в виду?

— Есть одно имя, которое мне нужно будет только один раз произнести перед опекунами. Стоит мне хоть раз намекнуть им, что вы и это лицо являетесь сообщниками... Каковы мои доказательства? Этот человек. — Он взглянул вниз, на ошеломленного Тристано. — Он вам знаком?

— Нет. Конечно же, я не знаком с ним!

— Но вы же только что опознали его в качестве одного из ваших клиентов!

— Я подумал так, но сейчас вижу, что ошибся.

— Этот человек — профессиональный убийца!

— Вы ошибаетесь, мой ловкий друг, — захрипел Тристано, — я не убийца.

— Луго Тихальта нет в живых, чтобы опровергнуть твоё заявление!

Тристано скривил лицо.

— Мы говорили друг с другом, вы и я — разве вы не помните? — когда этот Тихальт умер.

— В таком случае, ни Даске, ни саркоит не могли убить Тихальта. Кто же еще прибыл с вами на планету Смейда?

— Там были только мы трое.

Герсен изумленно уставился на него.

— Мне трудно поверить этому. Хильдемар Даске сказал Тихальту, что его снаружи ждет Малагате.

В ответ Тристано едва заметно пожал плечами.

Герсен стоял, глядя на него сверху вниз.

— Я уважаю опекунов и их плети. Я не осмеливаюсь

убить вас. Но я вполне могу сломать вам еще пару костей. Так что, вполне вероятно, всю оставшуюся жизнь вы будете ходить боком, как краб! Я могу еще растянуть в сторону мышцы ваших глаз, и всю оставшуюся жизнь вы будете смотреть в разные стороны!

Лицо Тристано разгладилось в грустной улыбке. Он тяжело приперся к стене, безразличный, отупевший от боли.

— С каких это пор операции в Глуши стали называться убийством? — только пробормотал он.

— Кто убил Тихальта?

— Я ничего не видел. Я стоял рядом с вами у двери.

— Но ведь, по вашим словам, вас прибыло на планету Смейда только трое?

Тристано ничего не ответил и закрыл глаза. Герсен подался вперед, сделав быстрый выразительный жест. Тристано открыл глаза и тупо уставился на занесенную над ним руку.

— Кто убил Тихальта?

Тристано покачал головой.

— Больше я ничего не скажу. Лучше мне быть всю жизнь калекой и косоглазым, чем умереть от яда с Саркоя.

— Я могу сам отравить тебя этим ядом!

Герсен подался вперед. Но Мосенсен издал отрывистый срывающийся крик:

— Это невыносимо! Я не допущу этого! У меня будут кошмары! Я не смогу спать!

Герсен зло посмотрел на него:

— Вам бы лучше не вмешиваться в это, сэр!

— Я вызову опекунов! Ваши действия абсолютно незаконны! Вы нарушили законы государства.

Герсен рассмеялся.

— Ну, зовите же опекунов! Мы тогда узнаем, кто нарушил законы государства и кто подлежит наказанию.

Мосенсен стал тереть свои бледные щеки.

— Тогда уходите. Никогда не возвращайтесь сюда, и я ничего никому не скажу.

— Не так быстро, сэр, — произнес Герсен, чувствуя, что у него поднимается настроение. — Вы сейчас в крайне затруднительном положении. Я пришел сюда с совершенно законным делом. Вы же по телефону вызвали убийцу, который напал на меня. Такое поведение вряд ли можно оставить без внимания.

— Вы делаете ложное обвинение, сэр! И я это добавлю к тому, что сообщу опекунам!

Но это было тщетной попыткой испугать Герсена. Он рассмеялся, подошел к Тристано, перевернул его лицом вниз, стащив с него пиджак так, чтобы затруднить движение рукам, и связал их поясом землянина. Со сло-
манными ногами и связанными руками Тристано не мог сделать ни одного движения. Затем Герсен повернулся к Мосенсену.

— Давайте пройдем в ваш кабинет.

Курт пошел вперед, за ним неохотно плелся Главный контролер. Как только они вошли в кабинет, ноги отказали Мосенсену, и он тяжело плюхнулся в свое кресло.

— А теперь,— сказал Герсен, обращаясь к Главному контролеру,— звоните опекунам.

Мосенсен покачал головой.

— Может быть, лучше не создавать лишних затруднений? Опекуны иногда не слишком благоразумны.

— В таком случае вы обязаны сейчас же сказать все, что мне нужно!

Мосенсен склонил голову.

— Спрашивайте.

— Кому вы звонили по телефону, когда я появился в вашем офисе?

Мосенсен вновь необычайно заволновался.

— Я не могу вам этого сказать! — выпалил он хрипло. — Неужели вы настаиваете на том, чтобы я был убит?

— Опекуны зададут вам этот же самый вопрос, так же, как, впрочем, и многие другие,— засмеялся Герсен. — Так что выкладывайте, да побыстрее!

Мосенсен страдальчески посмотрел направо, налево, вверх.

— Я звонил человеку,— выдавил он из себя,— в «Гранд Томадор Отель». Его имя — Спок.

— Я знаю, что это не так,— сказал Герсен. — Вы лжете. Но я даю вам еще один шанс. Кому все-таки вы звонили?

Мосенсен в отчаянии затряс головой.

— Я не лгу!

— Вы виделись с этим человеком?

— Да. Он высокого роста. У него короткие красные волосы, большая длинная голова, шеи нет совсем. Лицо особенно красного цвета, и он ходит в темных очках с каким-то предохранительным устройством на носу — очень необычным. Похоже, что он, как рыба, лишен любых человеческих чувств.

Герсен кивнул. Мосенсен говорил правду. Описание подходило к Хильдемару Даске.

— А теперь перейдем к самому главному. Я хочу знать, на чье имя зарегистрирован монитор.

Мосенсен покачал головой, обреченно вздохнул и поднялся.

— Схожу за записями.

— Нет! — отрезал Герсен. — Мы пойдем вместе. И, если мы не сможем найти запись, то, клянусь вам, я потребую для вас самого сурового наказания.

Мосенсен устало потер лоб.

— Я вспомнил. Запись здесь. — Он вытащил из стола карточку. — Приморский университет, Авента, Альфинор. Пожертвование номер 291.

— Имени нет?

— Нет. Поэтому ключ вам здесь не сможет помочь. Университет использует еще и кодирование для своих мониторов, причем для каждого разное. Для этого мы продали им несколько шифровальных устройств.

— Ну и ну! — только и смог вымолвить Герсен, хотя употребление шифраторов с целью пресечения намерений недобросовестных разведчиков вести двойную игру было вполне обычным делом.

В голосе Мосенсена зазвучала нескрываемая ирония:

— Университет, очевидно, продал вам монитор с шифратором без декодирующей карты. На вашем месте я бы пожаловался властям в Авенте.

Герсен принял во внимание то, что подразумевалось в высказывании Мосенсена. Но с этой проблемой придется столкнуться не скоро, особенно, если будет выявлено одно определенное обстоятельство.

— Почему вы позвонили человеку по имени Спок? Он предлагал вам деньги?

Мосенсен жалко кивнул.

— Деньги. И... он угрожал мне. Некоторые необходимые поступки моего прошлого... — Он сделал неясный жест.

— Скажите мне, Спок знал, что содержимое монитора зашифровано?

— Конечно! Я напомнил ему об этом, но он и сам прекрасно знал обо всем.

Герсен кивнул. Значит, это обстоятельство налицо. Аттель Малагате должен иметь необходимый доступ к декодирующей перфокарте в Приморском университете.

Он на мгновение задумался. Информация быстро

накапливалась. Малагате сам убил Тихальта, если верить Хильдемару Даске. Тристано косвенным образом подтвердил это, он выдал гораздо больше ценных сведений, чем собирался. Но он также и запутал ситуацию. Если Даске и отравитель с Саркоя, а также и Тристано прибыли без четвертого лица, то как же можно объяснить присутствие Малагате на планете Смейда? Прибыл ли он одновременно с ними на другом корабле? Возможно, но что-то не похоже...

Мосенсен смотрел на него обеспокоенно, жалко.

— Сейчас я уйду, — успокоительно сказал Герсен. — Вы намереваетесь сообщить Споку о чем мы только что с вами разговаривали?

Мосенсен кивнул и умоляюще произнес:

— Я должен.

— Но вы обязательно должны подождать час. Понимаете — час!

Главный контролер не стал протестовать:

Он мог выполнить или не выполнить пожелание Герсена — скорее всего, нет. Но с этим Герсен ничего не мог поделать. Он повернулся и вышел из комнаты, оставив Мосенсена в состоянии полной растерянности.

Проходя по коридору, Герсен догнал Тристано, который каким-то образом ухитрился подняться, извиваясь и корчась от боли. Теперь он ковылял по коридору, волоча ногу под необычным углом. Он оглянулся и через плечо посмотрел на Курта, и на лице его была все та же безмятежная улыбка, хотя мышцы вокруг рта были сведены судорогой. Герсен приостановился, обдумывая, что же сделать с этим человеком. Было бы разумно и желательно убить его, но при условии, что в это дело потом не вмешается полиция. Это было маловероятно. Поэтому, ограничившись вежливым кивком, он прошел мимо Тристано и вышел на улицу.

Глава 10

Герсен возвратился на вокзал подземной дороги в Сансониане. Он извлек монитор, проверил ключ. К его удовольствию, замок вращался легко — ящик тут же открылся.

Внутри не было ни взрывчатки, ни кислоты. Курт извлек небольшой цилиндр, содержащий нить, используемую для записи информации. Затем он вошел в почто-

вый киоск и отправил цилиндр самому себе в «Отель Креденца» в Авенте на Альфиноре. Он сошел с поезда в Киндьюне и без особых осложнений покинул космопорт в своем корабле.

Когда на фоне темного диска Альфинора уже можно было различить все семь материков, Герсен переключил автопилот в режим автоматической посадки в космопорте Авенты. Не обнаружив признака врагов на стоянке, он спокойно отправился в здание космовокзала и за завтраком стал обдумывать план своих дальнейших действий. Возможный план проистекал из последовательности логических рассуждений, в которых он не обнаруживал какой-либо ошибки:

А. Монитор Луго Тихальта был зарегистрирован на имя Приморского университета.

Б. Информация, записанная на нити монитора, была зашифрована и доступна только при наличии расшифровывающей перфокарты.

Г. Судя по словам Луго Тихальта. Аттель Малагате был его настоящим поручителем (факт, который Луго впервые, по-видимому, осознал в Кринктауне). Неосторожность Хильдемара Даске?

Принимая во внимание все обстоятельства, Герсен решил, что Малагате, вероятно, до сих пор считает свое инкогнито нераскрытым. Малагате хочет завладеть монитором и его содержимым и, следовательно, должен иметь доступ к расшифровывающей перфокарте.

Д. Следовательно, направлением деятельности Герсена должно быть:

— определить круг лиц, имеющих доступ к перфокарте;

— изучить, кто из них соответствует ряду условий, согласующихся с личностью и деятельностью Малагате. Кто из них, например, отсутствовал достаточно долгое время, чтобы посетить планету Смейда?

«Простота и логичность», — подумал Герсен. Все правильно. Но вот осуществление этого плана может оказаться совсем не простым делом. Он не отваживался возбудить опасения со стороны Малагате. В некоторых отношениях то, что он располагал записями Тихальта, обеспечивало его безопасность. Однако, если Малагате почувствует личную угрозу, у него не будет особых трудностей в организации убийства.

Пока что у Малагате нет причин бояться разоблачения, и было бы безрассудно разубеждать его в этом.

Инициатива, во всяком случае, до сих пор находится в его руках, поэтому не стоит спешить очертя голову...

Его внимание отвлеклось. В кабинке поблизости сидела пара хорошеньких девушек, которые, очевидно, пришли на вокзал встретить кого-либо из друзей или просто, чтобы повидаться друг с другом. Герсен тоскливо созерцал их, сознавая уже не в первый раз некоторую пустоту в своей жизни и испытывая чувство неудовлетворенности, мучительного дискомфорта. У этих двух девушек вряд ли было что-нибудь на уме, кроме удовольствий и развлечений. Одна из них покрасила волосы в цвет зеленой листвы и придала своей коже нежно-салатный оттенок. На другой сверкал парик из лиловых металлических стружек, а цвет кожи поражал мертвенной бледностью. На лоб была лихо надвинута витиеватая шляпка из серебристых листьев и завитков.

Герсен испустил глубокий вздох. Без сомнения, он вел мрачное, унылое существование. Стоило лишь вспомнить прошлые годы, как одни и те же сцены возникали перед ним: другие дети играли, в то время как он, довольно худой мальчик с серьезным лицом, наблюдал за ними на расстоянии. Он испытывал только интерес и удивление, глядя на чужое веселье, никогда не ощущая желаний очутиться на месте других детей. Дед его видел это...

Одна из девушек в кабинке заметила пристальный взгляд Курта и что-то шепнула подруге... Обе взглянули через проход, а затем нарочито перестали обращать на него внимание. Герсен жалко улыбнулся. Он не чувствовал себя уверенным в обращении с девушками, немногих он знал достаточно близко. Он нахмурился, осторожно, искоса поглядывая на них. Вполне возможно, что Малагате послал их отвлечь его внимание. Любопытно. Почему же тогда двух? Но тут девушки встали и вышли из ресторана, и каждая быстро и незаметно взглянула на него.

Курт наблюдал за их уходом; из всех сил сопротивляясь внезапному побуждению побежать за ними, представиться, сделать их своими друзьями... А что бы он сказал им? Он представил себе, как два хорошеньких лица будут сначала ошарашены, потом смущены, пока он будет стоять, делая неудачные попытки снискать их расположение. Девушки ушли. Ну и хорошо, подумал Герсен, наполовину забавляясь, наполовину сердясь на себя. И все же, к чему обманываться? Вести жизнь получеловека было трудно, это и было источником его удовлетво-

ренности. Обстоятельства его жизни не предоставляли возможностей для ухаживания за девушками.

Однако зачем все это? Он знал цель своей жизни, и он был превосходно подготовлен для выполнения этой, и только этой, миссии. У него не было ни сомнений, ни колебаний — все цели были четко определены. Внезапная идея потревожила ровный поток его мыслей. Кем бы он мог стать, не будь этой ясной цели? Возвращаясь вновь и вновь к этой теме, Герсен начал ощущать себя духовно несовершенным. Ни один из периодов его жизни не протекал под знаком его собственной свободной воли. У него не было никаких сомнений в важности того, чему он посвятил свою жизнь, не об этом он думал сейчас. Но ведь нельзя ставить перед человеком какие-либо цели, пока он не узнал мир до такой степени, чтобы самому выносить то или иное суждение, взвешивать свои собственные силы и принимать собственные решения. Ему не дали возможности выбора. Решение было принято, он согласился с ним...

Что же тогда мучает его, в чем дело? А в том, что он будет делать потом, если преуспеет в достижении своей цели. Шансы на это, конечно, были невелики. Но предположим, что смерть настигнет всех пятерых, что тогда ему останется в жизни? Несколько раз, прежде всего в своих умозаключениях, он доходил до этой точки, но, повинуясь какому-то подсознательному предупреждению, он никогда не заходил дальше. Не позволил себе этого и сейчас. Завтрак окончен. Девушки, которые послужили толчком к этим грустным мыслям, сами убрались восвояси. Очевидно, они и не думали быть агентами Малагате.

Курт посидел за столиком еще несколько минут, обдумывая, как получше приступить к выполнению своей задачи, и снова, как обычно, решил действовать напрямик.

Он вошел в кабину связи, и его соединили со справочным бюро Приморского университета в пригороде Ремо, в десяти милях к югу отсюда.

Сначала на телеэкране мелькнула эмблема университета, затем появилась обычная надпись: «Говорите, пожалуйста, отчетливо!» Одновременно с этим записанный на пленку голос спросил:

— Чем мы можем вам служить?

Герсен сказал невидимому секретарю:

— Мне нужны сведения, касающиеся исследователь-

ских работ университета. Какой отдел ведет исследования непосредственно в Глуши?

Экран прояснился, и на нем появилось тонированное золотистым цветом лицо молодой женщины с пышными светлыми волосами.

— Все зависит от рода исследований!

— Они связаны с пожертвованием номер 291.

— Одну минуту, сэр, я постараюсь навести справки.

На экране появился электронный занавес, продержался несколько минут, а затем лицо женщины появилось снова:

— Я соединяю вас с факультетом Галактической морфологии, сэр.

Теперь на Герсена смотрела другая секретарша. У этой молодой девушки было лукавое лицо с острыми чертами, длинненький милый носик и перламутрово-серебристый цвет кожи. Прическу ее составлял темный нимб из десяти тысяч узких, покрытых лаком, торчащих косичек.

— Галактическая морфология слушает вас, сэр.

— Я хочу справиться относительно пожертвования номер 291,— решительно сказал Герсен.

Девушка на мгновение задумалась.

— Вы имеете в виду именно само пожертвование?

— Размер, порядок расходования, кто следит за этим.

Лукавство на лице девушки сменилось подозрительностью.

— Я не так уж много могу сообщить вам, сэр. Из этого фонда финансируется наша исследовательская программа по Глуши.

— Я особенно интересуюсь разведчиком по имени Луго Тихальт, работа которого финансировалась именно из этого фонда.

Девушка покачала головой.

— Мне ничего не известно об этом человеке. Мистер Деттерас мог бы поговорить с вами; если вы говорите, что этот разведчик работал на нас, то мистер Деттерас наверняка сможет вам чем-то помочь, но сегодня свидание с ним уже невозможно.

— Мистер Деттерас нанимает разведчиков?

Девушка подняла брови и прищурила глаза. У нее были очень подвижные черты лица; широкий рот. Герсен с восхищением смотрел на нее.

— Я не слишком много знаю о подобных вещах, сэр. Мы, конечно, участвуем в Главной Исследовательской Программе. Однако наша доля участия финансируется

не из фонда номер 291. Мистер Деттерас является начальником исследований, он мог бы сообщить вам все, что вы хотите узнать.

— Есть ли в отделе еще кто-нибудь, кто мог бы принять на работу разведчика, используя фонд 291?

Девушка задумчиво взглянула на Герсена, не понимая причин его повышенного интереса.

— Вы служите в полиции, сэр? — робко поинтересовалась она.

Герсен рассмеялся.

— Нет. Я друг мистера Тихальта и пытаюсь завершить кое-какие его дела.

— О! Хорошо. Есть еще мистер Келле, который является председателем совета по планированию исследований. Кроме того, вам может помочь еще и мистер Уорвин, почетный ректор, который также делал пожертвования в фонд 291. Мистер Келле ушел и до утра его не будет, у него завтра выходит замуж дочь, и он сейчас очень занят.

— А как насчет мистера Уорвина? Я могу его видеть?

— Сейчас посмотрю.— Она наклонила голову, рассматривая расписание встреч.— Он занят до трех часов, а затем у него свободный час для посещения студентами или лицами, которым он время не назначил.

— Это вполне устроило бы меня, если только...

— Соболаговолите назвать свое имя,— скромно сказала девушка,— и я поставлю его первым в списке. Вам тогда не придется ждать в том случае, если будет много посетителей.

Герсена приятно удивила ее заботливость. Он взглянул на ее лицо и еще больше удивился, заметив, что она улыбается ему.

— Это так любезно с вашей стороны. Мое имя Курт Герсен.

Он смотрел, как она записывает его имя. Казалось, что девушка не особенно торопится прекратить свой разговор. Он спросил:

— А что делает почетный ректор? Каковы его обязанности?

Она пожала плечами.

— По сути дела, я мало что знаю. Он приходит и уходит. Я думаю, что он делает только то, что хочет. Всякий, кто богат, делает только то, что хочет. Подождите, пока я разбогатею.

— Еще одно,— сквозь смех сказал Герсен.— Вы хорошо знакомы с порядком работы отдела?

— Могу сказать, что да,— девушка в ответ тоже рассмеялась.— Если, конечно, говорить хоть о каком-то порядке.

— Записи в мониторах разведчиков шифруются. Вам говорили об этом?

— Да, мне это известно.

Девушка определенно говорила с Герсеном так, как будто он был живым человеком, а не просто лицом на телеэкране. «Да, она действительно очень хороша,— подумал Курт,— несмотря даже на свою экстравагантную прическу». Он определенно слишком долго пробыл в космосе. Ему с большим усилием удавалось сохранить спокойный вид.

— Кто занимается расшифровкой? Кто заведует шифрами?

На лице девушки снова возникло сомнение.

— Во-первых, мистер Деттерас. Возможно, что и мистер Келле.

— Вы не могли бы узнать поточнее? Это очень важно.

Девушка заколебалась, внимательно вглядываясь в лицо Герсена. Разумнее было бы отказаться отвечать на вопросы, мотивы которых она не могла выяснить. И все же — что тут плохого? Человек, который расспрашивал ее, казался интересным: задумчивым и печальным.

— Я могу спросить у секретарши мистера Деттераса,— сказала она оживленно.— Вы можете подождать?

Экран потемнел и снова загорелся только через минуту. Девушка улыбнулась Герсену:

— Я была права. Мистер Деттерас, мистер Келле и мистер Уорвин — единственные люди, которые имеют доступ к дешифрующим перфокартам.

— Понятно. Значит, так... Мистер Деттерас — начальник отдела исследований, мистер Келле — председатель комитета по планированию исследований и мистер Уорвин ... кто?

— Почетный ректор! Ему присвоили этот титул, когда он облагодетельствовал наш отдел пожертвованием 291. Это очень состоятельный человек, и он очень интересуется исследованиями космоса. Он часто отправляется за пределы Ойкумены... Вы когда-нибудь бывали там?

— Только что возвратился.

Она подалась вперед, на ее лице появилось выражение неподдельного интереса.

— Действительно ли в Глуши все так дико и опасно, как все болтают?

Герсен оставил всякую осторожность и ответил неожиданной дерзостью, которая озадачила его самого:

— Давайте поедем вместе со мной, и вы сами убедитесь, где правда и где ложь.

Девушку, казалось, такое предложение нисколько не смутило. Но она покачала головой.

— Я пуглива. Меня научили не доверять незнакомым людям, особенно тем, которые только что возвратились из Глуши. Может быть, вы работорговец и намерены потом продать меня в рабство.

— Что ж,— согласился Герсен,— и такое случается. Здесь, пожалуй, безопаснее.

— Но, с другой стороны,— кокетливо продолжала девушка,— кому охота всю жизнь оставаться в безопасности?

Герсена охватила нерешительность. Девушка смотрела на него, как само воплощение соблазна. «Что ж, а почему бы и нет?» — спросил он себя.

— В таком случае — раз уж вы решились на риск — пожалуй, вы могли бы провести вечер со мной.

— С какой целью? — Девушка внезапно стала серьезной. — Угодить в рабство?

— Нет! Просто посидеть и поболтать. Какой бы вам хотелось...

— Это так неожиданно. Я даже еще не встречалась с вами лицом к лицу.

— Да, вы правы,— согласился Курт, вдруг смутившись. — Вы уж извините меня, я не очень-то хорошо воспитан.

— Ну что вы, что плохого в вашем предложении? Я сама очень импульсивна... Во всяком случае, так обо мне говорят.

— Я полагаю, что это в основном зависит от обстоятельств.

— Вы только-только из Глуши,— великодушно промолвила девушка. — Поэтому, я полагаю, вас можно извинить.

— Значит, мы договорились?

Она сделала вид, что усиленно размышляет над его предложением.

— Хорошо. Попробую. Но где мы встретимся?

— В три часа дня я буду у мистера Уорвина, тогда мы и договоримся. Идет?

— Моя работа заканчивается в четыре... Так вы точно не работорогвец?

— Я даже не пират!

— Значит, вы не очень предприимчивы, так мне кажется... Впрочем, я подожду с окончательными выводами, пока не узнаю вас лучше.

Глава 11

На сотню миль к югу от Авенты простирался широкий песчаный пляж. До самого Ремо и даже чуть дальше, прямо на обрывах, окаймлявших пляж, теснились многочисленные виллы, построенные из яркого ракушечника.

Герсен нанял автомобиль — небольшой глайдер — и направился на юг над широкой белой магистралью, вздымая неизбежные клубы пыли. Дорога шла точно вдоль берега, повторяя все его изгибы.

Ремо располагался у подножия одного из холмов. Несколько пирсов, в конце которых стояли казино с высокими куполами, образовывали гавань, наполненную небольшими лодками. Университет занимал вершину холма: ряд низких зданий с плоскими крышами, соединенных между собой сводчатыми галереями.

Герсен зарулил на стоянку на университетском дворе, опустил глайдер и вышел из него. Здесь он спросил у одного из студентов, как ему найти факультет Галактической морфологии.

— Факультет морфологии? — переспросил юноша и, немного подумав, ответил: — Через четыре здания отсюда, в том дальнем углу, сэр.

Уныло размышляя над почтительным «сэр», которое он только что услышал от человека, моложе его лет на семь, Герсен прошел через парк, пробираясь через многочисленные пестро одетые толпы студентов. Возле портала он остановился, остро ощущая неуверенность или нерешительность, которые он все время пытался отогнать от себя по дороге в университет.

Ему стало смешно. Разве он школьник, чтобы перспектива провести вечер с незнакомой девушкой повергла его в такой трепет? И, что было еще более удивительным, казалось, что душевное волнение отодвигает на второй план главную цель его существования! Он раздраженно пожал плечами, входя в вестибюль. Сидевшая за столом девушка подняла глаза, и в них Герсен

увидел такую же нерешительность, какую чувствовал сам. Она была меньше и стройнее, чем он представлял себе, но от этого она не становилась менее привлекательной.

— Мистер Герсен?

Курт постарался улыбнуться как можно более ободряюще.

— Так уж случилось, что я не знаю вашего имени. Лицо ее несколько смягчилось.

— Меня зовут Паллис Атроуд.

— Ну вот, с формальностями покончено, — засмеялся Герсен. — Надеюсь, что наша договоренность все еще в силе?

Она кивнула и произнесла:

— Если вы только сами не передумаете.

— Ну уж нет, ни за что.

— Сегодня я что-то смелее, чем обычно, — сказала Паллис и застенчиво опустила глаза. — И вы знаете, почему? Просто я решила не обращать никакого внимания на свое воспитание. Моя мать — женщина-ученый, «синий чулок». Вероятно, самое время, чтобы я начала компенсировать то, что упустила раньше.

— Это начинает меня беспокоить, — иронически покачал головой Герсен. — Дело в том, что я сам не очень-то смел, и если мы начнем состязаться с вами в компенсации упущенного...

— Я не имела в виду ничего дурного, говоря о компенсации. Я не собираюсь курить наркотики или пить не в меру, или... — Она запнулась.

— Или?

— Ничего. Так просто «или».

Герсен посмотрел на часы.

— Мне все-таки хотелось бы встретиться с мистером Уорвином.

— Его кабинет чуть дальше по коридору. И, мистер Герсен...

— Да?

— Сегодня я сказала вам кое-что, чего, кажется, не следовало бы говорить. Я имею в виду разговор о шифре. Это должно быть тайной. Вы только не сообщайте об этом мистеру Уорвину. А то у меня могут быть неприятности.

— Я ничего не скажу об этом.

— Спасибо.

Он повернулся и пошел по коридору.

Через три двери и он увидел надпись люминесцентными голубыми буквами: «ДЖАЙЛ УОРВИН» и чуть пониже: «Ректор».

Курт остановился, потрясенный неуместностью пребывания Малагате-Горе в такой обстановке. Может быть, в цепи его логических умозаключений где-то вкралась ошибка? Монитор был снабжен шифратором, автопилот зарегистрирован в том университете. Хильдемар Даске, главный из приспешников Малагате, рвался к содержимому компьютера, которое было бесполезно без соответствующей дешифровки. Джайл Уорвин, Деттерас и Келле были теми тремя людьми, которые имели доступ к дешифратору, и один из них вполне мог быть Малагате! Так кто же: Уорвин, Деттерас или Келле? Предположения без фактов бесполезны. Он должен опираться только на происшедшие события. Ну что ж, пожалуй, начнем с Уорвина. Решительно шагнув вперед, Курт открыл дверь.

В приемной стояла высокая худая женщина средних лет с пронизательными глазами (удивительно несимпатичная, отметил Герсен), которая со скучающим видом слушала несчастного на вид молодого человека, медленно, непрерывно кивая головой в такт его словам.

Остановив готового высказаться Герсена взмахом руки, она обратилась к своему собеседнику неожиданно высоким, чистым голосом:

— Я не могу беспокоить ректора, допустив вас к нему с вашими необоснованными жалобами. Вы ведь сами знаете, что эти часы приема являются простой формальностью и выделены они только для того, чтобы успокоить студентов.

— Но для чего же тогда ректор? Что, черт возьми, он тогда делает?

Дама сделала строгие глаза, и студент поспешил извиниться за свою грубость.

— У ректора сейчас приемные часы,— продолжал юноша.— Почему же он не может сейчас выслушать мою версию?

Женщина покачала головой.

— Извините,— она отвернулась от него и спросила:— Вы мистер Герсен?

Курт кивнул головой и подошел поближе.

— Мистер Уорвин ждет вас. Прошу вас, вот в эту дверь.

Когда Герсен вошел в кабинет, сидевший за столом Джайл Уорвин поднялся — высокий, крепкий, ладно

скроенный мужчина — скорее всего, лет на десять — пятнадцать старше Герсена. Волосы его лежали на голове пышной массой черных локонов. Чрезвычайно выразительное лицо, глаза узкие, глубоко посаженные, черные, задумчивые; жесткие контуры носа и подбородка придавали ему мужественный вид. Он приветствовал Герсена со сдержанной вежливостью.

— Мистер Герсен, садитесь поудобнее. Я рад нашему знакомству.

— Спасибо.

Герсен осмотрелся. Комната была по размерам больше, чем обычный кабинет, стол занимал необычное положение слева от двери. Высокие окна справа выходили на квадратный двор, противоположную стену покрывали сотни карт, представляющих из себя меркаторские проекции многих миров. В дальнем конце комнаты, на подставке из полированного дерева, стояло какое-то сооружение из камня и металлических спиралей, происхождения которого Герсен определить не смог. Он сел и перевел свое внимание на человека за столом.

Джайл Уорвин с трудом укладывался в представление Герсена о типичном университетском администраторе. Это, конечно, было бы правильным, подумал Герсен, если бы под именем Уорвина скрывался Малагате. Противореча очевидной скромности окраски своей кожи, Уорвин оделся в богатый ярко-синий костюм с белым поясом и белыми кожаными наколенниками. На ногах у него были бледно-голубые сандалии. Такая одежда больше подходила бы какому-нибудь молодому щеголю из Авенты. Герсен почувствовал, что какие-то воспоминания шевельнулись в глубинах его памяти, что нечто подобное он уже видел, но затем смутная мысль ускользнула. Уорвин смотрел на Герсена с таким откровенным любопытством, что Курт почувствовал сильную неловкость. В этом любопытстве явно сквозила нотка снисходительности. Герсен определенно не походил на денди. На нем была нейтральная одежда человека либо не интересующегося модой, либо неосознающего ее, неокрашенная кожа (идя по улицам Авенты, Герсен чувствовал себя почти раздетым), густые темные волосы причесаны гладко, без затей.

Уорвин вежливо ждал.

— Я здесь, мистер Уорвин, — начал Герсен, — в связи с одним весьма запутанным делом.

На лице почетного ректора возникла гримаса удивления.

— О своих мотивах я говорить не собираюсь,— продолжал Герсен,— поэтому я прошу выслушать меня, не беспокоясь о том, что двигало мной в этом деле.

Уорвин кивнул.

— Хотя это и довольно трудно, но я попытаюсь.

— Прежде всего, вы знакомы с Луго Тихальтом?

— Нет, не знаком,— ответ был быстрым и решительным.

— Можно спросить, кто отвечает за проведение университетской космической программы исследований?

Уорвин задумался.

— Вы имеете в виду главные экспедиции или пристрелки, или, быть может, что-то особое?

— Любую программу, при выполнении которой пользуются услугами разведчиков на отдельных кораблях.

— Гм... — пробормотал Уорвин и насмешливо посмотрел на Герсена.— Вы, наверное, разведчик и ищете работу? Если это так, то...

Герсен вежливо улыбнулся.

— Нет, я не ишу работу.

Теперь уже улыбнулся Уорвин, хотя и весьма невесело:

— Нет, конечно же, нет. Я не очень-то искушен в людях. Например, ваш голос мало о чем мне говорит. Но, наверное, вы не уроженец Скоплений?

— Почти всю свою жизнь я провел на Земле.

— Да ну! — Уорвин поднял брови в наигранном удивлении.— Здесь, вы знаете, мы думаем о землянах с точки зрения теоретиков — как о культистах, мистиках, гиперболизированных никчемностях, зловредных стариках в черных одеждах Институтции, аристократах-декадентах...

— Я не принадлежу к какой-либо определенной группе.

— Хорошо, мистер Герсен. Вы спрашиваете о наших взаимоотношениях с разведчиками. Прежде всего, мы сотрудничаем с большим количеством других учреждений, выполняя Главную Программу Космических Исследований. Во-вторых, у нас есть небольшой фонд, который мы можем расходовать на проведение в жизнь некоторых специальных проектов.

— То есть пожертвование номер 291?

Уорвин склонил голову в знак краткого согласия.

— Очень странно,— покачал головой Герсен.

— Странно? Что вас так удивляет? — сделал большие глаза Уорвин.

— Луго Тихальт был разведчиком. Монитор на борту

его корабля принадлежал вашему университету и был приобретен на деньги из фонда 291.

Уорвин поджал губы.

— Вполне возможно, что мистер Тихальт работал на начальника одного из отделов, выполняя какое-нибудь задание.

— Монитор Тихальта снабжен шифровальным устройством. Это должно сузить возможности.

Уорвин пронзил Герсена суровым взглядом своих черных глаз.

— Если бы я знал, что вы хотите узнать, я мог бы сказать больше по интересующему вас вопросу.

Герсен подумал, что он ничего не потеряет, рассказав то, что ему известно. Если Джайл Уорвин и есть Малагате, то ему уже известно обо всем, что произошло. Если же нет, то не будет никакого вреда, если он и узнает.

— Вы слышали когда-нибудь такое имя, как Аттель Малагате?

— Малагате-Горе? Один из так называемых Демонов Тьмы?

— Луго Тихальт обнаружил планету с, по-видимому, идиллическими условиями — планету, буквально не имевшую цены. Планету, в большей степени похожую на Землю, чем сама Земля. Малагате узнал об этом открытии. Каким образом, не знаю. В любом случае, не менее четырех людей Малагате вышли за ним на охоту в таверне Смейда. Тихальт прибыл на планету Смейда почти в одно время со мной. Он сел в укромной долине и пешком пришел в таверну. Вечером прибыли люди Малагате. Тихальт попытался скрыться, но они поймали его в темноте и убили. Затем они отбыли на моем корабле, посчитав, по-видимому, что это корабль Тихальта. Они были одинаковыми, старой модели 9В. — Герсен засмеялся. — Когда они проверили мой монитор, их ждал неприятный сюрприз. На следующий день я отбыл на корабле Тихальта. Естественно, я завладел его монитором. Я намерен продать содержащуюся в нем информацию по самой дорогой цене, которую только могут позволить себе покупатели.

Уорвин кивнул, передвинув лист бумаги на своем столе на дюйм влево. Герсен внимательно следил за его действиями, за этими безупречными руками с отполированными до блеска ногтями.

— И с кого же вы предполагаете содрать эту цену? Герсен пожал плечами.

— Я представляю первую возможность поручителю

Тихальта. Как я уже только что сообщил, информация зашифрована и совершенно бесполезна без дешифрующей перфокарты.

Уорвин откинулся назад в своем кресле.

— Так сразу я не могу сказать, кто заключил контракт с этим Тихальтом. Но должен вам сказать, что, кто бы ни оказался этим поручителем, он не станет покупать kota в мешке.

— Естественно, не станет. Но у меня есть кое-что интересное для этого человека.

Глава 12

Герсен выложил фотографию на стол. Уорвин взглянул на нее. На дальней стене вспыхнул всеми цветами экран. Тихальт сделал этот снимок с одной из возвышенностей близко к боковой стороне долины. С обеих сторон на снимке были видны уходящие вдаль холмы с закругленными вершинами.

С одной стороны долины росли рощи высоких темных деревьев, по лугу бежала речка, берега ее поросли кустарником. На дальнем конце луга, почти в тени леса, стояли заросли цветущего кустарника. Солнце не было видно, но солнечный свет был золотисто-белым, теплым и спокойным. Съемка, скорее всего, происходила в полдень.

Уорвин долго изучал снимок, затем издал неопределенный звук. Герсен выложил еще одну фотографию. Теперь на экране возник несколько другой вид долины: река, извиваясь, в конце концов исчезала где-то вдали. С обеих сторон стояли высокие деревья, образующие нечто вроде просеки, также уходящей в туманную даль.

Уорвин тяжело вздохнул:

— Бесспорно, красивая планета. И похоже, что она гостеприимная. А как насчет атмосферы и биогенеза?

— Совершенно идеальные, судя по словам Тихальта.

— Если она, как вы сказали, необитаема и еще не нанесена на карты, то независимый разведчик мог бы заломить любую цену за информацию о ней. Но все же, поскольку я не вчера родился, могу также сказать, что такую фотографию можно сделать где угодно, даже на Земле, где растительность очень похожа на эту.

Вместо ответа Герсен вытащил третью фотографию. Уорвин вставил ее в кадр. На экране возник, снятый с расстояния в семь метров, один из предметов, который

на первой фотографии напоминал цветущий кустарник.

На фотографии было изображено грациозно шагающее существо, очень напоминающее гуманоида. Стройные серые ноги поддерживали серое, серебристое, голубое, зеленое туловище. Пурпурно-зеленые глаза смотрели с яйцевидной головы, которая других особых черт не имела. Из плеч вырастали руки, которые, переплетаясь, поддерживали похужее на павлиний хвост опало с листьями.

— Это создание, как бы его там...

— Тихальт назвал их дриадами.

— ...безусловно, уникально. Я ничего подобного прежде не видел! Если снимок не является подделкой — я сам-то не очень верю, что это подделка, — то эта планета именно такова, как вы заявили.

— Я не делал никакой заявки. Заявку сделал Тихальт. Эта планета — так он сказал мне — настолько прекрасна, что он больше не мог ни оставаться на ней, ни покинуть ее.

— И записями Тихальта теперь владеете вы?

— Да. И я хочу продать их. Рынок положительно ограничен только теми лицами, которые имеют свободный доступ к дешифратору. Из них поручитель Тихальта должен иметь право первенства.

Уорвин долго изучающе смотрел на Герсена.

— Такое дон-кихотство озадачивает меня. На вид вы не кажетесь дурным человеком.

— Судить надо по поступкам, а не по впечатлению.

Уорвин надменно поднял бровь и сказал:

— Предположим, что я мог бы предложить за содержимое монитора, ну, скажем, две тысячи СЕВов сейчас и еще десять тысяч после проверки планеты. Ну, может быть, чуть больше.

— Естественно, что я стараюсь получить как можно большую сумму денег, — сказал Герсен. — Но я хотел бы все-таки сначала поговорить с мистером Келле и мистером Деттерасом. Один из них должен быть поручителем Тихальта. И если никто из них не проявит к этому интереса, то тогда...

— Зачем вы хотите втянуть в это дело еще двоих?

— Кроме вас, только эти двое имеют свободный доступ к дешифратору.

— Могу ли я спросить, откуда вам известно об этом?

Вспомнив просьбу Паллис Атроуд, Герсен ощутил угрызения совести.

— Я спросил у одного молодого человека во дворе университета. По-видимому, это общеизвестно.

— Слишком много развелось болтунов,— сердито про-
бормотал Уорвин.

Герсен все хотел спросить, как Уорвин провел предыдущий месяц, но удобный случай никак не представлялся. Такой вопрос было бы глупо задавать напрямик: если Уорвин и есть Малагате, его подозрения моментально бы резко возросли.

Уорвин забарабанил пальцами по столу. Немного помолчав, он резко спросил:

— Если вы дадите мне полчаса, то я приглашу к себе в кабинет мистера Келле и мистера Деттераса. Вот тогда вы и смогли бы справиться у них о дешифраторе. Вам это подходит?

— Нет!

— Нет? — пролаял Уорвин.— Почему же нет?

Герсен встал.

— Поскольку это непосредственно вас не касается, то я предпочел бы переговорить с этими джентльменами наедине.

— Ваше право,— холодно сказал Уорвин и на мгновение задумался.— Я никак не могу догадаться, чего вы добиваетесь. Веры в вашу искренность у меня нет, поэтому я предлагаю вам сделку.

Герсен помолчал.

— Келле и Деттерас — люди занятые,— продолжал Уорвин.— Доступ к ним не столь легок, как ко мне. Я же устроил бы так, что вы повстречались бы с ними сразу же, даже сегодня, если вам угодно. Вероятно, кто-то из них и пришел к соглашению с Луго Тихальтом. В любом случае после ваших переговоров с Келле и Деттерасом вы сообщите мне, что они предложили вам, и тем самым предоставите мне возможность заплатить еще больше. Ну как?

— Другими словами,— сказал Герсен,— вы хотели бы завладеть этой планетой лично для себя?

— А почему бы и нет? Записи уже не являются собственностью университета. Сейчас ими владеете вы! И, если хотите знать правду, это именно мои деньги составили фонд 291.

— Звучит вполне логично.

— Значит, вы согласны на сделку со мной?

— Пожалуй, что да. Но только при том условии, что поручитель Тихальта откажется.

Уорвин опустил веки.

— Меня удивляет, почему вы так настаиваете на

этом? — произнес он, кривя губы в циничной улыбке.

— Вероятно, я все-таки человек дон-кихотского склада ума, мистер Уорвин.

Уорвин покачал головой, нажал кнопку интеркома и что-то тихо сказал в микрофон. Затем он снова повернулся к Герсену и усмехнулся:

— Вот видите, все идет хорошо. Мистер Келле встретится с вами первым, затем вас будет ждать мистер Деттерас. После этого вы пройдете ко мне и сообщите о достигнутых результатах.

— Я согласен.

— Хорошо. Кабинет Келле вы найдете в противоположном крыле здания.

Герсен вышел в коридор мимо секретарши Уорвина и опять прошел в вестибюль. Паллис Атроуд подняла глаза, горя от нетерпения, и от этого показалась Герсену еще более привлекательной, чем прежде.

— Вы узнали то, что хотели?

— Нет. Он отослал меня к Келле и Деттерасу.

— Сегодня?

— Прямо сейчас.

Она с еще большим интересом взглянула на него.

— Как удивятся этому люди, которым, как мистер Келле, так и мистер Деттерас, отказали сегодня во встрече.

— Я не знаю, как долго я буду занят... Если вы освободитесь в четыре...

— Я подожду, — сказала Паллис Атроуд и рассмеялась. — Я хочу сказать, чтобы вы постарались не слишком задерживаться после четырех. Если же это не получится, то я пойду домой — я объясню, где я живу, — а дома ждать будет легче.

— Я постараюсь управиться как можно быстрее, — заверил Курт девушку.

Глава 13

Кагге Келле оказался невысоким, плотным мужчиной с крупной, четко очерченной головой. Кожа его слегка отличалась бледно-розовым цветом. На нем был строгий темно-коричневый костюм с пурпурными полосами. Ясный задумчивый взгляд, короткий приплюснутый нос и поджатые губы придавали лицу этого человека налет какой-то загадочности. Он подчеркнуто вежливо приветствовал

Герсена, не перебивая, выслушал его рассказ и, не выказывая повышенного интереса, просмотрел представленные фотографии. Тщательно выбирая слова, он сказал Герсену:

— Простите меня, но я ничем не могу вам помочь. Я не был поручителем экспедиции мистера Тихальта. Мне ничего не было известно об этом человеке до нашей встречи. Так что, думаю, что...

— Вы позволите мне использовать дешифратор? — перебил его Герсен.

Келле на мгновение задумался, а затем ровным голосом произнес:

— К сожалению, это противоречит принятым в отделе правилам. Я подвергся бы за это критике, а... — Он взял в руки фотографии и еще раз взглянул на них. — Это, несомненно, планета с очень интересными особенностями. Как ее название?

— Я не располагаю такими сведениями, мистер Келле.

— Да... Тогда ответьте мне еще на один вопрос. Я никак не могу понять, зачем вы так упорно ищете поручителя этого Тихальта? Вы представляете «Интергалакспол»?

— Я частное лицо, хотя мне нечем, естественно, доказать это.

— Каждый заботится о своих собственных интересах, — заметил Келле. — Если бы я понимал, чего вы добиваетесь, я, возможно, поступил бы более гибко.

— Примерно то же самое мне сказал недавно и мистер Уорвин.

Келле встрепнулся и смирил Герсена колючим взглядом.

— Ни меня, ни Уорвина нельзя назвать людьми непонятливыми. Ради нашего отдела я могу позволить себе сделать вам предложение относительно информации, заключенной в мониторе. Хотя, судя по вашему рассказу, она с самого начала является собственностью отдела.

Герсен кивнул в знак полного согласия.

— Это как раз именно то, что я и пытаюсь установить. Принадлежит ли эта информация отделу, или я могу распоряжаться ею, как мне заблагорассудится? Если бы я мог разыскать поручителя Тихальта или определить, существует ли поручитель вообще, тогда появился бы широкий спектр новых возможностей.

Келле, казалось, вовсе не был тронут откровенностью Герсена.

— Сложилось очень своеобразное положение... Как я уже сказал, я мог бы сделать вам прекрасное предложение за ту информацию, которой вы располагаете. Даже такому частному лицу, как вы, если это только будет способствовать ускорению дела. Хотя я, естественно, настаивал бы на предварительной инспекции планеты.

— Вы знаете о моих сомнениях на сей счет, мистер Келле?

В ответ Келле только недоверчиво улыбнулся. Он еще раз просмотрел все фотографии.

— Это... э... дриады. Я должен сказать, что они весьма интересны. Что ж, я могу помочь вам в определенных пределах, а именно, я просмотрю документы университета, содержащие информацию о Луго Тихальте. Но за это я хотел бы, чтобы вы дали мне заверения в том, что предоставите мне первому возможность рассмотреть вопрос о приобретении этой планеты в том случае, если вы не сможете разыскать так называемого «поручителя».

Герсен не сумел сдержать усмешку.

— Вы же хотели убедить меня в том, что вы не так уж и заинтересованы этой планетой.

— Ваши выводы не имеют никакого значения, — спокойно заметил Келле. — Ваши чувства не будут оскорблены, так как вам нет никакого дела о моем мнении о вас. Вы начали переговоры со мною, как будто я умственно неполноценен. Вы явились сюда со сказочкой, которая не произвела бы впечатления даже на ребенка.

Герсен пожал плечами.

— «Сказочка», пожалуй, это довольно точное определение. Естественно, что я не рассказал вам всего того, что мне известно.

Келле снова улыбнулся, на этот раз великодушно.

— Что ж, давайте посмотрим, что говорят наши документы. — Он нажал кнопку интеркома и произнес в микрофон: — Секретная справочная служба. Сфера Karge Келле.

В ответ раздался нечеловеческий голос.

— Контракт между Луго Тихальтом и Отделом галактической морфологии. Дата — 6 января 1521 года.

Герсен испустил вздох облегчения. Только теперь он понял, в каком напряжении он пребывал все это время. Это уже нечто определенное — Луго Тихальт был нанят в качестве разведчика кем-то внутри отдела.

— Прочитайте основную часть контракта! — приказал Келле.

— Луго Тихальт и Отдел галактической морфологии договорились о нижеследующем: отдел предоставляет Тихальту соответствующий космический корабль, снаряжение, оборудование стандартного типа в исправном состоянии для того, чтобы Тихальт провел в качестве представителя отдела тщательное обследование определенных областей Галактики. Отдел авансирует Тихальта суммой в пять тысяч СЕВов и гарантирует прогрессивно нарастающую премию за поэтапное успешное обследование запланированных районов. Тихальт обязуется приложить максимум усилий для успешного проведения обследования, сохранять результаты указанного обследования в целости и в секрете от всех лиц, групп и агентов, не действующих по договоренности с отделом. Подписи: Луго Тихальт за Луго Тихальта. Олина Базарман за отдел. Больше сведений нет.

— Гм... — многозначительно изрек Келле и отрывисто бросил в микрофон: — Олина Базарман!

Щелчок.

— Олина Базарман, начальник канцеляций, слушает!

— Говорит Келле. Два года назад некто Луго Тихальт был нанят разведчиком. Вы подписали его контракт. Не помните ли обстоятельства, сопутствующие этому?

— Нет, сэр,— раздался через несколько мгновений ответ.— Не могу ничего припомнить. Контракт, видимо, попал ко мне вместе с другими бумагами.

— А не помните ли вы, кто затеял все это дело? Кто поручился именно за него?

— Нет, мистер Келле. Это, должно быть, или вы, или мистер Деттерас, или, возможно, мистер Уорвин. Никто другой не может дать добро на такую экспедицию и поручиться за разведчика.

— Понятно... Благодарю вас.— Келле повернулся к Герсену.— Ну вот вам и ответ. Если это не Уорвин, значит— Деттерас! К тому же Деттерас бывший декан колледжа Символистики. Возможно, он и Тихальт были знакомы друг с другом.

Глава 14

Рандл Деттерас, руководитель Исследования, казался человеком всем довольным— довольным самим собой, своей работой, всем миром в целом. Когда Герсен вошел в его кабинет, Деттерас приветливо поднял руку—

крупный мужчина, удивительно некрасивый для этого века, когда заостренный нос или отвислая нижняя губа могли быть приведены в соответствие с господствующими эстетическими нормами всего лишь за несколько часов. Он и не делал попыток скрыть свое безобразие, наоборот, довольно грубой сине-зеленой цвет кожи (видимо, специально подобранный) еще более оттенял неотесанность его лица, неуклюжесть движений.

Голова его формой напоминала тыкву, тяжелый подбородок покоился на груди, на голове торчала щетина цвета влажного мха. На нем была полувоенная форма Архангелов: черные невысокие сапоги, свободные алые галифе и великолепный сюртук с зелеными и розовыми полосами. На плечах блестели золотые эполеты. У Деттераса хватало присутствия духа с невозмутимым достоинством совмещать свой мундир со странной физиономией — любой более мнительный или застенчивый человек на его месте мгновенно прослыл бы эксцентричным чудачком.

— Хорошо, хорошо, мистер Герсен,— сказал Деттерас,— как для вас, не слишком рано попробовать немного рисовой водки?

— Я прямо из постели.

Деттерас уставился на посетителя с таким изумлением, что Курту стало неловко. Заметив неловкость Герсена, Деттерас засмеялся.

— Отлично! Именно в такие моменты я поднимаю флаг гостеприимства. Розовую, лимонную или белую?

— Белую, пожалуйста.

Деттерас налил из высокого узкого графина и поднял свою рюмку.

— За первую! — провозгласил он и со вкусом выпил. — Первая рюмка за день, что посещение дома матери. — Он налил себе вторую порцию, уселся и повернулся к Герсену, приняв ленивую, оценивающую позу.

Герсен спросил сам у себя: так кто же — Уорвин, Келле, Деттерас? Раньше Герсен склонялся в пользу Уорвина, теперь же его охватили сомнения. Деттерас, несомненно, был сильным человеком, он источал грубую, необузданную, почти осязаемую энергию.

Деттерас не спешил взять быка за рога, хотя, наверное, уже хорошо был обо всем осведомлен. Скорее всего, с ним уже связывались и Уорвин и Келле.

— Головоломка, которую никогда нельзя решить до конца,— сказал довольно напыщенно Деттерас,— почему и чем люди отличаются друг от друга.

«Ну, раз уж Деттерас не спешит,— подумал Герсен,— то и мне подавно нечего спешить».

— Вы, несомненно, правы,— сказал он,— хотя я и не уловил непосредственной связи с моим делом.

Деттерас громко рассмеялся.

— Я бы удивился, если бы вы признались в обратном.— Он поднял руку, как бы предвосхищая ответ Герсена.— Самонадеянность с моей стороны? Выслушайте меня. Вы человек трезвый, прагматичный. Вы взвалили на себя тяжелое бремя тайн и темных намерений.

Герсен задумчиво потягивал рисовую.

Словесную пиротехнику могли затеять, чтобы отвлечь его, притупить его осторожность. Курт сосредоточил все свое обоняние и вкус на рисовой, пытаясь уловить какой-нибудь чуждый компонент. Деттерас налил обе рюмки, он предложил Герсену любой из трех сортов, он ставлял рюмки без какого-либо расчета. Тем не менее существовал огромный диапазон хитростей, против которых обычная бдительность была бессильна...

В выпивке, похоже, ничего не было. В этом убеждали Герсена его вкус и обоняние, прошедшие тренировку на Саркое. Теперь Курт сфокусировал свое внимание на Деттерасе и его последнем замечании.

— У вас преувеличенное мнение обо мне.

Деттерас ухмыльнулся, показав лошадиные зубы.

— Но тем не менее точное.

— Возможно.

Деттерас самодовольно кивнул, как будто Герсен подтвердил его предположение.

— Это — искусство, привычка к наблюдательности, выработанная долгими годами практики. Я прежде специализировался на символистике, пока не решил, что достаточно общипал это пастбище своими длинными зубами в пределах, которые могла позволить моя привязь. Поэтому я теперь здесь, в Галактической морфологии. Менее запутанная отрасль, скорее описательная, чем аналитическая, скорее предметная, чем связанная с человековедением. И все же я от случая к случаю нахожу возможность приложения моего прежнего ремесла. Вот, допустим, разберем ваш частный случай. Вы вошли в мой кабинет совершенно незнакомым человеком. Я оцениваю ваши явные символические проявления: цвет волос, черты лица, цвет кожи, состояние, одежду. Ваш общий стиль. Вы скажете, что это общепринятая практика... Я отвечу: да, это так. Все едят, но искусный легустатор — ред-

кость. Я считаю эти символы с величайшей точностью, и они дают мне сведения о вашей личности. С другой стороны, я отрицаю, что вы можете прийти к правильным выводам относительно меня. Я выражен в случайных и противоречивых символах. Я всегда в маске, и из-за ее прикрытия за всем происходящим вокруг наблюдает настоящий Рандл Деттерас, такой же спокойный и хладнокровный, как какой-нибудь импресарио на сотом представлении блестящей фестивальной постановки.

Герсен улыбнулся.

— Моя натура может быть столь же прихотливой, сколь и ваши символы, и я мог бы умышленно скрывать это по тем же причинам, что и вы. Во-вторых, то, как вы маскируетесь, освещает вас так же ясно, как и набор ваших естественных символов. В-третьих, зачем так сильно беспокоиться об этом?

Деттераса это, кажется, развлекало.

— Ага! Вы хотите поймать меня на том, что я обманщик и шарлатан! И все же я не могу отказать от убеждения, что ваши символы больше говорят мне о вас, чем мои обо мне.

Герсен откинулся в своем кресле.

— Но практическая польза от этого невелика.

— Не так быстро! — воскликнул Деттерас. — Предположим, ваши символы — только положительные. Рассмотрим на мгновение, что в этом отрицательного. Многих людей раздражает загадочность манер своих коллег. Вы возражаете, говоря, что символы не сообщают ничего существенного, вы отделяетесь от них. Тогда эти другие обеспокоены тем, что не могут совладать с быстрым ростом информации. — Тут Герсен попытался возразить, но Деттерас жестом попросил его не прерывать. — Рассмотрим тинкеров с Мицара VI. Вы слышали о них? Это религиозная секта.

— Вы упоминали о них несколько минут назад.

— Как я сказал, — продолжал Деттерас, — это религиозная группа, аскетическая, суровая, чрезвычайно благочестивая. Мужчины и женщины одеваются абсолютно одинаково, бреют головы, пользуются языком из 820-ти слов, и все это для того, чтобы обезопасить себя от затруднений, связанных с раздумьями о побуждениях друг друга. Правда и только правда! В этом основная цель обычаев тинкеров. И совсем неподалеку от Мицара VI находится Сирена, где по тем же самым причинам мужчины носят в высшей степени условные маски

от рождения и до смерти. Их лица являются самой дорогой для них тайной.— Деттерас указал на графин. Герсен кивнул и пододвинул рюмку к нему.

— Здесь, на Альфиноре, обычаи более усложненные,— продолжал учёный.— Мы смеемся для того, чтобы обидеть кого-нибудь или защититься самим (хотя нельзя отрицать и чистосердечного смеха), причем смех при этом дополняется тысячью двусмысленных символов. Жизнь — штука необычно усложненная: часто создается искусственная напряженность, нерешительность и подозрительность становятся сейчас нормой.

— И в ходе этого,— заметил Герсен,— развивается чувствительность, недоступная ни тинкерам, ни сиренистам.

Деттерас выставил вперед руку.

— Опять, не так быстро. Я хорошо знаком с обоими этими народами; бесчувственность — это не то слово, которое можно применить по отношению к ним. Сиренисты испытывают самые тончайшие нюансы беспокойства, когда мужчина маскирует себя сверх обычной нормы. И тинкеры — о них я знаю меньше, но уверен, что и у них индивидуальная гамма чувств также глубока и разнообразна, как и у нас, если не больше. Я процитирую эстетическую догму: чем более сурова дисциплина в искусстве, тем более субъективен критерий вкуса. Или еще более поучительный пример из другой области. Возьмем Звездных Королей — негуманоидов, пришедших к качествам сверхчеловека. И снова об Альфиноре — следует помнить, что местные жители обрушивают друг на друга как громадное количество в высшей степени достоверной информации, так и не меньшее количество неопределенностей.

— И чересчур смущаются,— сухо заметил Герсен,— если позволяют при этом сбить себя с толку.

Деттерас тихо рассмеялся, очевидно, очень довольный дополнением собеседника.

— У вас был совершенно отличный от моего образ жизни. На Альфиноре исходом не является жизнь или смерть. Все давно лишились наивности и искушены в житейских делах. Гораздо легче принимать людей в соответствии с их собственной оценкой, чем пытаться делать ее самому. По сути, это часто даже непрактично.— Он искоса взглянул на Герсена.— Почему вы не улыбаетесь?

— Мне становится ясно, что досье на Курта Герсена, заказанное «Интергалактому», задерживается с при-

бытием. А вы сочли непрактичным воспринимать меня по моей собственной оценке. И даже по своей.

Теперь настала очередь рассмеяться Деттерасу.

— Вы несправедливы как ко мне, так и к «Интергалактополу». Досье пришло без задержки за несколько минут до вашего прихода.— Он сделал жест в сторону ксерокопии на своем столе.— Я затребовал это досье просто так, для подстраховки, исходя из своей роли ответственного работника этого учреждения. Полагаю, что осторожность еще никому не могла повредить.

— И что же вы там узнали? — спросил Герсен.— Уже давненько я не видел это досье.

— Оно удивительно пустое.— Деттерас поднял бумагу.— Вы родились в 1490 году. Где? Ни на одной из основных планет. В десять лет вы прошли регистрацию в космопорте Галилея на Земле в сопровождении своего деда, жизнь которого нам следовало проверить подобным же образом. Вы посещали обычные учебные заведения, были приняты неофитом в Институтцию, достигли одиннадцатой стадии в возрасте двадцати четырех лет (внушающий уважение прогресс), а затем покинули ее. С этого времени и до сих пор здесь нет записей, из чего можно сделать вывод: что вы либо оставались безвыездно на Земле, либо покинули ее нелегально, не проходя обычной регистрации. Поскольку вы сидите передо мной, остается предположить последнее. Замечательно то, что вам удалось прожить в таком сложном обществе, как Ойкумена, довольно долго и при этом ни разу не иметь столкновения с властями! Долгие годы тишины, в течение которых вы чем-то занимались... Чем? С какой целью и ради чего? — Деттерас вопросительно взглянул на Герсена.

— Если этого здесь нет,— усмехнулся Герсен,— значит, я не хочу, чтобы оно было.

— Естественно. Больше здесь почти ничего нет.— Он швырнул досье на стол.— Сейчас вы очень хотите начать свои расспросы. Что ж, я принимаю вызов. Да, я знал Луго Тихальта. Наше знакомство началось еще в студенческие дни. В начале своей преподавательской карьеры он был замешан в каком-то предосудительном деле и выпал из моего поля зрения. Где-то около года назад он встретился со мной и попросил о контракте разведчика.

Герсен не верил своим глазам. Значит, вот кто был Малагате?

— И вы отослали его в экспедицию?

— Я предпочел не делать этого. Я не хотел, чтобы он зависел от меня всю оставшуюся жизнь. Я мог ему помочь, но только не личным участием в его судьбе. Я предложил ему обратиться либо к Почетному Ректору Джайлу Уорвину, либо к председателю комитета по планированию исследований Кагге Келле. Стоило ему только упомянуть мое имя, и, весьма вероятно, что они обязательно посодействовали бы ему.

У Курта перехватило дух. Деттерас говорил с такой уверенностью, что складывалось впечатление, что он говорит правду. Но кто же тогда из этих троих правду утаил? Деттерас, по крайней мере, подтвердил, что один из троих — то ли он сам, то ли Уорвин или Келле — лгал.

Кто же?

Сегодня он видел Аттеля Малагате, смотрел на него, глядел ему в глаза, слышал его голос... Ему внезапно стало не по себе. Почему это Деттерас ведет себя так непринужденно? По всей вероятности, он человек занятой, как он мог позволить себе потратить столько времени? Герсен неожиданно выпрямился на стуле.

— Сейчас я хочу открыть вам, то, ради чего пришел к вам.

Он изложил ему ту же историю, которую чуть раньше выслушали Уорвин и Келле, и, пока он говорил, с лица Деттераса не сходила легкая улыбка. Герсен развернул фотографии, но Деттерас проглядел их без всякого интереса.

— Красивая планетка, — заметил он. — Будь я богачом, я попросил бы, чтобы вы продали мне ее в качестве личного именина. Но я не богач... Даже совсем наоборот. В любом случае вы, похоже, беспокоитесь не столько о том, чтобы продать свои права на эту планету, сколько о том, чтобы разыскать поручителя бедняги Тихальта.

Герсена это застало врасплох.

— Я просто хочу продать эту планету поручителю за разумную цену, — брякнул он невпопад.

Деттерас скептически усмехнулся.

— На дурака вы не похожи. Извините, если это слово вас задело. Если хотите знать, я не могу позволить себе солгать, хотя планетка меня очень интересует. Ваш человек — Уорвин или Келле.

— Но они отрицают это!

— Странно... Что же тогда?

— В нынешнем состоянии содержимое монитора беспо-

лезно для меня. Вы можете предоставить мне дешифрующую перфокарту?

— Боюсь, что об этом не может быть и речи.

— Я так и полагал. Поэтому я должен продать монитор, вернее, его содержимое, кому-то из вас или университету. Правда, можно еще уничтожить записи!

— Гм...— Деттерас понимающе кивнул.— Тут надо все хорошенько обдумать. Если ваши требования не будут непомерными, меня бы заинтересовало... Или, вероятно, мы трое, сообщая, могли бы прийти к определенному соглашению с вами. Гм... Разрешите мне переговорить с Уорвином и Келле. Приходите сюда завтра, скажем, в десять часов. Возможно, что у меня будет определенное предложение, которое вас заинтересует.

Герсен поднялся.

— Очень хорошо. Итак, завтра в десять.

Глава 15

Паллис Атроуд жила вместе с двумя другими девушками в жилой башне на берегу моря к югу от Ремо. Герсен остался в вестибюле, а она поднялась наверх, чтобы переодеться и поменять цвет кожи.

Он вышел на балкон, выходящий к океану, и облокотился об ограждение. Огромный сверкающий Ригель опустился низко над океаном, осветив размытую дорожку от берега к горизонту. Впереди, в гавани, образованной двумя пирсами, стояли сотни различных лодок: яхты, парусные катамараны, субмарины со стеклянными корпусами, реактивные аквапланы, в которых можно было лететь над волнами с бешеной скоростью.

Настроение, охватившее Герсена, было сложным и непонятным даже для него самого. Здесь было и вызывающее учащенное сердцебиение предвкушение вечера с красивой девушкой, ощущение, которое было неведомо ему в течение многих лет. Здесь была и грусть, навеянная закатом, а закат был действительно очень красив: небо окрасилось в лилово-розовый цвет, на фоне которого плыли темно-оранжевые облака, окаймленные тонким ярко-красным контуром. Не сама красота вечера вызвала грусть, размышлял Герсен, а спокойный, безмятежный свет и его угасание... И какая-то неясная печаль охватила Герсена при виде жизнерадостной толпы вокруг. Все были изящны и беззаботны, им были неведомы тяжелый труд, страда-

ния и ужасы отдаленных планет. Герсен завидовал их отрешенности, их умению вести себя в обществе. И все же, поменялся бы он местами с любым из них? Вряд ли.

К нему подошла Паллис Атроуд и встала рядом. Она подкрасилась в мягкий оливково-зеленый цвет с нежным налетом золота. Она рассмеялась, услышав неуклюжие комплименты Герсена.

— Я чувствую себя припортовой крысой, — сказал Герсен. — Мне следовало бы сменить платье.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказала девушка. — Это не имеет никакого значения. Что же мы будем делать?

— Ваше право предлагать.

— Очень хорошо. Давайте отправимся в Авенту и сядем на бульваре, где все любят прогуливаться. Меня никогда не утомляет зрелище проходящих мимо людей. Там мы и придумаем, что будет дальше.

Герсен согласился.

Они сели в глайдер и отправились на север. Паллис с неподдельной искренностью болтала о себе, о своей работе, о своих планах и надеждах. Она была, как узнал Герсен, уроженкой острова Синхал на планете Ио, дочерью состоятельных родителей, владевших единственным холодильным складом на полуострове Лантанго. Когда они устранились от дел и переехали на Пальмовые острова, ее старший брат принял на себя заведование холодильниками и родительским делом. Второй по старшинству брат хотел жениться на ней — такая форма брачного союза поощрялась на Ио, первая колония на котором была создана группой реформаторов-рационалистов. Он был дюжим, краснолицым, высокомерным, единственное, что он умел, — это водить рефрижератор, и такая перспектива вовсе не привлекала Паллис...

Здесь девушка заколебалась, ее оживление угасло, и она переменяла тему разговора. Герсену оставалось только догадываться о драматических событиях, связанных с ее уходом из дома. В Авенте Паллис прожила уже два года и, хотя иногда скучала по дому, чувствовала себя счастливой и уверенной.

Герсен, не сталкивающийся прежде с такой естественностью, был очарован ее болтовней.

Они поставили глайдер на стоянку и вышли на эспланаду. Пройдя немного, они заняли столик перед одним из бесчисленных кафе и стали наблюдать за проходящими мимо толпами людей. Вокруг них простирался

темный океан, небо над которым уже окрасилось в серо-лиловый цвет, и только небольшое лимонное зарево указывало на место, где зашел за горизонт гигантский диск Ригеля.

Вечер был теплым, вокруг медленно прогуливались люди со всех концов Ойкумены. Официант принес бокалы с пуншем. По мере того, как Герсен потягивал этот восхитительный напиток, он ощущал, как уменьшается владевшее им напряжение. Некоторое время они сидели молча, затем Паллис внезапно повернулась к нему лицом.

— Вы такой молчаливый, такой настороженный. Это из-за того, что вы из дальних миров?

Вопрос застал Герсена врасплох. В конце концов он грустно рассмеялся.

— Я надеялся, что вы будете думать, что я такой же беззаботный и обходительный, как многие другие...

— Вот глупости, — улыбнулась Паллис. — Люди вообще не похожи друг на друга.

— Я уверен в этом, — сказал Герсен. — Даже бактерии имеют 'свою индивидуальность, если к ним внимательно присмотреться.

— Значит, я сейчас что-то вроде бактерии?

— А я другая бактерия, которая, наверное, наскучила вам...

— Нет, нет! Конечно же нет! Мне все здесь так нравится!

— Мне тоже. Очень! В этом даже есть, что-то разлагающее.

Паллис учуяла в этом какой-то комплимент.

— Что вы имеете в виду?

— Я не могу позволить себе роскошь предаваться чувствам, как бы мне этого ни хотелось.

— Вы очень рассудительны, хотя и молоды.

— Увы, я уже не молод.

Она весело махнула рукой.

— Но вы признаетесь в том, что слишком рассудительны?

— Пролагаю, что да. Но будьте осторожны, не подтапливайте меня слишком близко к обрыву.

— Каждой женщине хочется думать о себе, как о соблазнительнице.

Герсен ничего не ответил и лишь внимательно посмотрел на Паллис.

— Все, кого я знаю, отказываются прекращать болтовню, и мне приходится слушать бесконечные потоки

чепухи. Я уверена, что вы знаете сотни интересных вещей, но не хотите мне ничего о них рассказать.

Герсен улыбнулся.

— Они, возможно, не такие уж интересные.

— И все же я хотела бы проверить это. Расскажите мне о диких планетах. Правда, что жизнь там опасна?

— Когда — да, когда — нет. Все зависит от того, кого вы встретите.

— Вероятно, вам не очень хочется, чтобы я спросила, чем вы занимаетесь? Вы не пират и не работорговец, это я сразу поняла. Но кто же вы?

— Вы правы, я, наверное, не похож на пирата или работорговца.

Паллис рассмеялась.

— Но вы же знаете, что мне неизвестно, как должен выглядеть современный пират или работорговец. Хотя, постойте, вы, может быть, преступник? Совсем не обязательно, что это связано с чем-то позорным, — поспешно добавила она. — То, что является приемлемым на одной планете, на другой является абсолютным табу. Например, я рассказала одному из своих друзей, что связала бы жизнь со своим братом, не будь он мне столь омерзителен. И, представьте себе, у него волосы встали дыбом;

— К сожалению, я должен разочаровать вас. Я не преступник... Я не попадаю ни под одну из категорий. — Он задумался. Было бы неблагоразумно скрывать от нее то, что он уже рассказал Уорвину, Келле и Деттерасу. — Я прибыл на Авенту с одной определенной целью.

— Давайте поужинаем, — предложила Паллис, — и, пока мы будем наслаждаться едой, все и расскажем.

— А куда мы пойдем?

— Здесь есть один потрясающий ресторан, он только-только открылся. Все о нем говорят, а я еще не успела там побывать.

Паллис легко поднялась и взяла Курта под руку с беспечной интимностью. Он притянул девушку к себе, склонился над ней, но на большее у него не хватило смелости. Рассмеявшись, Курт отпустил ее. Она лукаво произнесла:

— Вы гораздо более импульсивны, чем кажется.

Герсен улыбнулся.

— Где же тот потрясающий новый ресторан?

— О, совсем неподалеку отсюда. Мы можем пройти туда пешком. Он весьма дорогой, но я намерена уплатить половину счета.

— В этом нет никакой необходимости,— заметил Курт.— Не забывайте, что для пирата деньги не проблема. Он просто не знает, что с ними делать. А если нам не хватит, то я ограблю кого-нибудь.

— Я не беспокоюсь,— рассмеялась девушка.— Ну, так что, идем?

Она взяла его под руку, и они пошли по бульвару, как тысячи других таких же пар в этот прекрасный вечер на Альфиноре.

Паллис подвела его к зданию, увенчанному крупными светящимися буквами зеленого цвета, составлявшими название «Наутилус». Лифт спустил их на семьдесят метров, в высокий восьмиугольный вестибюль, выложенный пальмовыми ветвями. Метрдотель провел их в проложенную прямо по морскому дну стеклянную галерею, в которую открывались выходы из отдельных кабинетов. Паллис и Герсена провели в один из них, и они заняли столик возле стены прозрачного купола, за которым плескалось море. Фонари освещали песок, скалы, кораллы, проплывающих мимо подводных обитателей.

— А теперь,— сказала Паллис,— расскажите мне о диких планетах. И не беспокойтесь о том, что мне будет страшно, потому что мне изредка очень полезна встряска. А лучше расскажите о себе.

— Ну что ж,— потягиваясь в кресле, начал Герсен,— пожалуй, начнем с таверны Смейда на планете Смейда. Вы бывали там?

— Конечно же нет, но мне приходилось слышать о ней.

— Это маленькая, почти безжизненная планетка. Там только горы, ветер, грозы и темный океан. Таверна — единственное сооружение на планете. Иногда она переполнена, иногда там нет никого, кроме Смейда и его семьи, в течение многих недель. Когда я прибыл туда, единственным другим гостем был Звездный Король.

— Звездный Король? Я думала, что они всегда маскируются под людей!

— Не в маскировке дело,— покачал головой Герсен.— Они — люди. Вернее, почти люди.

— Я никогда не понимала, кто же такие Звездные Короли. Может быть, вы поможете в этом разобраться?

Курт пожал плечами.

— Спрашивайте — и каждый раз вы получите другой ответ. В общих чертах теория такова. Миллион лет тому назад планета Лямда Грас III, или «Ггнарумен» — первый звук нужно выкашливать через нос, чтобы получить

правильное произношение,— была населена довольно страшным набором созданий. Среди них было небольшое двуногое земноводное, лишенное каких-либо особых средств для борьбы за существование, кроме сознания и способности скрываться в грязи. Оно представляло собой подобие нашей ящерицы или, может быть, бесшерстного тюленя... Как виду, ему уже раз десять грозило полное исчезновение, но некоторым все же удавалось держаться стойко и каким-то образом существовать в качестве пожирателей падали среди тварей более свирепых, более коварных, более проворных, лучше плавающих и даже лучших падальщиков, чем они. Звездные Короли имели только физические преимущества — сознание, чувство соперничества, желание выжить любой ценой.

— Это звучит так, как будто речь идет о человеке на древней Земле,— вставила Паллис.

— Никто не знает ничего определенного, мы можем только строить предположения. А что знают Звездные Короли, того они не рассказывают... Эти двуногие земноводные отличались от людей в нескольких отношениях: во-первых, биологически они были более податливы, более активно передавали по наследству приобретенные качества, полезные в борьбе за выживание. Во-вторых, они не были двуполы. Их виду характерно перекрестное оплодотворение посредством спор, выделяемых при дыхании, причем каждая особь является одновременно существом и мужского и женского пола и молодь развивается у них, как стручки, под мышками. Вероятно, из-за отсутствия половой дифференциации Звездные Короли по своей натуре лишены тщеславия. В основном ими движет стремление превзойти, переплюнуть, перехитрить противника в борьбе за существование. Биологическая гибкость в сочетании с рудиментарным разумом стала средством осуществления их желаний, они превратились в создания, которые могли все, что угодно, делать лучше, чем их менее находчивые конкуренты.

Это все, конечно, теория, а то, о чем речь пойдет дальше, базируется на еще более шаткой основе. Но предположим, что какая-то раса, способная пересекать космические дали, посетила одну из планет, на которой развивался гуманоидный тип разума. Это могли быть те, кто оставил развалины на планетах Фомальгаута или Гексаданты, или те, кто высек Хребет Монументов на планете Кси Паппис X.

Можно допустить, что такие разумные существа по-

бывали на одной планете земного типа около ста тысяч лет назад. Предполагаем, что они пленили племя людей и по какой-то причине доставили его на Ггнарумен, планету королей. И здесь возникла ситуация, когда обе стороны подверглись суровому испытанию. Люди стали наиболее опасными противниками Звездных Королей, по сравнению с уже поверженными естественными врагами родной планеты. Люди умны, настойчивы, искусны, безжалостны, агрессивны. Борясь с окружающей средой, люди сами эволюционировали в новый вид: стали более ловкими, быстрыми телом и умом по сравнению со своими неандертальскими предшественниками.

Короли оказались отброшенными назад, но терпение у них глубоко в крови, так же как и другое важное оружие: дух соперничества и биологическая гибкость.

Люди доказывали свое превосходство над ними, и, чтобы с ними состязаться, Звездные Короли в ходе эволюции начали приобретать гуманоидные признаки.

Борьба продолжается, и Звездные Короли признают, хотя и очень неохотно, что некоторые их мифы как раз и описывают эту борьбу.

Теперь необходимо сделать еще одно допущение. Около пятидесяти тысяч лет назад вновь на сцену выходят Космические Путешественники, начавшие столь величественный эксперимент; они переносят эволюционировавших гуманоидов назад, на свою планету. Возможно, в этом качестве выступала Земля. Так вот, вместе с людьми на планету попало и зное количество Звездных Королей, сколько, сказать трудно. Этим, возможно, можно объяснить некоторые особенности истории Джункса и других гуманоидных планет.

На своей собственной планете Звездные Короли становятся даже больше людьми, чем сами люди. Начинается эра господства Звездных Королей. И такое положение сохранялось до тех пор, пока у гуманоидов не появился двигатель Джарнелла. Когда люди появились на планете Ггнарумен, они были изумлены, найдя создания, являющиеся точными копиями людей, — Звездных Королей, при этом не являющихся гуманоидами.

— Все это звучит невероятно, — скептически заметила Паллис.

— Однако более убедительно, чем конвергентная эволюция. Фактом является то, что Звездные Короли существуют: раса не антагонистическая, но и не дружелюбная нам. Людям запрещено посещать этот, так трудно

произносимый, Ггнарумен. Звездные Короли рассказывают нам о себе только то, что сами захотят, засылают наблюдателей — или, если угодно, шпионов — на все без исключения планеты Ойкумены. Даже сейчас на Авенте их, наверное, не менее дюжины.

Паллис сделала брезгливую гримасу.

— А как их можно отличить от людей?

— Иногда даже врач не может этого сделать после того, как они завершат свою маскировку и оденут личину человека. Есть, конечно, и у них трудности. У них нет внешних половых органов, область таза у них пустая. Их протоплазма, кровь, гормоны имеют другой состав. Их дыхание сопровождается отчетливым запахом. Однако шпионы, или как их там зовут, изменены настолько, что даже рентгеновские снимки у них такие же, как и у людей.

— Откуда же вы узнали, что создание на планете Смейда было ...Звездным Королем?

— Так сказал мне Смейд.

— А как это обнаружил Смейд?

Герсен покачал головой.

— Я как-то не подумал спросить.

Он замолчал, поглощенный новой пришедшей в его голову идеей. В таверне Смейда было три посетителя: он сам, Тихальт и Звездный Король. Если поверить Тристану — а почему бы и не поверить ему, — то он прибыл в компании только Даске и Сутиро. Если учесть заявление Даске, которое он сделал Тихальту, то убийцей следует считать Аттеля Малагате.

Герсен отчетливо слышал крик Тихальта в то время, как Сутиро, Даске и Тристану находились в его поле зрения.

Если только сам Смейд не был Малагате, если тайком не прибыл еще один корабль — и то, и другое было очень маловероятным, — Малагате и Звездный Король должны были быть одним и тем же лицом!

Переворачивая в памяти события того вечера, Герсен припомнил, что Звездный Король выходил из столовой на достаточное время, чтобы посоветоваться снаружи с Даске.

Паллис Атроуд легонько коснулась его щеки.

— Вы рассказывали мне о таверне Смейда.

— Да, — кивнул Герсен, — сейчас продолжу.

Он задумчиво смотрел на девушку. Она должна знать достаточно много о всех перемещениях Уорвина, Келле и

Деттераса. Паллис, не поняв характера его взгляда, густо покраснела, несмотря на светло-зеленое тонирование кожи лица. Герсен натянуто засмеялся.

— Вернемся в таверну Смейда.

И он описал события того вечера.

Паллис с интересом слушала его, совершенно забыв о еде.

— Значит, теперь у вас записи Тихальта, а у университета дешифратор?

— Правильно. И ни то, ни другое не представляет какой-либо ценности отдельно, без обязательной второй половины.

Глава 16

Когда они управились с ужином, стояла глубокая ночь. Герсен, не имея банковского счета на Альфиноре, заплатил по счету наличными. Они поднялись на поверхность.

— Чем бы нам теперь заняться?

— Мне все равно, — сказала Паллис. — Давайте вернемся на эспланаду, в какое-нибудь кафе.

Ночь была темна. Со стороны города лился мягкий, рассеянный свет, в темноте угадывались едва освещенные фасады домов. Официант принес кофе и ликер. Они расположились поудобнее и стали наблюдать за гуляющими.

— Вы рассказали мне не все, — заметила задумчиво Паллис.

— Конечно, нет, — кивнул Курт. — На самом деле... — Он запнулся, уцепившись за еще одну тревожившую его мысль. Аттель Малагате мог ошибиться в характере его интереса к Паллис — особенно, если он был Звездным Королем, бесполом, не способным понять уравнение «мужчина — женщина». — На самом деле, — повторил Герсен, — я не имею права впутывать вас в свои неприятности.

— Я не согласна с вами, — сказала, лениво потянувшись, Паллис. — А даже если вы и правы, что из этого? Не забывайте, Авента находится на Альфиноре, а не в Глуши. И к тому же это цивилизованный город на цивилизованной планете.

— Я уже рассказал вам, что некоторых людей интересует планета Тихальта, и эти люди настолько развращены,

что ярлык пирата и работоторговца может служить для них еще довольно лестной характеристикой. Вы слышали когда-нибудь о Малагате-Горе?

— Малагате-Горе? Да.

Герсен боролся с искушением рассказать ей, что она ежедневно принимает почту и выполняет различные поручения этого бандита.

— Весьма вероятно, — сказал он ей, — что за нами следят «прилипалы» — различные устройства шпионажа. Вполне возможно, что в эту самую минуту Малагате уже знает, где мы с вами находимся, и даже знает о теме нашего разговора.

Паллис невольно съежилась и стала пристально всматриваться в ночное небо.

— Вы имеете в виду, что Малагате наблюдает за мной? От такой мысли по коже бегут мурашки.

Герсен осмотрелся по сторонам. За соседним столиком сидел Сутиро, отравитель с Саркоя. Курт почувствовал, как внутри у него, что-то оборвалось.

Встретившись взглядом с Герсеном, Сутиро вежливо кивнул и улыбнулся. Он встал и медленно направился к их столику.

— Добрый вечер, мистер Герсен.

— Добрый вечер, — ответил Курт.

— Можно присоединиться к вам?

— Нежелательно.

Сутиро слегка покачал головой, сел и повернулся к Паллис.

— Я хотел бы, чтобы вы познакомили меня с этой очаровательной леди, мистер Герсен, — сказал он.

— Вы уже знаете, кто она.

— Но она же не знает, кто я!

Герсен повернулся к Паллис.

— Перед вами, моя дорогая, distinguished Сутиро, мастер по составлению ядов, с планеты Саркоя. Вы недавно высказали интерес к дурным людям — так вот, перед вами именно такой человек, какого вам хотелось встретить!

Сутиро рассмеялся.

— Мистер Герсен явно переоценивает мои способности. Некоторые из моих друзей настолько превосходят меня, насколько я превосхожу вас. Я надеюсь и желаю вам от всей души, чтобы вам никогда не пришлось встретиться с ними. С Хильдемаром Даске, например, который похвастается своей способностью одним взглядом парализовать собаку.

В голосе Паллис зазвучало беспокойство.

— Мне не приходилось сталкиваться с ними.— Она завороченно смотрела на Сутиро.— Вы на самом деле... признаетесь, что вы человек дурной?

Сутиро рассмеялся.

— Я мужчина, и я — с Саркоя!

— Я только что рассказал мисс Атроуд о нашей встрече в таверне Смейда. Скажите мне наконец, кто же убил Тихальта?

Сутиро, казалось, удивился.

— Кто же еще, как не Малагате! Ведь мы, все трое, сидели внутри. А впрочем, разве это не все равно? В такой же степени это мог быть и я, и Красавчик, и Тристано... Тристано, между прочим, сильно заболел. С ним произошел несчастный случай. Но он еще надеется по выздоровлении встретиться с вами.

— Он может считать, что ему повезло, так и передайте,— тихо произнес Герсен.

— Вы не поверите, как ему стыдно,— продолжал Сутиро.— Он ведь считал себя очень ловким. А тут... Правда, я не раз говорил, что он далеко не так искусен, как я, но он не верил. Теперь, думаю, он пересмотрит свою точку зрения.

— Говоря об умении,— заметил Герсен,— я очень сомневаюсь, что вы сможете сделать фокус с бумагой.

Сутиро насторожился.

— Да, конечно, Но откуда вам известен этот фокус?

— Я узнал о нем в Кальванге.

— И что же вас привело в этот город?

— Визит к Кулироу-отравителю.

Сутиро поджал свои толстые красные губы.

— Кулироу был так же умен, как и любой другой, но что касается фокуса с бумагой...

Герсен протянул ему салфетку.

Сутиро взял ее большим и указательным пальцами и, держа на весу, слегка ударил по ней правой рукой. Она упала на стол в виде пяти полосок.

— Хорошо сработано,— одобрительно кивнул Герсен и, обратившись к девушке, объяснил: — Его ногти затвердели и остры, как бритвы. Естественно, он не станет тратить яд на бумагу, но каждый из его пальцев подобен голове змеи.

Сутиро самодовольно кивнул в знак согласия. Герсен снова повернулся к нему.

— А где же ваш Чудо-Даске?

— Неподалеку отсюда!

— С красным лицом и всем прочим?

Сутиро печально покачал головой, не одобряя дурного вкуса своего напарника в вопросах тонирования кожи.

— Очень способный и очень страшный человек. Вы когда-нибудь задумывались, почему у него такое лицо?

— А что, мне нужно было об этом задуматься?

— Вы мне не друг, вы красиво обставили меня один раз. Тем не менее я хотел бы предупредить вас: никогда не переходите дорогу Красавчику-Даске. Двадцать лет назад ему стали перечить во время небольшой проделки. Дело заключалось в вымогании денег у одного упрямого человека. Хильдемар по случайности был застигнут врасплох, его сбили с ног и крепко связали. Затем его кредитор проявил дурной вкус и рассек надвое нос бедного Хильдемара, затем он срезал ему веки... Но все же Даске удалось выкарабкаться, и теперь он известен всей Ойкумене под именем Красавчика-Даске или Чудо-Даске.

— Какой ужас! — прошептала Паллис.

— Конечно! — голос Сутиро стал высокомерным. — Годом позже Хильдемар без особого труда поймал этого человека. Он увез его в одно уединенное место, где тот и живет до сих пор. Так вот, время от времени Даске вспоминает об оскорблении, которое нанес ему этот человек, и возвращается в свою берлогу, чтобы позабавиться с ним.

Паллис, блестя глазами, взглянула на Герсена.

— И такие люди — ваши друзья, мистер Герсен?

— Нет, конечно, — спокойно ответил Курт. — Нас связывает только Луго Тихальт. — И глядя на смотревшего на бульвар Сутиро, Герсен добавил как бы невзначай: — Вы, Даске и Тристано постоянно работаете вместе?

— Зачастую, хотя я предпочитаю действовать в одиночку.

— И Луго Тихальт имел несчастье наткнуться на кого-то из вас в Кринктауне?

— К чему так часто вспоминать этого несчастного? Он умер быстро! Годогма забирает всех людей. Разве это ужасно?

— Но никому до сих пор не хотелось поторапливать Годогму. Разве это не так?

— Верно. — Сутиро внимательно посмотрел на свои сильные ловкие руки. — Согласен!

Он повернулся к девушке и произнес:

— У нас на Саркое есть тысячи народных пословиц на сей счет.

— Кто это — Годогма?

— Великий бог судьбы, который несет цветок и цепь для молотбы и передвигается на колесах.

Герсен сделал сосредоточенный вид.

— Я хотел бы задать вам, Сутиро, еще один вопрос. Вам не нужно будет отвечать, если не захотите. Может быть, вы и не знаете ответа. Но меня очень удивляет, почему это Малагате, Звездный Король, так неистово жаждет заполучить именно эту планету?

Сутиро пожал плечами.

— Это дело, в которое я не желаю впутываться. По-видимому, это очень ценная планета. Мне платят. Я убиваю только тогда, когда вынужден или когда это приносит мне доход. — Он повернулся к Паллис. — На самом деле я не такой уж законченный злодей. Скоро я вернусь на Саркой и буду доживать свои дни, странствуя по городунбургским степям. Вот где жизнь! Когда я думаю об этих грядущих временах, мне становится непонятно, зачем я сижу здесь, в этой противной сырости. — Он скривился в сторону моря и встал. — Самонадеянно советовать вам, но я рискну. Вам никогда не удастся победить Малагате — поэтому отдайте эти записи!

Герсен подумал мгновение, а затем сказал:

— Я также осмелюсь посоветовать вам, Сутиро, движимый тем же побуждением, что и вы. Мой совет таков: убейте Хильдемара Даске в то же мгновение, как только встретитесь с ним или даже раньше.

Сутиро изумленно поднял свои густые брови. Герсен продолжал:

— Здесь за нами что-то следит, хотя я и не обнаружил, что это такое. Его микрофоны, возможно, уже зафиксировали наш разговор. Я не имел ни малейшего представления, что Звездный Король в таверне Смейда и был Малагате, пока вы не сказали мне об этом. Очень интересно. Я не думаю, что этот факт общеизвестен.

— Тише! — прошептал Сутиро. Его глаза внезапно зажглись лютой ненавистью.

Герсен понизил голос.

— Хильдемара Даске, вполне возможно, попросят наказать вас. Если только вы хотите опередить Годогму, если вы хотите наслаждаться жизнью и гнать свою повозку через степи — убейте Даске и уходите.

Сутиро прошептал что-то неразборчивое, дернул рукой,

как будто пытаюсь что-то бросить, затем отпрянул, повернулся и смешался с толпой.

Паллис легко вздохнула, уютнее устроилась в кресле и нерешительно прошептала:

— Я не такая уж любительница острых ощущений, как предполагала.

— Очень жаль, — сказал Герсен, искренне раскаиваясь. — Мне не следовало приглашать вас на вечер.

— Нет, нет, просто для меня совершенно непривычна такая беседа здесь, на бульваре, в мирной Авенте. Но все же я получила от этой встречи какое-то удовольствие. Если вы не преступник... Как вас, простите, зовут?

— Курт Герсен.

— Значит, вы сотрудник «Интергалактола».

— Нет.

— Значит, вы из специального комитета Институтции.

— Я просто Курт Герсен — частное лицо. — Он встал. — Давайте немного прогуляемся.

Они пошли вдоль эспланады. Паллис взяла Герсена под руку.

— Скажите мне, Курт, что из того, что Малагате — Звездный Король? Что это означает?

— Мне самому еще не все ясно.

Герсен попытался вспомнить, как выглядел Звездный Король в таверне Смейда. Был ли это Уорвин? Келле? Деттерас? Черно-матовый оттенок кожи делал неразличимыми черты лица. Полосатое кепи закрывало волосы. У Курта сложилось впечатление, что Звездный Король был выше, чем Келле, но не такой высокий, как Уорвин. Но даже черный цвет кожи вряд ли смог бы замаскировать грубые черты лица Деттераса!

— Они на самом деле убьют этого Сутиро?

Герсен осматрелся вокруг, пытаясь обнаружить электронный «хвост», но безуспешно.

— Не знаю. Он им еще полезен. При случае...

Курт в нерешительности замолчал, задумавшись об этичности вовлечения в это грязное дело такой девушки, как Паллис.

— При случае, что?..

— Ничего.

Боясь подслушивающих микрофонов, Герсен не осмеливался расспросить Паллис о перемещениях Келле, Деттераса или Уорвина.

Паллис обиженно сказала:

— Я до сих пор не понимаю, каким образом все это касается вас?

Герсен еще раз предпочел отмолчаться — «хвост» мог подслушать его, да и сама Паллис Атроуд могла быть агентом Малагате, хотя это было маловероятно. Поэтому он только сказал:

— Совсем не касается, если не считать кое-что отвлеченное.

— Но любой из этих людей, — она кивнула на прохожих, — может быть Звездным Королем. Поэтому мне очень интересно, каким образом их можно отличить от обычных людей?

— Отличить их очень трудно, я уже говорил вам об этом. На своей родной планете Ггнарумене они приблизились к облику людей во многих отношениях. Те, кто путешествует в человеческих мирах в качестве наблюдателей или шпионов, если вам угодно, хотя я не могу вообразить себе, что же они пытаются узнать, — так вот, они — почти точная копия настоящих людей.

Паллис неожиданно улыбнулась, открыла рот, чтобы что-то сказать, но тут же закрыла его и бесшабашно махнула рукой.

— Давайте забудем об этих кошмарах, а то мне повсюду будут чудиться Звездные Короли. Даже в университете.

— Вы знаете, чего мне сейчас хочется?

Она насмешливо улыбнулась.

— Нет. Но могу угадать.

— Прежде всего я хотел бы избавиться от этих микро-соглядатаев, что относительно нетрудно. А затем...

— А затем?

— Мне хотелось бы пойти в какое-нибудь укромное место, где мы могли бы побыть одни.

— Я не против. Здесь на берегу есть одно такое место, Лос-Сиренос, так его называют. Я никогда не бывала там, — она смущенно рассмеялась. — Но я много о нем слышала.

Герсен взял ее за руку.

— Сначала нужно стряхнуть «прилипал».

Паллис с детской непринужденностью повторяла все его маневры. Глядя на ее веселое лицо, Герсен колебался в своей решимости избежать эмоциональных затруднений. Если они пойдут в Лос-Сиренос, если ночь приведет их к интимной близости, что тогда? Герсен подавил приступ малодушия. Он справится с проблемами, которые тогда возникнут!

«Прилипалы» должны были уже давно оказаться сби-

тыми с толку. По крайней мере, Курт надеялся на это. Они вернулись на стоянку, где рядами стояли отсвечивающие тусклым серебром машины.

Они подошли к своему глайдеру. Герсен в нерешительности остановился, а затем обнял девушку и стал целовать запрокинувшееся нежное лицо.

Сзади него зашевелились какие-то тени. Курт резко повернулся и увидел ужасное кроваво-красное лицо с синими щеками. Огромной силы удар обрушился на голову Герсена. Молнии сверкнули в его черепе. Он пошатнулся и упал на колени.

Даске нагнулся над ним. Герсен попытался увернуться, но реакция у него уже была не та. Весь мир завертелся перед его глазами и полетел вверх тормашками. Он увидел Сутиро, который, злобно улыбаясь, обвинил своей рукой шею девушки. Даске снова ударил его, и мир потух.

Единственное, что успел еще сделать Герсен, это с горечью упрекнуть себя. Но последовал еще один удар, и он потерял сознание.

Глава 17

В полночь группа молодежи, смеясь и распевая, подошла к стоянке. Она посетила уже изрядное количество злачных мест, одурманив себя не только винами и наркотиками, но и более утонченными средствами типа сублимированных картин и гипнотических переживаний.

Парень, споткнувшийся о тело Герсена, сначала язвительно позлословил, но, разглядев лицо лежащего, завopil от ужаса. Один из компании побежал к своему аппарату и нажал на кнопку вызова скорой помощи. Через две минуты с неба спустился полицейский коптер и почти сразу же после него скорая помощь.

Герсена отправили в госпиталь, где ему как пострадавшему от сотрясения и шока была оказана первая помощь в виде соответствующего обличения, массажа и питательных средств. Он вскоре пришел в себя и некоторое время лежал, размышляя. Затем он резко рванулся и попытался встать. Сидевшие рядом практиканты удерживали его, но Герсен все-таки выпрямился и встал, стараясь не покачиваться.

— Моя одежда! — прохрипел он. — Верните мне мою одежду!

— Она находится в полной сохранности, сэр! Мы положили ее в кладовую. Только что прибыл служащий полиции, который возьмет у вас показания.

Герсен лег в кровать, с болью постигая произошедшее.

К нему подошел следователь, молодой человек с умным лицом, в темно-коричневом кителе и черных бриджах полиции Приморской провинции. Он вежливо представился Герсену, сел и открыл заглушку аппарата для записи.

— Что с вами произошло, сэр?

— Я проводил вечер с молодой женщиной, мисс Паллис Атроуд из Ремо. Когда мы возвращались к своему глайдеру, меня оглушили, и я не знаю, что произошло с моей девушкой. Последнее, что я помню, это то, как она пыталась вырваться из рук одного из нападавших.

— Сколько их было?

— Двое. Я узнал их. Один из них — Хильдемар Даске, другого я знаю только как Сутиро с планеты Саркой. Оба пользуются дурной славой за пределами Ойкумены.

— Понятно. Имя и адрес молодой леди?

— Паллис Атроуд. Пансион Мерионс в Ремо.

— Мы сейчас же проверим, пришла ли она домой. А теперь, мистер Герсен, расскажите мне обо всем по порядку.

Герсен уныло рассказал все подробности нападения, описал Хильдемара Даске и Сутиро. Пока он говорил, пришло сообщение из полицейской службы информации.

Паллис Атроуд не вернулась к себе домой. Шоссе, аэродромы и космопорты были взяты под наблюдение. К делу был привлечен «Интергалактпол».

— Теперь, сэр,— спокойно произнес следователь,— разрешите выяснить, чем вы занимаетесь?

— Я разведчик.

— Вы как-нибудь связаны с нападшими на вас?

— Нет! Я видел их только один раз, на планете Смейда. По-видимому, они считают меня своим противником. Я уверен, что они входят в организацию Аттеля Малагате.

— Очень странно. Но что могло их заставить столь нагло совершить преступление? Вы ничего не забыли мне рассказать? И кроме того, почему они вас не убили? Очень странно!

— Я тоже очень удивлен,— сквозь зубы произнес Герсен. Он еще раз попытался подняться. Следователь наблюдал за ним с профессиональным интересом.

— Каковы ваши дальнейшие планы, мистер Герсен? — поинтересовался он как бы мимоходом.

— Я обязан разыскать Паллис Атроуд!

— Вас вполне можно понять, — кивнул следователь. — Но лучше, если вы не будете ни во что вмешиваться. Полиция сработает лучше, чем один человек. Думаю, что в любую минуту можно ждать важных для вас сведений.

— Не думаю, — буркнул Герсен. — Они уже в космосе.

Следователь встал и молча кивнул, соглашаясь с мнением разведчика.

— Мы, естественно, будем постоянно держать вас в курсе дел, — он поклонился и вышел.

Герсен тотчас же оделся. Колени его еще подгибались, голова безумно болела, от лекарств звенело в ушах.

Лифт привез его на станцию метро. Он стоял на платформе, пытаясь сформулировать четкий план действий. Одна и та же фраза неотступно сверлила его сознание — бедная Паллис, бедная Паллис!

Так ничего и не придумав, он вошел в капсулу и вскоре был уже на станции под Бульваром.

— Теперь она в космосе, — еще раз сказал он сам себе. — И это моя вина. Моя вина!

Он должен был предвидеть возможность такого поворота событий. Паллис Атроуд хорошо знала Уорвина, Келле и Деттераса. Она ежедневно видела их, слышала всевозможные сплетни. Малагате-Горе, Малагате-Звездный Король был одним из этих троих, и Паллис Атроуд, очевидно, знала нечто такое, что вкупе с неразумными откровениями Сутиро могло поставить под угрозу инкогнито Малагате. Следовательно, ее оказалось необходимо убрать. Убить? Продать в рабство? Отдать в личное пользование Даске?

Несчастная Паллис, бедная Паллис!

— Я должен быть готов к чему угодно, — сказал себе Герсен. — Я несу за это ответственность. Если только ей будет причинен вред, я убью Хильдемара Даске!

Сутиро, предатель с лисьей мордой, тоже может считать себя мертвецом. И та же участь постигнет самого Малагате, творца всей этой вероломной затеи. Звездный Король не вызывал у Курта прежней ненависти — просто этого ужасного зверя можно без всяких эмоций вычеркнуть из списка живых.

Преисполненный ненависти, уныния и жалости, Герсен подошел к глайдеру на опустевшей стоянке.

Вот то место, где стоял Даске. Вот здесь я, как никудышный легкомысленный дурак, валялся без сознания! Наверное, дух моего деда должен был сгореть от стыда!

Курт завел глайдер и отправился в гостиницу. Никаких писем в его адрес не поступало.

Над Авентой занималась заря. Герсен поставил глайдер, выпил снотворное, действующее только два часа, и свалился в кровать.

Когда он проснулся, печаль и подавленность стали еще сильнее, чем прежде. Прошло время, и то, что ждало Паллис Атроуд, теперь уже стало свершившимся фактом. Герсен заказал кофе.

Он размышлял над тем, что же он должен предпринять. «Интергалактпол»? Там его вынудят рассказать обо всем, что он знает. Сможет ли полиция действовать более успешно, если он выложит все известные ему факты? Он мог бы сказать, что подозревает кого-то из руководителей Приморского университета в том, что он является одним из так называемых Демонов Тьмы. Ну и что? «Интергалактпол», элита полиции, со всеми характерными для организации такого рода достоинствами и недостатками, вряд ли может заслуживать доверия. Возможно, что Звездные Короли проникли в нее, и в этом случае Малагате непременно будет предупрежден. И как сможет эта информация сама по себе спасти Паллис Атроуд?

Похитителем был Хильдемар Даске, Герсен сообщил об этом, и никакая другая информация не может быть более исчерпывающей.

Другая возможность — обмен планеты Тихальта на Паллис Атроуд... Курт с радостью совершил бы такую сделку, но с кем ему договариваться? Он до сих пор не смог идентифицировать Малагате. «Интергалактпол», несомненно, располагает средствами для обнаружения Звездного Короля. Что же из этого? Обмен станет невозможным, будет совершена экзекуция без особого шума, хотя «Интергалактпол», как правило, действует на основании формальной заявки какого-нибудь правительственного агентства. А тем временем что произойдет с Паллис Атроуд?

Если Герсен опознает Малагате, то диапазон средств для достижения его целей значительно расширится. Логика сложившегося положения подсказывала, чтобы Герсен продолжал свои действия в том же направлении,

что и прежде. Но как медленно все движется! Подумай о Паллис, бедняжке Паллис! Хильдемар Даске давно уже ушел, и никакие усилия Герсена или «Интергалактопола» не смогут принести пользу на фоне этого упрямого факта. Только Аттель Малагате может приказать ему вернуться. Если Паллис Атроуд к тому времени будет еще жива...

Положение нисколько не изменилось. Как и раньше, самым неотложным является опознание Малагате. Затем — заключить сделку или вырвать тайну силой.

Как только ход дальнейших действий снова прояснился, настроение Герсена немного улучшилось. Точнее, его решительность и готовность к самопожертвованию вспыхнули с новой силой. Ненависть придала ему почти опьяняющее чувство всемогущества. Никто, ничто не сможет устоять перед столь пылкими чувствами!

Приближалось время его свидания с Уорвином, Келле, Деттерасом. Курт оделся, спустился в гараж, выехал на проспект и направился на юг.

Надеясь на чудо, с замиранием сердца он утремился к столу секретаря. Дежурила другая девушка. Он поклонился и вежливо спросил:

— А где мисс Атроуд?

— Не знаю, сэр. Она сегодня не вышла на работу. Возможно, заболела.

Он напомнил о своем свидании и направился к кабинету Рандла Деттераса.

Уорвин и Келле явились туда еще до него. Без сомнения, все трое уже пришли к общему решению, выработав какую-то определенную линию поведения.

Герсен пробежал взглядом по их лицам. Один из них был человеком только внешне. В таверне Смейда он промелькнул перед ним, и теперь Курт пытался вспомнить, отчетливо представить себе его зрительный образ. Но это ему не удавалось. Черная окраска кожи и экзотическая одежда создавали маскировку, через которую он не в состоянии был проникнуть. Украдкой он оценивающе посмотрел на каждого из присутствующих. Кто же? Уорвин — похожий на орла, с высокомерным холодным взглядом? Келле — педантичный, суровый, без всякого чувства юмора? Или Деттерас, добродушие которого теперь казалось неискренним и обманчивым?

Герсену пришлось признать, что он не способен решить такой загадки. С усилием ему удалось принять учтывую позу и сделать первый ход.

— Давайте упростим дело,— начал он.— Я уплачу вам — я имею в виду, разумеется; университет,— за дешифрующую карту. Думаю, что лишняя тысяча СЕВов не помешала бы университету. В любом случае вот предложение, которое я хотел бы предложить вашему вниманию.

Его противники, каждый по-своему, были захвачены врасплох. Уорвин поднял брови, Келле тупо смотрел в точку над головой Герсена, а Деттерас загадочно улыбался.

— Но, насколько мы вас поняли, вы намеревались сами продать нам кое-что! — бросил Уорвин.

— Я ничего не имею против продажи,— кивнул Герсен,— если только цена будет разумной.

— И сколько вы подразумеваете под этим словом «разумной»?

— Миллион СЕВов, возможно, даже два или три, если вы дойдете в своих торгах до такой цены.

Келле шмыгнул носом, Деттерас покачал своей огромной безобразной головой.

— Разведчикам не платят вознаграждение такого размера,— заметил все тот же Уорвин.

— Существовала ли договоренность о ценах при отправке Тихальта? — поинтересовался Герсен.

— Какое это имеет значение? — пожал плечами Уорвин.— Ваша заинтересованность в этом деле — деньги — стала достаточно очевидной.— Он переглянулся по очереди с Келле и Деттерасом.

— Кто бы ни договаривался с Тихальтом, он или забыл об этом, или предпочитает не раскрывать себя. Сомнительно, что таким образом мы чего-нибудь добьемся.

— Ваше поведение непоследовательно,— заметил Деттерас.— Мы же дали вам возможность сделать свое предложение. Так вот, и мы решили сделать вам свое совместное предложение, разумеется, не столь грандиозное, о котором вы только что упомянули...

— Сколько?

— Возможно, до пяти тысяч СЕВов.

— Любопытно. Но ведь это исключительная планета.

— Вы этого не знаете,— подчеркнул Уорвин.— Вы не были там или так заявляете.

— Слишком много слов,— сухо произнес Герсен.— Ближе к делу. Вы там тоже не были.

— Точно,— вмешался в разговор Келле.— Эти фотографии пока ничего не стоят. Их можно легко подде-

лать. Я лично не собираюсь платить крупную сумму, основываясь только на этих трех фотографиях.

— Я понимаю вас,— кивнул Герсен.— Но, со своей стороны, я не намерен идти вам навстречу, не получив предварительно определенных гарантий. Не забывайте, что я понес убытки, и это — представившаяся мне возможность возместить их.

— Будьте благоразумны,— вмешался Деттерас.— Без дешифратора содержимое монитора — всего лишь одна катушка с проводом.

— Это не совсем так. Применение разложения Фурье может постепенно расшифровать запись.

— Теоретически. И не забудьте, что это очень долгий и дорогой процесс.

— Не настолько дорогой, чтобы отдавать запись практически даром.

Дискуссия продолжалась в течение часа, и Герсен едва сдерживался, чтобы не скрипеть зубами от нетерпения. В конце концов, было заключено соглашение о депонировании задатка в размере ста тысяч СЕВов. Окончательные же условия продажи будут выработаны в зависимости от физических характеристик планеты.

Как только была достигнута такая договоренность, Уорвин установил телевизионную связь с Бюро Документов и Контрактов в Авенте. Все четверо удостоверили свою личность и изложили свои обязательства, затем составили текст контракта.

Затем Уорвин, Келле и Деттерас произвели второй вызов, на этот раз в банк Альфинора, где и открыли депонент на установленную сумму.

Герсен взглянул на троих сидящих перед ним администраторов, которые так же вопросительно глядели на него и спросил:

— Кто из вас намерен вместе со мной произвести инспекцию этой планеты?

Все трое обменялись взглядами.

— Поеду я,— заявил Уорвин.— Я очень заинтересован в том, чтобы поехать.

— Я тоже хотел бы предложить свои услуги,— усмехнулся Деттерас.

— В таком случае,— Келле тоже подал голос,— я тоже мог бы отправиться. Мне совсем не повредит перемена обстановки.

Герсен вскипел, чувствуя крушение своих надежд. Он ожидал, что лишь Малагате добровольно предложит

свои услуги, что тот будет настойчивым, доказывая, что именно он должен это сделать. В таком случае Герсен мог отвести в сторону и предложить новые условия: записи за Паллис Атроуд. Что, в конце концов, значила для него эта планета? Его единственной целью было отождествление Малагате, и после этого — справедливое возмездие!

Но теперь этот план рухнул. Если все трое отправятся на планету Тихальта, опознание Малагате будет зависеть от новых обстоятельств, а судьба Паллис Атроуд повиснет на волоске.

Стоя на своем до конца, Герсен запротестовал:

— Мой корабль слишком мал для четверых. Было бы лучше, если бы только один из вас отправился со мной.

— Это несложно устроить, — заявил Деттерас. — Мы отправимся на корабле, принадлежащем отделу. На нем уйма свободного места.

— Еще одно, — сердито сказал Герсен. — В ближайшем будущем мне предстоят некоторые неотложные дела. Я извиняюсь за это, извиняюсь за причиненные вам неудобства, но я настаиваю на том, чтобы мы отправились сегодня же.

Это вызвало бурные возражения всех троих, вся их ближайшая неделя оказалась занята различными заседаниями, совещаниями и встречами.

Герсену пришлось показать свой характер:

— Джентльмены, вы и так уже потратили достаточно много своего времени. Мы отбываем сегодня, в противном случае я забираю записи в какое-нибудь другое место или даже уничтожу их.

Он внимательно посмотрел по очереди на каждого из присутствующих, надеясь обнаружить признаки испуга.

Уорвин бросил на него холодный неодобрительный взгляд. Келле смотрел на него, как на непослушного ребенка. Деттерас печально качал головой. Наступила тишина. Кто же из них, пусть неохотно, но первым согласился на его условия? Уорвин бесцветно произнес:

— Я считаю, что вы ненадежны как партнер, так как легко поддаетесь своим беспочвенным капризам.

— Вы нас загоняете в тупик, — проворчал Деттерас. — Я же не могу выбросить все свои дела в канаву за пять минут.

— Один из вас мог бы легко освободиться от всех текущих дел, — с надеждой произнес Герсен. — Мы с ним провели бы предварительное обследование планеты, до-

статочное для того, чтобы я смог забрать то, что мне причитается, и вернуться к своим обычным делам.

— Гм... — промычал Деттерас.

— Полагаю, что я смог бы отправиться, — медленно отчеканил Келле.

Уорвин кивнул.

— Мои встречи, конечно, с определенными неудобствами могут быть отменены на некоторое время.

Деттерас поспешно повернулся к экрану интеркома и вызвал свою секретаршу:

— Отмените все мои встречи. Да, да, все на неопределенное время. Неотложные дела заставляют меня покинуть город.

Герсен продолжал наблюдать за всеми троими. Один Деттерас откровенно показал свое раздражение. Келле, очевидно, расценивал эту поездку как краткую отлучку. Уорвин сохранял вид спокойной отрешенности.

Герсен встал и уже около двери сказал:

— Значит, встречаемся в космопорте, джентльмены. Ну, скажем, в семь часов. Я принесу записи, а один из вас должен принести дешифратор.

Все молча согласились с ним, и Герсен вышел.

Глава 18

По дороге в Авенту Герсен напряженно размышлял. Чего можно ждать от этих троих, один из которых — Аттель Малагате? Было бы совсем не глупо принять определенные меры предосторожности — этому его научил еще дед, человек методичный, который без устали трудился над тем, чтобы его внук научился сдерживать присущую ему тягу полагаться на импровизацию.

В гостинице Герсен проверил свои пожитки и кое-что отобрал, затем он все упаковал и выписался из отеля. Удостоверившись, что за ним нет слежки, он пошел в ближайшее отделение Объединенной Службы Доставки, одной из грандиозных общественных компаний с агентствами, разбросанными по всей Ойкумене. В киоске он просмотрел каталоги, которые предлагали ему на выбор миллион изделий, производимых тысячами поставщиков. Сделав свой выбор, он нажал кнопку заказов и пошел к прилавку.

Здесь пришлось подождать три минуты, пока автоматическая система рылась среди полок огромного подзем-

ного хранилища. Вскоре на ленте конвейера показался заказанный Герсеном механизм. Он осмотрел его, расплатился с клерком и на метро отправился в космопорт. У дежурного он справился о местонахождении университетского корабля. Дежурный вывел его на террасу и указал на длинную шеренгу больших и малых кораблей.

— Видите, сэр, красно-желтую яхту с платформой сбоку? Хорошо... отсчитайте три корабля вправо от нее. первый типа СД-16, затем старая «Парабола», а затем зелено-голубой корабль с большим куполом для наблюдений. Это он и есть. Он отправляется сегодня, не так ли?

— Да. около семи часов. Откуда вам это известно?

— Один из членов экипажа уже на борту. Мне пришлось пропустить его.

— Понятно.

Герсен вернулся вниз, на поле, пешком прошел вдоль рядов космических кораблей. незаметно встав на корпус соседнего корабля, он внимательно осмотрел университетскую яхту. У нее были характерные очертания и довольно замысловатая эмблема на носу. В глубине сознания Курта шевельнулась неясная мысль — где-то он уже видел этот корабль... Где? На планете Смейда, на посадочном поле, зажатом между горами и черным океаном? Неужели именно этим кораблем пользовался Звездный Король?

В одном из смотровых окон мелькнула фигура человека. Когда она исчезла из виду, Герсен постарался как можно быстрее пересечь пространство между двумя кораблями.

Он осторожно дотронулся до входной двери — она слегка отодвинулась. Он вступил в переходную камеру, оттуда через прозрачную панель был виден главный салон корабля. Сутиро с Саркоя возился с каким-то предметом, прикрепляя его к нижней стороне одной из полок.

Герсен ощутил жестокую радость и безумную ненависть, которая, взорвавшись, охватила все его тело. Он попробовал внутреннюю дверь, она была заперта изнутри. Существовала, однако, аварийная рукоятка, с помощью которой можно было открыть дверь, если давление внешней атмосферы и внутри корабля в шлюзе были одинаковыми. Герсен попробовал аварийную систему.

Раздался хорошо различимый щелчок, но внутри корабля все было тихо. Не осмеливаясь взглянуть через

панель, Герсен приложил ухо к двери. Бесполезно — никакой звук не мог бы проникнуть через дверь из толстого проката. Он подождал минуту, а затем осторожно заглянул внутрь. Сутиро ничего не слышал. Он ушел в переднюю часть салона и теперь приспособливал что-то внутри подпорки. Его тяжелая плоская голова была наклонена вниз, зубы крепко сжаты.

Герсен проскользнул через дверь и вошел внутрь с энергометом, нацеленным на крупную квадратную пряжку на поясе Сутиро.

— Достопочтенный Сутиро,— сказал Курт.— Я даже не смел мечтать, что получу от нашей встречи такое удовольствие.

Коричневые глаза отравителя обалдело моргали. Но он быстро пришел в себя и улыбнулся.

— Я ждал, что вы придете, сэр.

— Серьезно? А зачем?

— Я хотел продолжить наш вчерашний разговор.

— Мы говорили о Годогме, длинноногом ходоке с колесами на ступнях. Вот он и пересек тропу вашей жизни, Сутиро. Вы уже никогда не сможете наслаждаться жизнью, разъезжая в своем фургоне по степям родного Саркоя.

Сутиро оцепенел, меряя взглядом Герсена.

— Что случилось с девушкой? — как можно мягче спросил Курт.

Сутиро задумался и, очевидно, отверг мысль, что он может сейчас изображать оскорбленную ненависть.

— Ее забрал Красавчик.

— При вашем попустительстве. Где она сейчас?

Сутиро пожал плечами:

— Ему было приказано убить ее. Почему — я не знаю. Мне говорят очень мало. Но Даске не убьет ее до тех пор, пока полностью не наиграется. Он — кнехт,— Сутиро усмехнулся, довольный этим сравнением Даске с непристойно плодовитым зверьком на Саркое.

— Он покинул Альфино?

— Разумеется,— Сутиро, казалось, был удивлен наивным вопросом Герсена.— Скорее всего, он отправился на свою планету.

Он сделал двусмысленный жест и придвинулся на несколько дюймов к Курту.

— Где эта планета?

— Ха! Неужели вы думаете, что он раскрывает мне такие секреты? Или кому-нибудь еще?

— В таком случае я должен попросить вас отодвинуться назад.

— Тьфу! — прошептал Сутиро. — Я и так могу отравить вас в любое мгновение, когда захочу.

Легкая усмешка искривила губы Герсена.

— Но я уже отравил вас раньше.

Сутиро поднял брови:

— Когда? Вы ни разу не подходили близко ко мне.

— Вчера вечером. Я прикоснулся к вам, передавая салфетку. Взгляните-ка на тыльную сторону своей правой кисти.

Сутиро, онемев от ужаса, смотрел на красный рубец.

— Ключ!

Герсен кивнул:

— Да, ключ! Яд, не имеющий противоядия.

— Но почему вы сделали это со мной?

— Вы заслужили такой конец.

Сутиро, как леопард, метнулся вперед, но из дула энергомета вылетел бело-голубой сноп энергии. Сутиро упал на палубу, не отрывая глаз от Курта.

— Лучше плазма, чем ключ! — прохрипел он.

— Нет! Вы умрете от ключа.

Сутиро мотнул головой.

— Нет, пока при мне мои яды.

— Годогма призывает вас, Сутиро. И, значит, сейчас вы скажете правду, не так ли? Вы ненавидите Хильдемара Даске?

— Да, я его ненавижу, ненавижу! — Сутиро, казалось, был удивлен, что кто-то усомнился в его отношении к этому зверю.

— Я убью вашего друга.

— Многие хотели бы это сделать. Вы думаете, я не убил бы его, будь у меня хоть единственный шанс? — мрачно улыбнулся саркоит.

— Где же расположена его планета?

— Где-то в Глуши. Больше я ничего не знаю.

— Когда вы собираетесь встретиться с ним в следующий раз?

— Никогда. Я умираю, но Даске уготовано место в аду еще более глубокое, чем мне.

— А если бы вы были живы?

— Все равно. Я собирался вернуться на Саркой.

— Кому-нибудь известно о его планете?

— Может быть, Малагате.

— Там больше никого нет? Например, Тристано?

— Нет. Даске никого не любит и тайнами своими ни с кем не делится. Да, чуть не забыл — на его планете нет воздуха.— Сутиро съежился. Мурашки по коже побежали. Действие яда усиливается.

— Послушайте, Сутиро. Вы ненавидите Даске. Так? И вы ненавидите меня за то, что я отравил вас. Подумайте! Вы, уроженец Саркоя, отравлены мною с такой легкостью!

— Да, я ненавижу вас,— пробормотал Сутиро.

— Тогда скажите мне, как найти Даске. Один из нас обязан убить его. Его смерть будет и отмщением за вас!

Сутиро в отчаянии затряс головой.

— Но я не могу сказать больше того, что знаю.

— Что он вам говорил о своей планете? И говорил ли он что-нибудь вообще?

— Он хвастался. Даске подлый хвастун. Его планета сурова. Только такой человек, как он сам, смог бы прижиться на ней. Он живет в кратере потухшего вулкана.

— А что он говорил насчет солнца?

Сутиро еще больше скорчился.

— Оно тусклое. Да, должно быть, оно красное. Даске как-то спрашивали о его лице в одной таверне: почему это он красит себя в красный цвет? Под цвет своего светила, обычно говорил Красавчик, которое имеет такой же оттенок, но только чуточку побольше.

— Красный карлик,— задумчиво пробормотал Герсен.

— Может быть, и так.

— Подумайте! Что он еще говорил? В каком направлении находится планета? Какое созвездие? Сектор?

— Он ничего не говорил об этом. А теперь мне уже все равно. Я думаю только о Годогме. Уйдите, чтобы я мог достойно убить себя.

Герсен без всяких эмоций посмотрел на скорчившееся тело Сутиро.

— Что вы делали здесь, на корабле?

Саркоит взглянул на свою руку и почесал грудь.

— Я чувствую, как он движется.— Он безразлично посмотрел на Герсена.— Что ж, раз вы так хотите видеть меня мертвым, то смотрите!

Он прижал ладони к горлу и судорожно сжал пальцы.

— Осталось тридцать секунд.

— Кто знает о планете Даске? У него есть друзья?

— Друзья? — Сутиро даже в свои последние мгновения не преминул презрительно усмехнуться.

— Где он проживает в Авенте?
— К северу от пляжа «Сейомэйкер». Старая хижина, что на холме Мелной.
— Кто такой Малагате? Как его человеческое имя?
— У Звездного Короля нет имени,— почти прошептал Сутиро.

— Под каким именем он известен на Альфиноре?
Толстые губы округлились, но слова застряли в горле.
— Вы убили меня. И если не повезет Даске, то пусть уж Малагате убьет вас!

Веки Сутиро дернулись и затрепетали. Затем он откинулся назад и замер.

Герсен взглянул на тело, обошел его и стал внимательно приглядываться к мертвому врагу. Уроженцы Саркоя имели дурную репутацию мстительных и вероломных созданий. Носком ботинка Курт попробовал перевернуть тело лицом вниз. Быстрая, как змея, взметнулась рука с заостренным ядовитым ногтем наготове.

Герсен отпрянул назад. Энергомет во второй раз изрыгнул пламя. На этот раз Сутиро с Саркоя действительно отправился к праотцам.

Герсен обыскал труп. В карманах он нашел деньги, которые засунул в свой бумажник, а также целый набор ядов, которые он отложил в сторону. Там было также устройство размером с большой палец, предназначенное для стрельбы ядовитыми и зараженными иглами, работающие на сжатом воздухе. С помощью этого устройства можно было попасть в человека на расстоянии до пятнадцати метров, и он ничего не почувствовал бы, кроме едва ощутимого зуда. У Сутиро был такой же, как и у Герсена, энергомет, три кинжала, пакет фруктовых лепешек, несомненно отравленных, подумал Курт.

Герсен рассовал яды вместе со всем оружием по карманам трупа, оттащил его к шлюзу для выброса отходов и запихал в шлюз, так, чтобы ничего не бросалось в глаза. Когда корабль будет в космосе, одно нажатие на кнопку, и труп саркоита исчезнет в пространстве. Затем Курт начал искать устройство, которое Сутиро столь тщательно устанавливал. Под полкой он обнаружил небольшой тумблер, от которого шла проводка к скрытому реле, в свою очередь, открывавшему клапаны в четырех сосудах с газом, установленных в различных потайных местах салона.

— Ядовитый или усыпляющий газ?

На одном из сосудов он нашел этикетку, напечатан-

ную угловатым шрифтом, употреблявшимся на Саркое. Она гласила:

«Мгновенный наркотик. Сон наступает с минимальными последствиями».

Курт вынес каждый из четырех баллонов ко входной двери, освободил их содержимое и поставил на место. Он оставил на месте и тумблер, установленный Сутиро, но изменил его функцию.

Сделав это, Герсен достал свое собственное устройство; таймер, который он только что приобрел, и гранату из старых запасов.

Немного подумав, он поместил их в реактивном отсеке, где они не принесут особого ущерба, но будут всегда под рукой в случае особой необходимости.

Он взглянул на часы: час дня. Времени оставалось очень немного для всего того, что еще должно было быть сделано. Он вышел из корабля, закрыв его за собой, и, вернувшись в здание космовокзала, отправился на стоянку глайдеров. Необходимо было ехать в Сейомэйкер-бич.

Он выбрал одноместный кэб — гигроскопически уравновешенный скуттер с прозрачным колпаком. Два СЕВа в прорезь автомата, и он получил его в свое распоряжение на один час. Поднявшись над стоянкой, Курт направился к северу.

Район Сейомэйкер-бич нес на себе отпечаток уникальности. Авента, вольный космополитический город, почти ничем не отличался от доброй полусотни других мегаполисов Ойкумены. Сейомэйкер-бич, напротив, не был похож ни на какое другое поселение человека в известной части Вселенной. Дома низкие с толстыми стенами из обломков бетона и ракушника, белые или отбеленные дождями и сверкающие под ослепительным солнцем Ригеля. Район этот был убежищем для представителей нескольких дюжин различных народностей с других планет. Каждый из них жил в своем квартале с характерными для него продуктовыми магазинами, ресторанами и культурными учреждениями. Несмотря на большие расхождения в происхождении, обычаях, внешнем виде, обитатели района были одинаково говорливыми, наполовину подозрительными, наполовину наивными, одинаково презрительно относившимися как к чужакам, так и друг к другу. Они зарабатывали себе на жизнь, обслуживая туристов в качестве домашней прислуги либо поденщиков.

Кроме того, многие из них были владельцами маленьких лавок или ремесленных мастерских. Многие выступали в качестве артистов или музыкантов в бесчисленных тавернах, ресторанах, бистро, борделях.

К северу от этого района возвышался холм Мелной, и здесь архитектура зданий была совсем иной: высокие узкие жилые здания почти готических пропорций, каждое из которых, казалось, хотело вырасти выше соседа. Именно здесь, по слухам, и обитал Хильдемар Даске.

В адресной районной книге Красавчик не числился — да Герсен и не ожидал этого. Он стал заходить в таверны, справляясь о высоком мужчине с расщепленным носом, красным цветом кожи и синими щеками. Вскоре он наткнулся на людей, которые не раз видели Даске, но только в четвертой таверне он наконец-то нашел человека, который с ним разговаривал.

— Вы, должно быть, имеете в виду Красавчика, — сказал бармен. — Да, он частенько наведывался сюда, чтобы выпить. Он представлялся астронавтом, но я не очень-то верю в это. Я и сам часто заявляю, что я великий любовник. Все мы лжем зачастую больше, чем это необходимо. «В чем истина?» — спросил один раз Понс Пилатус в одной из своих басен, и я отвечаю: «В одном предмете для наслаждений, который дешевле, чем воздух, но который мы прячем, будто это драгоценный камень».

Бармен совсем было расфилософствовался, но Герсен быстро вернул его к предмету своих поисков:

— Где же живет этот Красавчик? Вы, должно быть, знаете, раз он ваш завсегдатай.

— На той стороне холма. — бармен неопределенно показал рукой. — Большого я не могу сказать, потому что и сам не знаю.

Расспросы в других тавернах, лавках и просто на перекрестках в конце концов позволили Герсену довольно точно определить местонахождение берлоги Даске, и он выехал по узкой мощеной улочке из района высоких жилых домов, обогнул скалистый обрыв и в конце дороги увидел стоящий отдельно прямоугольный коттедж, а за ним — великолепную панораму всего залива. К югу был виден бульвар, еще дальше едва проступали контуры высотных зданий Ремо.

Герсен осторожно приблизился к дому, хотя весь вид коттеджа говорил о том, что он пуст. Он обошел его вокруг, заглядывая в окна, и не обнаружил ничего ин-

тересного. Осмотревшись быстро по сторонам, он взломал оконный переплет укрытого от постороннего глаза окна и осторожно, на тот случай, если Даске подстроил какую-нибудь ловушку, забрался внутрь.

Все в доме говорило о том, что это и есть обитель Даске — едва уловимый запах и общая атмосфера, еще более неуловимая, чем запах. Атмосфера жестокости, атмосфера темной, необузданной силы. Здесь жил человек-животное.

Герсен быстро произвел общий осмотр, затем сосредоточил свое внимание на гостиной. В углу стоял письменный стол и тяжелое кресло. На стене над столом висели десятки фотографий Даске во всех позах на фоне самых разнообразных пейзажей.

Здесь был Даске крупным планом — отчетливо была видна каждая пора его кожи, расщепленный хрящ носа, глубокие глаза без век. Здесь был Даске на носилках, задрапированных тончайшим шелком, которые несли на своих плечах шесть черноволосых слуганок. Здесь был Даске в костюме пожарника с планеты Барриал — в сияющих доспехах и каске с рогами.

В углу комнаты размещался ряд фотографий незнакомого Герсену мужчины. По всей вероятности, снимки делали на довольно большом промежутке времени. На первом из них было лицо тринадцатилетнего парня — твердое, самоуверенное, бульдожье лицо, спокойное и благодушное. На последующих фотографиях это лицо постепенно изменялось в растущей прогрессии. Щеки все более западали, глаза выкатывались из глазниц, на висках больше проступала запутанная сетка жилок и нервов. С каждым последующим снимком лицо становилось все более изможденным...

Герсен пробежал взглядом по корешкам книг: альбомы с порнографией, справочник по ядам Саркоя, последние издания справочника «По планетам», указатель библиотеки микрофильмов, «Звездное руководство».

Стол сам по себе был роскошным, причем роскошным в высшей степени этого слова. Герсен проверил все ящики и дальние углы стола. Но здесь ничего интересного не было. Отчаяние начало охватывать Герсена. Через четыре часа он должен встретиться с Деттерасом, Келле и Уорвином в космопорте. Курт стоял в центре комнаты, тщательно рассматривая каждый предмет. Здесь должна быть хоть какая-нибудь связь с таинственной планетой Даске. Но как обнаружить ее?

Он подошел к книжной полке и снял «Звездное руководство». Внимательно посмотрев на оглавление, он заставил себя сосредоточиться. Если красный карлик Даске упоминался в этом руководстве, то Красавчик неоднократно должен был обращаться к нему. Однако никаких пометок заметно не было. Тогда Герсен внимательно пригляделся к форзацу. Примерно четверть книги имела более темный торец — свидетельство того, что именно эти страницы Даске листал особенно часто. Герсен аккуратно отделил эту часть книги и стал просматривать, какие красные карлики описаны на ее страницах. Для каждой звезды в справочнике давалось одиннадцать признаков: индекс, созвездие, в котором она расположена при наблюдении с Земли, тип, информация о планетах, вектор скорости, диаметр, звездная величина, координаты, расстояние от центра Галактики и примечания. В этой части книги перечислялись двадцать три красных карлика. Восемь из них были двойными, одиннадцать не имели планет. Вокруг оставшихся четырех обращалось восемь планет. Именно их Курт проверил особенно тщательно и с большой неохотой вынужден был признать, что жить нельзя ни на одной из них. Пять планет оказались слишком горячими, одна — полностью окутана жидким метаном, а две были слишком массивными — их силы тяжести человеческий организм просто не мог выдержать.

От разочарования Герсен опустил руки. Ничего! Но тем не менее именно к этим страницам неоднократно обращался Даске. Подтверждением этого явилось и то, что именно эти несколько страниц не слипались между собой, когда Курт попробовал подвесить книгу, взяв ее за корешок. На всякий случай Герсен вырвал эти несколько страниц.

Входная дверь отворилась. Курт резко повернулся. В проеме двери стоял мужчина средних лет, ростом не выше мальчика лет десяти. У него была крупная голова, грубые черты лица, заостренные длинные уши и большой выступающий вперед рот. Все вместе говорило о том, что это был уроженец гор с планеты Крокиноль, представитель одной из наиболее специализированных рас Скопления.

Он вошел в комнату с обеспокоенным видом.

— Кто вы такой и что делаете в доме мистера Спока? Неужели вы взломщик? Ну, конечно же...

Герсен поставил книгу на место, а карлик продолжал свой монолог:

— Что вы здесь делаете? Зачем вы вырвали из этой книги страницы? Ведь эта книга для мистера Спока самая ценная. Вряд ли ему понравилось бы, что вы хватаете ее своими пальцами. Лучше я схожу за констеблем.

— Подойдите сюда! — приказал Герсен. — Кто вы?

— Я присматриваю за этим домом, вот кто я! Кроме того, это моя земля и мой дом. Это мое поместье, понимаете? Мистер Спок — человек, которого я пустил к себе, но это вовсе не значит, что любой взломщик может прибрать к рукам его имущество, пока он отсутствует.

— Мистер Спок — преступник.

— Если это так, то то, что вы здесь делаете, показывает, что среди воров нет такого понятия, как честь.

— Я не вор, — спокойно сказал Герсен. — Вашим постоянцем интересуется «Интергалактпол».

Карлик вытянул шею вперед.

— Вы из «Интергалактола»? А ну-ка, покажите мне свою звезду.

Считая, что карлик с Крокиноля вряд ли когда-либо видел значок этой организации, Герсен показал ему прозрачную пластинку со своей фотографией под золотой семиконечной звездой. Он прикоснулся ею ко лбу, и звезда засверкала золотым блеском, что произвело на карлика неизгладимое впечатление. Он тут же чистосердечно раскрыл свои объятия перед Герсеном.

— Я всегда чувствовал, что с мистером Споком что-то не так! Попомните мои слова, он плохо кончит! Что же он натворил сейчас?

— Похищение и убийство.

— Одно хуже другого! Мне придется остерегаться этого человека.

— Правильно решили. Это очень порочный человек. Сколько он прожил здесь?

— Не один год.

— Значит, вы хорошо его знаете?

— Пожалуй... Кто еще пьет с ним, когда всех от него воротит, словно от него исходит зловоние? Да, я пью с ним, и довольно частенько. Хотя смотреть на него не бог весть какое удовольствие. Но я так жалел его!

— Значит, вы друг мистера Спока?

— Я? Конечно же нет! — с негодованием возразил карлик. — Разве я похож на тех, кто водится с преступниками?

— Но вы очень много общались с ним, знаете его образ жизни.

— Что да, то да. О чем он мне только ни рассказывал,— карлик нелепо закатил глаза.— Верил ли я ему? Нет!

— Говорил он вам о своей планете?

— Еще сколько! Он называет ее Ущельем Ногтя Большого Пальца. Почему? Он всегда качает головой, когда я его об этом спрашиваю. Очень скрытный человек, знаете ли? Несмотря на все его бахвальство, он очень скрытен и к тому же хитер. Да, очень скры...

— А что еще он рассказывал вам об этой планете? — перебил карлика Герсен.

— Дайте-ка вспомнить... Солнце кроваво-красное, едва-едва обогревающее эту планету...

— И где же она находится?

— Эге! Вот здесь-то он не промах! Ни слова об этом за все годы. Я много раз изумлялся, стоило мне только подумать, как бедный мистер Спок томится от тоски на этой одинокой планете и не скрадывает свое одиночество беседой с друзьями.

Герсен угрюмо улыбнулся:

— И он так ни разу за все годы не доверился вам?

— Ни разу. Зачем вы все это хотите знать?

— Он похитил молодую невинную девушку и забрал ее с собой на свою планету.

— Вот мошенник! Какая подлая тварь! — карлик затряс головой, изображая негодование, в котором, правда, была изрядная доля зависти.— Я больше никогда не пущу его на порог своего дома!

— Вспомните, что еще говорил Даске о своей планете?

Карлик поморщился.

— Значит так... Ущелье Ногтя Большого Пальца... планета больше, чем ее солнце... Удивительно, не так ли?

— Если солнце является красным карликом, то это не удивительно.

— Вулканы! На этой планете имеются действующие вулканы! — Карлик от радости подпрыгнул.

— Что? Вулканы? Странно. Планетам красных карликов не положено иметь вулканов. Они слишком древние для действующих вулканов.

— Древние или юные, а вулканы там процветают. Мистер Спок живет в кратере потухшего вулкана, и он видит целую гряду курящихся гигантов вплоть до самого горизонта.

— Что еще он вам говорил?

— Ничего!

— Сколько времени у него отнимает путь на свою планету?

— Этого я не могу сказать.

— Вы встречались когда-нибудь с его друзьями?

— С собутыльниками в таверне — да. Не более того. Но нет, постойте-ка! Меньше года назад я познакомился с землянином — грубым, жестоким человеком.

— Тристано?

— Имя его мне не известно. Мистер Спок только что вернулся тогда из деловой поездки в Глушь. Он был, если мне не изменяет память, на планете Новая Надежда. Вы слышали о ней?

— Я никогда там не бывал.

— Я тоже, хотя забирался в дни своей молодости довольно далеко. Но как раз в день его возвращения, когда мы сидели в пивной Гельперино, появился землянин. «Где ты пропадал? — спросил он у Спока. — Я здесь уже десять дней, а мы ведь вместе с тобой покидали Надежду». Мистер Спок взглянул на него свысока: «Я заглянул на полдня в свою маленькую берлогу. Ты же знаешь, что там у меня есть обязанности». И землянин больше ничего не сказал.

Герсен на мгновение задумался и перед уходом спросил:

— Что вы еще знаете?

— Больше ничего.

Курт еще раз осмотрел дом, затем вышел, не обращая внимания на требования карлика о возмещении ущерба за взломанную раму. Он поспешно направился в центр Авенты, нашел контору Всеобщей Технической службы и задал вопрос оператору:

— Проблема такова. Два корабля отправляются с планеты Новая Надежда. Один из них направляется непосредственно сюда, на Авенту. Другой — на какую-то красную карликовую звезду, проводит там полдня, затем также отбывает на Авенту, приземляясь здесь на десять дней позже. Мне нужен список красных карликов, которые мог посетить этот второй корабль.

Оператор задумался.

— В данном случае мы, очевидно, имеем здесь эллипсоид с фокусами на Новой Надежде и на Альфиноре. Мы должны принять во внимание ускорение и замедление, время нахождения в пути, на орбитах вокруг этих планет и время на посадку. Здесь будет обязательно

геометрическое место точек наибольшей вероятности и зона понижающейся вероятности.

— Сформулируйте задачи так, чтобы машина составила список в порядке вероятности.

— До каких пределов?

— Ну, один к пятидесяти. Добавьте в список этих звезд также их константы из справочника.

— Очень хорошо, сэр. Цена — двадцать пять СЕВов.

Герсен вынул деньги. Оператор перевел условия задачи в удобную для программирования форму и передал их в микрофон. Через тридцать секунд из прорези выпал лист бумаги. Оператор взглянул на него, подписался и, не проронив ни слова, передал его Герсену.~

В списке было сорок три звезды. Курт сравнил этот список со звездами, перечисленными на страницах, вырванных из «Руководства» Даске. Только одна звезда фигурировала в обоих списках. Герсен нахмурился. Судя по всему, это была двойная звезда без планет. Спутником ее...

«Конечно же! — подумал Герсен. — Наконец-то!» Как же иначе могут существовать вулканы на спутнике красного карлика? Планета Даске была вовсе не планетой, а темной звездой с мертвой поверхностью, возможно, даже еще не совсем остывшей. Герсен слышал о таких мирах. Обычно они имели слишком высокую плотность, были слишком массивны, чтобы на них мог прожить человек. Однако небольшая звезда за два-три миллиарда лет, случалось, выделяла такое количество тяжелых элементов, что могла образоваться толстая оболочка из легких элементов, прежде чем сила тяжести на ее поверхности снижалась до вполне разумного уровня.

Келле, Уорвин и Деттерас появились в космопорте почти в семь часов. Они оделись в комбинезоны астронавтов и тонировали кожу голубовато-коричневой краской, которая, как когда-то считали, защищает человеческий организм от таинственной побочной радиации, возникающей от расщепления Джарелла. Окраска эта со временем стала обычным приложением для путешествующих в космосе. Они остановились посреди вестибюля и стали осматриваться вокруг. Заметив Герсена, они повернулись к нему лицом.

— Похоже, что все в порядке. Я благодарю вас, джентльмены, за то, что вы так быстро подготовились.

— Что было достигнуто за счет больших неудобств, — заявил Келле.

— Со временем причина спешки станет ясной,— сказал Герсен.— Ваш багаж?

— На пути к кораблю,— заметил Деттерас.

— Значит, в путь! Отправление нам уже дали?

— Все улажено,— кивнул Уорвин.

Багаж — четыре больших чемодана и немалое количество пакетов поменьше — уже был уложен перед кораблем. Уорвин отпер входные двери, Герсен и Келле перенесли чемоданы в салон. Деттерас сделал самоуверенную попытку принять командование на себя.

— На борту имеется четыре отделения. Я занимаю переднее с борта. Вы, Келле, размещаетесь на корме, также справа. Уорвин и Герсен занимают левый борт — соответственно, на носу и на корме. Тогда мы вполне сможем освободить салон от багажа.

— Одну минуту,— остановил его Герсен.— Есть одно дело, которое мы должны решить прежде, чем двинемся дальше.

— Что это за дело? — оживился Деттерас.

— У нас на корабле сейчас две партии, интересы которых различны. Ни одна из них не доверяет другой. Мы отправляемся в Глушь, туда, где отсутствует закон. Все из нас, зная об этом, принесли с собой оружие. Я предлагаю, чтобы мы заперли все оружие в сейф. Затем мы откроем багаж и, если будет необходимо, разденемся донага, чтобы удостовериться, что каждый из нас не утаил что-либо из оружия. Поскольку вас трое, а я один, в любом случае преимущество будет на вашей стороне.

— В высшей степени недостойный процесс,— проворчал Деттерас.

Келле, гораздо более рассудительный, чем ожидал Герсен, произнес:

— Рандл, ведь Герсен не постеснялся трезво разъяснить нам реальность. Короче, я с ним согласен. Тем более что оружия у меня нет.

Уорвин сделал небрежный жест:

— Обыскивайте меня, обыскивайте мой багаж, но скорее в путь.

Деттерас покачал головой, но все же открыл свой чемодан и извлек оттуда энергомет большой мощности. Подержав оружие в руках, он швырнул его на пол.

— Я оставляю при себе свои сомнения относительно разумности всего этого. Я ничего не имею против личности мистера Герсена, но, предположим, что он отвезет нас

на какую-нибудь отдаленную планету, где его ждут сообщники. Они захватывают нас и требуют выкуп! Как вы на это смотрите?

Герсен рассмеялся.

— Если вы считаете это реальной опасностью, то вам необходимо остаться здесь. Мне безразлично, поедет ли со мной кто-нибудь один, или все вместе.

— А как насчет вашего оружия? — спросил Уорвин.

Герсен вытащил свой энергомет, пару стилетов, кинжал, ампулу с ядом и четыре гранаты величиной с грецкий орех.

— У вас здесь целый арсенал, — неодобрительно покачал головой Деттерас.

— Иногда я испытываю в нем необходимость, — сказал Герсен. — А теперь багаж...

Собранное вместе оружие было помещено в одну из кладовых с четырьмя замками, причем каждому был отдан ключ от одного из замков.

Специальный кран подхватил корабль и перенес его со стоянки на взлетную площадку. Деттерас встал возле главного пульта и дотронулся до кнопки — зажегся целый ряд зеленых сигналов.

— Все готово к отправлению, — заявил он. — Баки заправлены полностью, оборудование в полном порядке.

Келле прочистил горло и вытащил красивую деревянную шкатулку, обитую красной замшей.

— Это один из дешифраторов, принадлежащих отделу. Я полагаю, записи мистера Тихальта при вас?

— Конечно, — кивнул Герсен. — Они у меня. Но с этим нечего спешить. Прежде чем мы зарядим монитор, мы должны достичь базового пункта нулевого отсчета, который находится довольно далеко.

— Хорошо, — согласился Деттерас. — Где координаты?

Герсен протянул ему узкую полоску бумаги.

— Если вы позволите, я переключу корабль на автопилот.

Деттерас поднялся.

— Мне кажется, что больше нет причин для недоверия. Мы освободились от имевшегося у нас оружия. Все как будто улажено.

— С удовольствием! — засмеялся Герсен.

Кран отъехал от корабля. Все разместились по штатным взлетным местам. Деттерас включил программу автоматического полета. Взревели двигатели, сообщая кораблю ускорение, и Альфинор быстро исчез из виду.

Глава 19

«...В нашем беглом обзоре мы уже показали, что каждый из Демонов Тьмы своеобразен и не похож ни на кого другого. Мы рассмотрели также, как в деятельности каждого из них раскрываются черты его характера.

Это тем более интересно, что количество модификаций возможных преступлений весьма ограничено и может быть перечислено по пальцам. Существуют преступления ради наживы: вымогательство, грабеж (включая пиратство и набеги на население), надувательство во всех его бесконечных облициях. Существует рабовладение, добыча и использование рабской силы.

Убийство, насилие и пытки являются просто сопутствующими элементами, возникающими при этих преступлениях. Личная развращенность в равной степени ограничена и может выражаться в половом разврате, садизме, актах насилия, вызываемых задетым самолюбием, мёстью, каждой реванша или вандализмом.

Безусловно, этот перечень не является полным, возможно, он даже нелогичен, но не об этом сейчас идет речь. Я просто хочу показать его небольшой объем, дабы проиллюстрировать, что каждый из Демонов Тьмы, творя то или иное зверство, накладывает на него отпечаток своего собственного вкуса и тем самым как будто создает новый вид преступления.

В предыдущих главах мы рассмотрели одержимого манией величия Кокора Хеккуса и его теорию ужасов. Тщательно рассмотрен также и Виоле Фалбши, сладострастник, сибарит и кинестатик-любитель.

Совершенно другим является Аттель Малагате, или, как его еще называют, — Малагате-Горе. Он отличается от рассмотренных нами Демонов Тьмы как по своему стилю, так и по манерам. Гораздо больше, чем возвеличивание своей персоны и своих поступков, Малагате предпочитает столь же леденящую душу скрытность, невидимость, полнейшую обезличенность. не существует достоверного описания Малагате, и даже само имя «Малагате» является прозвищем. Он действует с неутолимой злобой, его поступки никогда не являются бессмысленными, и даже если он содержит дворец наслаждений в стиле Виоле Фалбши или Говарда Алана Трисонга, это является тщательно оберегаемой тайной.

Малагате специализируется в основном на вымога-

тельстве и рабстве. На конклаве 1500 года на планете Смейда, где пятеро Демонов Тьмы и дюжина злодеев помельче встретились для того, чтобы четко разграничить сферы своего влияния, Малагате был выделен сектор с центром в Скоплении Ферре. В него входит более сотни поселений и городов, которые Малагате тут же обложил данью в свою пользу. Он редко сталкивается с протестами и жалобами, поскольку ему достаточно напомнить о судьбе Маунт-Плизенат, города с населением в пять тысяч человек, который отклонил его домогательства. В 1499 году Малагате пригласил четырех других Демонов присоединиться к нему, Банда смела с лица планеты город, захватила все его население и обратила его в рабство.

На планете Грабхоры он содержит плантацию площадью около десяти тысяч квадратных миль, где живет, судя по оценкам, около двадцати тысяч рабов. Там имеются хорошо ухоженные поля и предприятия, производящие изысканную мебель, музыкальные инструменты и электронные устройства разного назначения. С рабами обращаются с неприкрытой жестокостью, однако рабочий день у них длинный, общежития грязные, возможности для какой-либо другой деятельности ограничены. Наказанием является перевод на шахты, из которых человек уже вряд ли возвратится живым.

Как правило, Атель Малагате относится ко всем одинаково беспристрастно, но иногда он концентрирует свое внимание на ком-нибудь одном. Планета Каро расположена в районе, который не находился непосредственно в сфере действий какого-либо из Демонов Тьмы. Мэр города Десде, Яноуш Парагиглия, непрерывно настаивал на организации милиции и космического флота, способного защитить Каро от нападения Малагате или какого-либо другого из Демонов Тьмы в случае их нападения на планету.

Малагате похитил Парагиглию и в течение тридцати девяти дней подвергал его пыткам, транслируя эти экзекуции по телевидению не только на города планеты Каро и на все планеты своего собственного сектора, но и на планеты Скопления Ригель, хотя такая бравада для него очень нехарактерна.

Как уже упоминалось, его личные наклонности неизвестны. Время от времени ходят слухи, что Малагате получает наслаждение, лично участвуя в поединках гладиаторов на мечах или шпагах с наиболее крепким телом

противником. Говорят, что он обладает сверхчеловеческой силой и ловкостью и получает огромное удовольствие, разрубая своего противника на части.

Подобно некоторым другим демонам Тьмы, Малагате много времени проводит в Ойкумене и, если верить слухам, занимает там высокое положение на одной из главных планет».

(Из главы «Малагате-Горе» монографии Керила Карфена «Демоны Тьмы».)

Альфинор стал расплывчатым диском и вскоре затерялся среди звезд. Внутри корабля жизнь четверых его пассажиров постепенно начала налаживаться. Келле и Уорвин завязали между собой тихий разговор. Деттерас смотрел вперед на усеянную звездами бездну. Герсен уселся в стороне от них, не спуская глаз со своих попутчиков.

Один из них — не настоящий человек. Кто же?

Герсену показалось, что он уже знает это.

И все же он не чувствовал той уверенности, которая могла привести к смерти Малагате. Его догадка основывалась на косвенных знаках и предположениях. Малагате же, со своей стороны, пока что не должен был сомневаться в безопасности своего инкогнито. У него не было повода подозревать истинные цели Герсена, он все еще видел в Герсене не более чем разведчика-рвача, стремящегося сорвать куш побольше. Что ж, это к лучшему, подумал Курт, особенно если это поможет точно опознать врага. Он жаждал только освобождения Паллис Атроуд и смерти Малагате. И конечно же Хильдемара Даске. Если Паллис Атроуд уже мертв, то тем хуже для Даске.

Герсен тайком посматривал на подозреваемого. Действительно ли этот человек — Малагате? Неужели его ждет неудача, когда он так близок к цели? У Малагате, разумеется, сейчас собственные планы. За маской человека бьется разум, не имеющий ничего общего с человеческим, движимый мотивами, до сих пор неясными Герсену.

Курт смог определить по крайней мере три неопределенных пункта в сложившемся положении. Во-первых, имеет ли у Малагате оружие и имеет ли он доступ к оружию, предварительно спрятанному на борту корабля? Это было весьма вероятным, хотя он, может быть, полагается только на спрятанные баллоны с усыпляющим газом.

Во-вторых, были ли остальные два человека на борту его сообщниками? Такое тоже вполне возможно, хотя и в гораздо меньшей степени.

И, в-третьих, хотя это и зависело от других обстоятельств: что произойдет, когда корабль достигнет потухшей звезды Даске? Здесь снова был широкий аспект возможностей. Известно ли Малагате убежище Даске? Если это так, то узнает ли он его по внешнему виду? Ответом на эти вопросы, с большой степенью вероятности, могло быть утверждение.

Следующее, о чем нужно было позаботиться, это каким образом заставить Даске врасплох и пленить или убить его без помех со стороны Малагате.

Одно было ясно — то дружелюбие, к которому призывал Деттерас, скоро подвергнется суровому испытанию.

Время шло. Жизнь на корабле текла своим чередом. Герсен выбрал благоприятный момент и предал тело Сутиро космосу. Корабль без всяких усилий неся мимо сверкающих звезд с ошеломляющей скоростью и в какой-то момент пересек незримую черту, определяющую сферу человеческой цивилизации и закона и отделяющую ее от бескрайних просторов Галактики, не тронутых цивилизацией.

Герсен продолжал внимательно наблюдать за своими попутчиками, гадая, кто из них первый выскажет беспокойство или подозрение относительно ближайшего места назначения.

— К каким это чертям нас несет? — раздраженно справился Келле. — Разве эти районы, которые привлекают разведчиков? Мы фактически находимся в межгалактическом пространстве.

Герсен принял непринужденную позу.

— Джентльмены, я должен признаться, что не был с вами до конца искренен.

Все три лица мгновенно повернулись к нему, сверля его настороженными взглядами.

— Что вы имеете в виду? — проскрежетал Деттерас.

— Не стоит придавать этому особого значения. Я вынужден сделать небольшой крюк. После того, как я полностью определенное задание, мы вернемся к осуществлению наших первоначальных планов. — Увидев, что Деттерас сделал глубокий вздох, он поднял руку, — Бесцельно упрекать меня, уже ничто не изменится.

— Что же это такое вы намерены сделать? — ледяным тоном произнес Уорвин.

— Я только рад объясниться, и я уверен, что каждый из вас поймет меня. Прежде всего, я, кажется, нажил себе врага в лице одного широко известного преступника. Он известен, как Малагате-Горе.— Герсен по очереди взглянул на лица всех троих.— Несомненно, вы слышали о нем. Это один из Демонов Тьмы. За день до того, как мы отбыли, один из его ближайших приспешников, тварь по имени Хильдемар Даске, похитил молодую женщину, с которой мне случилось познакомиться, и переправил ее на принадлежащую ему планету. Я чувствую себя обязанным перед этой молодой женщиной — она невинно пострадала только за то, что Малагате захотелось наказать или испугать меня. Я уверен, что мне удалось разыскать планету Даске. Я намерен спасти эту молодую женщину и надеюсь на вашу помощь.

— Почему же вы не удосужились поведать нам о своих планах до отправления? — не скрывая ярости, спросил Деттерас.— Вы настаивали на отправлении, вы вынудили нас отменить все свои дела, причинив нам при этом столько неудобств...

— У вас есть все основания для возмущения,— спокойно произнес Герсен.— Но поскольку мое собственное время ограничено, я подумал, что будет лучше, если объединить эти два проекта,— он улыбнулся, увидев, как багровеет лицо Деттераса в новом приступе ярости.— Если хоть немного повезет, то это дело не отнимет много времени, мы не задержимся там долго и вскоре продолжим свой путь.

— Похититель переправил молодую девушку на планету, находящуюся в этом секторе? — задумчиво спросил Келле.

— Я так думаю. По крайней мере, на это очень надеюсь.

— И вы рассчитываете на нашу помощь при спасении?

— Чисто в пассивном смысле. Я просто прошу, чтобы вы не мешали моим намерениям.

— Предположим, что похититель возмутится при вашем вторжении, что он убьет вас.

— Что ж, такая возможность действительно существует. Но на моей стороне преимущество внезапности. Он чувствует себя в полнейшей безопасности, и, скорее всего, я без всяких затруднений смогу взять над ним верх.

— Взять над ним верх? — недоверчиво спросил Уорвин не без язвительности в голосе.

— Да! Одолеть или убить его.

В это мгновение отключился привод Джарнелла, и корабль с протяжным воем перешел на обычную скорость. Впереди мерцала тусклая красная звезда. Даже если она и была двойной, то ее компаньонки еще не было видно.

— Как я сказал, неожиданность — вот что сейчас на моей стороне, и поэтому я должен попросить вас, чтобы никто из вас по небрежности или по злему умыслу не воспользовался радио. — Герсен, естественно, уже вывел из строя передатчик, но решил заставить Малагате лишний раз насторожиться. — Я хочу объяснить свои намерения, чтобы у нас не возникло недоразумений. Во-первых, я переведу корабль на такую траекторию, с которой будет легко просматривать поверхность планеты, с одной стороны, но нельзя будет нащупать его радаром, — с другой стороны. Если моя гипотеза верна и я отыскал логово Даске, я сделаю посадку на этой планете как можно ближе к его берлогу. Затем я воспользуюсь летающей платформой и сделаю то, что должно быть сделано. Вам троим необходимо только подождать моего возвращения, после этого мы снова отправимся к планете. Тихальта. Я уверен, что могу рассчитывать на ваше сотрудничество, поскольку, разумеется, я заберу с собой записи с монитора и спрячу их где-нибудь до того, как повстречаюсь с Хильдемаром Даске. Если же я буду убит, то записи попросту будут утеряны. Естественно, мне необходимо оружие, которое в данный момент находится в сейфе, но я не вижу причин для возражения с вашей стороны.

Никто не пытался заговорить. Глядя на лица своих попутчиков и особенно внимательно — на лицо подозреваемого, Герсен засмеялся про себя. Перед Малагате возникла способная свести с ума дилемма. Если он вмешается и каким-то образом предупредит Даске, то Герсен в этом случае будет, возможно, убит и его надежды на приобретение Тихальта потерпят крушение. Продаст ли он Даске ради этой планеты? Герсен был уверен в этом. Бессердечность Малагате была общеизвестна.

— Герсен, вы — ловкач, — тяжело вздохнул Деттерас. — Вы поставили нас в такое положение, в котором, из чисто благоразумных побуждений, мы вынуждены с вами согласиться.

— Я уверен, что у меня самые безупречные побуждения. Поверьте мне.

— Да, да. Девица в опасности. Все очень хорошо. Мы сами будем преступниками, если не дадим ей шанса на спасение. Мое негодование вызвано не вашими целями — если только вы сказали нам правду, — а отсутствием прямоты в вашем поведении.

Поскольку терять ему было нечего, Герсен согласился.

— Да, возможно, мне следовало бы все сразу же объяснить вам. Но я привык во всем полагаться только на самого себя. В любом случае ситуация именно такова, какой я ее только что обрисовал. Значит, я могу надеяться на ваше сотрудничество?

— Вы прекрасно знаете, что у нас нет выбора, — сказал Уорвин.

— Мистер Келле? — спросил Герсен.

Келле склонил голову.

— Мистер Деттерас?

— Как сказал Уорвин, выбора у нас нет.

— В таком случае я буду осуществлять свои намерения. Планета, на которую мы сядем, между прочим, скорее потухшая звезда, чем планета.

— А грандиозное тяготение не делает жизнь на ней невыносимой?

— Вот это мы вскоре и выясним.

Уорвин остановился и пристально посмотрел на красный карлик. Темный компаньон его стал теперь вполне видимым: огромный коричнево-серый диск с диаметром втрое больше, чем у Альфинора, покрыт пестрым сетчатым узором. Герсен не без внутреннего удовлетворения обнаружил, что окружающее пространство полно обломков горных пород — на экране радара светились десятки крошечных планетоидов на орбитах вокруг каждой звезды. Благодаря этому он мог смело приближаться к мертвой звезде, нисколько не боясь быть обнаруженным.

Поверхность ее казалась тусклой и однообразной, обширные пространства занимали шоколадного цвета океаны пыли. Контуры планеты были резкими и отчетливыми, что указывало на разряженность атмосферы, поверхность сильно пересеченной. Цепи вулканических хребтов образовывали густую сплошную сетку. Повсюду виднелось множество ущелий и гребней, древних тупых вершин, сотни вулканов — действующих, едва курящихся или вовсе потухших.

Герсен навел сетку телескопа на невысокий острый пик, находящийся точно на линии между днем и ночью. Он, казалось, не двигался и не изменял своего поло-

жения относительно терминатора — планета, по-видимому, была обращена к своему светилу всегда одной и той же стороной. В этом случае логово Даске должно было обязательно находиться на обращенной к солнцу стороне, скорее всего — поблизости от экватора, непосредственно под солнцем. Курт очень внимательно осмотрел этот район под большим увеличением. Интересующая его территория занимала довольно обширное пространство, с десятком больших и малых кратеров.

Герсен вел наблюдение в течение часа.

Уорвин, Келле и Деттерас стоя следили за ним, и каждый по-своему проявлял нетерпение и язвительное неодобрение.

Герсен еще раз проверил логику своих рассуждений — все, казалось, хорошо стыковалось друг с другом. Красный карлик фигурировал на одной из самых засаленных страниц справочника, которым пользовался Даске. Этот же карлик машина отыскала в пределах эллипсоида, указанного Герсеном, и у этого карлика был темный спутник. В такой ситуации практически исключалась возможность ошибки или случайного совпадения. По всей вероятности, кратер Даске следует искать где-то в теплых, хорошо освещаемых районах.

Внимание Курта привлекла одна довольно странная формация — квадратное плато с пятью горными краями, сверху напоминавшее растопыренную пятерню.

В сознании всплыла фраза, прозвучавшая в устах карлика-инопланетянина в Авенте: ущелье Ногтя Большого Пальца. Под максимальным увеличением Герсен внимательно рассмотрел район, соответствующий этому Ногтю. Там четко виднелся небольшой кратер, отличившийся цветом от соседних. В нем мерцали какие-то отблески света, неестественные для этой планеты.

Герсен уменьшил увеличение и внимательно изучил окрестности. Даже если Даске не обнаружил приближающийся корабль на дальней орбите, его радар вполне мог засечь переход на орбиту для посадки. Если ему удастся приблизиться как можно ближе к поверхности планеты на максимальном удалении от кратера Даске и затем, скрываясь за горизонтом, приблизиться сзади к плато, то в этом случае он наверняка сможет застать Даске врасплох.

Курт ввел необходимую информацию в бортовой компьютер и включил автопилот. Корабль сделал разворот и стал постепенно спускаться.

Келле, более не в состоянии побороть свое любопытство, спросил:

— Так что же? Вы нашли то, что искали?

— Полагаю, что да,— кивнул Герсен.— Хотя я не могу сказать этого со стопроцентной уверенностью.

— Если вы будете настолько легкомысленны, что позволите убить себя,— сказал Келле,— то этим вы поставите нас в крайне затруднительное положение.

Герсен кивнул.

— Это как раз то, что я хотел вам втолковать несколько ранее. Я уверен, что вы поможете мне, по крайней мере, своим невмешательством.

— Мы тогда же и согласились на это...

Корабль сел на обнаженный бурый выступ в четверти мили от гряды невысоких темных холмов. Поверхность окружающей равнины напоминала высохшую коричневую грязь. Над головой висел огромный диск красного солнца. Слабый ветерок гнал маленькие пыльные вихри по равнине, засыпая голубовато-зеленым мельчайшим песком разбросанные по ней крупные валуны.

— Я думаю, что с вашей стороны было бы честно оставить записи здесь,— задумчиво произнес Деттерас.— С какой стати вы хотите и нас подвергнуть опасности?

— В мои планы не входит собственная смерть, мистер Деттерас.

— Ваши планы могут пойти кривь и вкось.

— Если это произойдет, то ваши хлопоты по сравнению с моими неприятностями будут совершенно пустяковыми. Вы позволите мне взять свое оружие?

Сейф был открыт, и все трое напряженно следили за Герсеном, пока он доставал оружие. Он еще раз обвел взглядом лица всех троих. В мозгу одного из этих людей вынашивались кошмарные планы. Останется ли он равнодушным свидетелем действий Герсена? Курт хотел надеяться на это. Предположим, что он ошибся, предположим, что это не планета Даске и Малагате знает об этом. Пусть, наконец, Малагате интуитивно подозревает истинные намерения Герсена. В этом случае он мог бы с готовностью пожертвовать своими надеждами на овладение планетой Тихальта ради того, чтобы бросить Герсена здесь, на этой потухшей звезде. Чтобы предотвратить это, Герсен должен кое-что предпринять. Было бы глупо с его стороны не сделать этого. Он вошел внутрь двигательного отсека и вынул из реактора одну небольшую, но жизненно необходимую деталь, которую,

конечно, можно было бы изготовить заново в случае необходимости, но лишь проявив немалое искусство и терпение. Он сунул ее в свою сумку на поясе, туда же, где хранились записи. Уорвин, стоявший на пороге отсека, все это видел, но ничего не сказал.

Герсен облачился в скафандр и покинул корабль. Открыв передний люк, он спустил с помощью лебедки маленькую летающую платформу, загрузил ее запасным скафандром с несколькими кислородными баллонами и без дальнейших проволочек взял курс на ущелье, летя почти у самой поверхности земли.

Пейзаж поразил своей необычностью даже Герсена, привыкшего к видам чужих планет: черная губчатая поверхность с различными оттенками шоколадного, бурого и серого цветов, испещренная вулканическими конусами и невысокими черными уродливыми холмами. Это могло быть веществом звездного происхождения — лавой, застывшей после того, как угас огонь звезды, либо осадочными отложениями, захваченными ею из окружающего космического пространства. Скорее всего, были верны оба предположения. Герсен подумал, что причиной ощущения сказочности и нереальности является сознание того, что он движется по поверхности звезды, пусть даже теперь и угасшей. Разреженная атмосфера способствовала абсолютной ясности видения, и разворачивающаяся перед человеком панорама казалась бесконечной. Над головой тускло рдел шар красного карлика, занимающая добрую восьмую часть небосвода.

Вздыбленные скалы переходили в плато, составляющее ладонь кисти. Это было гигантским скоплением лавы. Герсен свернул вправо. Далеко впереди была видна гряда холмов, пересекавшая поверхность подобно зубцам на спине чудовищного окаменевшего трицератопса. Это и был «большой палец», в конце которого возвышался кратер Даске. Герсен почти прижался к земле, стараясь максимально использовать складки местности для того, чтобы не быть преждевременно обнаруженным. Поворачивая то в одну, то в другую сторону, он старался в то же время не удаляться от стены плато и таким образом приблизиться к гряде заостренных черных вершин.

Медленно и сосредоточенно он стал подниматься по крутому склону, в разреженной атмосфере звезды грохот турбин двигателя казался слабым урчанием. Даске, возможно, установил детекторы вдоль этих склонов, но,

по зрелому размышлению, Курт отверг такую возможность. Это было маловероятно. Такая осторожность для Даске была излишней. Зачем нападать с земли, когда намного проще произвести торпедную атаку сверху?

Герсен взобрался на гребень. В двух милях от него виднелся вулкан, который, как он надеялся, был убежищем Даске. С другой стороны гряды, на равнине, которая, казалось, уходила в бесконечную даль, он увидел то, что вызвало слезы радости на его глазах — небольшой космический корабль. Его гипотеза подтвердилась! Это и было, вне всяких сомнений, ущелье Ногтя Большого Пальца. Здесь он наконец-то найдет Хильдемара Даске и рассчитается с ним за все. Но живали Паллис Атроуд?

Курт приземлил платформу и пошел дальше пешком, стараясь обходить места, где могли бы быть вмонтированы детекторы, хотя и сознавал, что такая осторожность — не более чем формальность. Добравшись до края кратера, он увидел сводчатый купол, сооруженный из тонких проводов и прозрачной пленки, удерживаемой в надутом состоянии благодаря давлению воздуха изнутри. Кратер казался небольшим — около пятидесяти метров в диаметре, и практически цилиндрической формы. Его стены образовывало испещренное бороздами вулканическое стекло, купол из пленки надежно закрывал весь кратер.

На дне Даске попытался создать некоторое подобие искусственного ландшафта. Здесь был и пруд, заполненный какой-то черной жидкостью, и группа пальм, и заросли вьющегося кустарника.

В самом центре кратера стояла клетка, в которой сидел какой-то обнаженный человек, высокий, изможденный, с мертвенно-бледным искаженным лицом, на сгорбленном теле виднелись сотни шрамов и рубцов. Герсен вспомнил рассказ Сутиро о том, как Даске лишился глазных век. Взглянув вниз еще раз, он вспомнил фотографии в гостиной Красавчика — на них был изображен именно этот человек.

Герсен внимательно осмотрел все закоулки кратера. Прямо внизу, перед ним, находился шатер из черной ткани, а также несколько соединенных между собой палаток. Хильдемара Даске нигде не было видно. Входом в кратер, по всей вероятности, служил туннель, пробитый через стену вулкана.

Курт осторожно обошел кратер, время от времени

поглядывая вниз, на склон вулкана. Во всех направлениях до самого горизонта просматривалась буровато-черная пористая равнина. Неподалеку стоял корабль, который казался игрушечным благодаря кристальной прозрачности атмосферы.

Герсен снова сосредоточил свое внимание на куполе. Он сделал ножом небольшой надрез в планке и расположился неподалеку в ожидании.

Прошло около десяти минут, прежде чем падение давления вызвало реакцию предупредительной сигнализации. Из одной палатки выскочил Красавчик, и при виде его Герсена обуял восторг дикаря. На Даске были свободные белые панталоны и ничего больше. На его выкрашенном в светло-пурпурный цвет туловище перекачивались могучие мышцы. Он запрокинул вверх отвратительно красное лицо с голубыми щеками, на котором ярко сверкали два глаза без век.

Даске шел по дну кратера, и пленник внутри клетки внимательно следил за ним. Затем Даске исчез из виду. Герсен притаился в расщелине. Вскоре Даске появился на равнине, одетый в скафандр и с чемоданчиком в руке. Он взобрался на стенку кратера, оказавшись совсем близко от Герсена.

Затем он поставил чемодан, извлек из него энергомет и обвел лучом поверхность купола. Воздух, который просачивался через надрез, вспыхнул желтым светом. Даске подошел к надрезу и склонился над ним. В этот момент Герсен почувствовал, что Даске начал подозревать что-то неладное. Красавчик выпрямился и стал внимательно осматриваться кругом. Герсен прижался к стенке расщелины, моля бога, чтобы Даске его не заметил.

Когда он снова взглянул, Красавчик уже заделывал надрез с помощью цемента и полосы новой пленки. Вся операция заняла у него не больше минуты. Затем он спрятал в карман оставшуюся пленку и энергомет, выпрямился, еще раз внимательно оглядел склоны вулкана и прилегающую к нему равнину. Удостоверившись, очевидно, в необоснованности своих подозрений, он двинулся вниз по склону:

Герсен вышел из своего убежища и последовал за ним, отставая не более, чем на полсотни метров.

Даске, спускаясь по склону, перепрыгнул со скалы на скалу, не удосужившись обернуться назад до тех пор, пока мимо не пролетел камень, выскочивший из-под ноги Герсена. Даске остановился и резко повернулся. Но

Герсен уже не был в поле его зрения, вовремя спрятавшись за выступ скалы, едва сдерживая при этом безумное ликование.

Даске двинулся дальше. Герсен последовал за ним, но на этот раз уже гораздо ближе к нему. У подножия склона какой-то звук, скорее даже вибрация, встревожил Даске. Он еще раз обернулся, поднял взгляд на склон и в это мгновение увидел несущегося к нему Герсена. Курт расхохотался, увидев, как отвалилась от неожиданности челюсть Даске. Размахнувшись, он нанес ему удар, от которого Красавчик перевернулся в воздухе. Его тело прокатилось несколько метров, но Даске все же поднялся и бросился к шлюзу своего кратера. Герсен поднял энергомет и выстрелил в могучее бедро Даске. Тот снова упал. Герсен схватил его за ноги и втащил в шлюз, захлопнув за собой наружную дверь. Даске брыкался и старался вырваться, его красно-голубое лицо отвратительно исказилось от ярости. Герсен поднял энергомет, но Даске попытался вышибить оружие из его рук. Герсен снова выстрелил, парализовав и вторую ногу бандита. Теперь тот лежал неподвижно, визжа, как кабан на бойне. С помощью мотка веревки, специально припасенной на этот случай, Герсен связал ноги противника. Затем он осторожно схватил его правую руку и вывернул ее назад. Даске поневоле перевернулся лицом вниз. После недолгой борьбы Герсен связал его руки за спиной. Механизмы шлюза автоматически наполнили его воздухом, и Герсен, как только загорелась красная лампочка, отбросил передний прозрачный щиток на шлеме Даске.

— Мы возобновили наше знакомство,— сказал Курт издевательски почтительным тоном.

Даске ничего не ответил.

Герсен выволок его из шлюза и бросил на дно кратера. Узник в клетке подпрыгнул, прижался к прутьям и посмотрел на Герсена так, как будто перед ним оказался архангел с крыльями, трубой и нимбом вокруг головы.

Герсен проверил прочность пут Даске и бросился в палатку с энергометом наперевес на случай неожиданного появления прислуги или сообщника хозяина. Пленник смотрел ему вслед ошеломленным, недоверчивым взглядом.

Паллис Атроуд лежала бесформенной массой под грязной простыней, повернувшись лицом к стене. В палатке

больше никого не было. Герсен притронулся к ее плечу и вздрогнул, увидев, как она съежилась. Его торжество смешалось с отчаянием, когда он представил, какие ужасы пришлось пережить этой девочке.

Слова дошли до нее, хотя и были приглушены. Она еще больше съежилась и теснее прильнула к стене. Герсен перевернул ее на спину. Она лежала, закрыв глаза. Лицо ее, некогда веселое, дерзкое и очаровательное, теперь было бесцветным и равнодушным.

— Паллис! — зывал к ней Герсен. — Открой глаза. Это я, Курт Герсен! Тебе больше ничего не угрожает.

Девушка слабо покачала головой, продолжая крепко сжимать веки.

Герсен повернулся и направился к выходу. У двери он оглянулся. Глаза ее были широко раскрыты, и она с изумлением смотрела на него. Но, встретившись с ним взглядом, она снова устало закрыла глаза.

Герсен оставил ее в покое. Он обследовал весь кратер и убедился, что больше здесь никого нет. Только после этого он вернулся к Даске.

— Приятное местечко ты оборудовал здесь, Даске, — сказал Курт, обращаясь к бандиту. — Правда, его было нелегко найти, когда твоим друзьям захотелось к тебе в гости.

— Как это ты нашел меня? — прохрипел Даске. — Это место никому неизвестно.

— Кроме твоего босса!

— Он тоже не знает.

— А как же ты, думаешь, я нашел его?

Даске промолчал. Герсен подошел к клетке и открыл ее дверцу, жестом предлагая пленнику выходить.

Узник, хромая и спотыкаясь, вышел наружу.

— Кто вы?

— Не имеет значения. Вы свободны.

— Свободен? — Человек с трудом двигал челюстями, произнося эти слова, а затем повернулся к Даске. — А что будет с ним?

— Я скоро его убью.

— Это, наверное, сон, — слабо вымолвил человек.

Герсен вернулся в палатки и обнаружил, что Паллис уже сидит на постели, завернувшись в простыню. Увидев Герсена, она встала и тут же рухнула на пол в глубоком обмороке. Герсен поднял ее и вынес на дно кратера. Бывший узник стоял, глядя на Даске с почтительного расстояния.

— Как вас зовут? — обратился к нему Герсен.

Человек почему-то смутился. Он нахмурил брови, как бы сясь вспомнить.

— Робин Рампольд, — сказал он наконец очень тихо. — А вы... вы ему враг?

— Я его палач. Я его бог мщения!

— Это чудо! — взорвался Рампольд. — Прошло так много лет, что я не помню уже, как это все началось...

По щекам его потекли слезы. Он взглянул на клетку, обошел ее вокруг, а затем снова посмотрел на Герсена.

— Я хорошо знаю это место. Каждую трещинку, каждую расщелинку, каждое вкрапление или кристалл металла. — Голос его ослаб. Неожиданно он спросил: — Какой сейчас год?

— 1524-й.

Рампольд, казалось, съежился и стал меньше.

— Я и не думал, что прошло столько лет. Я так много позабыл. — Он поднял голову, глядя на купол. — Здесь нет ни дня, ни ночи — ничего, кроме этого красного солнца. Когда он уходит отсюда, — пленник показал на лежащего Даске, — здесь останавливается время. Семнадцать лет я находился в этой клетке. И вот теперь я свободен. — Он подошел к Даске и встал, глядя на него сверху. Герсен последовал за ним. — Когда-то, давным-давно, мы были совершенно другими людьми. И я жестоко проучил его. Я заставил его страдать. Память об этом — единственное, что поддерживало меня, что сохраняло мне жизнь все это время.

Даске тихо рассмеялся.

— Я отыскал способ, как отплатить тебе, — он посмотрел на Герсена. — Лучше убей меня, пока у тебя есть такая возможность, а не то, клянусь, что ты больше не будешь жильцом на этом свете. — Красавчик еще раз тихо засмеялся.

Герсен задумался. Несомненно. Даске должен умереть. Когда настанет его час, у Курта — судьи и палача — не будет никаких угрызений совести. Но за красным лбом скрывается столь нужное Герсену знание. Как извлечь его оттуда? Пытками? Коварной обходительностью? Курт задумчиво посмотрел на красно-голубое лицо подлеца.

Герсен повернулся к Рампольду.

— Вы смогли бы управлять кораблем Даске?

Рампольд печально покачал головой.

— В таком случае вам придется пойти со мной.

— А что будет с ним? — дрожащим голосом спросил Рампольд.

— Со временем я убью его.

— Отдайте его мне, — тихо попросил Рампольд.

— Нет.

Герсен снова стал размышлять о Даске. Каким-то образом он должен содействовать опознанию Малагате. Прямой вопрос будет не просто бесполезным, он может только навредить.

— Даске, — сказал он, обращаясь к бандиту, — почему ты привез сюда Паллис Атроуд?

— Она была слишком красива, чтобы ее сразу убить, — беззаботно ухмыльнулся Красавчик.

— Но почему же все-таки ее нужно было убить?

— Мне доставляет огромное наслаждение убивать красавиц.

Герсен покачал головой. Даске, возможно, надеется спровоцировать его.

— Ты еще можешь покаяться в своих грехах.

— Кто послал тебя сюда? — спросил Хильдемар Даске, оскалив зубы.

— Тот, кто тебя отлично знает.

Даске медленно покачал головой.

— Знает только один, но он никогда бы не послал тебя!

«Пожалуй, его нелегко будет обмануть, — подумал Герсен. — Что ж, придется забрать его с собой на корабль. Там каким-то образом я попытаюсь направить сложившуюся ситуацию в нужное русло!»

Существовала, правда, еще одна проблема. Он не отваживался оставить Робина Рампольда наедине с Даске даже на то время, которое было необходимо для перегона платформы.

Рампольд может убить Даске. Либо Даске может приказать Рампольду, чтобы тот освободил его. После семнадцати лет деградации Рампольд, возможно, находится под полнейшим контролем Даске и подчиняется ему. А Паллис Атроуд — что делать с ней?

Он повернулся к палатке и увидел, что она стоит у двери, завернувшись в простыню и глядя на него широко раскрытыми глазами. Он приблизился к ней, но она отпрянула. Герсен не был уверен, узнала ли она его.

— Паллис... я Курт Герсен.

Она угрюмо кивнула.

— Я знаю.— Она взглянула на распростертое тело Хильдемара Даске.— Вы связали его? — изумилась она.

— Это самое легкое из того, что его ждет.

Она недоверчиво посмотрела на него, и Герсен понял, что не может постичь хода ее мыслей.

— Вы... вы ему не приятель?

Новый, уже совершенно иной приступ отчаяния охватил Герсена.

— Нет! Я ему не друг. Конечно же нет. Откуда вы это взяли?

— Он говорил... он говорил.— Она растерянно посмотрела на Даске.

— Не верьте ничему из того, что он говорил вам.— Герсен посмотрел на нее, думая, до какой степени она в замешательстве и шоке.— У вас... все в порядке?

Она отвела глаза. Герсен нежно сказал:

— Я отвезу вас назад, в Авенту. Вы теперь в безопасности.

Она отчужденно кивнула. Если бы она проявила хоть какое-то чувство! Облегчение, слезы, пусть даже упреки.

Герсен вздохнул и отвернулся. Проблема все еще заключалась в том, как препроводить всех к платформе. Он не смел оставить ни Паллис, ни Рампольда наедине с Даске. Тот слишком долго наслаждался господством над ними обоими.

Герсен закрыл передний щиток на шлеме Даске и поволок его через туннель на равнину, где двое оставшихся внутри кратера не могли его видеть.

Турбины взревели на полную мощность, и перегруженная платформа начала медленно огигать плато, вздымая клубы пыли, которая опадала в разреженной атмосфере удивительно быстро. Впереди стоял корабль, контуры которого четко выделялись над линией горизонта. Герсен посадил платформу как можно ближе ко входу и, не выпуская оружия из рук, взобрался по приставной лестнице. Находившийся внутри корабля Аттель Малагате наблюдал за его посадкой и видел привезенный им груз. Малагате не мог знать того, что сказал Даске Герсену. Он должен быть охвачен нерешительностью. Даске же, который наверняка узнал корабль, должен многое подозревать, но то, что на борту находится сам Малагате, могло оказаться для него полной неожиданностью.

Дверь воздушного шлюза с глухим стуком закрылась, включились насосы, и вскоре отворилась внутрен-

няя дверь. Герсен вошел в салон. Келле, Деттерас и Уорвин сидели в противоположных углах и хмуро смотрели на Курта. Ни один из них не двинулся к нему навстречу.

Герсен снял шлем.

— Ну вот, я и вернулся.

— Это мы видим, — сказал Деттерас.

— Вылазка оказалась удачной, — продолжал Курт. — Я привел с собой пленника — Хильдемара Даске. Должен предупредить вас, этот человек — жестокий убийца. Я намерен держать его под строгим контролем. Я прошу, чтобы никто из вас не вмешивался и не предпринимал в отношении этого человека никаких действий. Двое других людей, которых я приведу с собой, — это человек, которого Даске держал в клетке в течение семнадцати лет, и молодая женщина, которую Даске похитил совсем недавно и чей разум вследствие этого, возможно, помутился. Она будет жить в моей каюте. Даске я помещу в грузовом отсеке. Второй мужчина, Робин Рампольд, без сомнения, будет счастлив устроиться на диване в салоне.

— Наше путешествие становится весьма странным, — заметил Уорвин.

Деттерас нетерпеливо встал:

— Зачем вы привели сюда этого Даске? Меня удивляет, что вы не убили его.

— Считайте меня брезгливым, если вам так хочется.

Деттерас сердито рассмеялся.

— Так что же, двинемся дальше? Вам не терпится завершить эту поездку как можно быстрее.

Герсен провел в корабль Рампольда и Паллис, затем подогнал под лебедку платформу и поднял ее вместе с Даске в грузовой отсек, где снял с его головы шлем. Даске молча смотрел на него.

— Возможно, дружок, ты здесь на борту узнаешь кое-кого, — сказал Курт. — Он не хочет, чтобы его личность стала известна двум его коллегам, поскольку это расстроит все наши планы. Ты поступишь умно, если будешь держать язык за зубами.

Даске промолчал. Герсен принял дополнительные меры предосторожности. Он прикрепил концы длинного толстого троса к противоположным стенам отсека, а в середине его сделал петлю, которой туго обмотал шею Даске. После этого он натянул концы троса. Таким образом, Даске теперь мог находиться только в центре отсека,

не имея возможности двинуться ни влево, ни вправо. Каждый из закрепленных концов каната находился вне пределов его досягаемости, на расстоянии трех метров от него. Даже если бы ему удалось освободить руки, все равно он не смог бы убежать. Только после этого Курт разрезал путы, которыми были связаны руки и ноги Даске.

Даске тотчас же рванулся вперед, но Герсен увернулся и с размаху ударил его по голове рукояткой энергомета. Даске повис на тросе, потеряв сознание. Герсен снял с него скафандр и обыскал карманы брюк. Он еще раз проверил надежность крепления троса и вернулся в салон, заперев за собой дверь грузового отсека.

Рампольд снял с себя скафандр и тихо сидел, забившись в угол. Деттерас и Келле сняли скафандр с Паллис Атроуд и помогли ей одеться в свои запасные вещи. Теперь она сидела у стенки салона и пила кофе. Бледное осунувшееся лицо, задумчивый взгляд. Келле неодобрительно посмотрел на Герсена.

— Это мисс Атроуд, секретарша нашего факультета. Какое вы имеете отношение к ней?

— Ответ предельно прост, — сказал Герсен. — Я встретил мисс Атроуд во время моего первого посещения университета и пригласил ее провести со мной вечер. Хильдемар Даске, то ли просто по злобе, то ли по злему умыслу, оглушил меня и похитил ее. Я все время чувствовал, что моя обязанность — спасти ее, и сейчас я очень счастлив, совершив это.

Келле чуть-чуть улыбнулся.

— В этом вопросе ваши поступки, несомненно, выше всех похвал.

— Мы, вероятно, теперь сможем направиться к нашей первоначальной цели? — спросил Уорвин.

— Именно это я и намереваюсь предложить вам.

— Ну что ж, тогда я предлагаю приступить к этому немедленно.

— Да, да, — проворчал Деттерас, — чем быстрее мы разделаемся с этим фантастическим путешествием, тем лучше.

Глава 20

Потухшая звезда и ее красное светило исчезли из виду. В грузовом отсеке Хильдемар Даске, придя в сознание, обрушил на Герсена поток грязных ругательств и с

безумной яростью стал испытывать прочность своих оков. Он вырывался и извивался в своем хомуте, пока не сорвал всю кожу с пальцев. Он до тех пор дергал за стальные жилы троса, пока не обломал все ногти. Затем он применил другой метод. Ударяясь телом об пол, раскачиваясь из стороны в сторону, он пытался вырвать трос из стен, к которым он был привязан. Сначала из правой, потом из левой. Единственное, что ему удалось, это покрыть свою шею кровоподтеками. Удостоверившись в собственной беспомощности, несмотря на то, что руки и ноги его были свободны, он обмяк и стал часто и тяжело дышать. В его мозгу бурлило одно — как Герсену удалось отыскать его потухшую звезду? Ни одна живая душа не знала ее местонахождения, кроме него самого. И конечно, Малагате.

Даске напряженно припоминал все случаи, когда он обманывал Демона или не подчинялся ему, и удивленно старался понять, какой же из этих случаев привел его к такому финалу.

Герсен сидел на диване в салоне, погруженный в раздумья. Трое работников университета — один из которых даже не был человеком — держались вместе, подалее от него. Келле — учтивый, утонченный, хрупкого сложения, Уорвин — учтивый, можно сказать, учтиво-надменный, мрачный, Деттерас — могучий, неугомонный, легко поддающийся переменам настроения. Герсен следил за подозреваемым, исследуя каждый его поступок, слово или жест в поисках подтверждения, в поисках какого-нибудь знака, который бы дал ему столь необходимую абсолютную уверенность.

Паллис Атроуд молча сидела неподалеку от него, погруженная в свои собственные мысли. Время от времени ее лицо перекашивалось, ногти вонзались в ладони. Робин Рампольд равнодушно перебирал библиотеку микрофильмов, потирая свой длинный костлявый подбородок.

Он повернулся, взглянул на Герсена, по-волчьи, боком пересек салон и вежливо, казалось, даже подобострастно, спросил:

— Он... он еще жив?

— Пока да.

Рампольд остановился в нерешительности, открыл было рот, но снова закрыл его. В конце концов он робко спросил:

— Что вы намерены с ним делать?

— Не знаю,— пожал плечами Герсен.— Мне нужно кое-что у него узнать. А потом...

Рампольд сразу же стал серьезным и тихо, чтобы его не могли подслушать остальные, сказал:

— А почему бы вам не отдать его мне на попечение? Это облегчило бы вам охрану и уход за ним.

— Нет,— сказал Курт.— Думаю, что нет.

Лицо Рампольда еще более осунулось, тень отчаяния легла на его многочисленные морщины.

— Но ведь я... должен.

— Что должны?

— Вам этого не понять. В течение семнадцати лет...— Он не мог найти нужных слов и в конце концов сказал:— Он был центром моего существования. Он был как бы моим личным богом. Он давал мне пищу и воду и... мучил меня. Однажды он мне принес котенка — прелестного черного котенка. Он наблюдал, как я его гладил, милостиво улыбаясь. Но на этот раз я расстроил его планы. Я сразу же убил маленькое создание. Потому что я догадывался о намерениях своего мучителя. Он хотел выждать, пока я не полюблю животное, а потом бы убил его — при этом долго мучая у меня на глазах... И это было бы тоже частью его возмездия.

Герсен глубоко вздохнул.

— У него была слишком большая власть над вашей душой. Я не могу доверить его вам.

В глазах Рампольда показались слезы. Он бессвязно заговорил:

— Это очень страшно. Своих чувств по отношению к нему я не могу выразить словами. Они все больше овладевают мной и становятся более нежными. Сахар может быть таким сладким, что кажется на вкус горьким, лимон таким кислым, что на вкус кажется соленым... Да, уж я бы позаботился о нем, не щадя сил. Я бы посвятил ему всю свою оставшуюся жизнь. У меня ничего нет, но я отплачу вам сторицей, если только вы...

Герсен покачал головой:

— Об этом не может быть и речи.

Рампольд тяжело вздохнул и отправился в другой конец салона.

Внимание Герсена вновь обратилось на Деттераса, Келле и Уорвина, которые продолжали бессвязный разговор. Очевидно, они пришли к молчаливому соглашению не проявлять какого-либо интереса к новым пассажирам.

Герсен кисло улыбнулся. Тому, кто был Малагате, была далеко не безразлична встреча с Хильдемаром Даске. У Красавчика вовсе не нежный характер. Он вполне мог в запале сболтнуть лишнее. Малагате определенно хотел бы несколькими тихими словами предупредить его и рассеять все подозрения, а может быть, он попытается каким-то образом убить ненужного свидетеля.

Положение было нестабильным. Рано или поздно оно должно было взорваться. Герсен стал обыгрывать возможные ускорения этого взрыва: что, если Даске привести в салон... или, может быть, привести Уорвина, Келле и Деттераса в грузовой отсек? Вот только бы представился благоприятный случай. Оружие все еще было при нем. Университетская троица, по-видимому, поверила в его добрые намерения и не требовала, чтобы он вернул его на место в сейф. «Удивительно,— подумал Герсен,— даже теперь у Малагате нет причин подозревать, что Герсен подкапывается именно к нему». Заподозри он что-либо, и под предлогом любопытства станет искать удобный случай, чтобы взглянуть на Даске.

«Бдительность и еще раз бдительность»,— подумал Герсен. Он подумал о том, что Робин Рампольд может быть полезным союзником в сложившейся ситуации. Независимо от того, какие сдвиги в психике произошли у него за семнадцать лет заточения в клетке, он будет не меньше, чем сам Герсен, начеку в отношении всего, что касается Хильдемара Даске.

Герсен встал и пошел в хвостовую часть, мимо двигательного отсека в грузовой. Даске посмотрел на него, и в его взгляде не было и следа стоической покорности. Герсен заметил, что пальцы Даске кровоточат, и поставил свой энергомет на полу, чтобы исключить возможность вырвать его, потом подошел поближе, чтобы проверить прочность уз Даске. Но тот выбросил вперед ногу, и Герсену пришлось успокоить его сильным боковым ударом в ухо. Курт убедился, что хомут, надетый на шею Даске, достаточно надежен, и отступил назад, за пределы его досягаемости.

— Похоже на то,— сказал Герсен,— что неприятностей у тебя становится все больше.

Даске плюнул в него. Герсен отошел назад.

— У тебя не то положение для такой агрессивности,— покачал он головой.

— Ха! А что еще ты можешь сделать мне? Думаешь, что я боюсь смерти? Я сейчас живу только потому, что питаюсь ненавистью!

— Рампольд просил, чтобы я поручил тебя ему.

Даске презрительно усмехнулся.

— Он так боится меня, что готов пресмыкаться. Он такой голубчик.

— Интересно, за сколько времени он сделает такого же слизняка из тебя?

Даске еще раз плюнул и произнес:

— Скажи, как тебе удалось отыскать мою звезду?

— У меня была информация.

— От кого?

— Какое это имеет значение? — пожал плечами Герсен. Он решил посеять одну мысль в мозгу Даске. — У тебя уже никогда не будет возможности отомстить ему за это.

Даске скорчил отвратительную гримасу.

— Кто-то на борту этого корабля, да?

Герсен промолчал. Отступив в тень, он продолжал наблюдать за Даске, наконец-то осознавшим, что Малагате находится на борту.

Курт стал обдумывать вопросы, с помощью которых рассчитывал выудить у Даске имя Малагате. Но все они казались либо слишком прямолинейными, либо очень трудными для понимания. Могло даже случиться так, что Даске догадается, какая Герсену нужна информация, и это насторожит его.

— Подойди ближе. Ты же сам сказал, что я беспоощен и весь в твоей власти. Мне очень нужно узнать, кто предал меня.

— Кто же это, как ты думаешь, может быть?

Даске искренне усмехнулся.

— Врагов у меня — хоть отбавляй. Например, этот, с Саркоя. Это он?

— Сутиро мертв.

— Мертв?

— Он помог тебе похитить девушку, и я отравил его.

— Тьфу! — сплюнул Даске. — Всюду женщины. Зачем все это? Освободите меня. Я богат, и я отдам вам половину своего богатства. И еще четверть, если вы только скажете, кто предал меня!

— Во всяком случае, не Сутиро с Саркоя.

— Тристано? Конечно же не он. Откуда ему знать?

— Когда я в последний раз видел Тристано, ему было не до разговоров.

— Так кто же?

— Что ж, я скажу. А почему бы и нет? Один из администраторов Приморского университета сообщил мне кое-что. А я уже сам сделал необходимые выводы.

Даске искоса взглянул на Герсена, и в его взгляде было сомнение и подозрение.

— Зачем это ему понадобилось? — пробормотал он. — Что-то здесь не так.

— Ты знаешь, о ком я говорю? — с надеждой воскликнул Герсен, полагая, что, застигнутый врасплох, Даске не выдержит и скажет, что нужно.

Но Красавчик уже тупо смотрел себе под ноги. Герсен забрал энергомет и вышел из отсека.

Возвратясь в салон, он увидел, что положение осталось прежним. Жестом пригласив Робина Рампольда следовать за собой, Курт прошел в двигательный отсек.

— Вы просили, чтобы я препоручил вам Даске.

— Конечно! — дрожа от возбуждения, ответил Рампольд.

— Я не могу сделать этого, но мне нужна ваша помощь для его охраны.

— О, я так вам благодарен!

— Учтите, что Даске хитер и коварен. Вы ни в коем случае не должны входить в грузовой отсек.

Рампольд разочарованно сморщился.

— Столь же важно, чтобы вы не позволили никому подойти близко к отсеку, в котором он содержится. Помните, что эти люди, — он кивнул головой в сторону салона, — враги Даске и они вполне могут убить его.

— Нет, нет! — воскликнул Рампольд. — Даске ни в коем случае не должен умереть!

Герсену пришла в голову новая идея. Малагате распорядился убить Паллис Атроуд из страха, что она произвольно может как-то помочь разоблачить его личность. В своем теперешнем состоянии она не представляла никакой угрозы, но она могла прийти в себя. Малагате с удовольствием прикончил бы ее, если бы только мог сделать это без риска для себя. Поэтому Герсен предупредил Рампольда, чтобы он также охранял и Паллис Атроуд и следил за тем, чтобы ее никто не тревожил.

Рампольд без особого энтузиазма ответил:

— Я сделаю все, о чем вы просите.

Глава 21

Данные, содержащиеся в записях с монитора Луго Тихальта, поступали в компьютер, который поглощал их, присовокупляя к уравнениям, описывавшим прежнее положение корабля, и давая команды автопилоту, который следил за надлежащим курсом корабля.

Шло время. Жизнь внутри корабля вошла в определенную колею. Герсен с помощью Рампольда охранял грузовой отсек. В течение первых нескольких дней Хильдемар Даске проявлял непонятную шутливость, чередовавшуюся с угрозами отмщения в адрес своего патрона, личность которого он с таким упорством отказывался раскрыть.

— Спросите у Рампольда, о чем он думает, — сказал Даске, сверкая злобой в своих ярко-голубых глазах, лишенных век. — Вы хотите, чтобы это же произошло и с вами?

— Нет, — ответил Герсен. — Я не думаю, что это может случиться.

Время от времени Даске начинал требовать, чтобы Герсен отвечал на его вопросы.

— Куда вы меня везете? — часто спрашивал он. — Назад на Альфинор?

— Нет.

— А куда же?

— Увидишь.

— Отвечай мне или... — Даске замысловато выругался. — Или я сделаю с тобой такое, что хуже не придумаешь!

— Мы все же решились на твою поимку, несмотря на то, что моему другу известно очень много о твоей мстительности.

— Мы? — тихо спросил Даске. — Кто же это «мы»?

— Можно подумать, что ты не догадываешься.

— Почему же он сюда не заходит? Скажи ему, что я хотел бы поговорить с ним.

— Он может прийти сюда в любой момент, когда только пожелает.

В этом месте Даске всегда замолкал. Никакие уколы, подстрекательства и уловки Герсена не могли заставить Даске произнести это имя. Да и все три сотрудника университета не проявляли к Даске ни малейшего интереса. Что же касается Паллис Атроуд, то в первые дни она пребывала в состоянии глубочайшей отрешен-

ности. Она часами сидела, глядя на мелькающие звезды. Ела она медленно, нерешительно, без всякого аппетита, часами спала, свернувшись калачиком. Затем, постепенно, она стала воспринимать окружающее, и вскоре временами в ней начало проскальзывать что-то от прежней беззаботности Паллис Атроуд.

Перенаселенность корабля не давала Герсену возможности поговорить с нею наедине, но это, по его мнению, вовсе не портило дела. Ситуация, когда в грузовом отсеке находился Даске, а в одной из передних кают — Аттель Малагате, сама по себе требовала предельной концентрации внимания.

А время все шло. Корабль пересекал новые районы Галактики, те районы, где не бывал ни один человек, кроме, пожалуй, Луго Тихальта. Куда ни кинешь взгляд, повсюду сияли тысячи, миллионы звезд — струящихся, сверкающих, мерцающих, беззвучно перекрывающих одна другую — и вокруг большинства из них обращались планеты, населенные неизвестно кем. Каждая планета манила к себе, каждая была искушением, загадкой, каждая обещала невиданные ранее зрелища, неведомые доселе знания, невысказанные красоты.

И вот наконец корабль оказался в непосредственной близости к теплой бело-зеленой звезде. Огни на панели монитора замигали попеременно то зеленым, то красным цветом. Автопилот резко снизил расход энергии, расщепление стало прекращаться. Корабль безмятежно скользил к звезде, как лодка в тихом пруду. Три планеты обращались вокруг этой звезды. Самая ближняя к звезде — маленькая, оранжевая, вся была покрыта дымящимся пеплом. Другая находилась на дальней орбите — суровый страшный мир метана и аммиака. Третья, искрящаяся зеленью и голубизной, оказалась совсем рядом с кораблем.

Отбросив на время антагонизм, Герсен, Уорвин, Детерас и Келле теснились возле телескопа. Планета поражала великолепием даже с такого расстояния. Сходство с Землей ей придавали влажная атмосфера, обширные полноводные океаны, четко выраженные материки.

Герсен первым оторвался от экрана. Именно теперь от него требовалась особая бдительность. Рядом с ним стоял Уорвин.

— Я полностью удовлетворен. Планета бесподобна. Мистер Герсен не обманул нас.

Келле удивленно посмотрел на него.

— Вы думаете, что нет необходимости совершить посадку?

— Никакой необходимости. Но, если вы желаете...— Он пересек салон и остановился рядом с полкой, под которой Сутиро прикрепил выключатель. Герсен напрягся. Значит, это Уорвин! Но Почетный Ректор постоял некоторое мгновение, а затем прошел и сел в одно из кресел.

Герсен испустил вздох разочарования. Конечно же, время еще не пришло. Для того, чтобы использовать газ, Малагате должен был каким-то образом обезопасить себя от его воздействия.

— Я абсолютно уверен в том, что нам следует приземлиться,— сказал Келле.— По меньшей мере требуется произвести биометрические испытания. Несмотря на свою внешнюю привлекательность, планета может оказаться совершенно негостеприимной.

— Это не так просто,— с сомнением в голосе сказал Деттерас.— Не забывайте, что у нас на борту пленник, больная и пассажир. И, чем скорее мы вернемся на Альфинор, тем лучше.

Келле вдруг огрызнулся так резко, как еще не приходилось слышать Герсену.

— Вы говорите как болван! Прodelать такой путь только для того, чтобы бросить один взгляд и вернуться домой? Мы обязательно должны приземлиться — хотя бы для того, чтобы погулять по этой планете!

— Да,— уныло согласился Деттерас.— Несомненно, вы правы.

— Очень хорошо,— вмешался в перепалку Уорвин.— Значит, опускаемся.

Герсен молча переключил автопилот в режим автоматической посадки. Стали отчетливо видны зеленые мирные леса, гряды невысоких холмов, цепи озер к северу, хребет покрытых снегом вершин к югу.

Корабль опускался на поверхность, рев двигателей смолк. Под опорами корабля наконец-то была твердая земля. Вокруг стояла тишина, нарушаемая только тиканием автоматического анализатора наружной атмосферы, на панели которого вскоре зажглись три зеленых огонька, что означало оптимальный для человека состав воздуха.

Давление выравнивалось очень быстро. Герсен и трое его попутчиков одели легкие комбинезоны, натерли лица, шею и руки антиаллергеном, приспособили ингаляторы,

предотвращающие попадание внутрь бактерий и спор.

Паллис Атроуд смотрела в иллюминатор с рассеянным интересом, а Робин Рампольд стал боком пробираться к хвостовой части корабля. Сейчас он походил на исхудавшую старую крысу, которая делает пробные движения, как будто хочет выйти из норы, но никак не осмеливается это сделать.

Влажный, свежий, чистый наружный воздух заполнил корабль. Герсен подошел к выходу, распахнул дверь и сделал вежливый, немного иронический жест, произнеся:

— Джентльмены! Вот ваша планета!

Уорвин первым сошел на поверхность. Деттерас сразу же за ним, чуть поотстал от них Келле. Герсен, не торопясь, последовал за ними.

Монитор посадил их на месте, отстоявшем от места посадки Луго Тихальта не более чем на сто метров. Герсен подумал, что пейзаж планеты еще более обволаживающий, чем он представлял себе это по фотоснимкам. В прохладном воздухе чувствовался запах свежей травы. С другой стороны долины, за темными высокими деревьями, возвышались холмы, массивные, покатые, с обнаженными серыми скалами, промежутки между которыми были заполнены кустарниками. Еще выше медленно плыло огромное облако в форме замка со многими башнями — яркое, белое в лучах полуденного светила.

На другом берегу реки, сразу же за лугом, Герсен увидел то, что казалось порослью цветущих растений, но на самом деле было — он это знал точно — дриадами. Они стояли на опушке леса, покачиваясь на гибких серых конечностях, их движения были непринужденными и грациозными. «Без всякого сомнения, это изумительные создания, — подумал Герсен, — но что-то в них есть странное». Это суждение было странным, но почему-то оно возникало. На своей собственной планете эти дриады казались чуждыми своему окружению. Они резали глаз, как неуместно экзотический элемент на лице столь дорогом и любимом...

Почему? Может быть, из-за того, что эта планета так похожа на Землю? Герсен не чувствовал особенной привязанности к Земле, но все же эта планета чертовски смахивала на родную планету человечества — вернее, каким-то образом не оказалась подверженной нашествию многочисленных поколений людей. Эта планета была девственной, не тронутой, не подверженной изменениям. Если бы не эти дриады — диссонирующая нота — это

вполне могла бы быть Старая Земля, Земля Золотого Века, Земля Естественного Человека...

Герсен ощутил радостное потрясение от нахлынувшего на него озарения. Вот в чем заключалась основа очарования этой планеты — в ее почти полной тождественности тому окружению, в котором росло и развивалось человечество. На Старой Земле должно было быть немало таких вот веселых долин, и память об этих пейзажах глубоко проникла в человеческую психику. В Ойкумене можно отыскать и другие приятные и удобные для жизни планеты, но ни одна из них не напоминает Старую Землю, не похожа на отчий дом человечества... «Конечно,— размышлял Герсен,— вот здесь я и хотел бы построить себе небольшой домик со старомодным садиком, фруктовыми деревьями на лугу, лодкой с веслами, привязанной к берегу реки». Мечты, праздное стремление к недостижимому... но эти мечты и тоска должны были волновать любого человека. Еще одна мысль пришла Курту в голову, и он стал внимательно наблюдать за своими противниками.

Уорвин стоял на берегу, хмуро глядя на воды реки. Почувствовав взгляд Герсена, он обернулся и подозрительно посмотрел на него. Курт быстро отвел глаза и перенес свое внимание на еще одного попутчика.

Келле стоял у зарослей папортника, достигавшего ему до плеч, и смотрел вдаль, на кучевые облака и темнеющий на горизонте лес, который рос по обеим сторонам долины и вдали сливался в туманной дымке.

Деттерас медленно прогуливался по лугу, заложив руки за спину. Вот он наклонился, сгреб горсть земли, измельчил ее пальцами и понюхал. Затем, растопырив пальцы, он с интересом смотрел, как земля просеивается через них и падает вниз. Закончив это занятие, он повернулся и стал наблюдать за дриадами. То же самое сделал и Келле.

Дриады, медленно передвигаясь на гибких ногах, вышли из тени и направились к небольшому пруду. Их ветви с листьями сияли голубым и красным, медно-желтым и пурпурно-зеленым цветом. Были ли они разумными существами?

Герсен пристально следил за тремя учеными из университета. Уорвин смотрел на дриад, не скрывая своего восхищения. Деттерас неожиданно приложил пальцы ко рту и издал пронзительный свист, на который дриады, казалось, не обратили никакого внимания.

Послышался какой-то шум со стороны корабля. Герсен повернулся и увидел, что по лестнице опускалась Паллис Атроуд. Она подняла руки, закрывая глаза от яркого солнца, и глубоко дышала, как бы упиваясь чистотой и свежестью воздуха.

— Какая прелестная долина! — прошептала она. — О, Курт, какая прекрасная долина!

Она медленно побрела в сторону от корабля, часто останавливаясь и восхищенно вертя головой во все стороны.

Неожиданно Герсен повернулся и бросился к трапу. Рампольд, где Рампольд? Курт проскочил салон и бросился в грузовой отсек. Рампольд был уже внутри него. Герсен осторожно приблизился и стал подслушивать.

Послышался грубый, хриплый голос Даске, полный самодовольного ликования.

— Рампольд, делай то, что я скажу! Ты слышишь меня?

— Да, Хильдемар.

— Тогда иди к переборке и отвяжи трос. Да побыстрее!

Герсен занял место, откуда он мог, будучи незамеченным, наблюдать за тем, что происходило в отсеке.

Рампольд стоял не далее чем в полутора метрах от Даске и пристально всматривался в его красное лицо.

— Ты слышишь меня, болван? Быстрее, или я навлеку на тебя такую беду, что ты проклянешь тот день, когда родился!

Рампольд тихо рассмеялся.

— Хильдемар, я просил тебя у Курта Герсена. Я сказал ему, что буду заботиться о тебе, как о собственном сыне. Я буду кормить тебя самой изысканной пищей, давать тебе самое дорогое вино, самые лучшие сладости... Я не думаю, что он мне откажет, если я его хорошенько попрошу. Я постараюсь объяснить ему, что этим я доставлю себе то огромное удовольствие, о котором мечтал все семнадцать лет заключения. Но если он все же мне откажет, то мне придется ограничиться всего лишь тем, что я изобью тебя до смерти. Это первая представившаяся мне возможность...

Герсен вышел из укрытия.

— Извини, Робин, за вмешательство.

Рампольд издал нечеловеческий крик, полный отчаяния, повернулся и выбежал из отсека. Герсен последовал

за ним. В двигательном отсеке он зарядил свой энергомет, сунул его в кобуру и вернулся в грузовое отделение. Даске оскалил зубы, как дикий зверь.

— Рампольду не терпится, — сказал Герсен и, подходя к переборке, начал отвязывать трос.

— Что ты намерен делать? — спросил Даске.

— Согласно приказу, тебя следует казнить.

— Какому приказу? — Даске широко раскрыл глаза.

— Болван! — рассмеялся Герсен. — Ты что, не догадываешься, что происходит? Теперь я занимаю твое прежнее положение.

С одной стороны трос уже был отвязан, и Герсен пересек отсек, направляясь к другому его концу.

— Не двигайся, если не хочешь, чтобы я сломал тебе ногу! — сквозь зубы сказал он, заметив нетерпеливое движение Даске.

Через мгновение был развязан и второй конец троса.

— Встань теперь ровно. Иди медленно вперед и спускайся по трапу. И не вздумай шалить, пристрелю!

Даске медленно выпрямился. Герсен ткнул в него энергометом.

— Живее!

— Куда это мы...

— Не все ли тебе равно. Пошевеливайся!

Даске медленно повернулся и, волоча за собой два длинных конца троса, двинулся вперед — через двигательный отсек в салон и оттуда к выходу. Здесь он остановился в нерешительности, взглянув через плечо.

— Иди, иди! — сказал Герсен.

Даске стал спускаться по трапу. Герсен, следуя сразу же за ним, поскользнулся на волочащемся тросе. Он упал на землю лицом вниз. Даске издал дикий гортанный торжествующий крик, прыгнул на лежащего сверху, схватил энергомет и отскочил в сторону.

Герсен медленно поднялся и попятился назад.

— Стой там! — приказал Даске. — Вот теперь ты и попался мне!

Он осторожно осмотрелся вокруг. В пятнадцати метрах сбоку от него стояли Уорвин и Деттерас, чуть поодаль — Келле. Рампольд прижался к корпусу корабля. Даске потряс энергометом.

— А ну, все станьте вместе, пока я решу, что делать! Рампольд, старый хрыч, пожалуй, уже настало твое время подышать. Герсена, естественно, тоже... — Он взгля-

нул в сторону университетской троицы.— Ты тоже можешь считать себя мертвецом,— сказал он одному из них.— Ты нечестно вел себя по отношению ко мне.

— Ты слишком много хочешь. Это невозможно,— спокойно заметил Герсен.

— Как это? У меня оружие! Трое из присутствующих здесь сейчас умрут. Ты, старый хрыч Рампольд, и Малагате, эта вонючка, продавшая меня!

— В оружии всего один заряд,— усмехнулся Герсен.— Ты можешь убить только одного из нас, а затем станешь жертвой остальных.

Даске быстро взглянул на индикатор количества зарядов и хрипло рассмеялся.

— Что ж, быть по сему! Кто хочет умереть? Или, вернее, кого я хочу убить? — Он по очереди стал смотреть на лица намеченных жертв.— Старина Рампольд, я уже получил от тебя массу удовольствий! Герсен. Да, мне бы очень хотелось тебя прикончить. Раскаленным докрасна утюгом прямо по уху! Наконец, Малагате. Ну и хитрый же ты пес! Ты предал меня. Я даже не знаю, какую игру ты затеял. Зачем ты затащил меня сюда? И ты хотел моей смерти, пусть даже руками Герсена. Ну что ж, готовься!

Он поднял энергомет, прицелился и нажал на спуск. Энергия стрелой вылетела из дула — но не ослепительная голубая вспышка, а всего лишь слабая бледная шипящая искра. Она ударила Уорвина и повергла его наземь.

Герсен бросился к Даске. Тот уклонился от борьбы, швырнул энергомет в голову Курта, повернулся и бросился бежать. Герсен поймал оружие, открыл его и вложил свежий энергоблок.

Он медленно подошел к Уорвину, который, шатаясь, пытался подняться. Деттерас набросился на Курта:

— Каким надо быть олухом, чтобы позволить такому человеку завладеть оружием!

Келле заговорил подавленным голосом:

— Но зачем вашему пленнику понадобилось стрелять в Джайла Уорвина? Он что, маньяк?

— Я предлагаю вам вернуться в корабль, где мистер Уорвин сможет хорошенько отдохнуть,— сказал Герсен.— В оружии был единственный слабый заряд, но он, несомненно, причинил адскую боль.

Деттерас неодобрительно буркнул что-то и повернулся к кораблю. Келле взял под руку Уорвина, но тот от-

толкнул его и быстро поднялся вверх по трапу. За ним начали подниматься Деттерас, Келле и последним — Герсен.

— Сейчас вам лучше? — спросил Курт у Уорвина, входя в салон.

— Да,— холодно ответил тот, развалиясь в кресле.— Но я согласен с Деттерасом. Вы вели себя откровенно глупо.

— Я не уверен в этом,— как можно безразличнее произнес Герсен.— Все было мной искусно подстроено.

— Что?, Нарочно? — Деттерас глупо уставился на Герсена.

— Да! Я разрядил энергомет и устроил так, чтобы Даске смог схватить его. Я сообщил ему, что оставался всего один заряд,— и все это для того, чтобы он мог подтвердить мои собственные догадки относительно личности Аттеля Малагате.

— Аттеля Малагате? — Келле и Деттерас непонимающе смотрели на него. Уорвин прищурился.

— Да! Малагате-Горе! Я уже слежу за мистером Уорвином, чувствуя, что правильнее было бы называть его Малагате.

— Но это же чистойшей воды безумие! — воскликнул Деттерас.— Вы это серьезно?

— Конечно, серьезно! Доказано, что один из вас троих — Малагате! Я выбрал Уорвина.

— Ну и ну,— сказал Уорвин.— И можно спросить, почему?

— Конечно. Прежде всего я отбросил Деттераса. Он человек... уродливый. Звездные Короли более щепетильны в отношении своей физиономии.

— Звездные Короли? — взорвался Деттерас.— Кто? Уорвин? Какая чепуха?

— Кроме того, Деттерас любитель поесть, в то время как Звездные Короли относятся с отвращением к человеческой пище. Что же касается мистера Келле, я также решил, что он не годится в кандидаты. Он невысокий, толстый — снова не та фигура для Звездного Короля.

Лицо Уорвина исказилось в ледяной улыбке.

— Вы намекаете на то, что хорошая внешность гарантирует развращенность характера?

— Нет. Я имею в виду, что Звездные Короли редко покидают свою планету, если они не в состоянии успешно конкурировать с настоящими людьми. И, наконец, еще два пункта. Келле и Деттерас имеют по меньшей мере

одну дочь. Во-вторых, Келле и Деттерас сделали законную карьеру в университете. Вы же — Почетный Ректор, и, насколько я помню, чтобы получить эту должность, вам пришлось всего-навсего сделать крупное пожертвование.

— Это безумие! — опять воскликнул Деттерас. — Как можно представить Уорвина в качестве Малагате-Горе? И к тому же еще и Звездным Королем! Да это же бред.

— Но это факт, — покачал головой Герсен.

— И что же вы собираетесь делать?

— Убить его!

Деттерас непонимающе уставился на Герсена и вдруг бросился на него. Обхватив Курта за талию, он торжествующе закричал. Герсен изогнулся, проскользнул под его локтем и ударил рукояткой энергомета. Деттерас отпрянул назад.

— Мне необходимо сотрудничество, ваше и мистера Келле, — заявил Курт и спокойно посмотрел в глаза Деттераса.

— Что? Сотрудничество? С кем? С лунатиком и сумасшедшим? Никогда!

— Уорвин часто и надолго покидал университет. Я прав? И один из таких периодов его отсутствия был совсем недавно. Верно?

Деттерас вызывающе выставил челюсть.

— Я ничего не скажу об этом.

— Да, это правда, — натянуто произнес Келле. Он искоса взглянул на Уорвина, а затем снова уставился на Герсена. — Я полагаю, что у вас есть весомые основания для таких обвинений?

— Конечно.

— Я хотел бы выслушать некоторые из них.

— Это долгая история. Будет вполне достаточно, если я скажу, что я напал на след Малагате в Приморском университете и ограничил круг возможных подозреваемых вами тремя. Я почти с самого начала подозревал Уорвина, но твердой уверенности у меня не было, пока все вы втроем не ступили на эту планету.

— Это похоже на фарс, — устало вздохнул Уорвин.

— Эта планета необычайно напоминает Землю, такую Землю, которая не известна никому из ныне живущих. Землю, которая в таком виде не существовала уже десять тысяч лет. Келле и Деттерас были очарованы. Келле упивался зрелищем, Деттерас почтительно щупал

почву этой планеты. Уорвин же пошел смотреть на воду. Звездные Короли произошли от земноводных, которые обитали в сырых местах. И тут появились дриады. Уорвин восхищался ими, рассматривая их как украшение планеты. Что же касается Келле, Деттераса — и меня самого, то они нам казались чем-то чужеродным. Деттерас им свистнул, Келле хмуро разглядывал. Мы, люди, не желали иметь столь фантастические создания в таком милом нашему сердцу мире. Но все это — построения умозрительные. После того как мне удалось поймать Хильдемара Даске, я потратил много времени на то, чтобы убедить его в том, что его предал Малагате. Когда я ему предоставил шанс, он опознал Уорвина — с помощью энергомета.

Уорвин с сомнением покачал головой.

— Я отрицаю все ваши голословные заявления. — Он посмотрел на Келле. — И вы верите этому проходимцу? Келле поджал губы.

— К черту, Джайл. Я пришел к выводу, что Герсен. — человек вполне компетентный. Я не верю в то, что он лунатик или сумасшедший. Мне кажется, что он вполне отвечает за свои слова.

— Рандл, а вы? — Уорвин обратился к Деттерасу.

— Я рационалист, — произнес Деттерас, полузакрыв глаза. — Я не могу полагаться на слепую веру в вас, Герсена или кого-то еще. Герсен доказал свою правоту, и, даже если вам это не нравится, факты пока на его стороне. Вы можете доказать что-либо обратное? Попытайтесь!

Уорвин задумался.

— Думаю, что смогу переубедить вас, — произнес он задумчиво и встал. Он подошел к шкафу, достал оттуда какую-то вещь и двинулся в сторону полки, под которой Сутиро смонтировал выключатель. В руке у него был ингалятор, который он крепко сжимал в пальцах.

Он прижал ингалятор к лицу и прикоснулся к выключателю. На пульте управления в носовой части включилась звуковая сигнализация загрязнения воздуха. Уорвин недоуменно раскрыл глаза.

— Если вы вернете выключатель в исходное положение, — отозвался Герсен, — этот звук прекратится.

Уорвин ошеломленно засунул руку под полку и выключил сигнализацию.

Герсен повернулся к Келле и Деттерасу.

— Уорвин сейчас столь же изумлен, как и вы. Он

думал, что выключатель управляет вентилями резервуаров с газом, которые вы можете обнаружить под диваном. Именно поэтому он использовал ингалятор. Я выпустил содержимое баллонов и изменил функцию выключателя.

Келле заглянул под диван и извлек оттуда пустую канистру. Он с интересом посмотрел на нее, потом на Уорвина.

— Так что же, Джайл?

Уорвин отшвырнул ингалятор и с омерзением отвернулся.

Деттерас вдруг взвыл:

— Уорвин! А ну-ка, выкладывайте все начистоту!

Уорвин, не оборачиваясь, произнес:

— Вы слышали от Герсена чистую правду.

— Так значит, вы — Малагате? — сказал Деттерас, понижая голос.

— Да! — Уорвин повернулся, выпрямившись во весь свой рост. В его черных глазах загорелся огонь. — Да. Я Звездный Король, существо, стоящее выше людей!

— Но человек все же победил вас, — заметил Келле.

Глаза Уорвина загорелись еще ярче. Он повернулся к Герсену.

— Я любопытен. Вы искали Малагате еще до того, как встретились с Луго Тихальтом. Почему?

— Малагате — один из Демонов Тьмы. Я надеюсь покончить с каждым из них!

— И какие же намерения у вас относительно меня?

— Вы их уже слышали. Но могу еще раз повторить: вас ожидает смерть.

Уорвин на мгновение задумался.

— Вы человек честолюбивый, — сказал он бесстрастным тоном. — Таких, как вы, немного.

— Немногие, конечно, спаслись после рейда ваших кораблей на Маунт-Плизент. Мой дед был одним из спасшихся, я — другой.

— Ну и ну, — пробормотал Уорвин. — Все встало на свои места. Так это рейд на Маунт-Плизент? Но это же было так давно!

— Какое странное путешествие, — сказал Келле. — Но зато мы все-таки достигли официальной цели поездки. Планета существует, она именно такова, как ее описал мистер Герсен, и деньги, переведенные на депонент, становятся, таким образом, его собственностью.

— Но только тогда, когда мы вернемся на Альфинор, — проворчал Деттерас.

Герсен обратился к Уорвину:

— Вы изо всех сил старались заполучить эту планету. Меня очень интересует, зачем она вам понадобилась?

Уорвин уклончиво пожал плечами.

— Человек мог бы захотеть жить здесь,— предложил Герсен,— ну, построить здесь дворец... Но зачем все это Звездному Королю?

— Вы совершаете широко распространенную ошибку. Люди все-таки существа очень ограниченные. Вы забываете о том, что индивидуальные отличия существуют не только у вас самих, но и у других разумных рас. Некоторые из них даже отказываются от свободы своих родных планет. Они становятся ренегатами — они не люди, но вместе с тем не принадлежат более и своему родному народу. Обитатели Ггнарумена,— он поразительно легко выкашлял это трудное для человеческой гортани слово,— такие же благонравные граждане, как и большинство законопослушных жителей Ойкумены. Короче говоря, карьера Малагате — совсем не то, к чему стремится рядовой обыватель Ггнарумена. В этом они могут быть правы, а, может быть, и нет. Организация своего собственного стиля жизни — личное дело каждого. Как вы знаете, среди Звездных Королей сильно развит дух соперничества. Эта планета людям кажется прекрасной. Я тоже нахожу ее достаточно привлекательной. Я намеревался перевезти сюда своих соплеменников, дать им возможность жить на планете более прекрасной, чем Земля, и основать здесь новую расу, которая бы превосходила как человечество, так и жителей старого Ггнарумена. Такой была моя мечта, которую вам не понять, потому что не может быть взаимопонимания между вашей расой и моей в этом вопросе. И последнее,— он повернулся к Герсену.— Вы, кажется, хотели меня убить? Так вот, у вас ничего не получится!

С этими словами он в два прыжка очутился у выхода. Деттерас рванулся за ним, мешая Герсену пустить в ход свой энергомет. Уорвин обернулся и с размаху ударил ногой в живот Деттераса, который упал и загородил проход.

Пока Герсен пробрался к выходной двери, Звездный Король уже спрыгнул на землю и бежал вниз по склону, Герсен прицелился и послал снап энергии вслед согнувшейся фигуре, но безрезультатно. Он спустился по трапу и пустился в погоню.

Уорвин добрался до луга, в нерешительности остановился у реки, посмотрел назад, на Герсена, и снова побежал по долине, вниз по течению. Герсен поднялся чуть выше по склону, где грунт был более твердым, и начал наступать Уорвина, который забрел в болото. Заметив это, Звездный Король снова подошел к берегу реки и заколебался. Если он бросится в воду, то Герсен настигнет его прежде, чем он доберется до противоположного берега. Он посмотрел через плечо — и его лицо уже не было лицом человека. Герсен даже удивился, как он мог так долго сомневаться.

Уорвин повернулся, издал неразборчивый гортанный крик, встал на колени и исчез.

Герсен подошел к этому месту и обнаружил отверстие диаметром в добрых полметра. Он нагнулся, заглянул внутрь, но ничего не обнаружил.

Тяжело дыша, подбежали Келле и Деттерас.

— Где он?

Герсен указал на нору.

— Согласно наблюдениям Луго Тихальта, под болотом живут большие белые черви.

— Гм... — промычал Деттерас. — Его предки жили в болотах и, похоже, в точно таких же дырах. Думаю, что лучшего прибежища ему не нужно искать.

— Он вынужден будет выйти наружу, — сказал Келле, — для того, чтобы есть и пить.

— В этом я не уверен. Звездные Короли терпеть не могут человеческую еду. Люди находят стол Звездных Королей в равной степени отвратительным. Мы сеем растения и разводим скот. Они делают то же самое с червями и насекомыми. Уорвина вполне устроит то, что он найдет под землей.

Герсен взглянул на верхнюю часть долины, куда убежал Хильдемар Даске.

— Я потерял обоих. Я намеревался пожертвовать Даске, чтобы достать Малагате, но обоих...

Все трое стояли на берегу реки. Легкий ветерок поднял рябь на поверхности реки, шелестел в ветвях могучих темных деревьев, которые росли у подножия холмов. Племя дриад, которые брели по противоположному берегу, повернуло свои зеленые глаза-пятна в сторону людей.

— Наверное, оставить их на этой планете — то же самое, что убить, ничуть не хуже.

— По-моему, это еще более тяжкое наказание для

них,— уверенно сказал Деттерас.— Намного более тяжелое.

Они медленно вернулись к кораблю. Паллис Атроуд, сидевшая на траве, увидев Герсена, вскочила на ноги. Казалось, события последних часов оживили ее. Она подошла к Герсену, улыбаясь, взглянула ему в лицо.

— Курт, мне нравится здесь. А тебе?

— Да, Паллис, очень.

— Только представь себе,— сказала Паллис тихо.— Прелестный домик на холме. Разве это не было бы прекрасно, а, Курт? Подумай, подумай!

— Прежде всего нам нужно вернуться на Альфинор. Там и поговорим о возвращении сюда.

— Очень хорошо, Курт.— Она замерла в нерешительности, затем положила руку ему на плечо и с тоской посмотрела ему в глаза.— Я все еще... я все еще... интересна тебе? После того, что случилось?

— Конечно же! — воскликнул Герсен. Его глаза увлажнились.— Разве это твоя вина?

— Нет... Но у нас дома в Лантанго мужчины очень ревнивы.

Герсен не знал, что ответить. Он поцеловал ее в лоб и стал гладить плечи.

Раздался хриловатый голос Деттераса:

— Ну что ж, Герсен, вы воспользовались мной и Келле из своих рыцарских побуждений. Не скажу, чтобы это доставило мне удовольствие, но и для возмущения у меня нет оснований.

Держась в тени корабля, к ним приблизился Робин Рампольд.

— Хильдемар сбежал,— сказал он скорбно.— Теперь он через горы доберется до города, и я никогда больше не увижу его.

— Он может перебраться через горы,— сказал Герсен,— но никакого города там нет. Он это знает и будет скрываться где-то поблизости.

— Мне это причиняет огромные страдания,— печально заметил Рампольд.

Герсен рассмеялся.

— Вы бы предпочли поменяться с ним местами?

— Нет, конечно же нет. Но, находясь в плену, я все время мечтал о том, что я сделаю, когда освобожусь. Семнадцать лет назад я был молод и у меня были свои планы. Теперь же у меня на уме только одна мысль. Хильдемар ускользнул...

И он безутешно пошел прочь. Через некоторое время Келле произнес:

— Как ученый, я нахожу эту планету очаровательным местом. Как человек, она меня пугает. Как Кагге Келле, некогда сослуживец Джайла Уорвина, я нахожу ее чрезвычайно гнетущей. Я готов покинуть ее в любое время.

— Да,— угрюмо произнес Деттерас,— а почему бы и нет?

Герсен поднял свой взор на долину, где Хильдемар Даске, одетый только в грязные белые панталоны, рыщет по лесу, как затравленный бешеный зверь. Он взглянул на нижнюю часть долины, которая терялась среди подернутых дымкой просторов, затем на болотистый луг, под которым ползал Малагате. Затем он посмотрел на Паллис Атроуд.

— Я не могу поверить, что это реально,— глубоко вздохнув, произнесла она.

— Да, к сожалению, это все реально. Но это также и сон.

— Все кажется сном. Кошмарным сном.

— Сейчас он уже прошел. Как будто его никогда и не было.

— Я рада...— Она нахмурилась, стесняясь.— Я много не помню.

— Ну и хорошо.

Паллис показала на луг.

— Смотри, Курт. Кто эти красивые создания?

— Дриады.

— Что они там делают?

— Не знаю. Похоже, чем-то питаются. Луго Тихальт говорил, что они высаживают питательные вещества из крупных белых червей, прячущихся в норах под лугом. Или, может быть, они не едят сейчас, а откладывают яйца в почву... Кто знает?

Дриады опять начали свое плавное движение вверх по склону, размахивая пышными ветвями и медленно покачиваясь на ветру. По болоту они передвигались медленно, осторожно делая шаги. Одна из них остановилась и застыла на месте. Под ее ногой мелькнуло что-то белое, и скрытое ранее щупальце тотчас же нырнуло в мягкую землю. Прошло несколько секунд. Внезапно почва вздыбилась и растрескалась, дриада перевернулась вверх тормашками. Из образовавшегося кратера, шатаясь, вылез Уорвин. Щупальце все еще торчало из его спины.

На его выпачканном грязью лице глаза почти выкатились из орбит, изо рта неслись ужасные вопли. Он затрясся, упал на колени, перевернулся, опять вскочил, с остервенением отрывая болтающиеся сзади остатки дриады, и вдруг дико метнулся вверх по склону. Шаги его стали слабеть. Он упал, несколько раз дернулся и затих.

Похоронили Джайла Уорвина на склоне холма, вся группа вернулась на корабль. К Герсену робко подошел Робин Рампольд.

— Я решил остаться здесь.

Герсена удивило и расстроило это заявление. Но, с другой стороны, оно только подтвердило его догадки.

— Значит,— медленно сказал Курт,— вы хотите жить на этой планете вместе с Хильдемаром Даске?

— Да.

— Вы знаете, что может произойти? Он опять сделает вас своим рабом. Или убьет, чтобы съесть, и я буду виноват в том, что оставил вас здесь.

Лицо Рампольда стало непроницаемым.

— Может быть, все будет так, как вы говорите, но я не могу, не имею права оставить в одиночестве Хильдемара Даске!

— Подумайте хорошенько,— предложил Герсен.— Учтите, что здесь вы будете один. И он будет еще более жесток, чем прежде, после всего, что произошло.

— Я надеюсь, что вы оставите мне некоторые предметы: оружие, лопату, немного пищи...

— И что вы будете делать, когда пища закончится?

— Я найду пищу на этой планете: семена, рыбу, коренья, орехи. Они, конечно, могут быть ядовитыми, но я буду тщательно проводить предварительную проверку. А что еще остается делать?

Герсен покачал головой.

— Было бы лучше, если бы вы вернулись на Альфинор. Здесь Хильдемар Даске отомстит вам, не забывают этого.

— Я не могу отказаться от такого шанса,— упрямо гнул свою линию Робин Рампольд.

— Ну, как хотите.

Корабль поднялся над лугом, оставив Рампольда со скудной грудой снаряжения. Планета стала зелено-голубым шаром и вскоре совсем исчезла со смотровых экранов.

— Вот, джентльмены, вы и посетили планету Луго Тихальта,— угрюмо обратился Герсен к Келле и Деттерасу.

— Да,— равнодушно произнес Келле.— Хотя и окольными путями, но вы выполнили условия нашего договора. Деньги теперь ваши.

Герсен покачал головой.

— Мне ничего не нужно. Я предлагаю сохранить существование этой планеты в глубокой тайне, чтобы воспрепятствовать ее осквернению. Как вы смотрите на такое предложение?

— Очень хорошо,— кивнул Келле.— Я согласен.

— Я тоже,— сказал Деттерас,— но только при условии, что я смогу вернуться сюда в другой раз при более спокойных обстоятельствах.

— И еще одно условие,— вставил Герсен.— Третья часть депонированного фонда принадлежала Аттелю Малагате. Поэтому я предлагаю, чтобы эта сумма была переведена на счет мисс Атроуд в качестве некоторой компенсации за все то зло, которое было причинено ей по приказу Малагате-Горе.

Ни Келле, ни Деттерас не возражали против такого предложения. Паллис попробовала было протестовать, но затем согласилась с этим предложением.

Оставшаяся далеко за кормой желтовато-белая звезда превратилась в крохотную искорку и вскоре вообще исчезла с экранов электронных телескопов.

Годом позже Курт Герсен возвратился в своем космическом корабле модели 9В на планету Тихальта, но уже один.

Зависнув на орбите, он внимательно осмотрел долину через телескоп, но не обнаружил признаков человеческого обитания. Нельзя было забывать, что на планете оставался энергомет, и за это время он вполне мог оказаться в руках Красавчика. Курт дождался прихода ночи и посадил корабль на горный склон под долиной реки.

Подошла к концу долгая тихая ночь. На заре Герсен отправился вниз, в долину, стараясь не выходить из-под прикрытия деревьев.

Где-то далеко впереди он внезапно услышал стук топора. Чрезвычайно осторожно он приблизился к источнику звука.

На опушке леса Робин Рампольд разрубал упавшее дерево. Герсен медленно приблизился поближе. Лицо Рампольда округлилось, он выглядел загорелым, сильным, здоровым. Курт окликнул его по имени. Рампольд поднял голову и недоуменно посмотрел по сторонам.

— Кто это?

— Курт Герсен.

— Выходите же, дорогой, нечего скрывать!

Герсен вышел на опушку, осторожно озираясь вокруг.

— Я боялся, что могу наткнуться на Хильдемара Даске.

— А...— засмеялся Рампольд.— Вам нет необходимости бояться Хильдемарчика.

— Что? Он мертв?

— Нет. Он жив и здоров, но живет сейчас в небольшом загончике, который я соорудил для него. С вашего разрешения, я не поведу вас взглянуть на него, так как загон этот находится в потайном месте, хорошо спрятанном от любого, кто может ненароком посетить эту планету.

— Ясно,— кивнул Герсен.— Значит, вы одолели этого негодяя?

— Конечно! А вы что, сомневались в этом? У меня было гораздо больше средств, чем у него. Я выкопал за ночь яму и соорудил западню. Утром Хильдемарчик тайком подкрался, надеясь конфисковать мои запасы, но угодил в яму, и я пленил его. Теперь он уже стал другим человеком.— Робин взглянул Герсену прямо в глаза.— Вы не одобряете этого?

Курт пожал плечами.

— Я прибыл, чтобы забрать вас с собой в Ойкумену.

— Нет! — резко сказал Рампольд.— Я уж как-нибудь проживу здесь свой век вместе с Хильдемаром Даске. Это прекрасная планета, и она мне очень нравится. Я нашел здесь отличную пищу, которая нам обоим вполне подходит, и к тому же я ежедневно показываю Хильдемарчику все те фокусы, которым он сам научил меня за долгие семнадцать лет.

Они побрели по долине к месту предыдущей посадки.

— Здесь необычайно причудливый жизненный цикл,— объяснил Рампольд.— Каждая форма жизни без конца превращается в другую. Только деревья остаются без изменений.

— Это я уже знаю,— заметил Герсен,— от человека, который первый обнаружил эту планету.

— Идемте, я покажу вам могилу Уорвина.

Рампольд повел Курта вверх по склону к рощице из тонких белоствольных деревьев. Сбоку от них росло деревце, заметно отличающееся от других пурпурными жилками на стволе и плотными темно-зелеными листьями.

— Вот здесь и покойся Джайл Уорвин,— сказал Рампольд.

Герсен постоял немного, глядя на это удивительное дерево, а затем повернулся и окинул взглядом долину. Как и прежде, она сияла красотой и безмятежностью.

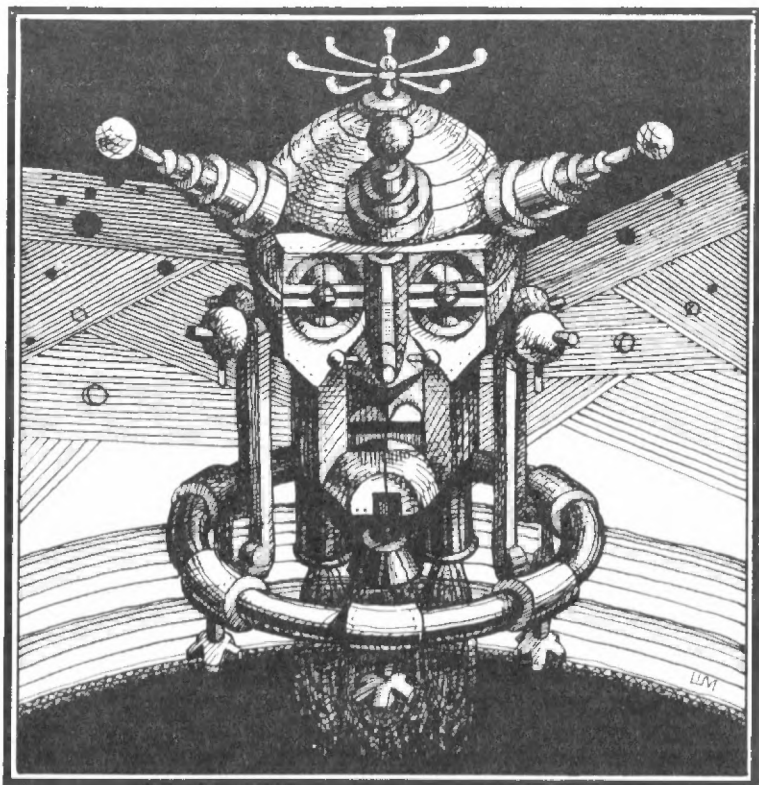
— Что ж, тогда я отправлюсь в путь. Возможно, я уже никогда не вернусь сюда. Вы уверены, что хотите остаться здесь навсегда?

— Абсолютно! — Рампольд посмотрел в сторону солнца.— Вы уж извините, но я опаздываю. Хильдемарчик будет дожидаться меня. Жаль его разочаровывать. Я желаю вам на прощание удачи.

Он поклонился и ушел, пересек долину и скрылся в лесу.

Герсен еще раз пробежал взглядом по долине. Эта планета больше не была девственной, она познала зло. Ощущение запятнанности окутывало все, что видел Герсен. Он вздохнул, повернулся к могиле Уорвина, нагнулся, схватил деревце и вырвал его из земли. Разломав ствол и ветви на куски и разбросав их в разные стороны, он повернулся и медленно побрел вверх по склону к своему кораблю.

ДЕМОНЫ ТЬМЫ

Глава 1

Герсен напал на след Говарда Алана Трисонга в основном с помощью абстрактных рассуждений — чистая дедукция классического образца — используя информацию, предоставленную Уолтером Коэделиком, старейшим членом, а теперь и Старшим Офицером «Интер-галактополы».

Два человека встретились на Сайнимэйкер-бич, к северу от Аванты, метрополиса Альфанора, первого среди Скопления миров Ригеля.

Из чайного домика Чэнси на веранде Сайнимэйкер-бич открывался вид на тысячи небольших коттеджей. Каждый дом был своего цвета: бледно-голубой, бледно-зеленый, розовый, белый, желтый и каждый отбрасывал резкую тень под лучами раскаленного Ригеля. Далеко внизу можно было разглядеть небольшой полумесяц пляжа. Вдали темно-синий океан Тайматург простирался до горизонта.

За столом, в тени раскидистого темно-зеленого дерева, сидели Кирт Герсен и Уолтер Коэделик, с песочного цвета волосами и розовой кожей, несколько более приземистый, нежели Герсен, с небольшим носом и тяжелым подбородком. Как и Герсен, он был одет в синий с серым костюм астронавта, костюм человека, который избегает привлекать внимание. Они пили пунш с ромом и обсуждали Говарда Алана Трисонга.

В обществе Герсена Коэделик не сдерживал себя в разговоре.

— Что он представляет собой теперь? Это настоящая загадка. Десять лет назад он называл себя «Господином сверхлюдей».

— Скорее подошло бы «Король мерзавцев»...

— Это точно. Он причастен к каждому противозаконному акту от Дальней Окраины до Тэнджэров Старого Осако. Говорят, однажды Говард проходил по окраинной улице Багтауна на Арктуре IV и на него напал грабитель.

«Говард спросил:

— А ты зарегистрирован в Организации?

— Нет.

— Ну, тогда ты от меня не получишь ни гроша, а я еще, пожалуй, найду тебя, если мне для каких-то целей понадобится негодяй».

Коэделик осушил свой стакан пунша и посмотрел на темно-зеленую листву, сквозь которую пробивались полоски розовых лучей.

— Прекрасное место для микрофонов. Интересно, кто нас сейчас слушает?

— Никто, если верить Чэнси.

— В наши дни трудно быть уверенным в чем-то. «Интергалактпол» здесь не единственная сила.

Герсен с улыбкой помахал перед собой рукой.

— Хорошо, хорошо... Итак, Трисонг больше не Господин сверхлюдей?

— Вообще-то так. Но он дал детальные задания господам рангом ниже. Говард только иногда возникает в нашем поле зрения...

— Должно быть, хороший малый. А где он сейчас?

Коэделик замялся, но через мгновение подался вперед.

— Конечно, стоило бы вам рассказать об этом, но учтите, если история получит огласку, то мы окажемся в затруднительном положении. К тому же, все, что я вам сейчас скажу, может оказаться полнейшей выдумкой.— Коэделик посмотрел по сторонам.— Итак, мы договорились. О том, что я сейчас скажу, не распространяйтесь.

— Конечно.

— Администрация «Интергалактпола» до некоторой степени свободна в своих действиях, вы знаете. Есть Совет директоров и председательствующий офицер, теперь это Артур Санчero. Пять лет назад его адъютант умер от несчастного случая. Близкие друзья рекомендовали ему человека по имени Джетро Коуп и после обычной проверки Коуп был принят на освободившееся место. Он проявил себя очень умелым работником, умелым настолько, что Санчero делал сам все меньше и меньше работы. А потом начали происходить странные вещи. Члены Совета директоров начали умирать — кто от болезней, кто от несчастного случая, а кто от убийства... были даже случаи самоубийств.

Санчero, а вернее сказать, Джетро Коуп, рекомендовал на освободившиеся вакансии новых людей, которые вскоре и зачислялись в управление. Коуп манипулировал выборами и сам вел подсчет голосов. Так он провел семь человек в Совет директоров «Интергалактпола» и ему осталось набрать еще шесть человек, чтобы иметь квалифициро-

ванное большинство. Он, возможно, и получил бы его, если бы один из новых директоров, называвший себя Бамус Карлайд, случайно не столкнулся с одним нашим агентом, который узнал в нем Шона Мак-Мартри из Дублина, Ирландия, высококлассного шантажиста.

Короче говоря, Мак-Мартри был быстро вычеркнут из наших списков, но не раньше, чем он назвал имя. Ты догадываешься, какое?

— Говард Алан Трисонг.

— Совершенно верно. Было установлено наблюдение за этим Джетро Коупом, но буквально на следующий день он исчез и больше никогда не появлялся в поле нашего зрения.

— А что же стало с остальными шестью новыми директорами?

— При аресте трое были убиты, один исчез. Двое все еще на своем посту, как оказалось, они не имели уголовного прошлого. Юридически была доказана их невиновность и остальные директора не проголосовали за их увольнение.

— Они либо слишком благородны, либо подкуплены, либо испуганы.

— Выбирайте сами.

— Быть Господином сверхлюдей и главой «Интергалактола» — обоими одновременно — красивая мечта, в независимости от того, какие цели он преследует.

— Увы, да. Трисонг — хитрый дьявол. Я бы с удовольствием вырезал его печень.

— А как с фотографиями?

— Не найдено ни одной.

— Значит, мы так и не знаем, как он выглядит.

Козделик с отвращением прошептал:

— Люди, имевшие дело с Коупом, помнят длинные светлые кудри, светлую бороду и усы, изысканные и приветливые манеры.

— И с тех пор...?

— Ничего. Он бесследно исчез. Да, я забыл упомянуть, что три года назад в архив пришел приказ закрыть все материалы, относящиеся к Говарду Алану Трисонгу, ввиду их неточности. Приказ был выполнен неукоснительно. Личное дело этого мерзавца было уничтожено.

— Все преступники однажды возвращаются на место своего преступления¹. Где Трисонг родился и вырос?

¹ Герсен ссылается на книгу Майкла Диаса «Преступное мышление» (Прим. автора).

Многие люди должны хорошо его знать. Может быть, года через три появятся новые материалы.

Коэделик, откинувшись на спинку стула, на минуту-другую задумался.

— Я подниму свои источники и дам вам знать. Где вы остановились?

— В «Мирамонте».

— Я загляну к вам около полудня, если это удобно.

На следующий день точно в полдень Коэделик нашел Герсена в глубоком кресле отеля «Мирамонт» на эспланаде Аванты.

— Как я и предполагал, — сказал Коэделик, — ключей к его персоне нет. Он впервые появился на Земле еще в юности. Грабил банки, мошенничал, совершал убийства. И в этом своем занятии был весьма компетентен. В самом деле, удивительно, насколько мало мы знаем о нем, как о человеке.

Сказав, что он ограничен во времени, Коэделик вскоре ушел. Герсен вышел пройтись по эспланаде, которая тянулась миль на десять параллельно прекрасному песчаному пляжу Аванты.

Двадцать лет назад Трисонг вместе с другими Лордами Тьмы уничтожил родной городок Герсена Маунт-Плизант на планете Провиденс, тогда он еще только-только достигал вершины своей преступной карьеры. С того времени масштаб преступных дел Трисонга все возрастал... Предчувствие возможности проникновения в разгадку начало волновать Герсена. Он подошел и прислонился к балюстраде.

Три года назад Трисонг исчез из виду. Этот человек, который пытался быть одновременно Королем негодяев и Главным директором «Интергалактопола», конечно, сейчас не бездействует. Где-то он замышляет новые преступления, более основательные, чем раньше.

Герсен рассматривал различные варианты. Ни один из них не выглядел правдоподобным или стоившим затраты хоть каких-то усилий. Здесь не хватает пышности, присущей Трисонгу, сказал сам себе Герсен.

Он вернулся в отель и позвонил по телефону Коэделику.

— Я звоню относительно темы нашего разговора. Мне кажется, что-то вами упущено... что-то такое экстравагантное... что-то такое в каком-то преступлении за это

время, что должно было прямо указать на нашего с вами типа.

Козделик не смог сказать ничего определенного.

— Я размышлял примерно в том же направлении. Но... Нигде ничего не было.

Тремя населенными планетами Веги были Алойзиус, Бонифэйс и Кафберт. Во время первого расселения людей они были облюбованы религиозными сектами, каждая из которых была более фанатичной, чем предыдущая. В Шестнадцатом Столетьи Космической Эры эта религиозность все еще сохранялась, особенно в формах общественных зданий, переделанных из соборов во времена изгнания.

Понтефракт на Алойзиусе, небольшой городок, известный главным образом своими постоянными туманами, благодаря зигзагу судьбы стал важным общественным и финансовым центром планеты. В старейшем районе города, доминируя на площади Святого Педро, стояла древняя Бриллиантовая Башня, новая штаб-квартира «Космополиса», журнала новостей, фоторепортажей и коротких очерков. Материалы журнала, подчас глубокие, часто драматические и даже сентиментальные, привлекали внимание средних слоев интеллигенции всей Ойкумены.

Кирт Герсен при посредничестве своего финансового поверенного Джеана Адделса приобрел контрольный пакет «Космополиса»; он использовал офис журнала как удобное прикрытие.

Прибыв в Понтефракт, Герсен отправился обедать с Джеаном Адделсом в его прекрасный старинный особняк в Баллихолт Вудс, к северу от Понтефракта. За обедом Герсен упомянул о Говарде Алане Трисонге и его странной невидимости.

Адделс сразу насторожился:

— Вы спрашиваете, конечно же, из чистого любопытства, не так ли?

— Ну, не совсем так. Трисонг — негодяй и преступник. Его влияние ощущается повсюду. Ночью взломщики могут проникнуть в этот дом и украсть наиболее ценные картины вашей коллекции, не говоря уже о родосских коврах. И можете не сомневаться, что нити этого преступления приведут именно к Трисонгу.

Адделс мрачно кивнул:

— Согласен. Такое вполне возможно. Завтра я отправлю запрос в «Интергалактпол».

— Это не повредит.

Адделс подозрительно взглянул на Герсена.

— Надеюсь, лично этот человек вас не интересует?

Герсен пожал плечами: — Ну, если только в небольшой степени...

Адделс зло бросил:

— Прошу не вмешивать меня в ваше расследование ни в какой степени!

— Мой дорогой Адделс, как я могу не обратиться к вам за советом?

— Мой совет по этому вопросу краток и ясен: предоставьте «Интергалактполу» заниматься своими делами!

— Это замечательный совет и я буду помогать им в их нелегком труде настолько, насколько это в моих силах. И я знаю, что вы будете мне в этом активно помогать!

— Конечно, конечно,— немедленно пробормотал Адделс.

В библиотеке «Космополиса» Герсен искал материалы, связанные с Говардом Аланом Трисонгом. Они были во многих томах архива, но говорили Герсену очень мало из того, что ему было неизвестно, и совсем ничего о том, что интересовало его в первую очередь: место, где родился и в дальнейшем обитал Трисонг.

В конце этого неудачного дня Герсен из простого упрямства проверил содержание папки, озаглавленной «Разное», в которой, как оказалось, тоже не было ничего такого, что могло бы его заинтересовать. Когда он ставил эту папку на полку, его взгляд привлекли две подшивки: «Картотека» и «Ненужное». Содержимое папки «Картотека» было пусто, а в «Ненужном» оказалась большая фотография, почти в квадратный фут, изображающая какой-то званый ужин. Пять мужчин и две женщины сидели, трое мужчин стояли несколько сзади. Сверху кто-то написал: «Говард Алан Трисонг среди этих людей».

Внезапно онемевшими пальцами Герсен вцепился в фотографию. Камера охватила всю панораму, будучи установленной в центре круглого стола так, что каждый из группы был запечатлен в анфас, хотя ни один из присутствующих на ней не смотрел прямо в объектив и, возможно, ни один из них не знал, что его фотографируют.

Напротив каждого места стоял странный небольшой предмет с тремя разноцветными флажками, и возле каждого из гостей стояло серебряное блюдо, наполненное чем-то лилово-коричневым примерно на четыре дюйма по высоте. Кроме подписи сверху снимка, фотография больше не содержала никаких надписей, не считая, правда, номера, отпечатанного на обороте — 972.

Обедающие были разного возраста и расовой принадлежности. Все выглядели уверенными в себе и здоровыми на вид. Каждого представляли таблички на столе, к сожалению, повернутые от камеры.

Герсен внимательно всмотрелся в лица. Кто из присутствующих здесь Говард Трисонг? То описание, которым он владел, больше всего подходило к четверым мужчинам...

Подошел работник библиотеки, молодой человек, одетый в розовую с черными полосами рубашку и спортивные коричневые шорты по местной моде. Он взглянул на Герсена равно приветливо и почтительно, сдерживая однако усмешку. В редакции «Космополиса» Герсен прослыл человеком сомнительных талантов.

— Роетесь в мусоре, мистер Лукас?

— Мельница все мелет,— кивнул Герсен.— Эта фотография, которую вы почти что выбросили, откуда она?

— Какие пустяки! Ее прислали несколько дней назад из нашего отделения в Звездном Порту. Общество Охраны и Тюрем на своем ежегодном обжорстве или что-то подобное. Неужели она может кому-то понадобиться?

— Возможно и нет. Все-таки она довольно странная, не находите? Интересно, кто из них Говард Трисонг?

Молодой человек с недоумением посмотрел на Герсена, но уже через мгновение рассмеялся: — А, вы имеете в виду кого-то из местных шишек! Уверяю вас, здесь нет ничего интересного для наших читателей. Дамы, вообще, абсолютно старомодны!

Но Герсен не унимался.

— Из нашего отделения в Звездном Порту, вы говорите? А из какого Звездного Порта? Их, по крайней мере, несколько.

— Звездный Порт на Нью-Концепт, что на Марабе-IV.— Снова почти неуловимая снисходительность. В «Космополисе» никто не понимал, как Генри Лукас получает работу и еще менее, как он ее выполняет.

Герсен оставался равнодушным к мнению своих коллег.

— Как эта фотография попала сюда?

— Ее доставили с последней почтой. Когда вы закончите, бросьте ее в корзину для мусора, ей место именно там.

Клерк пошел по своим делам. Герсен положил фотографию во внутренний карман и связался с отделом кадров.

— Кто наш представитель в Звездном Порту на Нью-Концепте?

— Зональный управляющий там, мистер Лукас, Айлетт Мэйни.

Просмотрев «Справочник межпланетных сообщений», Герсен обнаружил, что прямого сообщения между Алойзиусом и Нью-Концептом не существовало. Если он хотел попасть туда в качестве обычного пассажира, то должен был бы сделать три пересадки, трижды меняя корабли.

Герсен закрыл «Справочник» и поставил его на полку. Он проехал в космопорт, поднялся на борт своего «Фэнтомик Флайтлернинг», космического крейсера с небольшим грузовым отсеком и каютой на четверых; корабль больший, чем его же «Джетис Фараон», и более комфортабельный, нежели «Арминтор Старшип».

После полудня того же дня, когда он обнаружил фотографию, Герсен покинул Алойзиус, оставляя Вегу по левому борту. Он задал координаты автопилоту, и теперь быстро уносился к середине скопления Арии.

Во время полета он обстоятельно изучил фотографию, и постепенно все участники этого банкета стали для него, словно живые. Каждого из них Герсен уже неоднократно спрашивал:

— Это ты Говард Алан Трисонг?

Некоторые отвечали негодуя отрицательно, другие странно молчали, а некоторые, казалось, бросали вызов:

— Безразлично, кто я, что я, но учти, что ты подвергаешь себя огромному риску, ввязываясь в это дело!

Одного из мужчин Герсен рассматривал чаще других. Блестящие волосы коричневого оттенка, обрамляли лоб философа. Впалые щеки переходили в узкий рот, окружая его струнами мускулов; этот тонкий чувствительный рот был как будто изогнут в улыбке в ответ на какую-то остроумную шутку. Лицо сильное и утонченное, чувствительное, но не нежное; лицо человека, способного на все, постоянно думал Герсен, глядя на незнакомца.

Впереди мерцал Мараб, справа где-то вращалась планета Нью-Концепт и ее три луны.

Глава 2

По прибытии на Нью-Концепт, Герсен отыскал Звездный Порт и посадил корабль. На сверкающей полированным металлом машине, скользящей по монорельсу, он преодолел пять миль, отделяющие непосредственно космодром и город Звездный Порт; благодаря этому Герсен смог досконально изучить окружающую природу. Тяжелая на вид, плотная темно-синяя почва. На некотором удалении синий цвет постепенно переходил в каштановый, а еще дальше — в лиловый. В миле от космодрома монорельс проходил через какие-то развалины из белого камня — когда-то какой-то сложный комплекс сооружений в неопаладианском стиле — почти небольшой город. Теперь почти все колонны разрушились, упали или перекошились; крыши частично провалились. Сначала Герсен подумал, что руины необитаемы, но затем, минутой позже, он заметил то тут, то там какие-то движущие фигуры, а через мгновение и целое стадо странных животных, пасущихся возле очередных развалин.

Вскоре Герсен прибыл на центральный вокзал Звездного Порта. В справочном бюро он узнал местонахождение местного отделения «Космополиса» — десятиэтажная башня располагалась в нескольких сотнях ярдов от вокзала — и отправился туда пешком.

Звездный Порт не отличался почти ничем от других поселений человечества в Ойкумене. Если бы не лимонно-желтый свет и ароматный воздух, Герсен мог бы подумать, что находится в пригороде Аванты на Альфаноре или еще где-нибудь, например, хотя бы в Нью-Дели на Балхаше. Живущие здесь придерживались почти такой же моды, как и по всей Ойкумене.

Войдя в офис «Космополиса», Герсен подошел к стойке, за которой стоял пожилой мужчина с пронизательными птичьими глазками и хохолком серебристых волос. Он был худой, подтянутый, держал себя со строгостью и аккуратностью, что страшно не согласовывалось с его одеждой, которая, казалось, была подобрана случайно: ярко-синяя рубашка из легкого велюра, бежевые брюки из какой-то мягкой ткани и темные замшевые сандалии. Он обратился к Герсену:

— Что вам угодно, сэр?

— Я Герсен Лукас, из отделения на Понтефракте, — представился Герсен. — Мне необходимо встретиться ненадолго с мистером Айлеттом Мэйни.

— Он перед вами, мистер Лукас,— представился чиновник и внимательно оглядел Герсена снизу доверху,— Генри Лукас? Я бывал в вашем офисе на Понтефракте, но боюсь, что не смогу вспомнить, чтобы там произносили ваше имя.

— Я занимаю должность специального корреспондента,— усмехнулся Герсен.— В действительности я — внештатный работник; если где-нибудь появляется работа скучная или неудобная для других, за нее берусь я.

— Понятно,— кивнул Мэйни.— И что же такое скучное и неудобное для других вы нашли здесь, в Звездном Порту?

Герсен достал фотографию. Выражение лица Мэйни сразу же изменилось.

— Ага! Вот откуда ветер дует! Значит, вы здесь для расследования?

— Правильно.

— Хм... мм. Может, нам устроиться поудобнее? Давайте пройдем в мои апартаменты.

— Как вам угодно.

Мэйни проводил Герсена к лифту, в котором они поднялись на самый верх здания. Мэйни бесстрастно открыл дверь и отступил немного в сторону, приглашая гостя войти первым. Герсен вошел и сразу понял, что здесь живет отнюдь не ординарный человек. Здесь было довольно много ценных вещей. Повсюду глаз натывался на предметы старины разных эпох и разного планетного происхождения. Многие из этого антиквариата Герсен с первого взгляда не смог идентифицировать: например, пара фонарей с серо-коричневыми абажурами. Возможно, древняя Япония? Что касается ковров, то в них он разбирался немного лучше, благодаря эпизодам своей ранней карьеры. Он узнал два персидских ковра, переливающихся в лучах лимонно-желтого солнца. Несколько небольших ковриков, несомненно из Хайар Реалма, что на Конопусе... Здесь были сервизы из мирмиденского фарфора, собрание редких старинных книг, переплетенных в шагрень и кожу...

— Я не придумал ничего лучше,— слышался голос Мэйни, приведя Герсена в чувство,— как окружить себя красивыми вещами...— В конце этой фразы Герсену показалось, что в голосе Мэйни зазвучали чуть ли не извинительные нотки.— Я представляю себя хитрым торговцем и больше всего люблю бродить по деревенским базарам отдаленных планет. Книги здесь преимущественно

с Земли, а... Но, присаживайтесь, пожалуйста,— Мэйни осторожно тронул кончиками пальцев гонг, издавший при этом продолжительный звон. И немедленно в комнате появилась прислуга, молодая девушка странного вида, худая и гибкая, как угорь, с кудрявыми белыми волосами, черными глазами на небольшом личике, чуть выделяющимся подбородком и узким ртом. Она была одета в короткий белый халат и двигалась странно скользящей походкой. Она внимательно посмотрела на обоих мужчин без какого-либо следа застенчивости. Герсен не мог определить ее расовой принадлежности — и тут же мелькнула мысль, что если она не полоумная, то ее разумность, несомненно, чисто условная.

Мэйни присвистнул сквозь зубы, поднял ладони на уровень груди, выставил правой рукой вперед два пальца и вновь свистнул. Девушка вышла из комнаты, но через мгновение она была вновь тут, но уже с подносом, на котором стояли два кубка и две низенькие бутылочки. Мэйни взял поднос, и девушка тут же покинула комнату. Мэйни наполнил кубки.

— Попробуйте наше прекрасное пиво «Своллуутал». — Он подал кубок Герсену и взял фотографию, которую тот положил на стол.

— Очень странное дело,— Мэйни сел в кресло и отпил пива.— Однажды незнакомая мне женщина пришла в контору. Я поинтересовался, в чем дело. Она заявила, что у нее есть интересная информация, которую она может продать за определенную сумму. Я усадил ее и как следует рассмотрел. Ей было примерно тридцать, и на эти свои годы она выглядела довольно респектабельно. Вне сомнения, что она была не здешней, что она сама и подтвердила, когда сказала, что приехала ко мне прямо с космодрома, и что ей крайне необходимы деньги. Я снова внимательно оглядел ее, но ничего не смог определить.

Мэйни снова отпил пива.

— Я отметил для себя только одно.— Он кивнул, как будто решил какую-то проблему.— Она пояснила свое предложение, сказав, что предлагает не просто ценную информацию, а поистине уникальную. Конечно, я передаю то, что она сказала, не дословно.

— Вы намерены предложить мне карту пропавших сокровищ?

Она разозлилась.

— Вас интересует то, что я хочу предложить. Но имейте в виду, я прошу со мной не торговаться!

Я сказал ей, что должен предварительно посмотреть на то, что она продает. Она сейчас же насторожилась. Это была как игра. Наконец мне это все порядком надоело, и я сказал:

— Мадам, покажите мне то, что вы хотите продать и не будем больше терять времени.

Она шепотом спросила у меня: — Вы слышали такое имя — Говард Алан Трисонг?

— Да, конечно. Это тот, кто называет себя Владыкой сверхлюдей.

— Не говорите так! Хотя, это правда... у меня есть его фотография! Сколько вы можете заплатить за нее?

— Дайте посмотреть.

— Нет, вначале вы должны заплатить!

Боюсь, что в этот момент я стал с ней несколько резок:

— Как я могу покупать что-то, даже не увидев, что это такое? Там, хотя бы хорошее изображение?

— Конечно, очень хорошее. Он замышляет здесь массовое убийство...

Я промолчал на это заявление и ей ничего не оставалось делать, как продолжать: — У меня есть очень хорошая его фотография, вы понимаете меня?

Я вновь промолчал и она, наконец, показала свой товар.

Мэйни указал на фотографию.

— Я тщательно изучил ее, а потом сказал: — Это действительно прекрасное фото, но который из них Трисонг?

— Я не знаю.

— Но тогда как вы узнали, что он здесь?

— Мне это сказал тот, кто знает его.

— Он мог пошутить.

— Если так, то он убит за эту свою шутку, — женщина поджала губы.

— Правда?

— Да, правда!

— Могу я узнать ваше имя?

— Это для вас важно? Во всяком случае, я не назову своего настоящего имени.

— Где вы взяли этот снимок?

— Если я расскажу об этом, пострадают другие люди.

— Мадам, будьте благоразумны. Представьте себе: вы показываете мне фотографию и говорите, что один из изображенных на ней людей — Трисонг, но, к сожалению, не можете указать, который из присутствующих здесь! Как вы думаете я должен поступить?

— Но это-то и доказывает, что я говорю правду! Ведь я могла указать на любого из них, например, вот на этого!

— Да, правда. Но давайте поговорим о другом! Я не ставлю под сомнение вашу честность, но откуда вы знаете, что с вами не пошутили? Кто-то был убит? Кто? Почему? Без этих деталей снимок ничего не стоит.

Она подумала минуту-другую.

— Можете вы гарантировать в тайне то, что я вам сейчас скажу?

— Естественно.

— Это один из помощников Трисонга по имени Эрвин Ампис. Его брат был официантом в ресторане, где сделан этот снимок. Он говорил с Эрвином, и узнал, что Трисонг был на банкете...

— Откуда вы это знаете?

— Видите ли, этот официант был моим мужем... Снимок сделан автоматической камерой и мой муж взял себе одну копию, которую передал мне. Он сказал мне только, что Трисонг есть на этом снимке. Следующей же ночью Кэвин был убит. Я убежала, так как чувствовала, что следующей жертвой буду я, независимо от того, есть ли у меня фотография или нет. Это все, что я могу рассказать вам.

— А где находится ресторан?

— Этого я не скажу. Вам нет необходимости знать это.

— Не понимаю?

— Поверьте, на это у меня есть причины.

Потом мы долго спорили с ней. Я сказал, что верю ей на слово, но фотография, возможно, не стоит и ломаного гроша. Она согласилась, но не уступала в своей уверенности в подлинности фотографии.

Тогда я поинтересовался:

— Сколько вы хотите, чтобы я вам заплатил?

— Я хочу десять тысяч СЕВов.

— Об этом не может быть и речи!

— Сколько предлагаете вы?

Я сказал ей, что мог бы рискнуть сотней-другой из денег фирмы и пятьюдесятью из моих собственных сбережений. Она встала, собираясь уйти. Я решил, что не могу упустить эту фотографию и предложил еще сотню, а также гарантию, что если «Космополис» опубликует его, то ей будет заплачено еще две сотни.

Она согласилась.

— Давайте мне деньги. Я должна ехать и притом немедленно. Эта фотография опасна.

Я расплатился с ней. Она выбежала из конторы и я больше ее не видел.

Мэйни наполнил кубки пивом.

— Что произошло потом?

Мэйни откашлялся.

— Я очень внимательно просмотрел снимок. И нашел кое-какие интересные детали. Костюмы разные и предполагают своим покроем моду разных планет. Правда, все они кажутся легкими, что указывает на теплый климат в том месте, где собрались эти люди... А вот эти небольшие предметы с флажками ставят меня в тупик. Я не смог узнать и пищу...

— Вы говорили о каких-то деталях, связанных с той женщиной.

— Да, ее одежда была стандартной, но она говорила с акцентом. Среди звезд существуют тысячи акцентов и диалектов. Это мое хобби и должен без лишней скромности заметить, что мой слух достаточно хорошо натренирован. Но и здесь прокол. Как я ни пытался проанализировать, откуда этот акцент, но...

— Что еще?

— В уголках глаз она носит небольшие жемчужины голубого цвета. Где-то я уже видел такие, но сейчас не могу связать их ни с каким конкретным местом.

— Она совсем не назвала своего имени?

Мэйни сжал свой подбородок.

— Брат ее мужа Эрвин Ампе, мужа зовут, похоже, Кевин. Может быть она носит ту же фамилию Ампе, а может быть, и нет.

— Возможно, но необязательно.

— Меня охватило любопытство, и я решил выяснить на космодроме, куда она улетела. Хотя с того времени прошло около трех дней, я решил попытаться это выяснить. Проверил листы регистрации пассажиров, расспросил служащих, но так и не нашел фамилии Ампе. Скорее всего она была записана под именем Ламар Медрано. И отправилась на рейсовом звездолете в место с названием Вирго-Узловая на Спике-VI. Оно обозначено в справочнике «Межпланетных сообщений». Это довольно большой порт западной оконечности и очень сомнительно, что оттуда можно будет проследить ее следы.

— Когда она покинула Нью-Концепт?

— Она, возможно, и не покидала его.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я не рассказал вам, что узнал потом.

— Выкладывайте!

— В общем, я узнал, на ее имя был заказан один билет на Альтаир на линии «Зеленая Звезда». Корабль «Самарти Тон» должен был вылететь через три дня после ее визита ко мне. Я обыскал все гостиницы и нашел ее в отеле «Диомед», где она провела две ночи. Там хорошо помнили ее, так как она исчезла не оплатив счета.

— Странно...

— Я расспросил прислугу отеля и узнал, что ее часто видели в обществе некоего Иммауса Тахара, продавца спортивного инвентаря с Крохинцела. Однажды утром Тахар оплатил свои счета и съехал. Ламар Медрано предыдущей ночью вышла из отеля и больше туда не вернулась.

Герсен проворчал:

— А этот Тахар, кто он?

— Мрачный парень, но хорошо воспитан и имеет целую кучу денег.

— Он сейчас в Звездном Порту?

— Он улетел на «Гейом Уандер». Одно из мест остановки — Вирго-Узловая.

— Интересно...

— Да, очень интересно! Сейчас я не знаю, стоит ли мне еще волноваться за свою жизнь или нет?

— Вас удивляет, почему мистер Иммаус Тахар не решился познакомиться с вами, не так ли? — улыбнулся Герсен.

— Именно.

— Тахар может оказаться в конце концов самым невиннейшим коммивояжером, какой только существует в этом мире. Почему вы не можете допустить, что его интересовала Ламар Медрано просто как женщина.

— Возможно.

— Но предположим, что этот Тахар не так уж и невинен. Ламар Медрано могла испугаться и скрыться, значит, теперь она прячется где-то на Нью-Концепте.

— Возможно.

— Теперь, еще одно. Ламар могла погибнуть до того, как сказала, кому она отдала фотографию; может быть, она убедила Тахара, что отправила ее письмом...

— А возможно, у нее был еще один снимок. И Тахар считает, что выполнил свою миссию до конца.

Герсен рассмеялся.

— Когда Трисонг прочитает «Космополис», а его ожидает приятный сюрприз в самом ближайшем времени, Тахар уже не будет столь самонадеянным.

Он взял ручку и бумагу, написал несколько слов и положил сверху пять сотенных купюр. Пододвинул это к Мэйни и произнес:

— Это вам, за вашу работу.

— Спасибо,— кивнул Мэйни.— Очень щедро с вашей стороны. Может быть, вы поужинаете со мной?

— С удовольствием.

Мэйни тронул гонг и вновь в комнате возникла белокурая девушка. Мэйни обратился к ней со словами и жестами, девушка выскользнула из комнаты легко и мягко. Она вернулась с пивом и задержалась, глядя, как Мэйни наполняет кубки, как бы зачарованная этим.

— Она любит пиво,— сказал Мэйни, перехватив недоуменный взгляд Герсена.— Но я не позволяю ей его, так как пиво очень возбуждает ее. Потом она слижет все остатки с наших кубков.

Девушка провела пальцем по пене в кубке Герсена и тут же отправила его в рот. Мэйни шлепнул ее по рукам и девушка отпрыгнула в сторону, как игривая кошка. Она зашипела на Мэйни, который зашипел ей в ответ и жестом что-то показал. Девушка тут же отошла на несколько шагов в сторону от их компании, Мэйни вновь что-то зашипел и девушка отправилась к двери. По дороге она нагнулась и поправила ниточки бахромы на ковре:

Мэйни вздохнул и сделал большой глоток пива.

— Я вскоре покину Нью-Концепт. Впервые я приехал сюда, как коллекционер. В здешних поселках были созданы многие красивые вещи: книги с рисованными от руки цветными картинками, гротескные музыкальные инструменты. Видите вот этот гонг? Он звенит от простого прикосновения. Лучшие образцы способны звучать даже от легкого касания. Некоторые были вывезены отсюда, но и до сих пор в отдаленных селениях можно отыскать просто изумительные экземпляры. Знаете, первые колонисты предпочитали жить в шхерах — сообщающихся сухих пещерах, расположенных неглубоко под землей; так вот, я облазил многие из них и нашел удивительные произведения искусств, оставшиеся с тех времен.

Герсен откинулся в кресле и осмотрелся. Солнце стояло в зените; через небольшую гряду холмов невдалеке проходило стадо животных.

— Похоже, этот мир не кажется столь хорошо устроенным,— заметил Герсен.— Я не вижу никаких признаков сельского хозяйства.

— Его пытались создать. Но эти животные, фини, уничтожали весь урожай еще до того, как он созрел.

— Я заметил классические руины недалеко от посадочной площадки. Они остались от первопоселенцев?

— Нет, они были созданы гораздо позднее. Кучкой безумных филантропов. Но видите ли... В начале колонизации Нью-Концепта все сидели на диете — вегетарианской и лишь немного мяса местных животных. В течение пятидесяти лет люди жили в Великом Храме Органического Единства. Они питались побегами альфельфы, зеленью колларда и некоторыми другими видами местной растительности. Разумные формы жизни прекрасно могут приспосабливаться. И все здешние приспособились очень хорошо, и теперь они..., — Мэйни указал на стадо животных, пасущихся в зарослях, — ужинают... Если уж речь зашла об ужине, то было бы неплохо провести и собственный. Как вы?

Герсен согласился, и Мэйни провел гостя в гостиную, где находилась уже белокурая девушка, зачарованно уставившаяся на стол. Внезапно Герсена осенило:

— Она одна из местных?

Мэйни кивнул.

— Они часто оставляют детей, лежащих на шкурах. Я подозреваю, что они их просто забывают. Но иногда детей все же включают в стадо и тогда они не погибают. Если такого ребенка отловить, то можно научить его ходить на задних ногах и быть чистоплотным. Моя Типто довольно умна — она подает пиво, взбивает подушки и вполне может позаботиться о самой себе.

— Она выглядит вполне привлекательно, — заметил Герсен. — А как насчет... ну, нежности, что ли?

— Можно попробовать, но результат будет незначителен, — покачал головой Мэйни. — Вам любопытно? Коснитесь ее.

— Как?

— Ну, для начала возьмите ее за плечо.

Герсен приблизился к девушке, которая качнулась назад, моргнув большими черными глазами. Герсен протянул руку, она издала быстрый шипящий свист и отскочила назад, в открытом рту стали видны острые зубы. Она подняла руки, сжав пальцы, словно выпуская когти.

Герсен отступил и усмехнулся.

— Понятно, что вы имели в виду. Ее мнение на сей счет вполне определено.

— Некоторые из местных парней используют приманку из сладкой патоки,— сказал Мйэни.— Они очень любят ее и пока лакомятся, не могут кусаться... А вот и наш ужин. Теперь она уйдет, потому что не может выносить ничего, кроме салата, а иногда — кусочка вареной моркови. Такова обратная сторона вегетарианства.

Глава 3

Герсен, возвратившись на Алойзиус, приземлился в космопорте «Дюны», пятью милями южнее Понтефракта. Время было позднее, и стояли лилово-серые сумерки. Туман надвигался с Боттгласс Бей, почти скрывая отдельные здания. Герсен поднял воротник и направился к зданию вокзала. Сначала он воспользовался подземкой, потом доехал на такси до особняка Джеана Адделса, своего финансового поверенного.

Адделс встретил его с обычным кислым неодобрением, которое, как понимал Герсен, было маской уважения и, возможно, даже привязанности. У него было худое, желтого оттенка лицо, высокий узкий лоб, длинный тонкий нос. Волосы редкие, желто-коричневые; глаза мягкие, нежно-голубые.

Герсен прошел в комнату, которую он обычно занимал, переоделся в костюм, оставшийся здесь после предыдущего посещения. Он пообедал с хозяином и его многочисленной семьей в огромной гостиной за столом, освещенным свечами. Столовые приборы были из старинного серебра, а ели они со старого Реджвуда.

После обеда мужчины прошли в кабинет Адделса и сели перед камином, попивая кофе, поданное в серебряном кофейнике.

К ужасу Адделса Герсен достал фотографию.

— Я надеялся, что вы прекратили заниматься подобными вещами.

— Не совсем,— заметил Герсен.— У меня есть к вам всего один вопрос: что вы обо всем этом думаете?

Адделс притворился непонимающим: — Относительно чего?

— Мы хотим опознать Трисонга и выяснить, где он находится!

— И тогда?

— Наверняка после этого, мы отдадим его в руки правосудия.

— Ба! А может быть, кое-кто покончит с собой, повесившись на крюке в миле над землей, как это случилось с бедным Ньютоном Фликори?

— Стыдитесь! Мы должны надеяться на лучшее!

— Я все-таки надеюсь, что у вас ничего не получится. И давайте я сейчас же сожгу этот снимок, чтобы раз и навсегда покончить с этим делом.

Герсен пропустил мимо ушей эти слова и в который уже раз начал вновь изучать фотографию.

— Кто же из них Трисонг? Как нам узнать это?

Вдруг Адделс сказал: — Он один из десятирех. Остальные должны знать его, или, по крайней мере, знать самих себя. Трисонг может быть обнаружен методом исключения уже известных.

— Сначала надо узнать всех этих остальных.

— А почему бы и нет? У каждого из них должно быть много друзей и знакомых. Но давайте больше не будем говорить о таких глупостях!

Герсен бродил по кривым старым улочкам Понтефракта. Он сидел на маленькой площади неправильной формы, обсаженной кустами желтофиоля. Он слонялся по аллеям, вдыхая запах старинных влажных камней, часто заходил в небольшой ресторанчик на Боттгласс Бей, чтобы перехватить что-нибудь.

С Адделсом он виделся мало, кроме как на величественных обедах, которые Адделс считал основным элементом цивилизованного существования. Адделс отказался обсуждать заботы Герсена, а Герсен не проявлял интереса к доходным мероприятиям, которые Адделс претворял в жизнь, чтобы увеличить его, Герсена, а также и свое состояние.

На четвертый день Герсен приступил к осуществлению своего плана. В течение нескольких лет дирекция «Космополиса» предлагала создать еще один журнал — «Экстант». Большая часть предварительных работ была уже завершена. Новый журнал должен был опираться на «Космополис» и по вопросам производства, и по вопросам реализации, но был рассчитан на более молодую, и от этого менее сдержанную аудиторию, нежели «Космополис».

Посредством некоторых комбинаций Герсен приобрел контрольный пакет «Космополиса». Теперь он подтолкнул создание «Экстанта». Этой ночью должен был выйти первый его номер, и разойтись по всей Ойкумене.

Для того, чтобы расширить его поступление в торговую

сеть, первый номер журнала вышел бесплатным. Он открывался необычным конкурсом, также призванным привлечь внимание всех его читателей. Фотография на обложке изображала десятерых людей на банкете. И заголовок гласил:

КТО ОНИ???

Назовите их и вы получите 300 тысяч СЕВов!!!

С внутренней стороны были помещены условия конкурса. Только первые три человека, опознавшие всех изображенных на снимке, могли выиграть приз. Если никто не назовет всех присутствующих правильно, тогда завоевать приз может назвавший правильно наибольшее число присутствующих. Часть правил обуславливали призы тем, кто будет первым или среди первых, правильно опознавшим наибольшее количество из изображенных на обложке людей. Обращаться следовало по адресу: «Экстант», Корриб Плейс, 9-II, Понтефракт, Алойзиус, Вега-VI.

Где бы ни продавался «Экстант», для широкого привлечения внимания на его обложке крупными буквами было написано: «БЕСПЛАТНО».

В убежищах замерзшей соляной тундры Ирты; под липами Дептис Мэдзор; на привалах вдоль серпантина в горах Мидор; в киосках на гранд-бульварах Парижа и Окленда; на Альфаноре, Бризанте и в каждом из других мирах Скопления Ригеля; во всей Ойкумене: «ЭКСТАНТ»!

В космопортах, парикмахерских, тюрьмах, больницах, монастырях, борделях: «ЭКСТАНТ»!

Миллионы глаз смотрят на фотографию из случайного интереса. Многие изучают снимок очень тщательно, даже зачарованно и используют случай, чтобы написать письмо редактору «Экстанта». Двое, разделенные многими световыми годами пустоты, рассматривали фотографию с растущим изумлением. Первый сидел, глядя, нахмурившись, в окно, размышляя над значением этого конкурса. Второй, издавая тихое хихиканье, взял ручку и написал на листе бумаге несколько строк.

Герсен решил перебраться в город, поближе к издательству «Экстанта». Адделс порекомендовал ему отель «Пенумперс».

— Он близко от вашего офиса и к тому же лучший в городе; очень респектабельный. — Адделс в задумчивости рассматривал костюм Герсена. — В сущности...

— В сущности, что?

— Ничего. Вам там будет очень удобно. Они хорошо заботятся о своих клиентах. Я позвоню и закажу номер: они редко принимают новых клиентов без надежной рекомендации.

Фасад отеля «Пенумперс» — шесть этажей, облицованных коричневым камнем и черной сталью — выходил на площадь Старого Тара. Неброский портал открывал проход сначала в фойе, затем в приемный зал с глубокими креслами по одну сторону и помещением гостиной по другую. Герсен отметил у стойки из коричневого мрамора, с пилястрами и угловыми колоннами из черного камня. Персонал был одет в традиционные утренние костюмы старого покроя — период Герсен сразу не мог определить. Стиль, в сущности, изменился не больше, чем петля от пуговицы, со времени открытия отеля одиннадцать сотен лет тому назад. В «Пенумперсе», как и везде на Понтефракте, традиций придерживались строго.

Герсен ждал, пока клерк в регистратуре разговаривал со своим начальником, оба время от времени поглядывали на него. Наконец разговор закончился и Герсена провели в его номер. Старший носильщик указывал дорогу, помощник нес небольшой чемоданчик Герсена, третий слуга нес бархатный ящичек. У дверей номера старший открыл ящичек, достал оттуда ключ и двумя пальцами, большим и указательным, открыл замок. Дверь распахнулась. Герсен вошел в номер из нескольких комнат с высокими потолками, выдержанный в стиле простого комфорта, близкого к роскоши. Носильщики, быстро двигаясь по номеру, расставили мебель, затем отступили тихо и быстро назад к двери, как бы превратившись в тени. Старший произнес:

— Сэр, слуга поможет вам с гардеробом. Вода уже наполняет ванну.

Он поклонился и приготовился уйти.

— Одну минуту, — остановил его Герсен. — Есть ключ от двери?

Носильщик снисходительно улыбнулся.

— Сэр, в «Пенумперсе» никто посторонний в ваш номер не зайдет.

— Возможно. Но, предположим, например, что я ювелир-торговец, и вор захочет ограбить меня. Он просто подойдет к моей комнате, откроет дверь и лишит меня всех моих ценностей.

Старший носильщик, все еще улыбаясь, покачал головой.

— Сэр, такого ужасного случая здесь никогда не случалось. Это просто невозможно. Ваши ценности находятся здесь в полной безопасности.

— У меня нет никаких ценностей,— улыбнулся Герсен.— Я просто предложил такой пример.

— Это невозможно, сэр. Вероятность ничтожно мала.

— Я полностью удовлетворен,— кивнул Герсен.— Спасибо.

— Благодарю вас, сэр.— Носильщик отступил назад, когда Герсен протянул вперед руку.— Нам хорошо платят, сэр. У нас не принято брать чаевые, сэр.— Он поклонился и вышел.

Герсен помылся в ванне, сделанной в виде грота, составленного из блоков традиционного здесь коричневого мрамора. Свою одежду он сложил в выдвижной ящик. Слуга, найдя его одеяние неподходящим, принес новое: темно-коричневые брюки, рубашку стального цвета, черный, до колен, пиджак, набрасываемый на плечи и застегивающийся на бедрах.

Герсен надел новую одежду и направился к главному выходу. Старший носильщик остановил его:

— Минутку, сэр, я принесу вам цилиндр.

Он предложил большой цилиндр из черного вельвета с широкими полями. Герсен искоса посмотрел на него и пошел бы дальше, если бы между ним и дверью не встал швейцар.

— На улице довольно свежо, сэр. Нам будет приятно помочь вам подобрать соответствующий костюм.

— Это очень любезно с вашей стороны,— сказал Герсен.

— Спасибо, сэр. Позвольте, я приведу в порядок ваш головной убор... Вот так... Прогноз предвещает влажный туман с дождем в конце дня.

В фойе Герсен задержался, чтобы посмотреть на себя в зеркало. На него смотрел мрачный экземпляр элегантно-сти Старого Понтефракта. Никогда еще он не имел более обманчивой внешности...

Герсен шел по кривым улочкам, через маленькие площади с клумбами анютиных глазок, желтофиоли, пальцев Святого Олафа. Время от времени туман расступался, позволяя лучам Вегги отражаться на влажном камне и зажигать клумбы разноцветным костром. По телефону-автомату он позвонил Джеану Адделсу и назна-

чил встречу в конторе «Экстанта» в удобное для Адделса время.

Герсен вернулся на Корриб Плейс, короткую улицу, несколько шире тех, по которым он недавно гулял, вымошенную брусками полированного гранита, тесно подогнанными друг к другу.

Корриб Плейс находилась в древнейшей части старого города Понтефракта. С одной стороны находился древний монастырь Эстебенитов, превращенный сейчас в какое-то коммерческое учреждение; дома напротив были из дерева, потемневшего от времени, укрепленные подпорками из черной стали — они стояли высокие, стиснутые с двух сторон более современными зданиями; выступы комнат на верхних этажах часто нависали над улицей.

У него было еще время до встречи с Адделсом, и Герсен прогуливался вдоль Корриб Плейс, разглядывая витрины магазинов, предлагающие товары только самого высокого качества и очень элегантные: редкие драгоценные камни, жемчуг, хрусталь с мертвых звезд; перчатки, гетры, головные уборы; парфюмерия, волшебное масло Дагамаль; книги по древнему искусству: Джотто, Вильям Шнайдер, Блейк, Муча, Доре, Дэвид Рассел. Герсен постоял минут десять, рассматривая пару кукол, играющих в шахматы. Они изображали Магилибуса и Каскадина, персонажей Комических Масок. Каждый захватил несколько фигурок соперника; каждый, после обдумывания, делал ход. Когда один забирал фигуру, другой очень натурально гневался, вздымая вверх руки. Магилибус сделал очередной ход и произнес скрипучим голосом: «Шах и мат!» Каскадин закричал от досады. Он схватился за голову, вскочил на ноги. Но уже через минуту куклы вновь расставили фигуры на шахматной доске и начали новую партию...

Герсен вошел в магазин, купил кукол-шахматистов и приказал доставить их в «Пенумперс». Это был один из редких случаев в его жизни, когда он обременил себя ничего не значащей вещью.

Идя вдоль Корриб Плейс, Герсен обнаружил, что находится напротив конторы издательства «Экстант». На этой стороне в витрине очередного магазина были выставлены настенные часы, отделанные клубами дыма и водоворотами тумана, со светлыми световыми пятнами, показывающими время. Интересно, но непрактично, подумал Герсен... Внезапно он увидел Джеана Адделса, который свернул из-за угла на Корриб Плейс и стал

приближаться, осторожно ступая по мокрому тротуару. До назначенного времени оставалось еще несколько минут. Адделс остановился рядом с Герсеном, чтобы восстановить дыхание и осмотреть контору «Экстанта». После продолжительного взгляда вокруг, он, не замечая Герсена, продолжил путь к конторе.

Герсен окликнул его:

— Сэр кого-то ожидает?

Адделс, обернувшись, застыл в изумлении.

— Мой дорогой, я не могу узнать вас!

Герсен холодно улыбнулся.

— В отеле мне позволили воспользоваться этим костюмом. Им кажется, что мой обычный наряд слишком убогий.

Адделс произнес серьезным тоном:

— Человек говорит о себе своим костюмом. Элегантный человек одевает приличный костюм, чтобы утвердить свой статус, а статус, хотим мы этого или не хотим, является ключевым фактором в межчеловеческих отношениях.

Герсен пожал плечами и улыбаясь произнес:

— По крайней мере, я обеспечен замечательной маскировкой.

Тон голоса Адделса сразу же изменился.

— Почему вам требуется маскировка?

— Мы связались с незаурядным человеком. Он безжалостный убийца, но в то же время образец аристократичности, который без всяких опасений может получить место в отеле «Пенумперс».

На лице Адделса возникла мрачная гримаса.

— В самом деле, уж не ожидаете ли вы встретить его здесь?

— Я уже и не знаю, чего мне ожидать. Мы опубликовали его фотографию и теперь ход в этой партии за ним.

— Пожалуйста, не упоминайте слово «мы» так часто! Но я согласен с тем, что он заинтересуется тем, откуда «Экстант» взял его фотоснимок.

— Это часть моего плана. Вне всякого сомнения, он начнет усиленно интересоваться тем, кто же проводит расследование!

Адделс засопел:

— А может быть, он просто-напросто уничтожит здание целиком! Раз! И контора «Экстанта» взлетела на воздух!

— Думаю, что этого не будет,— покачал головой Герсен.— Прежде он захочет кое с кем переговорить!

— Он прежде всего проникнет в издательство и будет очень трудно не допустить этого.

— А я не стану и препятствовать этому. В сущности, я сделаю все проще...

— Рискованное дело. Что хорошего может из этого получиться?

— Его интерес в конечном итоге сыграет нам на руку. Мы приманим его поближе, а затем попробуем организовать встречу. Вы будете посредником!

— Ни за что! Никогда! Ни через миллион лет!

— Я думаю, что никакой опасности нет, пока он не удовлетворит свое любопытство.

Адделс не поддавался на уговоры.

— Это то же самое, что говорить, будто тигр не станет есть свою жертву, пока не обнюхает ее.

— Мне не кажется, что эта параллель точна!

— Во всяком случае, я не буду посредником в вашем плане, мистер Герсен! Это вне моей компетенции!

— Ну что ж, поживем увидим,— дал уклончивый ответ Герсен.

Адделс все еще не успокоился:

— Когда вы ожидаете его появления?

— Очевидно, он уже видел снимок. Значит, или кто-то из его подручных явится на разведку, или же он сам своей персоной выйдет на сцену. По крайней мере, мне кажется, у нас еще есть пара дней на подготовку.

— Затишье перед бурей,— буркнул Адделс.

Герсен засмеялся: — Не забывайте, что это мы разработали этот план, а не Трисонг. Пойдемте, я приглашаю вас на ланч в «Пенумперс», если только они пропустят вас в обеденный зал.

На дверях издательства «Экстанта» висело объявление:

«Вниманию посетителей!

Требуется временная помощь для конкурса по идентификации фотографии. Предпочтительно, но не обязательно, чтобы желающие прошли собеседование».

Желающие, после того, как входили в контору «Экстанта», попадали в прихожую, разделенную стойкой. Слева была дверь, надпись на которой гласила:

Следующая группа вопросов, как прикинул Герсен, должна была потребовать большего напряжения, особенно у «нелегальных» посетителей.

Как долго вы проживаете по местному адресу _____
Местные поручители (по крайней мере, двое. Эти люди могут быть опрошены относительно вашего характера и компетенции):

1. _____
2. _____
3. _____

Адрес, по которому вы жили раньше _____
Назовите, по крайней мере, двух человек, которые могут подтвердить, что вы жили по этому адресу (они могут быть опрошены):

1. _____
2. _____
3. _____

Ваш адрес, предшествующий вышеуказанному, если есть _____

Назовите, по крайней мере, двух лиц, знающих, что вы там проживали:

1. _____
2. _____
3. _____

Примечание. Вы поймете, что при данных обстоятельствах «Экстант» должен тщательно убедиться в честности персонала.

Следующие вопросы были составлены, чтобы вызвать максимальную реакцию у людей, собирающих солгать.

Почему вы прибыли на Понтефракт? Назовите особые причины. Не обобщайте. _____

Персонал конкурса должен быть беспристрастен. Изучите предложенную здесь фотографию. Узнаете ли Вы кого-нибудь из изображенных на ней лиц? Напишите «0» в клеточках тех лиц, которых Вы не знаете. Закрасьте клеточки тех, кто Вам знаком:

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐	☐

(считайте в направлении движения часовой стрелки снизу слева)

Каково его(ее) имя или имена?

Напишите имена с соответствующими номерами:

Каковы обстоятельства вашего знакомства. (пожалуйста, будьте конкретны!): _____

Если вы будете приняты, когда Вы сможете начать работу _____

В контору стали приходить желающие получить работу: студенты из Семинарии Святого Греганди и Духовной Академии и много женщин среднего возраста без определенных занятий. Герсен строго контролировал работу с каждым кандидатом, чтобы отладить механизм и установить пригодность своих методов. Не считая нескольких небольших осечек, его система подтвердила невиновность пока что всех кандидатов. Во второй половине одного солнечного дня Герсен пришел в офис посла ланча и заметил среди посетителей стройную рыжеволосую девушку, к которой он проявил немедленный интерес по крайней мере по двум причинам. Во-первых, она была очень хороша собой. Ее лицо, довольно широкое в области лба и скул, очаровательно уменьшалось к небольшому подбородку с розовым симпатичным ротиком. Ее серо-голубые глаза под черными ресницами были чистыми и смотрели прямо. Возможно, она была студенткой одного из местных университетов, но тут же Герсен отбросил эту мысль. Он вспомнил, что уже видел ее вчера. Да, это точно была она. Герсен смотрел в окно, и внезапно увидел на той стороне улицы одетую в светло-серые брюки, черный шарф и светло-серый плащ. Ее... одежда была совсем не по здешней моде. И вот сейчас она уже здесь...

Герсен поднялся к себе в кабинет и через минуту-другую мисс Инч провела незнакомку на собеседование. Герсен быстро, но пристально рассмотрел девушку. Выражение холодности на лице исчезло, теперь она выглядела спокойно, и это было второй причиной, по которой она вызвала интерес Герсена. Была и третья, поднимавшаяся из глубин подсознания, и, наверное, наиболее веская из всех.

Она говорила приятным с хрипотцой голосом с каким-то непонятным акцентом.

— Сэр, вы предлагаете работу?

— Для квалифицированных лиц,— кивнул Герсен.— Думаю, вам известно о конкурсе, который объявил «Экстант»?

— Я что-то слышала об этом...

— Нам нужен помощник на временную работу, который помог бы в конкурсных делах... И если вы проявите себя, мы тогда подумаем, а не предложить ли вам и постоянную должность.

Она на некоторое время задумалась. Герсен удивился, была ли ее бесхитрость неподдельной, либо это было все тщательно обдуманно. Наконец, она сделала вежливое предложение:

— Может быть, я могла бы начать, как конкурсный ассистент, а потом, если у меня получится, вы сможете зачислить меня на постоянную работу?

— Конечно, это возможно. Я попрошу вас заполнить эту форму. Пожалуйста, ответьте на все эти вопросы.

Она заглянула в вопросник и из ее груди вырвалось тихое восклицание:

— Так много вопросов?

— Мы находим их необходимыми.

— Вы так проверяете всех, кого нанимаете?

Герсен заговорил скучным голосом:

— В конкурсе задействована большая сумма денег. Мы должны быть уверены, что наш персонал абсолютно честен.

— Я поняла.— Она взяла бланк и пошла в кабину.

Герсен, притворяясь, что занят работой с бумагами, нажал кнопку и включил два экрана на своем столе, пока рыжеволосая девушка заполняла анкету. На левом экране было изображено ее лицо, на правом — анкета и цветные лампочки, передающие сигналы от детекторов стресса.

Она начала писать ответы.

Имя: Элис Рок.

Пол: женский.

Эти вопросы по своему характеру не вызвали никакого возбуждения, оставив индикаторы приборов на начальном уровне. В случае, если бы мужчина переделался женщиной, эти два вопроса обязательно вызвали бы стрессовую ситуацию. В дополнение к цветным лампочкам индикаторов самописец делал отметки на шкале абсолютных единиц: аномальные ответы должны были быть немедленно обнаружены. Практически цветные кодированные сигналы обеспечивали получение надежной информации. Теперь синие огоньки сигнализировали, что Элис Рок правдиво ответила на вопросы о имени и своем поле: хотя перед тем,

как она написала свое имя, лампочка на мгновение мигнула розовым, как будто она сомневалась, не назвать ли вымышленное имя. «Интересно!» — отметил Герсен. Он ожидал, что Трисонг попытается проверить «Экстант», но то, что проверяющим будет кто-то, подобный Элис Рок, было неожиданностью. Герсен почувствовал волну примитивного возбуждения. Игра началась. Герсен наблюдал, как Элис отвечает на последующие вопросы.

Возраст: 20¹.

Чистый синий цвет: симуляция отсутствует.

Характер работы:

Здесь Элис заколебалась. Лампочка замигала, изменяя цвет от синего до сине-зеленого, отмечая скорее нерешительность, нежели волнение. Она написала:

Канцелярская или журналистская работа. Я квалифицирована и в том, и в другом.

Когда она написала последнее предложение, сине-зеленый цвет перешел в чистый зеленый, что говорило о ее неуверенности в своей квалификации...

Элис все еще колебалась и зеленый цвет стал ярче и более ядовит. Она добавила к своему ответу:

Однако я готова работать в любом качестве и делать все, что мне поручат.

Когда она перешла к следующему вопросу, цвет вернулся к сине-зеленому, показывая увеличение уверенности.

Местный адрес:

Цвет не изменился ни на йоту. Элис написала:

Гостиница Св. Дайармида.

Это был большой отель в центре города, часто посещаемый туристами и межпланетными путешественниками, менее престижный, чем «Пенумперс», но не без оригинальности и, конечно, не дешевый. Элис Рок, видимо, не испытывала острой нужды в деньгах.

Место рождения: Блэкфорд, Терра-Нова, Денеб-V.

Имена родителей: отец — Бенджамин Рок

адрес — Дикий Остров

занятие — инженер

мать — Эйлин Сверсен Рок

адрес — Дикий Остров

занятие — бухгалтер

На эти вопросы она ответила без колебаний, кроме «занятие отца», когда лампочка мигнула желто-зеленым.

¹ По законам Ойкумены возраст и почти все единицы измерений приняты в земных стандартах.

Теперь была очередь вопросов, призванных резко увеличить давление на притворщиков.

Как долго проживаете по местному адресу:

Элис ответила на этот вопрос, назвав местом жительства временный отель. Тем не менее, индикатор загорелся ярко-зеленым, когда она написала:

Два дня.

Местные поручители (назовите хотя бы двух):

1. Мэйбл Рок, Блэвенс, Ганголи Авеню.
2. Шон Палдестер, Дингл Лейн, Туорна.

Здесь индикатор горел ровным синим цветом. Первый был, наверное, родственником, как, может быть, и второй, живущий в Туорне, ближайшем поселке.

Ваш предыдущий адрес, если есть:

Синий перешел в зеленый и быстро загорелся желтым. Наблюдая за лицом Элис, Герсен видел, как она сжала губы, затем подалась вперед с решительным выражением; постепенно индикатор вновь загорелся зеленым, а затем и синим цветом. Она написала:

Дикий Остров, Дифри Темпестре.

Поручителями были:

1. Джонсон Бок
Дикий Остров.
2. Джейд Ченнифор
Дикий Остров.

На следующие вопросы, касающиеся предыдущего адреса, она ответила без напряжения:

1012-793-я Авеню, Блэкфорд, Терра-Нова, Денеб-V.

В качестве поручителей она отметила:

1. Дейн Одинав, 1692-753-я Авеню.
2. Уиллоу Торрес, 1941-777-я Авеню.

Следующие вопросы были призваны обеспечить максимальное давление:

Почему вы прибыли на Понтефракт?

Когда Элис изучила вопрос, индикатор загорелся желтым, а потом вспыхнул оранжевым. Ее напряжение уменьшилось. Она написала:

Ищу работу.

Повернув страницу, Элис наткнулась на фотографию для конкурса и вопрос:

Знаете ли вы или узнаете кого-либо из изображенных здесь людей?

Индикатор загорелся желтым и снова оранжевым. Она

обдумывала минуту, и цвет стал желто-зеленым. Потом она написала на всех клетках нули. На шестой ячейке лампочка мигнула розовым. Она быстро перевернула страницу, избегая смотреть на фотографию и ее напряжение тут же спало, что было отмечено зеленым цветом лампочки.

Каково его(ее) имя или имена?

Лампочка горела ярко-красным. Элис ответила прочерком.

Если вы будете приняты, когда вы сможете начать работу?

Лампочка быстро загорелась зеленым цветом, который быстро перешел в зелено-голубой, что отвечало тому, словно Элис с облегчением перевела дух.

Итак, на все вопросы были получены ответы. Элис быстро перечитала их.

Герсен с напряжением следил за лицом Элис. Эта стройная рыжая девушка была орудием Говарда Алана Трисонга, вне всякого сомнения. Возможно, она знала его под другим именем, и поэтому вполне возможно, ничего не знала о репутации этого человека. В любом случае правда должна быть установлена... Герсен поднялся со своего кресла и подошел к девушке.

— Вы закончили?

— Да.

Герсен взял вопросник в руки.

— Вы, я вижу, с Терра-Новы?

— Да. Моя семья переехала туда пять лет назад. Мой отец работает инженером на Диком Острове. Вы когда-нибудь бывали там?

— Нет. Понимаю, что там совсем другое окружение, нежели здесь,— Герсен говорил голосом усталого неодобрения.

Элис внимательно посмотрела на Герсена, скрывая удивление под маской безразличия. Через мгновение, она без всякой интонации произнесла:

— Вы совершенно правы, сэр, как будто все жители там спят на ходу...

— Вы извините меня, но почему вы уехали оттуда?

Элис пожала плечами.

— Вот потому-то и уехала. Видите ли, я хотела путешествовать, хотела увидеть другие миры, узнать, как там живут другие люди! — все это она произнесла на одном дыхании.

— Вы думаете о возвращении?

— Сейчас об этом трудно говорить. В данный момент меня интересует только работа в «Экстанте». Я всегда хотела стать журналисткой.

Герсен медленно вернулся к своему столу, остановился около него в позе помпезного аристократа и высокомерно произнес:

— Я оставляю вас на минуту, чтобы посоветоваться с мисс Инч. Я посмотрю, какие места свободны.

— Конечно, сэр.

Герсен прошел в общую комнату, где несколько клерков разбирали большие пачки поступивших конвертов. Он подошел к экрану компьютера. Из человек уже узнали в номере седьмом Джона Грея; десять человек узнали в номере пятом Сабура Видола. Высокий худой мужчина со лбом философа и лысым подбородком был назван под разными именами: Бентли Стрейндж, Фред Фрамм, Кирилл Кистер, мистер Мерфи, Сайлас Спаркхаммер, Артур Артлеби, Уилтон Фрибус, и еще под несколькими другими.

Герсен вернулся в свой кабинет. Элис Рок перебралась в кресло поближе к его столу. Герсен заколебался, глядя на нее, отметив приятное сочетание ее рыжих кудрей и темной блестящей кожи. Она улыбнулась.

— Почему вы так меня рассматриваете?

Герсен сказал своим самым важным и гнусавым голосом:

— Если не говорить об остальном, мисс Рок, вы, конечно, наиболее декоративная часть работы. Я хотел бы попросить вас, мисс Рок, чтобы вы впредь одевались на работу более сдержанно... конечно, если вы будете приняты к нам на работу,— поспешно закончил он.

— И тогда вы меня возьмете?

— Сегодня мы проверим ваши ответы и я уверен, что они смогут подкрепить мое благоприятное мнение о вас. Я думаю, вам сообщат о решении завтра по второму гонгу.

— Большое вам спасибо, мистер Герсен,— улыбка Элис не выразила особых эмоций. Можно было подумать, что она напряжена и в унынии.— Где я буду работать?

— Сейчас персоналом занимается мисс Инч, хотя мне нужен ассистент, чтобы вести дела в мое отсутствие. Мне кажется, что вы достаточно подготовлены для того, чтобы справиться с этим.

— Благодарю вас, мистер Герсен.— Она бросила на него взгляд через плечо, в равной степени флиртующий, одержимый, недоуменный, печальный, опасливый.

Она вышла из конторы. Герсен посмотрел ей вслед. Любопытно, очень любопытно...

Глава 4

Утром Элис Рок появилась в конторе «Экстанта» одетая в юбку и жакет мышинно-голубого цвета, облегающие ее стройную фигуру. Черная лента поддерживала ее рыжие волосы; возникнув на пороге конторы, она представляла собой привлекательное зрелище. Она была достаточно умна, чтобы понимать это, подумал Герсен. Костюм был даже более консервативным, чем тот, на который он намекал накануне, но Герсен решил дать событиям развиваться своим чередом; он не достиг ничего, преувеличенно играя роль старомодного аристократа. Элис Рок, которая казалась не только интеллигентной, но и сообразительной, не могла быть обманутой этим.

— Доброе утро, мистер Лукас, — сказала Элис мягким голосом. — Какие распоряжения относительно меня?

Этим утром слуга из «Пенумперса» приготовил для Герсена серые брюки с бледно-лиловыми полосами, черный шерстяной смокинг, застегивающийся на бедрах, белую рубашку с черными полосами, такой же галстук, к которому старший слуга приложил черную шляпу с лиловой лентой. В этом костюме Герсен чувствовал себя довольно неловко. Испытываемое им неудобство и раздражение вместе с желанием поднять выше подбородок, чтобы освободиться от тесного воротничка, производили впечатление состояния, которое легко могло быть истолковано как самодовольное пренебрежение, что он и старался как можно более усилить. Голосом, соответствующим его костюму, он произнес:

— Мисс Рок! Я посоветовался с мисс Инч, и временно вы будете помогать мне в должности личного секретаря. Я обнаружил, что скопилось больше бумажной работы, чем я могу выполнить, кроме того, вы внесете некоторый колорит в однообразную работу нашего офиса.

Элис Рок изобразила невольную гримасу раздражения, которая позабавила Герсена. Очень любопытная ситуация: если Элис Рок знакома с Говардом Трисонгом, то она должна быть, конечно же, безнравственной женщиной. Трудно поверить в это, глядя на нее... Герсен подыскал работу, чтобы занять Элис и пошел разбирать пришедшие материалы.

Приходящая почта заполняла теперь весь абонентный ящик. Шесть клерков вскрывали конверты, изучали материал, вводили информацию в компьютер. Герсен подошел к дисплею, набрал пароль и запросил данные на сегодняшний день.

Девятнадцать человек опознали в номере седьмом Джона Грея из Четырех Ветров на Альфаноре, его личность, таким образом, можно было считать вполне очевидной. Следующим можно было назвать № 5 — Сабура Видола из Лондона на Земле; номер 1 — Мавроди Йест из Нова Бектрис, и номер 5 — А. Гизельман с Лонг Парад, Эсподденсия, Алгониб IV. Номер 6 был известен всей Ойкумене под различными именами: Кирилл Кистер, Тимоти Тримопс, Бентли Стрейндж, Фред Фрамм, Сайлас Спаркхаммер, Уилтон Фрибус. Номер 4 был дважды назван именем Билфред из Паллаосского политехнического института. Паллаос, Альсион.

Герсен вернулся в свою комнату, вспомнив на входе, что нужно вновь войти в роль Генри Лукаса.

За время своего отсутствия Элис пересмотрела свою тактику. Теперь, чтобы лучше управлять этим разряженным болваном, она решила быть поприветливее, возможно, даже с долей небольшого флирта.

— Мне кажется, что я читала какие-то ваши статьи, мистер Лукас? Ваше имя мне очень знакомо.

— Возможно, мисс Рок... вполне возможно.

— У вас есть специальные темы? Вы специализируетесь на чем-то?

Герсен улыбнулся: — Преступления. Порок. Станные поступки...

Элис вопросительно уставилась на него: — Да?

Герсен понял, что совершил ошибку, приоткрыв маску. Он сделал безразличный жест: — Кто-то же должен писать о таких вещах. Как еще узнает об этом публика?

— Вы хотите сказать, что вас интересуют такие темы?

Герсен вновь улыбнулся: — Вы хотите сказать, что меня должны интересовать совершенно другие темы? Очень был бы рад возможности услышать это от вас!

Снова Элис бросила на него осторожный взгляд.

— Цивилизованные вещи,— сказала она со зсей серьезностью.— Лучшие рестораны, например, или вина Земли. Или Лили Милк¹, а также такие экзотические танцы, как Си Ши Тим...

¹ Керамические изделия, изготавливаемые на островах Сускмара на планете Желтого Солнца (прим. автора).

Герсен печально покачал головой.

— Это не мои темы. А что предпочитаете вы?

— О, я не занимаюсь чем-либо конкретно.

— Эти танцы... Си Ши Тим, что это такое?

— Ну, нужна подходящая музыка — гонги, водяные флейты, курланцы — это весьма неприятные дрессированные звери, которые ужасно визжат, когда их тянут за хвост. Костюмы исполнителей украшаются на бедрах перьями, но никто, ни танцоры, ни зрители, не знают, зачем. В общем-то я не могу все впечатления передать словами...

— Почему? Уверен, что вы скромничаете. Как они проходят?

— Извините, мистер Лукас, но кто-нибудь может заглянуть в кабинет и увидеть меня крутящейся вокруг вас. Что он подумает!

— Хорошо, — серьезно произнес Герсен. — Мы должны придерживаться рамок приличия. По крайней мере, в рабочее время. Вы живете все там же?

— Да, по-прежнему в «Св. Дайармиде», — ответ девушки был осторожным и достаточно нейтральным.

— Вы здесь одна? Я имею в виду, нет ли у вас друзей из местных или родственников?

— Я совершенно одна, мистер Лукас. Почему вы спрашиваете об этом?

— Из чистого любопытства, мисс Рок. Надеюсь, вы не обиделись?

Элис терпеливо пожала плечами и вернулась к работе, которую Герсен с трудом подыскал для нее.

В полдень прибыл фургон с продовольствием. Обед для мисс Инч и ее клерков был организован в небольшой столовой; для Герсена и Элис Рок — в кабинете Герсена. Элис выразила удивление по этому поводу.

— Почему мы не обедаем со всеми вместе? Мне интересно, как проходит конкурс?

Герсен покачал головой.

— Это невозможно. Мое начальство нуждается в максимальной уверенности, особенно, когда дело касается распространения слухов.

— Слухов? Какие же здесь могут быть слухи?

— Не исключена возможность, что один отъявленный негодяй заинтересуется ходом конкурса. Лично я отношусь ко всем этим подозрениям скептически. Впрочем, кто знает? Мы даже организуем место для сна наших служащих. Они не должны покидать пределов издательства, пока не будет объявлен победитель.

— Мне кажется, что опасность несколько преувеличена, — сказала Элис. — Кто же этот преступник?

— Ах, оставьте! — воскликнул Герсен и замахал руками. — Все это чистый вздор! Я отказываюсь даже говорить о подобной чепухе!

Элис вдруг стала очень настойчивой.

— Но меня это очень интересует, мистер Лукас!

И на время обеда она замкнулась в себе, время от времени бросая холодные взгляды на Герсена.

После обеда Герсен еще нашел работу для Элис, затем осторожно надел на голову шляпу.

— Я буду через час или около того.

— Хорошо, мистер Лукас.

Герсен вернулся в отель «Пенумперс» и из своего номера позвонил в гостиницу «Св. Дайармида».

— Мисс Элис, пожалуйста.

После некоторой паузы прозвучал ответ:

— В настоящее время мисс Рок нет в отеле, мистер.

— Помнится мне, она остановилась в номере 262?

— Нет, сэр, в номере 441.

— Там есть кто-нибудь сейчас?

— Она живет одна, сэр. Что-нибудь надо передать?

— Нет, ничего существенного.

— Спасибо, сэр.

Герсен собрал кое-какие предметы и уложил их в дипломат. Чтобы предупредить недоразумение с портье при выходе, он переоделся в вечерний костюм и покинул отель.

В это время дня, после дневного чая, улицы Понтефракта были заполнены мужчинами в коричневых и черных костюмах и женщинами с розовыми волосами, в широких однофасонных юбках и черных плащанакидках. Вскоре Герсен прибыл в гостиницу «Св. Дайармида». Он вошел и осмотрел холл, но не увидел ничего, заслуживающего внимания.

Подойдя к стойке регистратора, он принялся делать какие-то вычисления на листке бумаги. Служащий с минуту понаблюдал за ним, а потом подошел.

— Сэр, чем-то могу быть вам полезен?

Герсен написал еще несколько цифр на листке, пока служащий вопросительно смотрел на него.

— Мне нужна комната на несколько дней, быть может на неделю, на время конгресса Нумерологов. Математические раскладки указывают на номер 441, и я должен обязательно поселиться там.

Герсен положил СЕВ на стойку и служащий поторопился проверить номер по компьютеру.

— Простите, сэр! Но этот номер уже занят!

— Тогда мне подойдет номер 440 или 442.

— Могу вам предложить 442-й, сэр!

— Это вполне подойдет. Меня зовут Альдо Брайз.

Разместившись в 442-ом номере, Герсен подошел к стене и укрепил на ней микрофон. Из 441-го не доносилось ни звука.

В углу он встал на колени, просверлил небольшое отверстие и вставил туда почти невидимое записывающее устройство. Он подключил магнитофон, который затем соединил с телефоном. Магнитофон он поместил в выдвижной ящик телефонной полки, включил, проверил его работу и ушел.

Возвратившись в свою контору, Герсен прошел в кабинет и, положив шляпу на полку, приветствовал Элис величайшим поклоном, на который она ответила застенчивым бормотанием и бросила робкий взгляд из-под длинных рыжих локонов.

Герсен с ворчанием сел за стол, минут пять он как бы в раздумье сидел, вперив взгляд в пространство. Потом он поднялся и прошел в помещение конкурса.

Клерки были с головой погружены в работу. Герсен просмотрел распечатки с компьютера. Идентификация всех теперь могла считаться вполне законченной, за исключением разве что номера 6, который фигурировал под разными именами. Но имени Говарда Алана Трисонга не было.

Герсен вернулся в кабинет. Элис оторвала взгляд от стола.

— Как проходит конкурс?

— С точки зрения продвижения, очень хорошо. Результат превосходит все наши ожидания.

— Но пока что никто не выиграл еще главный приз?

— Пока нет.

— А почему вы использовали именно эту фотографию?

Герсен подошел к ее столу с осуждающим видом и проговорил гнусавым голосом: — Я никогда не задумывался над этим вопросом.

У Элис дрогнули уголки губ, но она промолчала.

Подумав, Герсен сложил кончики пальцев вместе и произнес:

— Мне кажется, что я могу сказать вам, что учтите, что это абсолютно секретно. Все, кроме одного, на этой фотографии уже идентифицированы. Остался всего один.

Элис безразлично пожала плечами.

— Меня все это не интересует, мистер Лукас.

— Подождите,— остановил ее Герсен, улыбаясь.— Давайте не будем ссориться. Кажется, вы говорили, что ваш дом находится на Цифри Темпестре?

— Да, уже несколько лет.

— Я так понял, что люди на Цифри ведут себя наиболее неофициально.

Элис внимательно посмотрела на него.

— Я не уверена, что правильно поняла ваше слово «неофициально», мистер Лукас.

— Ну, скажем, часто ли там бывают некоторые эксцессы?

— Да, это в какой-то степени правда. Туристы часто дурно ведут себя, когда выбираются за пределы поселков. Некоторые, самые худшие, прибывают с Понтефракта:

Герсен засмеялся. Элис, посмотрев на него долгим взглядом, подумала: «Он, кроме всего, еще и идиот...».

— Вы когда-нибудь посещали казино Дикого Острова? Мне говорили, что там люди проигрывают огромные суммы денег.

— Им трудно надеяться выиграть там...

Герсен сказал с напускной суровостью: — Деньги, которые они теряют, служат источником обогащения опасных преступников.

— Я слышала подобные утверждения,— кивнула де-вушка.— Но мой отец, как вы сказали, набивает карманы, и именно в казино, но мне не кажется, что он опасный преступник.

— Надеюсь, что нет. Он азартный игрок?

— Наоборот. Он конструирует игровые автоматы и создает их такими, чтобы они обдирали игроков. Он находит свою работу очень веселой. Я слышала, как он говорил, что нисколько не жалеет бедолаг, которые проигрываются в пух и в прах. Он считает их дураками и лентяями, если не психами.— Элис посмотрела на Герсена с невинным выражением.— Надеюсь, вы не игрок, мистер Лукас. Я бы не хотела обидеть вас.

— Все нормально, мисс Рок. Я никогда не был ни случайным, ни профессиональным игроком.

— Кстати, относительно конкурса... Кто оказался этим единственным, кого до сих пор точно не опознали?

Герсен пожал плечами: — Номер шесть.

— Когда конкурс заканчивается?

— Я не знаю.— Герсен посмотрел на часы.— У меня

больше нет на сегодня для вас работы, мисс Рок. Вы можете уйти в любое время.

— Спасибо, мистер Лукас...— Элис надела жакет и пошла к двери. На пороге она задержалась и повернувшись к Герсену, улыбнулась:

— Сегодня вечером надо будет прийти на работу, мистер Лукас?

— Нет, спасибо. Увидимся завтра утром.

Элис вышла. Герсен заглянул в конкурсную комнату и постоял, глядя на суматошную работу клерков. Затем он вернулся в свой кабинет, сменил костюм и исследовал стены, окна, пол, потолок и все углы комнаты. Высоко в углу он заметил несколько нитей паутины, которая, конечно, могла быть сплетена и пауком: рассмотреть как следует было невозможно.

После пяти минут тщательного исследования он решил, что паутина была настоящей и смахнул ее.

Он сидел на стуле, расстегнув воротник рубашки. Был уже поздний вечер. Герсен вышел в рабочую комнату конкурса, чтобы удостовериться, что вечерняя смена приступила к работе. С минуту он наблюдал, затем, приведя в порядок свою одежду, вышел из конторы и направился сквозь холодный вечерний туман к «Пенумперсу». Швейцар встретил его появление глубоким поклоном; слуга подошел, чтобы взять его шляпу и помочь подняться по лестнице, словно он был столетним стариком.

Герсен вошел в свой номер. Он снял куртку и уселся возле телефона... Он заколебался, задержав руку в воздухе на полпути. Ему пришла в голову абсурдная мысль о подслушивающих устройствах в номерах отеля «Пенумперс»... Нет, невозможно!!!

Чтобы быть абсолютно уверенным — на дверях нигде не было запоров — он исследовал номер детектором.

Комната была свободна от шпионского оборудования.

Герсен вновь расположился возле телефона и позвонил в номер 442-й гостиницы «Св. Дайармида».

— Мистера Альдо Брайза нет, — ответил автоответчик. — Пожалуйста, оставьте свое сообщение.

Герсен назвал кодовое слово, подключающее магнитофон. Раздавшаяся музыка свидетельствовала, что запись была сделана всего полчаса назад.

Через мгновение перекрывая звуки музыки прозвучал голос Элис:

— Мистера Альберта Стрэнда, пожалуйста.

— Сию минуту, мадам.

«Похоже на голос секретаря из какого-то учреждения», — подумал Герсен...

— Привет, Элис, — раздался в трубке мужской голос.

— Хэлло, мистер Спаркхаммер. Я...

— Тс-с, Элис! Тише! Запомни, здесь я мистер Альберт Стрэнд из «Рембс Баунти Стрэндс».

— Извините. Есть какие-нибудь новости?

— Кто знает. — Голос был довольно приятен. — Мы имеем дело с умными людьми. Смелость, энергия, осторожность, решительность. Вот чем они руководствуются.

— Не забывайте страх! — воскликнула девушка.

— И, конечно же, страх! Итак, девочка, что ты узнала?

Герсен слушал с напряженным вниманием.

Элис говорила ничего не выражающим голосом: — Этим утром, когда я пришла на работу, мистер Лукас сказал, что я буду его личным секретарем...

— О, дорогая, я даже не мог предположить такое. А что собой представляет этот Лукас?

— Он страшно заботится о секретности, даже слишком... Меня не пускают в комнату конкурса. Сегодня я дважды пыталась, пока он уходил, но мисс Инч поворачивала меня обратно. Я спросила мистера Лукаса, как проходит конкурс и он стал нестерпимо важным. Он сказал, что все люди на фотографии уже опознаны, кроме одного — номера шесть. Никто еще не смог даже приблизиться к выигрышу главного приза.

— И это все?

— Боюсь, что да. Мистер Лукас говорит очень мало. Он глупый разряженный дурак, но очень хитер, если вас интересует мое мнение.

— Конечно. Но все-таки, как он отнесся к твоим чарам? Его реакция?

— Я думаю, что тут не будет проблем...

— Так действуй! Мы не можем терять время! Мы и так сильно рискуем!

— Я сделаю все, как можно лучше, мистер Стрэнд. — Элис помолчала, затем сказала: — В общем-то вы никогда точно не говорите, что вас интересует!

— Разве нет? — голос мистера Стрэнда стал резким и язвительным. — Выясни, почему они использовали именно этот снимок! Когда и где они достали его! За этим конкурсом что-то кроется и я должен знать, что именно!

Разговор закончился.

На следующий день Элис сделала второе донесение.

— Мистер Стрэнд?

— Я слушаю, Элис.

— Я не могу сообщить вам что-либо интересное. Сегодня было почти так же, как вчера. Я пыталась разговаривать его о конкурсе, но мистер Лукас не стал отвечать на мои вопросы. Он просто сидит и смотрит поверх собственного носа на меня.

— Время поджигает, Элис.— Мистер Стрэнд говорил тихим, приятным голосом, который было странно слышать после вчерашних резких и язвительных тонов.— Мне нужны результаты, дорогая. Ты знаешь обстоятельства.

Голос Элис стал скучным: — Завтра я снова попытаюсь, сэр.

— Ты должна попробовать что-то более эффективное!

— Но я не могу ничего придумать. Он соблюдает строжайшую секретность!

— Затащи его в постель! Без одежды трудно сохранять тайны!

— Мистер Спаркхаммер... то есть мистер Стрэнд! Я не могу этого сделать! Я не знаю, как!

— Ерунда, Элис! Все знают, как это делать! — Мистер Стрэнд фыркнул, и в его голосе появились веселые нотки.— Коли ты должна, ты сможешь, дорогая! А ведь ты действительно должна!!!

— Мистер Стрэнд, в самом деле, я не...

— Элис, ты сделаешь это! Это самое простое. Дело происходит так: ты улыбаешься ему, он приглашает тебя на ужин. Одно идет к другому, и постепенно вы оказываетесь без одежды. Мистер Лукас тяжело дышит. Ты начинаешь хныкать...— Моя дорогая Элис,— вскрикивает мистер Лукас.— Почему в такой момент слезы? — Потому, мистер Лукас,— говоришь ты,— что я опечалена и испугана. Вы ведь только забавляетесь со мной, ведь правда! — О нет, нет, Элис! — конечно же заявит он.— Я без ума от тебя! Мысль о твоих рыжих волосах, так рассыпанных по этой подушке, кружит мне голову. Послушай мой пульс! Забавляюсь? Никогда! Я умираю от страсти! — Но вы относитесь ко мне, как к посторонней! Почему вы не хотите доказать глубину своего чувства ко мне?..— Я готов сделать это!..— Не в этом смысле. Я хочу вашего полного доверия и уважения. Например, когда я проявляю естественное внимание к делам вашего издательства, вы отмалчиваетесь. Возьмите хотя бы этот конкурс! — Здесь, дорогая, было бы неплохо пару раз шмыгнуть носом!..—

Я не хотел бы, чтобы такие пустяки становились между нами! Завтра в конторе...— Нет, Генри! Вы снова там станете холодным. Вы должны сказать сейчас! Докажите свои чувства ко мне!..— Правильно, это единственный выход...

Вот так и открываются все секреты. Утром, усталая, но счастливая, ты сообщишь, что узнала, и все будет хорошо. В противном случае,— здесь мистер Стрэнд сделал паузу,— в противном случае (и его голос упал на пол-октавы) я не могу ничего гарантировать...

— Знаю...

— Ты справишься с заданием?

— Я постараюсь.

— Помни, время дорого. Пожалуйста, постарайся сделать так, как я тебе сказал. Ты же знала, на что идешь!

— Я сделаю все как можно лучше, мистер Стрэнд.

— Твои усилия, надеюсь, окажутся достаточными.

Разговор закончился и в комнате воцарилась тишина.

Глава 5

Герсен почувствовал беспокойство. Вечером он обычно прогуливался по кривым улочкам Понтефракта. Как-то, к его собственному удивлению, он обнаружил, что находится около гостиницы «Св. Дайармида». Он остановился и оглядел стандартный кричащий фасад бледно-голубого и лилового цветов. Герсен пересек площадь Св. Маллони и направился в Старый Город, район таверн, странных магазинов, артистических студий и публичных домов. В витрине каждого по старинному закону должен был быть выставлен подсвечивающийся глобус из зеленого стекла.

Наконец, он вышел на набережную. Он стоял, глядя через залив Боттглас на далекие огни порта Рафус. Бриз доносил до него запах гниющих отмелей океана Алойзиуса. Ему приходилось стоять на многих берегах во многих мирах. И не было двух с одинаковым запахом... В конце ближайшего пирса лучи разноцветных огней обозначали фасад ресторана. Герсен прошел по пирсу и заглянул в него. Зал на удивление предстал перед ним чистым и каким-то веселым, с красными скатертями на столиках. Назывался этот ресторан «Гриль Мардока с видом на залив».

Герсен зашел и пообедал. Алойзианская кухня тяготела к спокойной, но Мардок не боялся острых приправ

и пикантных соусов... Герсен просидел здесь довольно значительное время, глядя в окно на огни порта Рафус.

Казалось, что по мере того, как шло время, Герсен обнаруживал, что становится все более чувствительным к странному настроению, которому он даже не мог дать определения. В ранние годы его эмоции фокусировались вокруг простых вещей: ненависть, горе, страстное желание мести. Он был лишен чувства юмора, со сжатыми кулаками, страстный только в своей ненависти. Теперь появилось много новых осей: простирающихся в разных направлениях. Стал ли он слабее из-за этого? Бессмысленный вопрос. Его стратегия была, по крайней мере, эффективной. Он выманил Говарда Алана Трисонга до мучительной близости, возможно в самый Понтефракт. Может быть, в этот момент он бродил по старым улочкам или сидел в одном из многочисленных отелей, обдумывая свои преступные замыслы, строя дьявольские планы.

Герсен оглядел ресторан. Может быть, где-то здесь ужинает Трисонг... Среди посетителей ресторана не было высокого худощавого мужчины со лбом философа и лисьим подбородком. Трисонг был где-то в другом месте.

Герсен прошел к телефону и позвонил в «Пенумперс». — Это Генри Лукас. У вас зарегистрирован мой друг, мистер Стрэнд?.. Нет? А мистер Спаркхаммер?.. Никого с таким именем?.. Тогда не могли бы вы оказать мне услугу — и просьба: не упоминать моего имени — постарайтесь найти, где остановился мистер Стрэнд или мистер Спаркхаммер.

— Постараемся, сэр.

Герсен вернулся к столику. Было мало шансов определить местонахождение Трисонга таким простым способом. Его раздразили, приманили, и он будет обманут, а Элис Рок должна стать посредником. Герсен подумал, что это должна быть увлекательная игра, особенно потому, что Элис считает его тщеславным глупцом...

Он вышел из ресторана и вернулся в «Пенумперс». Служащий в справочном, как и следовало ожидать, не мог сообщить о местонахождении мистера Стрэнда или мистера Спаркхаммера. Герсен заверил его, что дело пустяковое, и прошел в свою комнату.

Никто не заходил туда со времени его ухода: специальное устройство, которое он установил, по-прежнему было на месте.

Утром служитель превзошел самого себя и одел Герсена в велоколепный костюм. Герсен был настолько

великолепен, что швейцар даже застыл в восхищении. Герсен прибыл в контору «Экстанта» и застал Элис Рок уже на рабочем месте. Он привычно поздоровался с ней, она ответила с ласковыми нотками в голосе. Сегодня она одела темно-коричневую, до колен, юбку и пепельного цвета блузку — которые создавали прекрасную цветовую гамму. Костюм подчеркивал фигуру девушки: а рыжие волосы были чисты до блеска. Сидя за столом, Герсен притворился, что игнорирует ее присутствие. Несколько раз, окидывая взглядом комнату, он замечал, что ее взгляд направлен на него, оценивающий, удивленный.

Герсен вошел в комнату конкурса. Мисс Инч передала ему письмо.

— Почти победитель, мистер Лукас! Может быть, даже победитель! И как все это странно!

Герсен прочитал письмо:

«Ведущему конкурса «Экстонт».

Понтефракт, Алойзиус.

Сэр!

Я могу опознать лиц, изображенных на вашей фотографии. Моей обязанностью было прислуживать им на этом ужасном банкете, который стоил им жизни. Эта фотография была сделана в Комнате Цветочного Дождя в отеле «Дикого Острова». Они начинают трапезу, не зная, что вскоре все будут отравлены, за исключением, правда, только мистера Спаркхаммера. Вот имена тех, кто сидит за столом, считая слева направо:

Маррод Йест, Диана де Тренбаскд, Беатрис Атц, Вобан Мартилетто, Сабор Видол, Сайлас Спаркхаммер, Джон Грей. Стоящие мужчины: Иан Бидфред, А. Гизельман, Артемус Редоу.

Я узнал их имена из табличек, которые были установлены на столе. Кроме того, присутствовали еще двое мужчин. Они не ели салат из черии, и поэтому остались живы. Снимок, между прочим, сделан, как обычно, с целью запечатлеть знаки, подаваемые поваром, который готовил каждую порцию черии. Эти знаки обозначаются маленькими цветными отметками перед каждым местом. В этом случае несколько поваров готовили блюдо. Яд был, очевидно, передан через посуду.

Надеюсь, что я ответил в соответствии с условиями вашего конкурса и выиграл приз.

Клатус Персиваль.

Отель «Дикий Остров».

Цифри Темпестре».

— Очень интересно,— заметил Герсен, складывая письмо.— Вне всякого сомнения, звучит довольно правдоподобно...

— Мне тоже так кажется.— Мисс Инч с любопытством уставилась на Герсена.— Вы знали, что все эти люди умерли, сэр?

— Я так же удивлен этим известием, как и вы. Но это новость не повредит нашему конкурсу...

— Почему кто-то ест эту черию, если известно, что она ядовита? Очень странно!

— Совершенно верно, мисс Инч.

— С другой стороны, этот мистер Персиваль, кажется, назвал имена правильно.

— Всех, за исключением номера шесть. Спаркхаммер — это не настоящее его имя.

— Хм...м,— покачала головой мисс Инч.— Похоже, этот номер шесть действительно загадочная личность.

— Вполне с вами согласен.

— Я бы назвала мистера Персиваля победителем,— сказала мисс Инч.— Наверняка никто не даст более точного ответа.

— Я склонен согласиться с вашим утверждением,— кивнул Герсен.— Но все же мы подождем окончания конкурса. Как почта?

— Примерно так же. Возможно, поток писем немного ослаб.

— Очень хорошо, мисс Инч, продолжайте работу. И попросите ваших людей быть более внимательными в отношении номера шесть.

— Не беспокойтесь, мистер Лукас.— В противоположность Элис Рок мисс Инч считала Герсена вежливым и воспитанным джентльменом («и без всякого пристрастия к нему» — как сказала она как-то своей сестре).

Герсен вернулся с письмом в кабинет.

Элис весело поинтересовалась:

— У вас приятные новости?

Герсен важно сел за стол. Элис ждала, ее лицо выражало маску веселого ожидания. Герсен сказал своим обычным для общения с Элис гнусавым голосом:

— Мы получили письмо, в котором названы все изображенные на фотографии.

— Правильно названы? — вырвалось у девушки.

— Корреспондент пишет, что узнал их имена по карточкам, установленным на банкетном столе.

— Тогда имена должны быть названы правильно!

— Не обязательно. Там есть одно очень сомнительное имя.

— О! Какое же?

Герсен бросил на нее строгий взгляд.

— Я не уверен, что имею право говорить о таких вещах. По крайней мере, сейчас.

Элис переменялась в лице. Она изобразила недовольную гримасу. Герсен, наблюдая украдкой, отметил про себя, что она наверняка сейчас размышляет, как лучше всего проверить в жизнь задуманный ею план.

Элис вскочила с места, подошла к шкафчику, достала оттуда две чашки и налила чай. Одну чашку она поставила перед Герсеном, другую — на свой столик. Откинувшись на спинку стула, она сделала глоток и спросила:

— Вы всегда жили на Понтефракте, мистер Лукас?

— Разумеется. Но я очень много путешествовал.

Элис кивнула: — Понтефракт выглядит таким обезличенным после пяти лет жизни на Диком Острове.

Герсен не проявил заинтересованности, хотя и не прервал разговор: — Я не могу понять, почему же вы тогда приехали сюда.

Элис изящно пожала плечами.

— По многим причинам. Например, страсть к путешествиям. Вы когда-нибудь были на Цифри?

— Никогда. Мне говорили, что там довольно гедонистическая среда, и что жители ведут там жизнь совершенно лишенную всяких условностей.

Элис засмеялась и посмотрела на Герсена нахальным взглядом.

— В этом есть какая-то правда. Но не вся. На Диком Острове вы найдете любой стиль жизни. Моя мать, например, почти так же придерживается условностей, как и вы.

Герсен поднял брови.

— Что? Вы считаете меня рабом условностей?

— Конечно! До некоторой степени...

— Ага!— Герсен издал презрительное ворчание, как бы показывая, что мнение девушки кажется ему довольно поверхностным.

— Расскажите мне о Диком Острове. Это правда, что казино там держат преступники?

— Это значительно преувеличено,— рассмеялась Элис.— Мой отец не преступник.

— Но ведь никто никогда не выигрывает. Только и слышишь, что тот проигрался, тот и тот!

— Если бы вы выигрывали, зачѐм было бы тогда держать казино!

— Вы когда-нибудь были там?

— Нет, это мне не по душе.

— Дикий Остров это город?

— Скорее, это туристический комплекс: казино, отели, рестораны, причалы для яхт, пляжи и множество небольших вилл на холмах. Он, конечно, уже давно не такой дикий.

— Вы когда-нибудь были в черии-ресторане?

Элис с встревоженным выражением лица уставилась на него: — Нет.

— Что такое черии?

— Ну, это такой лиловый фрукт с шершавой кожурой. Под ней идут трубочки, наполненные ядом. Говорят, что сам фрукт просто восхитителен, но я никогда не пробовала его. Как-то не хочется умирать!

Герсен откинулся в кресле.

— У нас имеется предположение, что представленная фотография сделана на банкете с черии.

Элис достала копию фотографии и внимательно посмотрела на нее.

— Да... вполне возможно, что так оно и есть на самом деле...

— Очень странно! Ведь вы могли даже знать кого-то из этих людей.

Реакция Элис была спокойной.

— Возможно. Но маловероятно. Тысячи людей бывают на Диком Острове. И ведь нет указаний на то, когда был сделан этот снимок. Он вполне может быть десятилетней давности.

— Это очень свежий снимок, моя дорогая. Все, запечатленные на нем опознаны и мы убеждены в подлинности их имен,— с важным видом констатировал Герсен.

— Значит, кто-то уже выиграл конкурс?

— Я не говорил этого.

Элис бесхитростно поинтересовалась:

— А как у вас оказался этот снимок, мистер Лукас?

— Я нашел его в корзине для бумаг. Но пока что еще рано говорить о результатах конкурса, их еще просто нет. Почему вы не идете отдыхать, Элис? Сейчас нет работы и вы можете быть свободны.

— Спасибо, мистер Лукас. Видите ли, вы единственный знакомый мне человек в этом городе. Мне бывает по вечерам так одиноко, а вы держитесь так уединенно...

— Это ерунда! — воскликнул Герсен. — Вы не можете так думать!

— Но это так! Может быть, вы считаете, что нельзя поддерживать контакты с персоналом в нерабочее время? Так? Это политика компании?

— Уверен, что таких правил не существует.

— Вы думаете, что у меня нет вкуса? Что я простушка?

— Напротив! — воскликнул Герсен со всей серьезностью. — Я считаю вас очень обаятельной. Простите за то, что вы нашли Понтефракт скучным. Может быть, как-нибудь мы могли бы пообедать вместе?

Губы Элис дрогнули. Улыбка? Гримаса? Мягким голосом она сказала: — Это было бы неплохо... А почему не сегодня?

— В самом деле, а почему не сегодня! Где вы остановились?

— В гостинице «Св. Дайармида».

— Я буду ждать вас в холле, в шесть часов.

— Теперь я чувствую себя значительно лучше, мистер Лукас.

Глава 6

Гостиница «Св. Дайармида» принадлежала в свое время разным владельцам. Каждый вносил оригинальные идеи в ее отделку, стремясь произвести впечатление на постояльцев. Холл занимал весь первый этаж. Тяжелые колонны, выполненные в стиле Древнего Египта Древней Земли, поддерживали потолок розового цвета. Рядом с каждой колонной росли родентовые пальмы в терракотовых горшках. По стандартам Веги оформление первого этажа можно было бы считать довольно кричащим. Множество людей в костюмах всех уголков Ойкумены еще более оживляли беспокойную и нервную атмосферу, которой характеризовалась гостиница.

Герсен прибыл точно в назначенное время, одетый для неофициального вечера в костюм, который ему предложил слуга: облегающие черные брюки, рубашка с вертикальными черными, темно- и светло-серыми полосками с высоким черным воротником вместо шарфа. Черный пиджак, соответствующий самому высокому стилю на Понтефракте, застегивался спереди, скреплялся на плечах и почти стоял колоколом вокруг бедер. Герсен отказался от шляпы с плюмажем, и слуга предложил ему мягкую шляпу с черными полями.

Герсен увидел Элис Рок, идущую вдоль центрального прохода, робко оглядывающуюся вокруг. Он рассматривал ее, словно никогда раньше не видел: грустный рот, небольшой носик, щеки, плавно переходящие в маленький подбородок. Сегодня вечером ее рыжие волосы были зачесаны за уши, почти падая на плечи ее простого дымчатого серого платья.

Когда она увидела Герсена, выражение ее лица приняло вид искусственного энтузиазма. Она приветственно махнула ему рукой, и, пройдя через комнату, остановилась в десяти футах от него. Она восхищенно осмотрела его с ног до головы.

— Я должна сказать, мистер Лукас, что сейчас вы превзошли самого себя в элегантности.

— Это все «Понумперс», — улыбнулся Герсен. — Благодарить нужно его персонал.

Элис слушала его, не особенно понимая. По-прежнему радостно улыбаясь, она сказала: — Ну, так где мы будем обедать? Здесь? Тут очень хороший зал.

— Слишком шумно и слишкомлюдно, — сказал Герсен. — Я знаю место значительно более изысканное.

— Полностью отдаю себя в ваши руки, — улыбнулась Элис.

— Тогда окунемся в ночь на Веге.

Они покинули гостиницу и Элис очень осторожно взяла Герсена под руку.

— Куда мы идем?

— В прелестную ночь, — сказал Герсен. — Мы можем немного погулять, если вам это нравится...

— Я не возражаю.

Они пересекли площадь, вышли на Бьюдри Лейн, а затем оказались уже в Старом Городе. — «Невозможно! — подумал Герсен. — Мы оба гуляем по улицам Понтефракта, но при этом она в своей маске, а я в своей!»

Элис почувствовала что-то в настроении Герсена.

— Мистер Лукас, почему вы так мрачны?

Герсен промолчал.

Через какое-то время он сказал: — Можете называть меня Генри в этой части города.

— Здесь не так, как на Диком Острове?

— Совсем иначе.

Они вышли на набережную к «Грилю Мардока с видом на залив». Элис задумчиво посматривала на Герсена. Мистер Лукас, такой дотошный и гадкий, казалось, открывал сейчас необычные грани своего характера.

Они остановились за углом ресторана, рядом с балюстрадой. Внизу под ними тяжело набегали волны, звезды и дальние огни отражались от темной поверхности воды.

Герсен подал голос: — Вы можете найти свою родную звезду?

— Я не знаю очертаний ни одного здешнего созвездия.

Герсен оглядел небо.

— Она уже скрылась. А вот там Старое Солнце.

На обед они заказали суп из натуральных артишоков, тушеное мясо с луком и травами, поданное на коричневом блюде, салат из свежей зелени и мягкий веганский хлеб. Элис поклевала того-другого и в ответ на вопрос Герсена пожаловалась на отсутствие аппетита. Она выпила несколько бокалов вина и немного опьянела.

— А как наш конкурс? — спросила как бы невзначай она. — Вы все еще собираетесь держать от меня все в тайне?

— В тайне? Больше никаких тайн! Но давайте здесь не будем говорить об этом, хорошо? Тайна — это вы! Расскажите мне о себе.

Элис обвела взглядом зал: — О себе? А что говорить? Жизнь на Диком Острове монотонна, однообразие — туристы.

— Я все еще удивляюсь, почему вы приехали на Понтефракт?

— О, обстоятельства!

Подали десерт: сладкий фруктовый пирог и крепкий кофе с кремом, в соответствии со вкусами на Алойзиусе.

Герсен, который почувствовал, что беседа начинает затухать, попробовал порассуждать о политике Понтефракта, но Элис сидела апатично, почти ничего не говоря в ответ. Она смотрела в окно на черную воду, и вне всякого сомнения ее мысли наверняка были сейчас далеко, чтобы улавливать смысл слов Герсена.

Наконец Герсен решился: — Ну что? Хватит! Куда теперь? На Понтефракте немного приключений, не считая разве что Хаммера, но мы, пожалуй, опоздали к началу программы. Может быть, вы хотите посетить одну из портовых таверн?

— Нет... Я думаю, нам лучше вернуться в отель.

Старый кэб доставил их обратно в гостиницу.

В холле Герсен остановился и изобразил поклон, показывая, что он уходит. Элис схватила его за руку.

— О, пожалуйста, не уходите так быстро.

Оглядев холл, она сказала тихим голосом: — Вы можете зайти ко мне, если хотите...

Герсен вежливо запротестовал: — Но вы, наверное, устали...

Все еще глядя в сторону и с появившимся румянцем на щеках, Элис произнесла: — Нет. Совсем нет. В сущности, мне... так одиноко...

Герсен вновь поклонился.

— В таком случае я буду счастлив пойти с вами.

Он взял ее под руку, они прошли в лифт и поднялись на четвертый этаж.

Элис открыла дверь и вошла в комнату, на негнущихся ногах, как заключенный в камеру.

Герсен последовал за ней. В дверях он задержался и осмотрел комнату. Элис не проявила интереса к причине его бдительности.

Успокоившись, Герсен медленно прошел вперед. Закрыл за собой дверь.

— Генри,— прошептала Элис.— Могу я называть тебя Генри?..

— Я тебе уже разрешил это.

— Странно, но я, похоже, забыла. Позволь, я возьму твою шляпу и пальто.

Герсен повесил шляпу на вешалку и снял пальто.

— Прекрасно! Портные Понтефракта не имеют понятия о человеческих формах.

— Садись, Генри, сюда.

Герсен послушно опустил в кресло. Элис достала из шкафа серебряный поднос, на котором покоилась невысокая пузатенькая бутылочка.

— Что это? — поинтересовался Герсен.

— Это настойка цветочных лепестков Кандида с кристаллами гидромела. Это ликер жизни «Сирос» с Сироса.— Она наполнила пару маленьких рюмочек прозрачной зеленой жидкостью.— На Сиросе этот ликер пьют только влюбленные...

— Конечно, мы не влюбленные, но ты и я...

— Но что?

— Ничего особенного.

Герсен пригубил рюмку. Вкус оказался даже лучше, чем он ожидал.

Элис спросила:

— Тебе он понравился?

— Действительно, он необычен. И очень ароматный...

Элис села рядом с ним и отпила немного из своей рюмки.

— От него меня бросает в дрожь...

Герсен был сам удивлен, обнаружив, что его руки обвили ее плечи; это никак не входило в его намерения, надо было сохранять маскировку. Но сейчас... Он почувствовал, что в его объятиях напряженное тело девушки постепенно расслабляется и он тут же поцеловал ее, поцеловал гораздо дольше, чем того могла потребовать маскировка.

Элис отстранилась и посмотрела на него расширенными глазами.

— Что с тобой, дорогая? Я обидел тебя? — встревоженно спросил Герсен.

— О нет, — она нервно рассмеялась. — Ты немного напугал меня, совсем немного. Ты сейчас так отличаешься от того мистера Лукаса, которого я знаю по работе...

— И все-таки я существую в единственном числе.

Она отпила еще немного ликера.

— Выпей!

— Дозу влюбленного?

— Если хочешь, называй это так.

— У тебя есть любовник?

— Нет... а у тебя кто-то есть?

— Я совершенно один.

Элис потянулась к нему и он вновь поцеловал ее. Платье запахнулось, обнажая маленькую округлую грудь.

Герсен издал глубокий стон: — Так дальше не пойдет!

— Почему? — она коснулась его щеки.

— Я не могу рассеять мучительное подозрение.

— Что ты имеешь в виду?

— Мне было бы очень больно узнать, что ты оказалась со мной только для того, чтобы получить информацию о конкурсе. Абсурд, конечно, но...

Элис сидела, напряженная и бледная.

— Разумеется, абсурд.

— Ну, тогда мы можем быть любовниками и без того, чтобы рассказывать тебе о конкурсе, не так ли?

— Рассудок вновь подчиняет сердца... Видишь ли, я не могу любить того, кто не доверяет мне...

— Другими словами — нет?

— Но я действительно не хочу, чтобы это было так, — серьезно произнесла Элис.

Герсен мгновение раздумывал.

— Выглядит это так, будто для демонстрации этого доверия я должен рассказать тебе все, что я знаю...

— Это уж как тебе угодно!

— Ну..., собственно, а почему бы и нет?— Герсен вытянул ноги и закинул руки за голову.— Здесь, в общем-то, почти нечего-то и рассказывать. Все люди, изображенные на снимке, опознаны, кроме одного, который пока что фигурирует под разными именами.— Герсен достал из кармана лист бумаги, развернул его и прочел: — Спаркхаммер, Грей, Гадоу, Атц, Билфред, Мартиллетто... вот так. Все люди на снимке названы своими именами, кроме того «Спаркхаммера». Так что пока мы не определим настоящее имя этого незнакомца, конкурс нельзя будет считать законченным.— Герсен посмотрел на Элис долгим взглядом.— Дорогая, а тебя не удивляет тот факт, что этот человек известен под столь многими именами?

— Нет.— Она тут же поправила себя.— А почему это меня должно удивлять?

Герсен бросил лист бумаги на стол и откинулся на спинку кресла.

— Потому что он — опасный преступник по имени Алан Говард Трисонг!

— Трисонг? Нет, это невозможно!!!

— Нет? Почему же?

Элис не ответила.

— Люди, изображенные на фотографии, мертвы, за исключением номера 6, который носит имя Трисонг! Ты что-нибудь думаешь по этом поводу?

Элис повела плечами:— Я ничего во всем этом не понимаю...

— Но здесь очень важен совсем другой аспект всей этой проблемы,— продолжал Герсен.— Если номер шесть и в самом деле Трисонг, а сомнений в этом почти нет никаких, то я хотел бы взять у него интервью. «Экстант» использовал бы такой материал с очень большой выгодой для себя. И я бы кое-что получил с этого... Дорогая, видишь ли, я бы очень хотел, чтобы этот человек связался со мной.

Элис прошлась по комнате. Герсен поднялся, взял шляпу и пальто и остановился на пороге комнаты.

Элис посмотрела на него и спросила срывающимся на хрип голосом:

— Ты уже уходишь?

Герсен кивнул:— Я рассказал тебе все, что надо.

— А вот и нет! — вырвалось у нее с отчаянием. — Как ты достал эту фотографию?

— Я был в библиотеке «Космополиса» и случайно заглянул в мусорную корзину. Как видишь, дело случая... Я поинтересовался, что это за фотография, но никто ничего не знал о ней... Вот с чего и родился наш конкурс. Как видишь, все довольно банально.

— А кто бросил этот снимок в мусорную корзину?

— Молодой и глупый клерк.

— Почему все-таки ты выбрал именно эту фотографию? Никогда не поверю, что в этой твоей библиотеке не было никаких других фотографий?

— Некто неизвестный написал на обороте фотографии «Трисонг здесь». Я заинтересовался этим, так как нет известной фотографии этого человека. Я понял, что этот снимок имеет большую ценность. Вот тебе и вся причина того, что случилось.

Элис сидела тихо, опустив голову.

— Спокойной ночи, — попрощался Герсен.

Элис устало посмотрела на него: — Меня поражает, как много ты знаешь обо мне.

— Совсем немного. Ты мне хочешь сама что-нибудь сказать? Доверие должно быть обоюдным.

Элис печально покачала головой.

— Мне нечего сказать.

— Тогда еще раз, спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Элис оставалась сидеть там, где Герсен оставил ее, откинувшись в кресле, поджав под себя ноги, с отсутствующим выражением лица. Она запустила пальцы в свои рыжие волосы, отбрасывая их со лба. Она некоторое время что-то обдумывала, потом подошла к телефону и набрала номер.

Голос ответил: — Элис, почему так рано? Почему вы так торопились?

Элис сдержалась: — У меня есть информация. Лица на фотографии известны под именами... — она прочитала имена с листа, оставленного Герсеном.

— Каков источник? Откуда получены эти имена?

— И еще! Только одно лицо фигурирует под разными именами. Это лицо изображено на фотографии под номером шесть.

— И что же это за лицо?

— Мистер Лукас сказал, что «Спаркхаммер», кажется, известен под именем... Говард Алан Трисонг...

Тишина. Затем совершенно другой голос, спокойный и медленный:

— Какие планы у мистера Лукаса?

— Я так поняла, что он страстно желает, чтобы мистер Спаркхаммер, или мистер Трисонг встретился с ним и дал небольшое интервью. Он хочет опубликовать его на страницах своего журнала.

Ответ последовал быстрый и ясный:

— Придется его разочаровать, Элис. Мистер Спаркхаммер, или мистер Трисонг, или еще как там его, не согласится на такое вульгарное предложение.— Послышался короткий смешок.— Кстати, как «Экстант» вышел на эту фотографию?

— Мистер Лукас нашел ее в мусорной корзине библиотеки «Космополиса. Ее выбросил один из клерков.

— Странно... очень странно... Это правда?

— Я так думаю.

— Как фотография попала в «Космополис»?

— Я этого не сообразила спросить. Мне кажется одним из обычных путей.

— А что заставило его выбрать именно этот снимок?

— Кто-то на обороте написал, что Алан Говард Трисонг находится среди изображенных. Вот эта-та надпись и привлекла внимание мистера Лукаса.

— И он предложил конкурс, чтобы опознать физиономию Трисонга?

— Он сказал, что очень хочет опубликовать биографию мистера Трисонга. Он сказал, что если он с ним встретится...

Голос в трубке тут же оборвал ее: — Это почти невозможно! Мистер Трисонг сейчас очень-очень занят! — Последовало короткое молчание.— Что он тебе еще говорил?

— Больше ничего такого. Он знает, что фотография была сделана на Диком Острове, что все присутствующие на снимке умерли, кроме, конечно же, мистера Спаркхаммера.

Вновь последовала длинная пауза. Потом: — Очень хорошо, Элис. В целом, ты справилась очень хорошо.

— Я могу отправляться домой? И вы выполните свое обещание?

— Не все сразу, дорогая. Пока что тебе рано уезжать домой. Ты должна вернуться в контору и держать глаза

и уши открытыми. Этот Генри Лукас, что ты думаешь о нем?

Элис моментально произнесла холодным тоном: — Я ничего не думаю о нем. Так себе...

— Хм... м. Вот это-то и плохо. Значит так, продолжай так, как и раньше. Завтра я уезжаю, и ты пока что не сможешь связываться со мной. Я сам позвоню тебе. А пока что продолжай встречаться с этим Лукасом. Я чувствую, что здесь нечто большее, чем он сказал тебе...

— И как долго я должна буду... это делать?

— Я тебе дам знать, когда надо будет закончить это дело.

— Мистер Стрэнд. Я сделала все, что могла! Пожалуйста...

— Элис, у меня нет времени выслушивать твои жалобы. Продолжай как и раньше, и все будет хорошо. Это тебе понятно?

— Кажется, да.

— Вот и хорошо. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Глава 7

Герсен стоял у окна своего номера в «Пенумперсе», глядя вниз на старую площадь Тара. Была полночь, площадь была темной и тихой. Свет звезд падал на крыши Понтефракта, бросая черные тени от высоких фронтонов, кривых карнизов и тысяч причудливых труб дымоходов.

Настроение Герсена отражалось в его позе: он был угрюм и чувствовал упадок сил. План провален. А ведь сначала ничто не предвещало поражения. Трисонг прореагировал так, как он и предполагал. В лице этой девушки — Элис Рок — он занял канал, ведущий к этому негодю... Но затем все пошло наперекосяк. Говард Алан Трисонг не захотел встретиться, он не захотел, чтобы была опубликована его биография, он даже не согласился дать интервью!!!

Больше конкурс не мог дать ничего. Утром он назначит мисс Инч ответственной на работы по сворачиванию конкурса... Что еще? Да, Элис осталась его единственный нитью к Трисонгу, но насколько эта связь стала хрупкой и ненадежной, несложно догадаться...

Пока что два вопроса остались без ответа! Почему Трисонг может манипулировать Элис Рок? И почему

Трисонг отравил девятерых людей, присутствующих на том банкете?..

Ответы, скорее всего, можно найти на Диком Острове, но Герсен тут же подумал, что эта информация скорее всего окажется старой и бесполезной...

Более интересным вопросом является род занятий Трисонга в настоящее время! И похоже, Элис об этом ничего не знает. Но ведь другого источника информации нет...

Герсен посмотрел поверх крыш. В пивных Старого Города еще горел свет. Он нашел гостиницу, где жила Элис и подумал, что она сейчас вряд ли бодрствует...

Герсен отвернулся от окна и застыл неподвижно. Затем он снял рубашку, надел темно-синюю блузу астронавта, надвинул на лоб мягкую шапочку и двинулся к двери. Звонок коммутатора заставил его повернуться. На мгновение он даже удивился, кто мог беспокоить его в такой поздний час... Экран ожил и на нем возникло бледное лицо Максела Рекроза.

— Мистер Лукас?

— Я слушаю.

Рекроз начал говорить осторожным вялым голосом:

— Информация, которую вы запрашивали — уточнения и так далее — получена, за исключением некоторых моментов.

Максел Рекроз говорил с такой тихой сдержанностью, что Герсен начал даже волноваться.

— Надеюсь, я не поднял вас с постели, — наконец-то Рекроз произнес то, что по мнению Герсена должно быть в это время ночи.

— Нет, я как раз собирался уходить.

— Тогда почему бы вам не зайти в контору на несколько минут. Я думаю, что вас должно кое-что заинтересовать...

— Хорошо, зайду.

Офисы «Космополиса» никогда не закрывались. Работа шла круглые сутки, даже в выходные. Высокая стеклянная дверь распахнулась при приближении Герсена, он вошел в фойе, где светящиеся плиты из цветного стекла изображали карту Земли в разных проекциях.

Герсен поднялся на лифте на самый верх Северной Башни и вошел в офис Максела Рекроза, который носил сейчас титул управляющего Смешанными Операциями. Обширная комната, которая отражала привередливую софистику позы Рекроза, была примером возвышенного

стиля. Внутренняя комната, следующая за приемной, где Рекроз проводил почти весь свой рабочий день, представляла собой непроходимые джунгли. На длинном столе возвышались груды книг и периодических изданий, газет, фотоснимков. Здесь же, возле стола, приткнулось и несколько табуреток, на одной из которых находился переносной коммутатор. На дальнем конце стола находился самовар с несколькими чашками¹, немного ближе — проектор, направленный на стену; статуя обнаженной женщины девяти футов высотой, чрево которой открывалось через каждый час и оттуда выскакивала птичка, кричащая «ку-ку».

Рекроз, высокий угловатый молодой человек с несколько удлинненным лицом, прямыми светлыми волосами и голубыми глазами с тяжелыми нависшими веками, приветствовал Герсена в своей бесцеремонной манере.

— Привет, садитесь, если хотите.

Он сделал жест рукой в направлении одной из табуреток.

— Может быть, чайку и бисквит?

— Хорошо бы.

С чашкой чая и пирожным, Рекроз сел напротив Герсена.

— Как проходит ваш конкурс?

— Очень успешно. Один корреспондент указал имена девяти человек из десяти, и если никто не сделает большего, мы сможем назвать его победителем. Ну, что вы хотели мне сообщить?

Рекроз немного откинулся назад, соединил вместе кончики пальцев и уставился в потолок, вытянув губы, словно захотел свистнуть.

— В соответствии с вашими инструкциями я собрал всю возможную информацию. Я начал с Индекса² и данных наших собственных банков информации. Могу сказать, что это была чертовски сложная работа. Все лица — идентифицированы; за исключением персоны номер

¹ В оригинальном издании на англ. языке Венс довольно пространно объясняет читателю, что такое самовар и для чего он служит.

² «Индекс» — это справочник по идентификации, первоначально составленный «Интергалактополом», а в дальнейшем продолженный другими агентствами. Индекс включает запись истории: регистрация социального положения, военный послужной список, пассажирские листы межпланетных перелетов, записи о рождении, браке, смерти. Листы аттестации в школе и университете, криминальная идентификация, членство в клубах, ассоциациях и пр.

шесть. У него очень много имен и каждое это имя ассоциируется тут же с каким-то страшным преступлением...

— Что там с остальными? — перебил Рекроза Герсен.

— Ага! Здесь мы сделали очень интересное открытие. Я обнаружил повторяющиеся запросы в Институтцию и последующие за ними ответы. Такие как, например: «занимает высокое положение в иерархии» и «очевидно, сотрудник высокого уровня». Например, Беатрис Атц имеет коэффициент «103»... Артемус Годоу был Триединым¹, — Максел Рекроз сделал паузу, чтобы посмотреть, какое впечатление произвела на Герсена эта информация.

Герсен пожал плечами, невозмутимо полез во внутренний карман блузы и достал фотоснимок, на основании которого проводился весь конкурс. С непроницаемой на лице миной он изучал уже осточертевшую ему фотографию. Рекроз дипломатично молчал, так и не притронувшись к чаю. Герсен хотел было уже попросить его, чтобы он продолжал выдавать обнаруженную информацию, как вдруг ужасная мысль, казалось, вспыхнула в его сознании, идея настолько странная и ужасная, что в нее не хотелось верить — а что если вся десятка лиц, изображенная здесь, представляла собой Дексаду!!!!???

Герсен поднял ошеломленные глаза на Рекроза и через мгновение оценил, что значит слово «первоклассный сыщик», когда тот понимающе кивнул головой и словно читая мысли Герсена произнес:

— Та же идея пришла и мне.

Герсен мгновение помедлил. Рекроз, похоже, еще ничего не знал об отравлении черии, он, похоже, не знал и того, что номер шесть зовется Трисонгом. Поэтому он, бросая на стол снимок, поинтересовался:

¹ Институтция разделила своих сотрудников по Уровням, от I до III. Номер III — это Триединый. Номера 110 и 100 — всегда пусты. Уровни с 101 и 109 отведены сотрудникам, которые обособлены. Вместе с Триединым эти номера составляют Дексаду, хотя чаще Дексадой называется девять человек от 101 до 109 уровней. Трое сотрудников занимают уровень 99. Когда в Дексаде появляется вакансия, обычно по причине смерти, сотрудники выбирают одного из троих, имеющих номер 99, чтобы заполнить вакантное место.

Из трех лиц уровня 98 один выбирается на уровень 99. Аналогично протекает перераспределение мест и на последующих нижних уровнях, начиная с номера 90. Ниже уровня 90 нет предела числу лиц, принадлежащих тому или иному уровню.

Попасть на уровень 89 трудно. Занять позицию 99 еще труднее. Сотрудник, избирающийся на уровень 101 имеет хорошие шансы стать Триединым. Это вовсе не обязательно для уровня 99, где сотрудники, имеющие врагов среди членов Дексады, могут не быть избранными.

— Кто из присутствующих занимает здесь самое высокое положение?

Рекроз вновь уставился на потолок.

— Есть отшельник на Бонифэйсе, который предположительно имеет высокий уровень. Я слышал, он входит в Дексаду. Если это так, то на снимке не Дексада, так как на нем нет никого с Бонифэйса...

— Кто имеет самый высокий уровень на Понтефракте?

— Я точно не знаю. Разрешите, я спрошу Кондо, он занимается этими делами.

Рекроз переговорил по коммутатору со своим сотрудником таким тихим голосом, который лишь немного был громче шепота. Он сделал кое-какие заметки на листке бледно-розовой бумаги, потом отключил коммутатор и поднял глаза на Герсена.

Вырвав страницу из блокнота он передал ее Герсену, одновременно сообщив: — Ее имя Лета Гойнис. Она живет на Флаэрти Кресант, 17, в Брэй и, возможно, имеет уровень порядка 60 или 65.

Находясь в своем кабинете, Герсен сделал вызов по коммутатору. Прошло мгновение, потом невыразительный женский голос произнес:

— Лета Гойнис слушает.

— Извините за беспокойство, мисс, в столь позднее время. Мое имя Кирт Герсен и я хотел бы проконсультироваться у вас по делу государственной важности.

— Срочно?

— К сожалению, да. Для Институтции это может оказаться крайне важным. Если вы позволите, я приеду к вам прямо сейчас.

— Где вы находитесь?

— В офисе «Космополиса».

— Проедете «Транзитом» до Грей-узловой, а там кэб доставит вас на Флаэрти Кресант.

Когда Герсен приблизился к коттеджу № 17 по Флаэрти Кресант, дверь дома отворилась. Освещенная сзади, в дверном проеме стояла темноволосая, крепко сложенная женщина. Она быстро оглядела Герсена и отступила назад. Герсен вошел и дверь за ним закрылась.

— Проходите сюда, — сказала Лета Гойнис и провела его в гостиную. — Чай?

— Да, пожалуйста.

Она наполнила чашку и протянула ее Герсену.

— Садитесь, где вам будет удобно.

— Благодарю вас.— Герсен сел. Лета Гойнис осталась стоять; довольно красивая женщина в ранней зрелости, ее черные волосы были коротко подстрижены, глаза темные и смотрят прямо из-под черных бровей.

— В «Космополисе» Кирт Герсен неизвестен.

— По некоторым причинам я известен там под именем Генри Лукаса, работаю в качестве специального корреспондента.

— Вы сотрудник Института?

— Больше нет. Когда-то я обнаружил, что Институт и я часто находятся не в ладах друг с другом.

Женщина слегка улыбнулась и кивнула головой: — Итак?

Герсен протянул ей конкурсную фотографию.

— Вы видели это? Она опубликована в «Экстанте».

— Нет, никогда не видела,— произнесла женщина, внимательно разглядывая снимок.

— Что вы можете сказать о присутствующих на снимке?

— В общем-то ничего...

— Вы никого не узнаете?

— Никого.

— Это может быть Дексада. Этот джентльмен — Артемус Гадоу. Он является Триединым, что, как мне кажется, вы должны были бы знать.

Лета Гойнис кивнула.

— Я никогда не встречала его.

— Эти джентльмены...— и Герсен начал перечислять имена собравшихся.— Обратите внимание, вот Беатрис Атц, у нее уровень 103, вот Сабор Видол, у него уровень 99... вот Гизельман, уровень 106...— Герсен сделал паузу.

Лета Гойнис все поняла. И тут же следом продолжила: — Здесь не вся Дексада. Здесь только трое — номера 5, 6 и 7, которые, возможно, составляют уровень 99. В прошлом месяце мы потеряли Элмо Шуки. Этот банкет, как мне кажется, и происходит по поводу выдвижения на уровень 99.

— Выдвижения не произошло,— перебил ее Герсен.— Все, кроме номера 6, были отравлены черни.

Лицо женщины мгновенно превратилось в холодную маску презрения.

— Институт не только сильная, но и гибкая

организация. Был приведен в действие обычный регулировочный механизм.

— В данном случае, не все так просто, как кажется. Номер шесть просто отравил всех остальных. Его имя — Говард Алан Трисонг.

Лета Гойнис уставилась на фотографию: — Если это правда, то ужаснее ничего не может быть на свете, — прошептала она. — И похоже, что это все-таки правда... Как он достиг уровня 99?

— За счет обмана, вымогательства, угроз — по крайней мере, я так думаю. Конечно, он никогда не проходил последовательно через все уровни. Но позвольте мне задать вам один-единственный важный вопрос, ради которого, пожалуй, я и прибыл к вам. Какие члены Дексады отсутствуют на снимке? Кто они, и где их можно найти?

Лета Гойнис издала тихий холодный смешок.

— При сложившейся ситуации эта информация становится крайне важной, не так ли?

— Правильно. И я могу быть одним из подручных Трисонга.

— Или самим Трисонгом.

Герсен протянул ей визитную карточку Джоана Адделса.

— Позвоните этому человеку. Это местный бизнесмен с хорошей репутацией. Расспросите его обо всем, что вы хотите узнать обо мне.

Лета Гойнис подошла к коммутатору.

— Вначале я расспрошу кое-кого относительно самого Джеана Адделса.

Она разговаривала с кем-то, краем глаза следя за Герсеном. Потом позвонила Адделсу. Через некоторое время он ответил, страшно недовольный тем, что его разбудили.

Герсен извинился и представил Лету Гойнис: — Очень прошу тебя, ответь на все вопросы этой леди.

Женщина расспрашивала Адделса минут пятнадцать, потом медленно отвернулась от экрана коммутатора.

— Адделс дал вам превосходную характеристику. — Она задумчиво сделала глоток из чашки чая, затем произнесла: — Институт старается игнорировать обычные проблемы, случающиеся при взаимоотношениях людей... даже таких преступников, как Говард Алан Трисонг. Пока...

Она обхватила пальцами подбородок: — Да, я дам вам

необходимую информацию. Трое из Дексады, отсутствующие на снимке — это 101-й, 102-й и 107-й. Смерть 107-го была причиной собрания. 101-й живет на Бонифэйсе, в местности Атмор Вайлет. Его имя Двиддион и он сейчас наш Триединый, хотя, может быть, и не знает об этом... пока. Видите ли, он чуть ли не отшельник, он никого не хочет знать и не стремится к общению даже с друзьями... если они у него еще остались...

— А что вы можете сказать о номере сто втором?

Лета Гойнис засмеялась странным обманчивым смехом.

— Его звали Бенджамин Рок. Он утонул. На прошлой неделе его тело было найдено на побережье в Сало, около Дикого Острова.

Глава 8

Время стало внезапно решающим фактором, поскольку Двиддион, отшельник и новый Триединый, должен был представлять «насущенный интерес» для Говарда Алана Трисонга. И поэтому Герсен очень торопился поскорее оказаться в космосе.

Автопилот поднял корабль высоко над Алойзнусом и направил на орбиту Бонифэйса. Примитивный мир, где не было никаких сокровищ и нечего было грабить, оттого здесь отсутствовал всяческий таможенный контроль.

Герсен приземлился, не привлекая ничего внимания. Еще в полете он внимательно изучил «Веган Газеттер», но обнаружил только единственное неопределенное упоминание о Атмор Байлет. Горная цепь пересекала по диагонали район, называемый Мировой Мойл, в середине континента Св. Крослекера. Она называлась Скак, вдоль ее южной стороны протекала река Мьюг-до-Мьюг Вейл, где возле устья располагался город Боддули, который мог оказаться источником необходимой ему информации.

На поверхности Бонифэйса, затянутой облаками, подробности пейзажа проявлялись крайне слабо. Герсен вынужден был ориентироваться с помощью радиолокатора и вот сейчас он собирался садиться возле того, что на карте называлось городом Боддули.

Над Мьюг-до-Мьюг небо было чистым и поэтому Герсену не составило труда посадить «Фантомик Флайтлернинг» на равнине в четверти мили к востоку от города. Было около полудня. Герсен вышел из корабля, холодный ветер нес запах грязи и пыли.

От города приближались несколько существ, большой из которых подгонял меньших, которые ругались и ставили подножки своему погонщику. Все были одеты в грязные белые халаты, которые во время бега расходились, открывая бледные ноги и шишковатые колени. Их головы были узки, черты лица грубые. На макушке каждого рос пук перьев белого цвета. Первый из них приблизился и остановился в двух футах от Герсена, потом закричал:

— Я охранник! Я здесь главный, остальные — мои подчиненные! Я Киах, мне причитается гайутч!

— А это что еще такое? — удивился Герсен.

— Это плата мне! Я согласен на пять СЕВов или столько же книжек с картинками!

Остальные закричали нетерпеливыми голосами:

— Дайте ему книги в качестве гайутча! Хорошие книги, с бозерами! Бозерами йетча!

— Бозеры?

Вопрос вызвал у прибывших приступ удушающего хохота. Киах вытер губы и воскликнул:

— Бозеры, с обширными площадями и совсем без одежды. Йетч: они хорошие бозеры!

— Понимаю. — согласился Герсен. — А предположим, что я не заплачу ни денег, ни картинок с обнаженными бозерами тоже не дам. Что тогда?

— Тогда мои ребята, чьи безобразные рожи ты видишь, загадят кристаллы твоего фербератора и помочатся в твои воздухозаборники. Платите, и я уговорю их не делать этого!

— Но как ты можешь контролировать стольких подчиненных, — поинтересовался Герсен.

— Они знают, как! А ну, малый, расскажи, что я тогда сделаю, — обратился главарь к ближайшему подчиненному.

— Он засунет мою голову мне же в задницу. Он страшно умелый в таких делах... очень умелый и он знает, как это сделать!

Герсен кивнул:

— Хорошо, Киах, я вижу, что ты отлично делаешь свой бизнес. Все же, я думаю, что у меня есть кое-что для тебя. Обойди корабль и загляни в багажный отсек — там есть все для таких парней, как ты.

— А? — выдавил из себя самый маленький фоджо. — Там есть всякие приятные вещи, а?

— Такие же приятные вещи, как и всякие книги с бозерами, — серьезно кивнул Герсен.

— Вот это разговор! — закричал Киах. — Давайте, ребята, посмотрим!

— Прошу вас, сюда, — Герсен повел фоджо вокруг корабля. Открыв люк грузового отсека, он спустил лестницу. Потом, указав на Киаха, он приказным тоном сказал:

— Сначала будешь выбирать ты, только поторапливайся, у меня нет много времени на вас!

Киах вскарабкался по лестнице, преследуемый подручными. Герсен остался один, снаружи.

— Здесь совсем нет света, — закричал Киах. — Включи свет! Покажи нам бозеры!

Герсен ухмыльнулся и нажал кнопку на приборе дистанционного управления. В отсеке зажегся свет и тут же донесся резкий вопль разочарования, который уже через секунду обрел понятный смысл: — Эй! Здесь совсем ничего нет!

— Правильно, там ничего и не было. Но теперь там выводок молодых бездельников. Сейчас я отправляюсь по делам и оставляю вас здесь. Если вы будете безобразничать, я увезу вас в горы и выброшу там. Тогда сегодня вам уже не попасть домой к обеду. Следите за своим поведением!

Герсен убрал лестницу, закрыл и запер люк. Равнина, оказавшаяся заливым лугом, была окружена хорошим дренажем. Через одну из таких канав, заполненную вязким илом, Герсен вскоре нашел переход.

На окраине города он подошел к небольшому коттеджу. На крыльце стоял пожилой мужчина. Он занимался странным делом: раскладывал по трем кучкам камни, вынимаемые из мешка.

Герсен окликнул его: — Эй! Вы не могли бы указать мне Атмор Байлет? Я не могу отыскать его на карте.

Старик только отодвинулся в тень. Думая, что он не слышит, Герсен приблизился. Старик набросил тряпку на свои камни и, покачиваясь на длинных ногах как паук, заполз в какую-то щель под своим домом.

Герсен отвернулся и продолжил путь по дорожке к другому коттеджу, на вид более основательному, покрашенному свежей краской и новыми солнечными батареями на крыше. В воротах, сделанных в низкой стене, стоял человек, на голове которого была широкая коническая шляпа.

Герсен приблизился и привычно поздоровался: — Добрый день, сэр.

— Да, да, — откликнулся фоджо, важно растягивая слова.

Герсен махнул рукой в направлении коттеджа, от которого пришел.

— Отчего этот старик так нелюдим, что спрятался от меня?

Фоджо захихикал, видимо, вопрос Герсена показался ему очень наивным: — Он шахтер, разве это не ясно? Загляни под дом и ты увидишь, как в темноте светятся его глаза.

— Мне нужна небольшая информация. Где находится Атмор Байлет? На моей карте он не указан.

— Естественно. В Атмор Байлет Бугардог добывает александриты!

— Меня не интересуют александриты. Мне нужно найти человека, который живет там неподалеку. Вы можете указать мне, как туда добраться?

Фоджо сделал рукой жест, показывая в сторону города.

— Спросите у Бугардога.

— Я тороплюсь! У меня нет времени на встречи с этим вашим Бугардогом!

— Все проще! Как только он обнаружит ваш корабль на своем заливном лугу, тут же и состоится ваша встреча. Так что времени вы почти что не потеряете!

— Но все же что-то потеряю, не так ли? Вообще — так! Если вы не хотите заработать пару СЕВов, ну что же, придется подождать...

— Сколько?

— Я сказал, пару СЕВов...

— Придется вам подождать...

— Сто СЕВов! Помогите мне найти моего друга!

— Как вы сказали, он живет около Атмор Байлет? Этот тот отшельник из Баймонта?

— Он нелюдим, это верно.

— Атмор Байлет и Баймонт — опасные места и все из-за шахт Бугардога.

Из коттеджа послышался хриплый голос: — Возьми деньги, Линполд! Сделай, о чем тебя просят! Это не так уж и трудно.

Линполд не выразил благодарности за совет. Казалось, он потерял интерес к Герсену и стоял, неподвижно глядя на Мьюг Вейл. Небо очистилось от облаков, и Вега разлила ослепительный свет на казавшийся теперь не таким угрюмым ландшафт. Пейзаж прямо-таки оживился, наполненный солнечным светом: горы, виденные вдалеке, стали сине-черными с белыми шапочками, ущелья напол-

нились лиловым и сине-зеленым... Но уже через мгновение облака вновь затянули небо и свет Веги исчез. Линполд стоял неподвижно, заинтересованный внезапным великолепием и таким же внезапным его исчезновением, Герсен повернулся и пошел по направлению к городу: неправильному нагромождению каменных хижин.

В небе столкнулись два фронта облаков: идущий с востока и с запада. Они закружились и потемнели. Пошел дождь. Герсен обернулся. Линполд стоял в потоке дождя, как и прежде.

Герсен поспешил в город и спрятался под навесом магазина, торгущего различной механикой. Только таверна, казалось, работала в это время. Герсен подождал пару минут. Дождь продолжался, тяжелые серые капли падали на землю, мгновенно превращаясь в брызги света. Герсен увидел высокие фигуры, пригибающиеся под дождем, которые подошли к таверне; они задержались у дверей, отряхнулись от воды, потом вошли. На минуту дождь прекратился. Пользуясь затишьем, Герсен перебежал улицу и открыл дверь таверны.

Он оказался в длинной комнате со стойкой по одну сторону и столами по другую. Ряд высоких окон с пластинами желтой слюды вместо стекол пропускал унылый свет. За столами сидело несколько фоджо с бокалами, наполненными чем-то зеленым.

Когда Герсен очутился на пороге таверны все посетители замерли, повернув головы в его сторону — ряды невыразительных голубых глаз уставились на вошедшего. Все присутствующие носили шляпы, такие же головные уборы висели на шестах рядом с каждым из столов. Герсен вежливо кивнул собравшимся и подошел к стойке. Бармен, который стоял скрестив руки на животе, спросил:

— Что вам угодно?

— Мне нужно перекинуться несколькими словами с человеком по имени Бугардог. Где бы я мог его найти?

— Алоиза Бугардога здесь нет. А что вам от него надо, вы что, не можете без него обойтись? И почему вы не носите шляпу? Где ваши манеры?

— Простите, но у меня нет с собой шляпы...

— Это не имеет значения, тем более, что... Эй, а кто это еще там?

В таверну вошел человек, толстый и грузный, с заплывшими бледно-голубыми глазами, почти закрытыми щеками, румяными, как наливные яблочки. Он подошел

к ближайшему шесту, снял с него шляпу и ловким движением нахлобучил ее поверх своих взъерошенных волос. Герсен повернулся к бармену:

— Это Бугардог?

— Ха, ха! Право, это смешно, мой господин. Вы спрашиваете, почему мне так смешно? Если бы этот ваш вопрос услышал истинный Бугардог, он бы разгневался не на шутку. Нет, перед вам Луки Холлон. Он специалист по городским помойкам. Посмотрите на его руки. Они очень сильные, но до Бугардога им очень далеко! Что будете пить? Вам наверняка понравится наш горячий твирпс.

— А что еще вы можете предложить?

— Очень немногое. Нам хватает нашего твирпса. Кстати, вы когда-нибудь его пробовали?

— Нет,— покачал головой Герсен.— Будьте добры, сделайте мне одну порцию.

— Превосходно! Джонс! Порцию твирпса для этого приезжего господина! А сейчас, поскольку я уж начал заботиться о вас, позвольте мне придать вашей голове подобие приличия.— Бармен набил бумаги в грязную замасленную шляпу и водрузил ее на голову Герсена. Скептически осмотрев Герсена со всех сторон, он натянул шляпу почти ему на брови, так, что шляпа сначала перекосилась на одну сторону, а потом — на другую.

— Да, что-то не то...— пробурчал наконец бармен.— Но все же лучше, чем было, особенно если иметь в виду то, что вы хотите встретиться с Алойзу Бугардогом. Должен вам заметить, незнакомец, что Алойзу на редкость привержен мелочам жизни. Например, он никогда не ругается, чтобы не обидеть другого человека в Святой день, верите ли? Некоторые, правда, говорят, что в остальные дни он наверстывает упущенное... О, а это кто еще там?

В таверну вошел фоджо с огромной, пухлой, наподобие бочки, грудью, с лицом грубым и кривым, как древесный гриб. Герсен не удержался от вопроса:

— Может быть, это Бугардог?

— Ни в коем случае! Это Ширмас Боддл. Ширмас, что тебе?

— Как обычно: все равно больше ничего нет. Интересно, где это мое отродье? Он уже давно должен был явиться. Ну ничего, я еще наставлю ему синяков!

— Пей на здоровье, Ширмас. Сегодня ты что-то нервничаешь?

— Может быть, встретил кого-то по пути? Черт побери, хоть когда-то это кончится?

— Только Всевышний знает! Тихо! Слышишь его?

Ширмас оглянулся на дверь:— Это всего лишь гром... Хотя...— он поднял кувшин и сделал добрый глоток.— Ты разбередил мои нервы. Пойду за стол, там поспокойней...— И Боддл постарался побыстрее прошмыгнуть в темный угол.

Бармен оглядел «зал» и грустно покачал головой:— Страх — вещь непонятная и страшная, но его можно объяснить. Но что заставляет так пугаться этого парня, не понимаю...

И тут же в таверну ввалился еще один фоджо — его плечи заслонили весь дверной проем. Мощные накачанные мускулы покрывали его тело и создавалось впечатление, что голова его уже, чем шея. Рот вошедшего напоминал глубокую рану, а нос — выступающий хрящ.

Герсен вновь повернулся к бармену: — А это...?

— Да, это Бугардог и сегодня в его глазах пламя. Кто-то, наверное, страшно огорчил его и это может плохо для нас кончиться. Ваша шляпа сидит нормально?

— Надеюсь, что да. Он пьет?

— Еще как!

— Тогда побыстрее сделайте мне двойную порцию! —

И Герсен повернулся к вошедшему, который стоял, с хозяйским видом осматривая помещение. Встретившись глазами с Герсеном, он с преувеличением заворчал.

— Это что здесь такое в кривой шляпе и с лицом, как гаргуля?

— Друг из Понтефракта попросил меня найти вас. При этом он попросил меня посадить свой корабль на вашем заливноом лугу, так как, уверял он, вам будет приятно, что я предпочел именно вас, а не кого-то другого. Между прочим, я заказал двойную порцию ликера для вас.

Бугардог недоуменно уставился на Герсена, потом стремительно подошел к стойке бара, поднял одну кружку правой рукой и с такой же легкостью опорожнил ее в себя. Потом оторгнул и со стуком поставил посуду обратно на стойку.

— А теперь, к делу! Я не делаю исключений, поэтому заплати мне сейчас же за землю, беспокойство и спальное место! Ясно? Думаю, что сотни СЭВов хватит.

— Давайте сначала обсудим более важное дело,— ухмыльнулся Герсен.— Вы можете сейчас уделить мне пару часов?

— Для какого дела?

— Для доходного.

— Объясни!

— Около Атмор Байлет живет один человек, которого я должен как можно быстрее навестить!

— Это что, тот сумасшедший отшельник из Воймонта?

— Он вовсе не сумасшедший,— твердо произнес Герсен.— Например, он рекомендовал мне вас, как наиболее знающего окрестности, и в частности, Воймонт, так как поблизости находится ваша собственность.

Бугардог громко расхохотался.

— Не настолько близко, чтобы я пожелал riskовать своей жизнью в Воймонте. Заплати мне то, что с тебя причитается, и отправляйся себе хоть к черту на рога. Но должен тебя предупредить, что если ты хоть на шаг приблизишься к Атмор Байлет, ожидай моего сильного раздражения!

Герсен медленно кивнул.

— Хорошо, но тогда пойдем к моему кораблю. Я ведь не ношу с собой столько денег.

Бугардог нахмурился.

— И я должен проделать такой долгий путь под дождем только из-за того, что ты оказался таким дураком, что забыл деньги?

— Как хотите,— пожал плечами Герсен.— Можете подождать здесь. Я схожу и принесу деньги.

— Ха! — взревел Бугардог.— Я не дам себя надуть с такой легкостью. Пойдем! Но учти, дорога к твоему кораблю обойдется тебе в лишние 10 СЕВов.

— Минутку, минутку! — вскричал тут же бармен.— А кто заплатит мне за выпивку? Вы должны мне за ликер 3 куса!¹

Герсен положил монету на стойку и обернулся к Бугардогу:

— Давайте поспешим, пока не возобновился дождь.

Бугардог проворчал что-то себе под нос, но все же последовал за Герсеном. Они шли по тропинке под небом цвета спелой сливы, мимо коттеджа, около которого по-прежнему стоял Линполд, мимо хижины шахтера, которого нигде не было видно и вышли, наконец, на заливной луг.

Когда они приблизились к кораблю, Герсен остановил Бугардога:

— Подождите-ка здесь, я поднимаюсь на борт и принесу деньги.

— Не занимай мое время всякими глупостями! —

¹ Монета достоинством в 3/4 СЕВа.

заорал Бугардог. — А ну-ка, открывай! Тебе не удастся ускользнуть от меня, пока я не получу того, что мне причитается по праву!

— Фоджо очень подозрительный народ, — пробурчал Герсен, открывая люк и приглашая Бугардога следовать за ним.

Пройдя в рубку, Герсен открыл какую-то дверь, ведущую из рубки в какое-то помещение, и повернулся к фоджо: — Пройдите, пожалуйста, сюда.

Бугардог нетерпеливо протиснулся вперед и попал в грузовой отсек. Герсен захлопнул за ним дверь и зашелкнул замок. Бугардог слишком поздно понял свою ошибку и бросился назад к двери. Герсен приложил ухо к панели и с улыбкой слушал доносившиеся голоса. Продолжая улыбаться, он подошел к пульту управления, поднял корабль в воздух и полетел к Мьюг Вейл. Под ним словно серая змея извивалась река, текущая в южном направлении. Десять миль осталось позади. Герсен посадил корабль посреди луга, заросшего серебристой травой. Он выбрался из корабля и подошел к грузовому отсеку, открыл люк и позвал:

— А ну, ребята, отзовитесь!

Угрюмый голос тут же разрядил тишину:

— Что ты хочешь?

— Ребята, я удивлен, что вы там делаете?

Небольшая пауза, потом почти душераздирающий крик: — Лично я совершенно ничего не сделал!

— А ну, слушайте внимательно! Повторяю — внимательно!!! Ты здесь главный, не так ли, Киах, поэтому я собираюсь всех выпустить, но не тебя, дорогуша Киах! Потом мы осмотрим грузовой отсек. Если там будет что-то не так, я увезу тебя на сотни миль в горы. Там ты в одиночестве будешь чистить весь этот отсек, пока он не будет блестеть и благоухать, как розы Кью. Потом я отпущу тебя и каждый пойдет своей дорогой. Понятно?

Голос Киаха начал выдавать волнение главаря:

— Условия вполне приличные. Должен заметить, что тут и до нас были кое-какие беспорядки...

— Лучше вычистите все сейчас, пока у тебя есть помощники и ты находишься вблизи от дома!

— Но у нас нечем чистить! — Киах от отчаяния почти орал.

— На лугу есть вода. Можете использовать свои рубашки.

Киах издал целый поток приказов. Его парни горохом

посыпались на луг. Затем в люке показалась пара мускулистых ног, мощный торс и, наконец, на свет появился собственной персоной Алоиз Бугардог. Медленно он расправил плечи и полыхнул огнем глаз, зло уставившись на Герсена. Но тот достал излучатель и провел огненную черту чуть ли не через носки башмаков гиганта.

— Не надо глупостей,— улыбнулся Герсен,— я तो роплюсь!

Бугардог отступил на шаг, его лицо покраснело и сделалось мрачным. Герсен махнул оружием в сторону Киаха: — А ну-ка побыстрее! Я помню, как вы бежали сюда, когда корабль приземлился!

Спустя какое-то время Герсен поднял корабль в воздух, оставив на лугу разъяренную группу фоджо, лишившихся к тому же своих рубашек.

Бугардог теперь сидел в рубке, свободу его движений теперь ограничивали веревки. Желваки бегали под кожей его щек вверх и вниз, глаза казались щелками, горящими голубизной. Бугардог, совершенно очевидно, был не таким человеком, который отличается терпеливостью.

Герсен вывел корабль на уровень облаков и повернулся к фоджо:

— Так ты знаком с Двиддионом?

— С отшельником? Конечно, я знаю его. Он живет за Воймонтом, если двигаться от Атмор Байлет. Разве я не говорил, что этот парень сумасшедший?

— Сумасшедший он или нет, но мы должны увести его отсюда. Иначе, его убьют...

— Ну и что?

— Для меня это многое значит. Итак, как нам все же попасть в Ваймонт?

— Он находится там, за Сканом.

— Ориентиры, черт побери!

Бугардог издал стон раздражения:

— Причем здесь черт... все дело в этом идиотском старике, с его ружьем... Что если я откажусь принимать во всем этом участие?

— Тогда тебе конец!

Бугардог заставил себя подняться и заглянуть в иллюминатор.

— Воймонт лежит вон за теми тремя горными вершинами. Видишь ту черную тень? Это Притц, между ним и Воймонтом находится Эйри Галч. Видишь «дьявольский свет»? Это атмосферное явление, которое проявляется только вдоль Притца.

Герсен перелетел через вздымающиеся валы угрюмых черных гор, через внушающие благоговейный ужас скалы и пропасти. К западу маячил Притц. Светящиеся вспышки стали отчетливо видны.

Беспорядок перепутанных горных цепей остался внизу. Бугардог называл их подавленным голосом:— Фаггет... Зуб Морни, а вон там Атмор Байлет... Ханкартаун Граббл... гора Лукаста... вон там истоки реки Пурлег... теперь Воймонт...

Корабль пролетел над ущельем головокружительной глубины с серебряной ниткой воды на самом дне.— Под нами Эйри Галч,— проворчал Бугардог.

Начали снижение. Сквозь облака пробивались вспышки со стороны Притца. Герсен нетерпеливо поинтересовался: — Так где же Двиддион?

— Под нами, в Старом Эйри... Вон там, на выступе, где только безумец может жить...

Герсен подвел корабль поближе к Воймонту.

Бугардог указал пальцем с неровно обломанным ногтем: — Вон дом Двиддиона. Теперь, как я понимаю, я сделал все, что от меня требовалось. Тебе осталось только отвезти меня назад!

— Я сдержу свое слово, но ты останешься пока здесь на то время, которое мне потребуется для того, чтобы убедиться в том, что ты не врешь.

— Похоже, мне здесь не верят,— пробурчал Бугардог.— Ну что ж, похоже, я должен хорошенько треснуть тебя по башке, наплевав на твой чертов излучатель.

— Успокойся,— улыбнулся Герсен.— Это не займет много времени. В сущности, это даже в твоих интересах — чем быстрее, тем лучше.

Корабль подплыл ближе к стене гор. Дом Двиддиона был простейшей конструкцией: куб из соединенных вместе камней и стекла, прилепившийся ненадежно на выступе скалы. К северу выступ расширялся, загроможденный валунами, образующими сначала виадук в 100 футов высотой, потом небольшую площадку: место открытое и незащищенное от взора. К югу от дома выступ переходил в тропу, ведущую к расщелине. Там стоял небольшой черный летательный аппарат, а дальше, наполовину зарытое в землю сооружение, которое Герсен принял за какую-то мастерскую. Эта площадка была скрытой и незаметной. Герсен подвел корабль к аппарату Двиддиона и осторожно приземлился.

Бугардог насмешливо стал критиковать выбранное

Герсеном место посадки: — Ты что, в самом деле такой дурной? Почему ты не воспользовался более удобной площадкой около дома? Эта более узкая, неужели не видишь?

Герсен пожал плечами: — Некто направляется сюда, чтобы убить Двиддиона. И я не хотел, чтобы он знал, что нахожусь здесь.

Бугардог издал громкое фыркание: — Кому нужен этот твой старый дурак?

Герсен открыл люк и прыгнул на землю.

— Я не могу оставить тебя на корабле, парень,— обратился он к Бугардогу.— Все может случиться, так что пойдем-ка со мной!

Бугардог насупился и зло прошипел: — Нет, я останусь здесь и никуда не пойду!

— А ну, делай, что тебе говорят! — вскричал Герсен.— Я не могу зря терять с тобой время!

— Для сумасшедшего идиота любое потраченное время кажется потерянным,— парировал Бугардог.— Иди сам.

— Тогда тебя ждет грузовой отсек.

— Нет!

Герсен вытянул вперед руку: — Посмотри сюда! — Он сжал мышцы правой руки и на его ладони, как по волшебству, возник какой-то предмет.— Знаешь, что это такое? Нет? Это оружие известно под названием дадактор. Оно стреляет тремя видами стеклянных стрел. Самая слабая игла вызывает нестерпимый зуд на протяжении трех недель. Так вот, я использую несколько таких стрелок, если ты сейчас же не проследуешь в грузовой отсек!

— Ладно, убедил,— сказал Бугардог. Он тяжело вздохнул, рыгнул и тяжело прыгнул на землю.— Пойду посмотрю, чем заинтересовал тебя этот сумасшедший отшельник.

Герсен оглядел небо.

— Надо торопиться.

Он пошел по тропинке первым. Сзади ковылял Бугардог.

Дверь в дом отшельника была полуоткрыта и Герсен обнаружил, что из-за двери за ними наблюдает высокий худой мужчина. Когда Герсен ступил на порог, мужчина сделал шаг вперед и Кирт смог рассмотреть отшельника: впалые щеки, изящно обрисованный подбородок, черные глаза, с большими залысинами лоб, серовато-коричневые волосы — лицо, выражающее огромный интеллект и неве-

селый характер. Человек рассматривал гостей без любопытства.

Герсен решил сразу же взяться за дело:— Вы Двиддион?

— Да, это я,— голос мужчины был глубоким.— Я выбрал это место, так как испытываю сильное стремление к одиночеству, вам, надеюсь, понятны мои слова?

— Смерть — это тоже одиночество,— кивнул Герсен.— Я прошу вас выслушать меня. У нас очень мало времени.— И Кирт Герсен добавил:— Это Алоиз Бугардог, джентльмен в высшей степени благородный, который согласился провести меня сюда.

— С какой целью вы явились сюда?

Герсен снова осмотрел небо, но увидел только низкие облака, влекомые ветром.

Ветер завывал в расщелинах, обдавая их лица полужамерзшими каплями дождя. Двиддион издал звук нетерпения, втянул голову в плечи и скрылся в доме. Герсен и Бугардог последовали за ним.

Они оказались в главной комнате дома. Герсена поразили строгие пропорции, нейтральные цвета, предельно малые удобства. Двиддион холодно поинтересовался, не приглашая гостей даже присесть:

— Так могу ли я, наконец, узнать причину вашего появления здесь?

— Конечно. Вас уведомили относительно недавнего собрания Дексады на Диком Острове?

— Да. Я предпочел не посещать его. Видите ли, я считаю, что в споре с одним лицом мне не хватает убедительных доводов и мое присутствие там не показалось мне сколько-нибудь необходимым.

Герсен протянул фотографию:— Вы знаете этих людей?

— Конечно.

— И вот этого человека?

— Да, это Сайлас Спаркхаммер, уровень 99. Я считаю его умным, крайне изобретательным, неуравновешенным человеком и совершенно неподходящим для Дексады.

— Полностью с вами согласен,— кивнул Герсен.— Кстати, его зовут совсем не так, как вы сказали. Его настоящее имя Говард Алан Трисонг. Он отравил Триединого и всю Дексаду с помощью черии. Но два человека остались в живых — Бенджамин Рок, которого он уже убил, и вы, который теперь должен считаться новым

Триединым. После вашей смерти им станет Трисонг и поэтому он сейчас на пути сюда, чтобы убить вас.

Двиддион застыл, переводя взгляд с Бугардога на Герсена.

— Они все мертвы?

— Все.

— Гм...м. Я нахожу это просто невероятным.

— Не сомневайтесь. Это новость не из приятных. Но мы не можем терять времени зря. Вы должны уйти с нами... Герсен показал на дверь.

Двиддион отступил назад.

— Я ничего не знаю, у меня нет фактов. Я не могу поступать так необдуманно... Кто же тогда вы?

— Я расскажу вам все, как только мы поднимемся на борт моего корабля. А теперь пойдете, время не терпит!

Двиддион покачал головой.

— Нет, ни в коем случае. Это может оказаться ловушкой. Я не могу...

Герсен сделал знак Бугардогу: — Бери этого парня и выноси отсюда!

«Если спасти Двиддиона и увезти его, то можно было бы устроить засаду на Трисонга. Если повезет, все можно было бы закончить в этот день», — мелькнула мысль у Герсена.

Бугардог радостно осклабился, потом подошел к отшельнику и протянул руки.

Двиддион истошным голосом начал кричать, замахал руками и несколько раз плюнул на фоджо. Бугардог от негодования зарычал, схватил Двиддиона в охапку, перебросил его через плечо и повернулся к Герсену:

— А что теперь? Мне это уже порядком стало надоедать.

Герсен открыл дверь.

— Неси его на корабль и побыстрей. Хотя, я должен согласиться, что все это выглядит как-то не так...

Бугардог пошел по дорожке, сзади шел Герсен.

К дому двигались три человека, теперь они резко остановились. Человек слева был затянут в комбинезон из черного бархата. Его лицо было круглым и белым. Самым выдающимся местом на этом лице был нос, искусно украшенный к тому же золотой росписью. В центре стоял Говард Алан Трисонг, одетый в брюки зеленого цвета, сливово-красный пиджак, развевающийся черный плащ и черную шляпу. Справа находился мужчина, у которого

самой примечательной чертой на лице была черная борода, и который вызвал искреннее удивление Бугардога.

Трисонг крикнул веселым голосом:

— Хэй! Что здесь происходит?

Герсен вышел вперед и выставил вперед руку с дадактором. Выстрел пришелся в бедро Трисонга и тот тут же повалился на землю. Черный плащ взвился в воздух, скрывая тело Трисонга. Герсен упал на колено и вновь выстрелил, но Трисонг уже успел откатиться за валун, издавая из своего укрытия странные многоголосые крики.

Герсен выстрелил в чернобородого и убил его в тот самый момент, когда тот поднял свое оружие. Золотоносый упал на землю и выстрелил, попав в могучую шею Бугардога. Великан покачнулся и опрокинулся на Двиддиона, который едва почувствовав свободу, сразу пополз прочь. Из Бугардога фонтаном била кровь.

Герсен снова выстрелил. Золотоносый дернулся, изогнулся, закрутился на краю виадука. Герсен поднялся, осторожно пригнувшись, внимательно осматривая поле битвы. Трисонг прекратил вопить. Герсен пробежал несколько шагов и заглянул за выступ скалы, надеясь обнаружить там Трисонга. Но того уже там не было, очевидно, он поменял свое убежище.

Герсен пробежал, пригнувшись, через виадук. Краем глаза он заметил какое-то движение и бросился плашмя. Молния промелькнула в воздухе в футах над его головой. Герсен выстрелил в ответ и золотоносый, нелепо дернувшись, начал медленно падать вниз по склону и наконец, исчез в темноте глубоко внизу.

Герсен снова взобрался на виадук, как раз чтобы увидеть, как маленький аппарат подымается с посадочной площадки и уносится в небо. Говард Алан Трисонг не прятался в валунах, он прополз между скалами и нашел путь к спасению.

В течение десяти секунд Герсен смотрел вслед аппарату. Трисонг был так близко, и вот сейчас он уже так далеко. Все планы поимки этого негодяя оказались несостоятельными, к тому же, бедняга Бугардог мертв.

Герсен повернулся к Двиддиону, который сейчас стоял возле своего дома и со скучающим выражением на лице смотрел на поле битвы.

— Ступайте на корабль, — грубо приказал Герсен. — Мы должны сейчас же покинуть это место.

— Я не вижу причины...

Герсен разозлился и потерял контроль над собой: — Это был Алан Трисонг! Он приходил, чтобы убить вас! Он улетел на этом катере. Где-то, не очень далеко, находится его корабль, возможно, этот негодяй уже попал на него. И вот тогда у нас уже не останется времени. Этот корабль не оставит здесь живого места и вместе с вашим домом будете уничтожены и вы!

Двиддион пожал плечами с выражением фатализма, но больше уже не протестовал.

Корабль Герсена поднялся в небо и полетел на запад. Из облаков вниз промелькнул в сторону Воймонта спускающийся черный корпус.

— Это его корабль. Трисонг ужасно торопится.

— Я ничего не понимаю,— пробормотал Двиддион.— Это возмутительно, что я, который искал только уединения, могу быть беспокоен, принужден и поставлен в затруднительное положение.

— Печально,— кивнул Герсен.— Все же, если это хоть как-то сможет вас утешить, должен сказать, что мы разрушили замечательный план Трисонга и к тому же ранили его в ногу.

— Какой еще план?

— С вашей смертью он становился Триединым. Он уже попытался сделать что-то подобное в «Интергалактополе», но потерпел неудачу. Он руководит преступной деятельностью почти на всех обитаемых планетах. В этом источник его силы. За несколько лет он мог бы стать императором Ойкумены...

— Гм...м. В Понтефракте, еще до того, как закончится этот день, я назначу новую Дексаду. Этот человек страдает манией!

— В этом он весь!— Герсен вспомнил крик Говарда Трисонга, крик, в котором отражались многие голоса.— Он представляет собой нечто странное, это точно.

Глава 9

Позже, всю жизнь Герсена преследовали три воспоминания, связанные с домом Двиддиона в Воймонте, заслоняющие яркими образами все остальное:

Во-первых, сам Притц, окруженный тысячами ужасных сверкающих молний... И Эйри Галч, открытый ветрам и грому...

Во-вторых, труп Бугардога, лицо, выражающее удивление неожиданной трагедией, лицо залитое кровью...

В-третьих, странное и удивительное воспоминание: многоголосый крик мольбы и угрозы, исторгнутый Говардом Трисонгом, когда он лежал среди скал: «...такая боль!», «...не важно, не важно...», «...это бешеная собака, кто знает его?», «я не знаю, я не знаю», «...зеленый Мьюнасе!»

«Фантомик Флайтлернинг», корабль Герсена, находился на орбите Веги. Двиддион сидел в оцепенении, полный обиды, рот покривился, лицо стало мрачным. Постепенно он стал бросать взгляды в сторону Герсена. Но тот сидел молча, занятый своими собственными проблемами.

Наконец, Двиддион нарушил тишину. Величественным голосом он произнес: — Мне было бы интересно узнать причины вашего вмешательства в это дело!

— Здесь нет большого секрета, — сказал Герсен. — Все очень просто. Я испытываю некоторую неприязнь по отношению к Трисонгу.

Двиддион скорчил кислую гримасу.

— Некоторую неприязнь, да? Очевидно, вы были серьезно обижены... Ладно, не важно, я должен испытывать чувство благодарности к вам, не так ли?

— Возможно...

— А, так вы согласны? Тогда разрешите мне выразить вам свою признательность... Я, может быть, был в одиночестве слишком долгое время. Сейчас, когда вся Дексада уничтожена, у меня нет больше причин для уединения. Секрет известен теперь только мне.

Двиддион сел, размышляя и дергая себя за длинные белые пальцы. Теперь, когда он начал говорить, он обнаружил, что трудно удержать в себе поток слов.

— Вы, наверное, удивлены, почему я выбрал уединение? Ответ прост — от горечи и разочарования. Да, если хотите, я знал Секрет. Возможно, я был неопытным, возможно, наивным, но никто и никогда не мог упрекнуть меня в недостатке рвения. Еще никогда не было такого «суотомана»¹. Очень рано я был избран в ранг Экземпляра. И проводил все свое время в поездках. Я посетил многие планеты, изучив бесчисленное множество мест. Что только я не видел?! Веренская, Потоп, Долгие Холмы, Старый Дом, Прерии, Зеленые Звезды! Да, да, Зеленые Звезды!

¹ Термин Институтции: лицо, которое всеми силами старается как можно скорее взойти вверх по уровням.

Я сидел в тюрьме в Тресках. Факторы Болвордича кружили мне голову на Конопусе! Я был жителем Фуортермена в Басконделлях. Может быть, вы помните крестовый поход в Мире, на южном континенте Альфанора?

— Нет.

— Я возглавлял этот марш и мы совершили великие дела, правда, не обошлось и без страданий. О! Когда я вспоминаю этот тяжелый труд, жару и унижения, не говоря уже о насекомых, ползучих гадах и другой мерзости! Но мы все же дошли до Кэттлсбери и выиграли день... Каким далеким кажется все это! Я очень быстро прошел уровни от пятидесятого до шестидесятого. Я возглавлял компанию против уритов на Мирфиле. Я был офицером связи на Испании, в ее битве с Янусом. Я имел дело с Лигой Естественных Джунглей в Арманголе. Все считали меня образцом преданности Институту. Я был награжден всеми мыслимыми наградами, мои идеалы считали лучшими из всех возможных идеалов. Мой уровень не престанно взлетал вверх — и наконец, я, кажется, достиг самого верха. Я начал заниматься политикой. У меня стало появляться время на отдых, время на размышления. Я начал контролировать Дексаду. Я следил за их рассуждениями и посещал их банкеты, я начал диктовать им их линию поведения. Ведь у меня был номер 99! Нет, нет, я не входил в Дексаду, да это мне и не было нужно, ведь все, что я считал нужным делать, я исподволь втолковывал членам Дексады. Но время шло и я начал считаться Кандидатом и встретил других 99-х, моих соперников, равных мне. Одним из них был Бенджамин Рок, который был похож на меня, он получил свой статус подобным же образом. У нас было много общего, хотя я и не испытывал к нему полного дружелюбия. Впрочем, это вообще вряд ли было возможным в условиях, когда три человека претендуют на место в Дексаде. Вы улыбаетесь, уловив в моих словах неискренность! Да, я не рвался в Дексаду, но когда есть другие претенденты, амбиции берут вверх. Третий 99-й называл себя Спаркхаммером. Вот этого человека я не смог понять. Он не поддавался обычным методам анализа. Одновременно, я находил его обаятельным и отталкивающим, располагающим к откровенности и приводящим в ярость. Он проявлял и компетенцию, и смелость, в его действиях сквозила мысль. Он, конечно же, был первым претендентом в Дексаду, если бы не некоторая разбросанность. Да, оба они, и Бенджамин Рок и Сайлас Спаркхаммер мечтали о Дексаде — Спарк-

хаммер почти до бесстыдства. Клод Фри, уровень 104, погиб в джунглях Канкали. Дексада проголосовала за Бенджамина Рока, а на новую вакансию 99-го выдвинули Сабора Видола. Спаркхаммер почти не скрывал своей ярости. Всего лишь две недели спустя погиб Хассамид. Я был выдвинут в Дексаду, а место 99-го занял Иан Вилфред. Спаркхаммер тепло поздравил меня и это меня озадачило. Ведь это я перебежал ему дорогу, а если еще принять во внимание, что Дексада для меня ничего не значила... И вот, когда я оказался в Дексаде, что-то во мне перевернулось. Внезапно я понял, что сила и достоинство Институтции лежит не в целях, не в ожидании достижения этих целей, а в управляющих функциях как системы, в которую лица, подобные мне, могли бы вкладывать свою энергию. Я вдруг изменился в течение очень короткого времени...

Двиддион сделал паузу, как бы обращаясь к собственным воспоминаниям, на его губах заиграла слабая улыбка. Герсен поинтересовался: — Вы сказали, что переменились, когда вошли в Дексаду. Не было ли это изменение слишком резким?

— Да... Собственно, почему бы мне и не рассказать вам об этом? Ко мне обратился Боб Мартиллото, 105-й. Он сказал: «Двиддион, теперь вы в Дексаде. Излишне говорить, что вы по праву получили свой уровень. Но как нового человека, я хотел бы спросить, не заметили ли вы в своей оценке Дексады того, что я называю трансцендентальным спокойствием?»

— Да, я заметил что-то в этом роде. И отнес это к возрасту членов Дексады.

— По-моему, это объяснение неправомерно. Прыжок от 99-го уровня к 101-му значит гораздо больше, чем, скажем, от 70-го до 99-го. Это потому, что Дексада владеет Секретом, в который я должен сейчас посвятить и вас. В Дексаде вы приобщаетесь к новой идеологии, содержащейся в Секрете.

Затем он рассказал мне этот Секрет и на это у него ушло секунд десять.

Потом я сказал: «Сэр, я не могу поддержать ваших взглядов и в Дексаде не останусь. Короче, я навсегда ухожу из Институтции».

— Невозможно! Вы присягали служить нашему делу на протяжении всей своей жизни!

— До свидания,— сказал я.— Больше вы меня не увидите.

— Куда вы пойдете?

— Туда, где никто не сможет меня найти.

Мартилетто не выказал ни удивления, ни негодования. Он казался даже удовлетворенным.

— Хорошо, поступайте, как знаете. Одиночество может благотворно повлиять на вас.

И я ушел. Должен сказать, что я нашел свое одиночество. И до сегодняшнего дня у меня был самый мирный период в жизни.

— А что это за Секрет?

— А это я уже рассказал вам. Дексада понимает общество, как стасис, состоящий из трех элементов. Верхом гуманизма считается Институтция и Дексада. Гуманизм и Институтция считаются противоположными силами в положении динамического равновесия. Дексада функционирует с целью поддерживать напряжение в обществе и предотвращать возможное преобладание одних сил общества над другими. Таким образом, Дексада часто выступает в оппозиции к Институтции, создавая ситуации постоянного противостояния. Вот и весь Секрет.

— Теперь вы Триединый, и вы будете собирать новую Дексаду. Как вы теперь будете воспринимать подобную точку зрения?

Двиддион издал короткий смешок.

— Я открыл в себе что-то новое. «Секрет» смутил меня. Я анализировал самое себе в течение 32 лет: ревностный зубрила, простофиля, которого полностью контролирует Институтция, благоговевший перед ней, который только делал вид, что не хочет быть членом Дексады, а на самом деле только и стремился туда. Потом, на свою голову, я узнал Секрет. Теперь я Триединый. И я должен либо передать этот Секрет следующим членам Дексады, либо ЭТО умрет вместе со мной.

Герсен кивнул.

— Да, это проблема. Но должен вам напомнить, что вы до сих пор не отделались от Трисонга. Сегодня ему помешали убить вас, но что будет завтра? Думаю, что Трисонг уже задумался о мести...

— Мести? — закричал Двиддион так эмоционально, чего Герсен никак не ожидал от него. — Какой мести? Он пришел, чтобы убить меня! Так? Значит, это я должен мстить за смерть своих товарищей по Институтции!

— Позвольте мне дать вам один совет, — кивнул Герсен, — в Понтефракте вы должны публично выступить с разъяснениями по поводу недавно прошедших событий.

Тогда роль Сайласа Спаркхаммера, 99-го, по уровню Институтции, больше непригодна для Трисонга.

— Правильно! Я тоже пришел к такой же мысли...

— Тогда, чем скорее, тем лучше! В сущности, прямо из космопорта мы можем позвонить в «Космополис».

Глава 10

Герсен спреем нанес на кожу лица желтый оттенок, надел парик с черными локонами и облачился в изысканный костюм, чтобы снова стать похожим на лощеного аристократа Лукаса.

Он пересек площадь Тара. День был серым, в воздухе висела дымка тумана. Обитатели Понтефракта вяло проходили мимо. Их черные и коричневые костюмы словно были едины с мокрым камнем и старым черным железом.

Герсен повернул на Корриб Плейс, остановился, чтобы осмотреть офис «Экстанта». Ничто, казалось, не изменилось. Старое строение, черное и грязное, оно выглядело так же безмятежно, как и всегда. Его отсутствие измерялось часами, но психологическое время казалось гораздо большим... Он перешел улицу, вошел в здание и прошел прямо в рабочую комнату конкурса. Там он объявил, что конкурс завершен — работа была практически завершена. Мисс Инч все же поинтересовалась, как заметка в «Понтефракт Клариион» отразится на результатах конкурса.

— Надеюсь, что никак, — ответил Герсен. — Нам повезло, что сегодня мы заканчиваем. В противном случае мы могли бы получить еще массу писем.

— Тем не менее, мы все же достигли определенных результатов?

— Вполне.

С этими словами Герсен повернулся и хотел было выйти из комнаты, но мисс Инч снова окликнула его: — Кстати, мистер Лукас! Здесь мы получили одно интересное письмо. По крайней мере, я считаю его крайне интересным, и поэтому отложила его для вас. Видите ли, оно касается шестого номера. — Она протянула Герсену листы бумаги.

— Спасибо, мисс Инч. — Герсен тут же прочитал письмо. — Интересно! — Он вторично перечитал бумаги. — Мне кажется, что на результаты конкурса не повлияет тот факт, что газеты сами установили настоящее имя господина Спаркхаммера...

— Я тоже так думаю. Так конкурс оказался очень своевременным. Неужели бывают такие совпадения?

Герсен вежливо улыбнулся.

— В случае, если кто-нибудь будет спрашивать, мы все потрясены новым поворотом событий, не так ли?

— Думаю, что никто спрашивать и не будет, но, по крайней мере, многие будут удивлены таким совпадением.

— А, пусть,— отмахнулся Герсен.— Во всяком случае, такая реклама будет только на руку «Экстанту».

Герсен прошел в свой кабинет. Элис тихо сидела за своим столом. Она была одета в просторную черную блузку и жилет, ее рыжие волосы были зачесаны назад. Увидев Герсена, она быстро сделала произвольное движение к газете, лежащей на ее столе, но потом остановилась.

— Доброе утро, мистер Лукас.

— Доброе утро, Элис. Вы, очевидно, уже в курсе последних новостей?

Девушка не стала притворяться.

— Да.— Она посмотрела на газету.— Это очень интересно.

— Не более чем?

Элис в ответ только пожала плечами.

Герсен произнес:— Трисонг — ужасный человек. Он является одним из «Демонов Тьмы»!

— Я слышала это имя,— прошептала девушка.

Герсен продолжал, словно не слышал ответа Элис: — Там упоминается имя Бенджамина Рока и утверждается, что он утонул в море. Надеюсь, что это имя вам незнакомо?

Элис посмотрела на Герсена потемневшим взглядом и через мгновение отвернулась.

— Нет... я очень близко знала этого человека...

— Примите мои соболезнования, дорогая. Поверьте, мне очень жаль, что ваш знакомый так глупо погиб.

Элис ничего не ответила. Герсен подошел к своему столу, сел на стул и стал внимательно рассматривать профиль Элис.

Девушка бросила быстрый взгляд на Герсена и вновь отвернулась.

— Ну хорошо, видите ли, моя дорогая, я все же не оставил мысль о том, чтобы встретиться с Аланом Говардом Трисонгом,— подал голос Герсен.

Подбородок Элис упрямо взметнулся вверх. Она отрывисто бросила: — Почему?

— Теперь он уже нечто большее, чем объект для интервьюирования.

Элис вернула подбородок в прежнее положение.

— Вы думаете, что будет умно публиковать подвиги такого человека?

— Конечно! Раньше, или позже, но он плохо кончит. Как действуют подобные люди? Каковы их мотивы? Как он относится к самому себе?

— Он никогда бы не позволил вам написать о нем недостойные вещи!

— Он мог бы написать свой собственный вариант. Что касается конкурса и убийств — такие темы подняли бы наш тираж до сотен миллионов экземпляров.

Элис резко встала.

— Я себя плохо чувствую. Если для меня ничего нет, я хотела бы отдохнуть час-другой.

— Как хотите, — кивнул Герсен. Он дипломатично встал. — Надеюсь, вам скоро станет лучше.

— Спасибо. — Последний раз бросив на Герсена быстрый взгляд, скептический и сомневающийся одновременно, Элис покинула контору.

Герсен сел за стол, достал письмо, врученное ему мисс Инч и перечитал его в третий раз.

«Заведующему конкурсом «Экстанта».

Пожалуйста, считайте это письмо моим участием в вашем конкурсе.

Я могу точно назвать имя одного лица, представленного на вашей фотографии. Это дает мне право претендовать на 1/10 от призовой суммы. Это лицо, обозначенное под номером шесть, родилось в Стране Маукиша. Мать назвала его Говардом Аланом в честь телевизионного клоуна Говарда Алана Токфинна, и Арблезингером в память о ее дяде. Таким образом, полное имя этого человека Говард Алан Арблезингер Хардоа. Он не был примерным сыном и покинул нас еще в юношеском возрасте. Я слышал: что ему сопутствовал успех в жизни и надеюсь, что встречу с ним на школьном вечере Встречи, куда он был приглашен.

В любом случае, я думаю, что правильно назвал имя этого человека и поэтому буду надеяться, что получу свою долю из конкурсных денег.

Меня зовут Адриан Хардоа.

Хоум Фары, Глэдбитук.

Страна Маукиша, Моудервельт,

Звезда Ван Каата».

Герсен мгновение помедлил, потом позвонил в Информационную службу.

Он узнал, что Моудервельт — это единственная населенная планета Звезды Ван Каата. Планета была несколько больших размеров, чем Старая Земля, с единственным континентом, протянувшимся на 2/3 длины экватора. Мир был очень старым и поэтому практически равнинным. Моудервельт был сначала колонизирован небольшими группами людей: религиозными сектами, кланами, спортивными ассоциациями, философскими обществами и т. п.

Они быстро истребили расу, заселявшую планету, разделили землю, установили границы для своих тысячи пятисот шестидесяти двух областей, и столетиями занимались собственными делами. Страна Маукиша занимала часть Прерии. Столица Клоути имела население три тысячи человек. В восьмидесяти милях к северу, в Флатер Таунсип на берегах реки Лиггал находился Глэдбитук с трехтысячным населением. Маукиш был основан приверженцами Чистой Правды: последователи этого Учения были любителями космических путешествий, поэтому ближайший космопорт лежал в трехстах милях к югу, в Феобалд Стайни, Стране Леландера.

Герсен отвернулся от коммутатора. Говард Трисонг родился деревенским мальчиком в одном из наиболее спокойных уголков Ойкумены. Герсен решил после скорых размышлений, что этот факт не имеет существенного значения.

Он вновь повернулся к коммутатору и связался с номером четыреста сорок два в гостинице «Святая Дайармида». Элис должна была вернуться в свой номер примерно в это время.

Его расчеты оправдались. Он услышал, как открывается дверь, потом шаги Элис, когда она шла по комнате. Несколько минут она ходила взад и вперед по комнате, потом села в кресло.

Она сидела минут пять, размышляя. Потом он услышал ее голос, говоривший решительно и твердо:

— Это Элис Рок.

Минутная пауза. Затем Говард Трисонг ответил скрипуче и резко:

— Да, Элис, Я слушаю тебя. Что ты смогла сделать?

— Все, что было возможно.

— Меня удовлетворяет только достигнутое.

— Где мой отец? Если верить газете, то он мертв.

— Не спрашивай меня. Докладывай.

— Я могу сообщить только то, что вы уже знаете. Мистер Лукас снова говорил мне, что он хочет взять у вас интервью.

Голос стал еще более резким:

— Он знает, что у тебя есть контакт со мной?

— Конечно, нет. Он такой же бездушный, как и вы. Он хочет опубликовать вашу биографию или вашу автобиографию, чтобы иметь возможность увеличить до ста миллионов тираж своего журнала.

— Он считает меня альтруистом?

— Сомневаюсь в этом, но я просто сообщаю его слова. Поступайте так, как считаете нужным.

— Это точно.

Элис помолчала, потом спросила:

— Конкурс завершен. Я выполнила условия нашего соглашения. Мой отец действительно мертв?

Голос Трисонга, снова изменившийся, стал еще более грубым, резкость еще более заметна:

— Теперь ты знаешь мое имя.

— Да.

— И ты знаешь, кто я.

— Я слышала о вас.

— Может быть, ты догадалась о моих планах?

— Вы планировали стать Триединым в Институтции.

В голос Трисонга вернулась скрипучесть:

— Этот план был расстроен. Кто был Бенджамин Рок? Что он значит? Естественно, он мертв, и почему я должен беспокоить себя этим? План разрушили журналисты и их конкурсы.

— Значит, его нет в живых?

— Кого? Рока? Как может быть иначе?

— Вы уверяли меня в другом.

Раздражающий смех.

— Люди верят в то, во что хотят верить.

— Мы с вами в расчете.

— Иди своей дорогой. Ты разрушительно красива. Ты внесла разногласия в цвета моей души. Красный пылает страстью, Синий чувствует меланхолию, Зеленый вызывает у меня боль. Но ничего не выйдет: я оскорблен и страдаю. Нет времени, к тому же ты замарала себя — переспала с журналистом. Допускаю, что по моему приказу, но все равно мне неприятно.

— Мне вынесен жалкий приговор, — колко сказала Элис.

Когда Трисонг ответил, голос его был суровый и сердитый:

— Я уезжаю. Вега не принесла мне удачи, да и никогда не приносила. Я ранен и испытываю боль, но вскоре я поправлю свои дела — и тогда!.. Моя боль возместится тысячекратно.

— Что с вами случилось? — Элис говорила с неподдельным интересом.

— Мы встретили засаду. Демон в образе человека выскочил из дома Двиддиона и прострелил мне ногу.

— Я думаю, вам следовало ожидать подобной вещи.

Трисонг, казалось, не заметил замечания. Снова короткая пауза, потом он заговорил новым голосом, умным и притягивающим:

— Конкурс «Экстанта» заканчивается завтра?

— Нет, сегодня.

— Так и нет победителя?

— Да.

— Тогда выслушай инструкции: больше не звони мне.

— Я свободна от вас. Оставьте ваши инструкции при себе.

Трисонг игнорировал то, что его прервали.

— Продолжай, как и раньше...

Но тут связь прервалась.

В полдень Элис вернулась в контору, она выглядела бледной и усталой.

— Надеюсь, вы чувствуете себя лучше? — спросил Герсен.

— Да, спасибо, — она прошла к своему столу и села. Она переделалась в серо-зеленое платье с кружевным белым воротничком, ее рыжие волосы были в легком беспорядке, напоминали какой-то экзотический цветок, подумал Герсен. Она заметила его внимание и быстро взглянула на него.

— Что я должна делать?

— В общем-то, работы нет. Конкурс завершен. События развивались крайне интересно, как вы думаете?

— Да, это так.

— Все-таки, это не более, чем ограниченный успех. Трисонгу не удалось возглавить Институтацию. Но с другой стороны, он жив и его карьера продолжается. Ваш отец умер, это ваша личная трагедия. Если вы знали,

что Спаркхаммер был Трисонгом, то вы не могли рассчитывать ни на что другое.

Элис развернулась в кресле и уставилась на Герсена.

— Как вы узнали, что Бенджамин Рок был моим отцом?

— Это из ваших собственных слов,— сказал Герсен. Он несколько неубедительно улыбнулся.— Это было для меня не очень-то приятно, но я записал ваши переговоры с Трисонгом.

Элис сидела в кресле, похожая на статую.

— Значит, вы знали...

— С самого того момента, как вы вошли в контору. Даже раньше. Я узнал это, когда увидел, как вы переходили улицу.

Элис внезапно порозовела.

— И вы должны были знать...

— Да.

— И все же...

— Что бы вы подумали обо мне, если бы узнали, что я воспользовался вами?

Элис изобразила на своем лице напряженную улыбку.

— Какая разница, что я думаю?

— Я не хочу, чтобы вы потеряли уважение к себе, особенно по ложным причинам.

— Это беспредметный разговор,— сказала Элис.— Будет идиотизмом оставаться здесь дольше.

— Куда же вы направитесь?

— Куда угодно. Или я не уволена?

— Конечно, нет! Я восхищен вашей храбростью! Когда я оглядел комнату, мне было приятно увидеть вас, сидящей здесь, больше того...

Раздался сигнал настольного коммутатора. Герсен нажал кнопку, голос из динамика сказал:

— Говард Алан Трисонг вызывает Генри Лукаса.

— Генри Лукас слушает. У вас есть видеоканал?

— Конечно.— На экране возникло изображение: лицо с высоким лбом, чистыми светло-кариими глазами, приятным прямым носом, длинным подбородком, широким тонким ртом. Герсен надвинул парик почти на глаза, полуприкрыл веки и опустил челюсть, изображая аристократическую истому. Элис смотрела на него с сардоническим выражением, ей явно понравилось, как Герсен меняет свой облик, чтобы показаться Говарду Трисонгу.

Два человека изучали друг друга. Трисонг заговорил глубоким плавным голосом:

— Мистер Лукас, я следил за вашим конкурсом с большим интересом, ибо, как вам известно, на фотографии изображен и я.

— Я это понял. Это вызвано естественным интересом к событиям.

Трисонг сказал с легкостью в голосе:

— Я не уверен, хотели ли вы, или нет польстить мне.

— Что касается этого случая, то ведь я журналист, как это сказать, автомат, что ли, без личных чувств.

— Если так, то вы необычны. Но неважно. Пока вы не завершили конкурс, я хочу предложить вам мое собственное решение вашей загадки. Будьте добры, запишите мой ответ, или лучше попросите вашу поразительно красивую секретаршу сделать это.

Герсен сказал задумчиво:

— Я сомневаюсь, что все это может считаться законной процедурой. Все остальные ответы прибыли к нам в письменной форме.

— Вы не ставили условий по этому поводу, так почему же устный не считать действительным? Я могу использовать призовые деньги не хуже всех остальных.

— Действительно. Даже церемония награждения вскоре состоится. Если вы будете признаны победителем, могли бы вы приехать, чтобы получить приз?

— Я думаю, что это будет несколько затруднительно для меня. Если, конечно, церемония не будет происходить где-нибудь в далекой Глуши.

— Это, с нашей точки зрения, будет слишком хлопотно.

— Тогда вы должны прислать деньги по адресу, который я назову. А теперь примемся за идентификацию.

— Да, да... Элис, ведите запись.

— Я буду называть в порядке ваших номеров. Один — это Маррод Йест. Два — это кислая старая карга Диана де Тренбаскд. Три — дородная Беатрис Ату. Четыре — это многоречивый Иан Бидфред, чей острый язык теперь, увы, неподвижен. Пять — сверхстарик Сабор Видол. Шесть — лицо известное в данном случае, как Спаркхаммер, но более известен под именем Говарда Алана Трисонга. Семь — это Джон Грей. Восемь — это Редоу.

Девять — Гизельман, десять — Мартилетто. Надеюсь, что я первый правильно назвал всех.

— Боюсь, что нет. Вскоре после того, как было опубликовано разоблачение Двиддиона, большое количество ответов поступило в нашу контору с правильной идентификацией.

— Ба! Жадность неудержима повсюду. Еще очко в пользу Двиддиона.

— Кое-что все же можно поправить. Я хочу опубликовать вашу биографию. Вы — уникальная индивидуальность, и ваши воспоминания будут интересны нашим читателям.

— Об этом стоит подумать. Я часто испытываю нужду в выражении своих взглядов. Общество воспринимает меня как преступника. Совершенно ясно, что я — образец совершенства. По самой природе своих знаний я создал новую категорию, в которой только я могу разобраться.

— Общий интерес не уменьшится в любом случае.

— Я должен это тщательно обдумать. Я не люблю говорить, что буду в определенном месте в определенное время.

— Если вы вникните в мои условия, то поймете, что необходимость в бдительности — это одна из невыгодных сторон моего дела.

— Мне тоже так кажется.

— Естественно, народ не примет благосклонно мои излияния, они посредством этого навлекут на себя наказание. Это уже точно. Я мелочен в отношении наград и наказаний, уверяю вас. Разве Космос — не наиболее полное приключений место? Разумеется! И поэтому я совершенно необходим.

— Все это привлечет наших читателей. Надеюсь, вы согласны на интервью?

— Посмотрим. В данный момент я стеснен временем. У меня дела на отдаленной планете, необходимо мое присутствие. Пока все.

Экран погас. Герсен откинулся на стуле. У Трисонга, кажется, гибкая диспозиция.

— Он меняется каждую минуту. Он ужасает меня. И все же я надеюсь увидеть его еще, по крайней мере, один раз.

Герсена заинтересовал ее тон.

— Почему?

— Я попытаюсь убить его.

Герсен поднял руки. Узкие плечи пиджака стесняли

его движения. Он снял его и отбросил в сторону. Затем он снял парик и кинул его на пиджак. Элис наблюдала за ним, но не делала никаких замечаний.

— Он осторожен,— сказал Герсен.— Мне повезло единственному раз выстрелить в него в Боймонте.

Удивленным голосом Элис спросила:

— Кто вы?

— В Понтефракте я известен как Генри Лукас, журналист «Космополиса». Иногда я использую другое имя и занимаюсь другими делами.

— Почему?

Герсен поднялся, прошел через комнату к ее столу. Он обнял ее и поцеловал ее лоб, ее нос, ее губы, но она оставалась безучастной.

Он ослабил объятия.

— Если Трисонг будет звонить, чтобы спросить обо мне, не говори ему, что знаешь.

— Я ему ничего не скажу в любом случае. Он больше не властен надо мной.

Герсен снова поцеловал ее, и она снова не ответила.

Она спросила:

— Значит, ты хочешь, чтобы я осталась здесь?

— Очень хочу.

Она отвернулась.

— Я не могу ничем тебе помочь.

— Значит, ты будешь ждать здесь до тех пор, пока я не вернусь.

— Куда ты уходишь?

— Я направляюсь в странный старый мир, чтобы участвовать в некоторых событиях.

— Туда, куда отправился Говард Трисонг?

— Да. Я все расскажу тебе, когда вернусь.

Элис грустно спросила:

— Когда это будет?

— Я не знаю.— Герсен снова поцеловал ее, теперь она ответила и на мгновение расслабилась. Герсен поцеловал ее в лоб.— До свидания.

Глава 11

Герсен снизил «Фэнтомик Флайтлернинг» над станцией Теобальд. Белые домики ферм раскинулись вокруг всего

города. Река Далглши рассекала ландшафт огромной петлей, затем сворачивала к северу и исчезала.

В космопорте не были предусмотрены ни посадочные огни, ни диспетчерская служба. Герсен выделил его среди окружающих полей только благодаря трем космическим кораблям, уже совершившим посадку: пара небольших грузовых кораблей и старый «Сайол Уиндсвейн». Герсен посадил свой корабль, совершил обычные формальности и спрыгнул на землю. Он очутился в центре залитого солнцем открытого поля, покрытого синезеленым торфом.

В лицо бил холодный ветер; не было слышно ни звука, кроме тихого шипения перезаряжающихся респираторов «Фэнтомик Флайтлернинг». В сотне ярдов от места посадки он увидел маленький сарай, на котором была надпись: «Центральная Космическая станция Теобальд. Страна Леландера. Регистрация прибывшего транспорта».

Внутри сарая Герсен обнаружил маленького толстого мужчину, сидящего за столом, перед ним красовались остатки лэнча. Одет он был в то, что раньше было черной униформой, но штаны и сапоги он заменил на белую, до колен, юбку и сандалии.

Герсен шагнул к столу; служащий сразу проснулся. Еще не успев открыть глаза, он нацепил свою фуражку на лысину. Затем он окинул Герсена вежливым взглядом.

— Сэр?

— Я по поводу прибывающего транспорта. Вывеска привела меня сюда.

— Да, да, конечно. Но у нас некоторые формальности с приезжими,— он достал бланк, задал Герсену вопросы, записал ответы. Заполнив анкету, он положил ее в ящик.

— Это все, сэр, кроме платы за стоянку.

Герсен сказал:

— Сначала мне нужна некоторая информация. Мне необходимо в Маукиш. Есть ли какие-нибудь помехи путешествию?

— Никаких. Границы открыты.

— Я могу арендовать какой-нибудь транспорт?

— Конечно. Я могу предложить вам собственный автомобиль, а мой сын отвезет вас.

Уши Герсена были настроены на почти незаметные намеки и подразумеваемый смысл. Он посмотрел острым взглядом на служащего.

— За какую цену?
— О, ничего недоступного. Десять СЕВов в день.
— Без надбавки или дополнительной платы?
— Без. Вы, что, принимаете меня за грабителя?
— Он доведет меня до Клоути или другого места в Маукише по моему желанию.

— В Маукиш? Вы, должно быть, шутите! К границе Маукиша, не далее! Могу ли я рисковать своей машиной в этой стране каменноголовые, где все девушки ходят с голыми локтями, а мужчины показывают зубы во время еды? Вы доедете только до границы, не дальше. Может, вам удастся достать там транспорт.

— Хорошо, тогда скажите, какие средства транспорта соединяют ваши страны?

— Нет ни одного особенно приличного. Вы могли бы воспользоваться транспланетным автобусом, набитым деревенщиной, возвращающейся в Маукиш.

— Это вполне подходит. Я ездил и в худшей компании.
— Если вам это подходит, то все в ваших руках... Послеполуденный автобус отправится с минуты на минуту. Теперь относительно платы за стоянку; за корабль, подобный вашему, полагается двести СЕВов в неделю, причем за месяц вперед.

Герсен засмеялся.

— Мои высокопоставленные друзья, живущие по соседству, предупреждали меня, что служащие склонны к воровству и фантазиям,— он протянул пять СЕВов.— Этого хватит.

Служащий взял деньги с кислой миной.

— Это не по правилам, но я могу сделать исключение для поддержания хороших отношений... Вон прибыл транспланетный.

По дороге приближался омнибус на восьми огромных колесах. Герсен проголосовал, заплатил еще пять СЕВов водителю и занял место.

Несколько часов он ехал по равнинному ландшафту полей, рек, прудов, фруктовых садов. Белые домики ферм прятались под люминесцирующей розовой, розово-красной, оранжевой и желтой листвой.

Фермеры здесь процветали: жизнь не могла быть трудной в Стране Леландера, даже принимая во внимание тот факт, что девушки здесь ходят с голыми локтями. Линия темно-синей и черной листвы тянулась до горизонта, где река Далглиш сворачивала к востоку, обозначая границу Маукиша. В сотне ярдов от границы омнибус

остановился. Из здания станции вышел сержант и шесть солдат в красивой униформе.

Сержант вошел в автобус, задал несколько вопросов водителю, который указал пальцем на Герсена.

Сержант сделал знак Герсену.

— Сюда, сэр, на минуту. Принесите ваш багаж.

Герсен взял свой маленький дорожный чемодан и последовал за сержантом из автобуса в здание. Сержант взял чемодан, приподнял его, посмотрел на Герсена с улыбкой.

— Я вижу, вы пытаетесь провезти в Маукиш прожак модели 6А.— Он отсоединил пару зажимов от ручки чемодана.— Это не ново. Мы предупреждены о таком трюке. Мне придется конфисковать оружие. В самом Маукише вас бы посадили в клетку, опустили бы на три часа в реку, пока бы вы совсем не задохнулись. В этом отношении они варварски строги. Отдайте мне, пожалуйста, другие части.

Герсен открыл чемодан и достал другие компоненты, которые он прятал разными способами.

— Спасибо, сержант, за предупреждение.

Он протянул правую руку и показал лезвие, зажатое в кулаке.— Лучше будет избавиться и от этого.— Он показал воздушную трубку, стрелявшую стеклянными иглами, которую прятал в правой руке.

— Очень мудро, сэр.

— Пожалуйста, не продавайте их сразу. Если я буду возвращаться этой дорогой, а я планирую это, я куплю их для себя.

— Такая ситуация часто бывает, сэр.

Герсен вернулся в автобус, который пересек широкую Далглиш по железному мосту и таким образом оказался в Стране Маукиша.

Дорога шла через заросли гигантских растений, которые ясно просматривались в солнечном свете. Теперь пейзаж изменился. Там, за рекой, был Леландер; здесь был Маукиш, все очень разительно отличалось. Автобус остановился у пограничной станции Маукиша, в тени колоссального дерева Линг-Ланг с голубой листвой и стволом шести футов в диаметре. Как и на предыдущей остановке, автобус встретила охрана.

Здесь они носили серо-зеленую форму. Люди Маукиша совершенно отличались от низкорослых мягких обитателей Леландера: они были высокими, худощавыми, с прямыми коричневыми волосами и узкими лицами.

По сигналу сержанта пассажиры поднялись с мест и один за другим вошли в длинное здание, где каждого осмотрели и исследовали в трех отдельных кабинетах.

С Герсеном они были проворны, безразличны и крайне тщательны. Они игнорировали его инопланетное происхождение. Его профессия — журналистика — вызывала немногим больший интерес.

— Что вы собираетесь изучать в Маукише?

— Ничего конкретно. Я прибыл сюда как турист.

— Тогда почему вы не назвали себя туристом?

— Какая разница, как я себя назвал?

— Для туриста или журналиста в этом нет большой разницы, но мы, офицеры безопасности, отвечаем за порядок в Маукише. Для нас это имеет большое значение. В первом случае турист может остановиться в отеле «Бон Том» в Маукише, тогда как журналист должен проводить каждую ночь в полицейском участке.

— В таком случае я самый обыкновенный турист. Я согласен с тем, что разница существенная.

— Очевидно, что вы не везете контрабанды.

— Разумеется, нет.

Офицер продемонстрировал ему холодную улыбку.

— Вы найдете, что многие из наших старых традиций в Маукише становятся убедительно практичными. Однако я и сам могу убедить вас в этом, так как я много путешествовал; я посетил тридцать девять различных отдаленных районов: Маукиш еще терпим по сравнению с Малчионе или Динклоицом. Наши законы просты и разумны. Мы запрещаем проповеди многобожия и показ белых флагов. Мы не разрешаем оскорбительное отношение и другие нарушения общественного спокойствия. Перечень наших преступлений зауряден: вам нужно всего лишь осторожно вести себя, чтобы избежать беспокойства. — Он расписался на выездной визе Герсена. — Все, сэр. Свобода Маукиша для вас!

Герсен вернулся в автобус, тот тронулся: пограничная станция под раскидистой синей кроной осталась позади. Теперь за окнами был ландшафт, типичный для Маукиша. И сильно отличался от Леландера. Страна казалась больше, небо более открытым. Вдоль дороги росли деревья в частных садах, в каждом свои; тени под ними были черны, но, казалось, мерцали странным светом, который невозможно было охарактеризовать. Домики ферм казались заброшенными, они располагались большей частью на удалении от дороги. Постепенно пейзаж

стал более приятным: автобус ехал мимо фруктовых садов с черными стволами и розовой или желтой листвой, переезжал через полноводные реки, мимо деревушек, и, наконец, въехал в Клоути и остановился на центральной площади. Двери раскрылись, те пассажиры, у которых были дела в Клоути, а с ними и Герсен, вышли.

Герсен огляделся вокруг с интересом. Для молодого Трисонга Клоути должен был казаться самым важным местом, центром цивилизации Вселенной. Через площадь Герсен увидел отель «Бон Том», неуклюжее четырехэтажное здание, высокое и узкое, с тяжелой нависающей крышей и парой двухэтажных крыльев.

Если Говард Трисонг приехал в Глэдбитук, чтобы принять участие в школьной встрече, то, вполне возможно, он, как и Герсен, предпочел остановиться в «Бон Том».

Наступило время конспирации. В магазине промышленных товаров Герсен переоделся в местную одежду: рубашку из тяжелой зеленой ткани, штаны до колен из серого сукна, черные туфли с широкими носами, широкополоую шляпу, которые носят, заломив на затылке. Здешние манеры — медленная ходьба на негнущихся ногах с размахиванием рук по сторонам и лицом, смотрящим строго вперед — были переняты с меньшей легкостью. Его еще можно было принять за приезжего, но это было уже не так просто.

Он пересек площадь, направляясь к отелю «Бон Том» и вошел в тусклый вестибюль, пропахший за долгие годы вошным деревом, кожей, тяжелыми диванными подушками и местными жидкостями для волос.

Вестибюль был пуст, приемная стойка затемнена. Герсен постучал в окошечко, и из задней комнаты появилась маленькая старая женщина. Резким голосом она осведомилась, что ему нужно.

Герсен ответил с достоинством:

— Я хочу снять номер на несколько дней.
— Это ясно, но где вы будете питаться?
— Там, где лучше кормят.
— Это далеко, за озером. Вы должны иметь в виду, что мы предпочитаем наших клиентов обслуживать здесь, в нашей столовой.

— Если так подлежит...

— Разумеется... — женщина искоса оглядела его. — А чем вы занимаетесь? Вы продаете вещи? — Она сделала ударение на это слово.

— Нет, я ничего не продаю.

— Да? — И после паузы, — Совсем ничего?

— Совершенно.

— Жаль, — заявила она вдруг голосом ставшим свежим и оживленным. — Я всегда придерживалась мнения, что надо покупать все, что угодно, невзирая на Агентство Здоровья. Откуда вы? Я не могу определить, вы не из Мондайка? Или из Будера?

— Совсем не из этих мест.

— Вы курите или пьете?

— Ни то и ни другое.

— Прекрасно. Вы можете снять Комнату Улыбающегося Восхода. — Лицо женщины приняло такое невинное выражение, что Герсен спросил.

— Какова цена?

— Восемьдесят три СЕВа в день.

— Это слишком много. Позвольте мне посмотреть ваши расценки.

— Хорошо, тогда пять СЕВов.

Герсену понравилась комната. Она включала центральную веранду, ванную, отделанную панелями из белого дерева, смежную спальню и гимнастический зал.

Было уже далеко за полдень. Герсен вышел на улицу, посмотрел направо, налево, потом пошел знакомиться с городом. В южном углу площади стояла гранитная статуя, а позади нее — высокое мрачное строение, возможно, церковь или храм. Позади церкви росла аллея из массивных черных деодаров, брешь в листве открывала площадку, на которой стояло несколько белых статуй.

Около церкви Герсен обнаружил маленький магазинчик, торгующий различными мелочами. На полке он обнаружил несколько экземпляров «Экстанта» и «Космополиса» в нескольких выпусках. С обложки «Экстанта» смотрела фотография десяти человек, подпись гласила:

КТО ОНИ?

Назовите их правильно и вы выиграете 100000 СЕВов!

Герсен вошел в магазин. За двумя параллельными прилавками справа и слева стояли две маленькие девушки, одетые в длинные черные платья. Их черные волосы были скреплены на макушке и так прилизаны, что их глаза казались выпученными. У каждой в волосах была пара коралловых шпилек. На прилавке Герсен обнаружил брошюру, озаглавленную:

СТРАНА МАУКИША.

Официальная карта и обозрение.

Это издание содержит все коммуникации, города, реки, мосты, пограничные посты, вместе с деталями физической географии.

Цена: 25 центумов.

Герсен взял экземпляр карты и заплатил.

Девушки сразу же запротестовали:

— Сэр! Цена два СЕВа!

Герсен показал напечатанную цену.

— Здесь стоит цена в двадцать пять центумов.

— Это для местных жителей,— сказала одна из девушек.— Приезжие должны заплатить наценку.

— Это почему? — спросил Герсен, удивляясь, каким образом девушки узнали, что он приезжий.

— Потому, что карта содержит секретную информацию,— сказала девушка справа серьезным голосом.

— Чрезвычайно важную для неприятельской армии,— сказала девушка слева, еще более серьезно.

— Но наверняка ваши враги уже приобрели карты Маукиша.

— Возможно, что и не все.

— Может быть, не с такими секретными деталями.

— В таком случае, ваша карта стоит значительно дороже, чем два СЕВа.

— Это верно, но никто не станет платить такую цену,— сказала одна из девушек.

— Они предпочтут пользоваться какими-нибудь старыми,— сказала другая.

— Хорошо, но так вышло, что я местный житель, а не враг,— сказал Герсен.— Я живу в отеле «Бон Том».

Девушки стояли молча, определяя теоретическую основу положения Герсена: до того, как они сумели сформулировать аргументы, Герсен ушел.

Он сел на скамейку в одном из скверов и стал изучать карту. Он нашел Глэдбитук в сорока милях к северу, на берегу реки Свит Трелоки. Затем Герсен продолжил изучение города. По дороге он заметил вывеску:

ГАРАЖИ ПАНТИЛОТЕ.

Отличный транспорт! Продажа и прокат:
на час — на день — на неделю.

Обращайтесь в наши мастерские.

Вы сможете сделать замечание или одобрить
исполнительную точность нашего производства.

Улица Дидрам Раммел, 29.

Герсен зашел на улицу Дидрам Раммел и нашел Гаражи Пантилоте, где, после соответственных формальностей, он арендовал трехколесный легковой автомобиль, который был собран из разнообразных составных частей других машин.

К вечеру небо потемнело. Путь на Глэдбитук казался продолжительным. Герсен решил заказать свой автомобиль на следующее утро, чтобы добраться на нем через прерию Гошен прямо в родной городок Говарда Трисонга.

Глава 12

К северу от Клоути страна становилась дикой и безлюдной: во-первых, из-за болот, окружающих реку Джунифер, во-вторых, из-за длинных выступов черных скал, которые делали поля пригодными только для пастбищ.

Впервые Герсен видел местную фауну Моудервельта: двуногих тварей, похожих на жаб, высоко подпрыгивающих за летающими насекомыми: стаю ящериц с синезеленой чешуей и одним единственным глазом, которые вытягивались, чтобы увидеть проезжающего Герсена, когда он тормозил, они приблизились, передвигаясь с легкостью, но Герсен поехал дальше, оставляя стаю сзади.

Когда Рок-Голлус остался позади, снова пришло чувство одиночества. Пустынные степи простирались до горизонта, земля была плоская, без деревьев, одинокая и покинутая, залитая солнечным светом.

Наконец на севере появилась темная линия: деревья вдоль берегов реки Грейт Своми. Сразу за рекой местность вновь была обитаемой. Герсен ехал через деревушки, похожие друг на друга, как близнецы: главная улица, несколько пересекающих ее улиц, гостиница, несколько магазинов, школа, танцзал, церковь, некоторое количество домов и коттеджей.

Поздним утром Герсен прибыл в Глэдбитук: деревья, похожие на все остальные, которые он видел вдоль дороги, возможно, только больших размеров. На ее окраине располагалась Таверна Денкуолл, а на центральной улице находилась более претенциозная гостиница Свичера.

Герсен затормозил около гостиницы, бывшей старинным агломератом двадцати номеров различных размеров

на разных уровнях. Общие комнаты были не менее экстравагантными, с черными досками на полу, наклонными потолками, окнами со ставнями, окрашенными в фиолетовый цвет из-за столетней выдержки под излучением Звезды Ван Каата. Вдоль фасада расселись жители города, расслабившиеся в тени дерева.

Около стойки в холле стоял мужчина семи футов ростом и тощий, как трость, с бледными щеками и запавшими глазами.

— Что вам угодно, сэр?

— Жилье. Мне нужен номер из нескольких комнат.

Служащий оглядел Герсена, поднял брови и опустил уголки рта.

— Вы один?

— Совершенно один.

— И вы хотите несколько комнат?

— Если это желание осуществимо.

— Это выглядит чрезмерным, если можно так сказать. Сколько комнат вы можете занимать сразу? В скольких постелях вы намереваетесь спать? Сколько санузлов необходимо для вашего организма?

— Не имеет значения. В таком случае дайте мне однокомнатный номер с ванной... Мой друг Джекоб Бейн прибыл?

— К нам? Нет.

— Еще нет? Вообще, есть здесь иностранцы, кроме меня, конечно?

— Здесь нет ни одного по имени Бейн, и ни под другим именем. Вы сегодня первый. Пожалуйста, заплатите вперед. Лицо, прибывшее из какого-то дальнего уголка Вселенной, вполне может уехать, не оплатив счета.

Герсена привели в комнату с голубыми стенами и черным потолком, который казался выше, чем потом оказалось.

Подставка поддерживала таз с водой и скребницу. Покрывало из серого войлока лежало на кровати, такое же покрывало заменяло ковер на полу. Заглянув в ванную Герсен обнаружил там беспорядок. Служащий предупредил его претензии:

— В данный момент это лучшее, что мы можем предложить. Для мытья используйте таз и скребницу. Для удовлетворения других нужд спуститесь вниз.— Служащий удалился.

— Мне везет,— сказал сам себе Герсен.— Таверна Денкуолл, вероятно, хуже.

Герсен недолго оставался в комнате. Он вышел на улицу, огляделся и направился к скромному деловому району Глэдбитука.

На Голчер Бэй он повернул налево, пересек реку Свит Трелоки по каменному мосту. На набережной стояла статуя: человек в сутане держал в одной руке нож, другой сжимал мужские половые органы. Позади находилась церковь. Надпись на постаменте гласила:

Отдалите положительного из творческой правды!

Не отступать!

Не оглядываться по сторонам!

Есть только Правда и ее Учение!

Напротив лежало кладбище, которое окружали массивные деодары. Повсюду стояли статуи, вырезанные мастерски из белого мрамора или синтетического материала, олицетворяющие смерть. Они располагались группами, как бы беседуя по поводу горестного события.

Четвертью мили дальше по дороге другой мост пересекал широкую и тихую реку Сванибал, стремящуюся впасть в Свит Трелоки: вдали Герсен увидел Высшую Школу Глэдбитука... Он остановился и постоял минуту. Время было около полудня. Герсен повернулся и пошел назад по Голчер Бэй в город.

В мясной лавке Герсен спросил директора, где находится ферма, принадлежащая Адриану Хардоа.

— За углом поверните налево, — ответил тот. — Выйдете из города, перед вами будет Вирла Бэй. Пройдете четыре мили до перекрестка, поверните налево на Восчер Лейн. Вторая ферма слева и будет Хардоа, с большим зеленым сараем. Что вы хотите от Хардоа? Если деньги, то и не думайте: он упрям, как запор после диеты на сыре.

Герсен пробормотал что-то невразумительное и вышел. На своей развалюхе он доехал до Вирла Бэй и дальше на север. Проехав до прерии около четырех миль, он достиг перекрестка и повернул направо на Восчер Лейн. В миле дальше и в сотне ярдов от дороги он увидел ферму, окруженную огородами, утопающую в зелени. Еще через милю он увидел маленький коттедж слева от дороги — возможно это и была ферма Хардоа? Она казалась скромной, даже ветхой, не было видно никаких пристроек. На скамейке сидела, греясь на солнце, пожилая женщина, маленькая и худая, с осунувшимся сморщен-

ным лицом. Рядом с ней висел на кусте моток грубых ниток, и она что-то вязала; ее пальцы двигались с болезненной быстротой.

Герсен затормозил и вышел из машины.

— Добрый день, мадам.

— Добрый день, сэр.

— Здесь живет Хардоа?

— Нет, сэр. Что вы. Хардоа живет дальше, еще на милю вдоль дороги.

В пятидесяти ярдах в стороне от бунгало Герсен заметил полуразрушенное старое здание, окруженное зарослями сине-черного шопака.

— Это похоже на старую школу,— сказал Герсен.

— Это так и есть, и я проработала там тридцать лет, а еще двадцать лет я сижу здесь, наблюдая, как оно постепенно разрушается. Теперь они водят детей за холм в новую школу в Лек.

— Вы жили здесь все это время?

— Да, конечно. У меня никогда не было мужа. Я пью и воду, и сыровотку, и ликер. Я следовала учению как можно точнее, и я была хорошей учительницей для ребят.

— Значит, вы учили и Говарда Хардоа?

— Да, я. Вы его знаете?

— Не особенно.

Старая учительница посмотрела на небо, вспоминая.

— Меня часто удивляло, что происходит с Говардом. Он был странным унылым маленьким мальчиком. У меня где-то была его фотография, но я никак не могу ее найти. Он был похож на эльфа, я помню его на школьном карнавале, где он был одет в костюм эльфа, зеленого и коричневого цветов, маленьким эльфом он и был: искривленный, суетливый, с мрачным лицом. А, да, он дружил с крошкой Гамни Флатер! Как-то она заплакала, а Говарда основательно наказал отец. Они были фундаменталистами, это самые строгие из отгородившихся, большинство теперь уже умерло. А вы фундаменталист?

— Я полностью игнорирую секты.

— Они отстаивали человеческие грехи, и брат мог жениться на сестре, а кузен на кузине; так они хотели достигнуть совершенства. Вы видели в городе статую Ранел Флатера Дидрама? Он был мастером вероучения, и делал работу, которая должна была быть сделана, но его мало благодарили, особенно те, к кому он был больше всего внимательным. О, то были незабываемые

дни! Учение имело многих сторонников! Теперь старые идеи не в почете.

— Говард, должно быть, нечасто бывал тихим?

— Только иногда. Или он мог быть милым настолько, насколько это вообще возможно. У него было сверхъестественное воображение. Как он любил цветы! Однажды он рассортировал цветы по окраске, чтобы устроить Сражение Цветов. Я уверена, что такого дикого протеста вы никогда не видели — летающие лепестки и крики умирающих. То туда, то сюда бегал Говард, ведя в атаку свои Красные войска против Синих: розы умирали с большим мужеством, а колокольчики побеждали вербену. Да, что это был за день! Потом он пошел в высшую школу, и там, как мне говорили, ему не повезло. Он был маленький и слишком молодой, и большие ребята задирались к нему. Потом он не поладил с Садалфлори и, естественно, был скандал.

— Как так?

— М-м... Я вообще-то не должна была говорить так много, но ведь это было так давно, и времена изменились, хотя Садалфлори все еще важные персоны. Говарду понравилась одна из девушек. Я думаю, это была Сабби. Она, естественно, заигрывала с ним, а Говард сделал что-то, достойное порицания и Садалфлори пришли в ярость, но Говард поспешно улетел с планеты и скрылся от возмездия.

Герсен наклонился над рукоделием женщины.

— Как красиво вы это сделали.

— Это моя лучшая работа, ей я зарабатываю на жизнь.

Герсен дал ей около десяти СЕВов.

— Сделайте такую же для меня. Если я не вернусь назад, то можете продать ее кому-нибудь, не сомневайтесь.

— О, благодарю вас, сэр!

— Не за что. Мне понравился ваш рассказ, но я должен продолжить путь.

Проехав еще мило по дороге. Герсен приблизился к ферме с приметным зеленым сараем. Он остановил машину и осмотрел дом: дрожь от сознания неизбежности прошла по коже. Дом был похож на многие другие: три этажа построены из розового известняка с голубой отделкой на окнах, высокая крыша со слуховыми окошками. В открытой кухне в саду работал человек в синих брюках и черной рубашке. Заметив Герсена и автомо-

биль, он прекратил работу и пристально посмотрел в их сторону.

Герсен въехал во двор. Мужчина приблизился, очевидно это и был Адриан Хардоа. Его волосы желто-коричневого цвета с седыми прядями были подстрижены без всякого стиля; его лицо было узким и обветрившимся. Он рассматривал Герсена без всякого признака радушия.

— Сэр?

— Это Хоум Фарм?

— Да. Это так.

— А вы Адриан Хардоа?

— Да,— Адриан Хардоа говорил мягким глубоким голосом.

— Я Генри Лукас, представляю журнал «Экстант». Прибыл из Понтефракта на Алойзиусе.

— А, это насчет конкурса в журнале,— голос Хардоа принял более живую интонацию.

— Правильно. Среди миллионов ответов вы были первым, кто правильно узнал номер шесть, который, конечно, был вашим сыном.

Адриан Хардоа вдруг встал в оборонительную позу.

— Какая разница? Идентификация и есть идентификация.

— Никто не спорит. В сущности, я приехал затем, чтобы вручить награду.

— Вот это новость! Сколько?

— По нашим правилам первый правильный единичный ответ оценивается в триста СЕВов. Я привез эту сумму.

— Благословение снизошло до нас с помощью Диадрама! Знаете что, не более чем час назад вы могли бы встретиться и с самим Говардом. Он приезжает на школьную встречу.

Герсен улыбнулся и пожал плечами.

— Странное совпадение, конечно. Но для меня это, так или иначе, не имеет значения. Он просто человек с фотографии.

— У него дела идут хорошо, у Говарда, хотя он и покинул нас без гроша, и прошло уже много лет с тех пор, как он ушел из дома. Но проходите в дом, жена должна услышать хорошие новости. По правде говоря, я на́чисто забыл это дело, и даже не подумал спросить Говарда о его рекламе. Благодаря этому снимку люди теперь должны его узнавать повсюду.

— Некоторые и оказались такими наблюдательными, сэр.— Герсен прошел за Адрианом Хардоа по ступеням

и оказался в опрятной кухне. Женщина, почти такая же высокая, как и Адриан, появилась почти одновременно с ним. Ее лицо, чем-то неуловимо похожее на Говарда Алана Трисонга, привлекло Герсена. Глаза были посажены немного ближе, чем обычно, располагались под немного широковатым лбом, длинный прямой нос нависал над бледными губами и почти отсутствующим подбородком; эти черты не содержали в себе и намека на веселый характер и юмор.

Все же, на сообщение Адриана о его выигрыше, она изобразила нечто, в общем похожее на гримасу удовольствия.

— Вот это хорошо! Значит Говард волей-неволей вознаграждал нас!

— Да, похоже. Ну, а как там с чаем? Что вы скажете на это, мистер Лукас?

— Я скажу большое спасибо.

По приглашающему жесту Хардоа Герсен сел за стол. Он достал пачку банкнотов и стал пересчитывать их. Адриан благоговейно заговорил:

— Подумать только, ведь я совершенно случайно взглянул на эту фотографию, и то только потому, что «Экстант» — выпускаемый за пределами нашей планеты. А кто выиграл главный приз?

— Лица, изображенные на фотографии, в сущности, весьма разнородны, их свел случай за одним столом, и это произошло на курорте. Местный официант был первым, кто правильно назвал их имена. Ваш сын Говард тоже обратился к нам с идентификацией, но слишком поздно.

Ребе Хардоа язвительно улынулась.

— Это ли не похоже на Говарда? Жаль... Тс-с! Я слышу Ледеомуса. Это старший брат Говарда, совершенно другой человек. Нашу ферму мы оставим ему.

Ледеомус остановился в дверях, с удивлением увидев незнакомого человека. Он был более грузен, чем отец, щеки румяные, как яблоки, глаза с тяжелыми веками придавали его лицу выражение лукавого юмора.

Адриан сказал:

— Ледеомус, подойди и познакомься с мистером Генри Лукасом из «Экстанта». Он привез нам деньги.

Ледеомус сложил губы трубочкой и присвистнул:

— Фью! Что за день! Сначала Говард появился из небытия, а теперь мистер Лукас.

— Совпадение,— сказал Герсен.— Все-таки жалко, что я разминуся с ним, мне заказали написать статью о людях, изображенных на фотографии.

Адриан заговорил голосом беспристрастного суждения:

— О Говарде можно рассказывать не так уж много. Он никогда не работал на нашей ферме, не занимался сельским хозяйством. В школе он мечтал, и думаю, что в настоящее время из-за своих путешествий он так и не добился особых успехов.

— Ты всегда был суров по отношению к мальчику,— сказала Ребе.

Герсен спросил:

— Он сюда вернется?

Адриан коротко ответил:

— Нет.

— Странно, что после долгих лет разлуки он прилетел сюда на пару часов.

Ребе попыталась объяснить:

— Говард себя совсем не умеет вести. Нас огорчает, когда мы видим, что он сбился с правильного пути Учения. Если бы только он отряхнул звездную пыль со своих каблучков и вернулся домой, чтобы работать на полях вместе с Ледеомусом — это доставило бы нам радость.

Ледеомус лукаво улыбнулся Герсену, говоря:

— Он не вернется назад. Теперь он более, чем когда-либо, не соблюдает приличий.

Адриан согласился:

— Да, он не вернется. Он ушел и даже не обернулся. Единственное, что он сказал: «Здесь все по-прежнему, но это уже не то». Он провел одинаковое количество времени в своем старом кабинете и со своей матерью.

— В своем кабинете?

— Вон в той старой хибарке для насосов, где раньше проводил время со своими книгами, бумагой и цветными карандашами.

Ледеомус спокойно сказал:

— Говард читал слишком много для своего ума, забитого неземными безумными вещами. У него был стул и стол, и полночи он проводил там, пока мы звали его спать. Говард был настоящий верд¹.

¹ Человекоподобное сверхъестественное создание, которое бродит по ночам, а днем спит под землей. Согласно народным преданиям Мауниша, оно прячется в Тени, поджидая маленьких детей, и уносит их.

— Где же он остановился сейчас?

Адриан, сомневаясь, сказал:

— Он упомянул о друзьях, которых хотел навестить.

Ледеомус засмеялся:

— Друзья? У Говарда? Таких не существует, кроме, разве что, Пимпи Клидхо.

— В таком случае,— сказала Ребе,— ты не знаешь всего, Ледеомус.

Адриан сказал:

— Он приехал в основном из-за школьной встречи. Все же можно было бы подумать, что он захочет побывать дома. Ведь несмотря ни на что, он здесь родился, вырос, здешняя почва укрепила его кости.

Герсен протянул пачку сертификатов СЕВов Адриану:

— Вот, сэр, это причитается вам, мы благодарим Вас за участие в нашем конкурсе. Вероятно, вы захотите подписаться на «Экстант»?

Адриан взялся за подбородок.

— Мы думаем об этом. Это инопланетное издание, наши интересы несколько иные. Если я не могу понять действия Ульмов в соседней стране на севере от нас, как могу я надеяться понять происходящее на Альфератце или Кафе? Нет, мы интересуемся исключительно нашими собственными достижениями. Кроме того, это Чистая Правда. Так говорит Дидрам.

— Благословенны следующие Учению,— пробормотала Ребе.

Герсен поднялся.

— Если это возможно, то мне хотелось бы осмотреть вашу ферму. Это могло бы послужить фоном для статьи, которую я должен написать о Говарде.

— Конечно. Ледеомус, покажи все джентльмену.

Герсен и Ледеомус вышли во двор. Ледеомус долгим взглядом посмотрел на Герсена.

— Значит, теперь вы напишете о Говарде? Кто же захочет читать о нем?

— Конкурс вызвал огромный интерес. Я упомяну вашего отца и мать, и, естественно, вас.

— Тогда конечно. А там будет мой портрет?

— К сожалению, нет. Я не взял с собой аппарата... Вы старше Говарда?

— Да, на три года.

— У вас с ним были хорошие отношения?

— Вполне. Отец был прав. Я работал, а он мечтал в своем кабинете.

Герсен остановился в нерешительности. След Говарда Алана Трисонга был четким, но, казалось, не вел никуда.

— Можно ли заглянуть в кабинет Говарда?

— Это дальше. Он совсем не изменился за тридцать лет. Мы перекачиваем воду из пруда для полива земли, но сейчас у нас другой насос.

Ледеомус показал дорогу к сараю десяти футов длиной и восьми шириной. Он толкнул дверь, та со скрипом подалась. Свет проникал через два окна, освещая пыльный беспорядок.

— Здесь осталось все так же, как и раньше, — сказал Ледеомус. — Вон там его стол, а это тот самый стул. На этих полках стояли его книги и бумаги. Он был опрятный, Говард, все у него было разложено по своим местам.

— А где книги и бумаги?

— Трудно сказать. Некоторые находятся в доме, другие уничтожены. Говард беспокоился о своих вещах; когда он отправлялся в дальний путь, мало что оставалось. Говард любил секреты.

— У него были друзья? Или девушки?

Ледеомус издал презрительный смехок:

— Говард никогда не умел обращаться с девушками. Он говорил слишком много, а делал слишком мало, по моему мнению. Ему нравились молодые девушки маленького роста, и он грязно забавлялся с одной или двумя, но об этом не пишите — отец никогда не слышал этих историй. — Ледеомус бросил взгляд через плечо на дом. — Он содрал бы с Говарда шкуру даже за чтение стенных газет. Правда, все это не имело особого значения — все равно Говард делал все по-своему. По-настоящему он любил девушку по имени... Как ее? Она утонула в озере Берсимон... Зада Мемар, очень хорошенькая... Друзья? Был Нимпи Клидхо, он жил ниже по дороге. Он и Говард вместе ходили в лес за орехами; он был ему чем-то вроде друга... Отцу это не нравилось, так как старый Клидхо был тогда городским мармелайзером.

— Что такое мармелайзер?

— Вы видели кладбище, где хоронят местных жителей? Там стоят мармелы. Это спокойная работа, с мертвецами, и вообще...

Хотя теперь они уехали, это был друг Говарда, если он вообще с кем-то дружил. — Ледеомус повернулся к Герсену. — А я разрушил эту дружбу. Я и моя глупость.

— Как это?

— Ну, у Говарда была красная записная книжка, и он очень дорожил ею. Однажды Нимпи вызвал его из кабинета, и они пошли зачем-то к его матери. Я залез в окно, взял эту книжку и забросил ее за насос. Судьбе было угодно, чтобы книжка проскользнула между ним и стеной. Я вышел из сарая и стал ждать. Вернулся Говард и хватился своей книжки, но он не мог найти ее: я никогда не видел его таким обезумевшим. Он заговорил странным голосом, и обыскал все вокруг. Потом он увидел бедного невинного Нимпи и бросился на него. Я выбежал из укрытия и сгреб его раньше, чем он успел сделать что-нибудь. Это был друг Говарда, но с тех пор они больше не были друзьями, в сущности, я его никогда и не видел больше. Летом Говард уехал для Учения, и я забыл о книжке.

Можно посмотреть, если она там.— Ледеомус просунул руку за насос.— Надеюсь, я не ухвачусь за горячий конец Канга*.

Он вытащил красную записную книжку и бросил ее Герсену, который повернулся к свету и взглянул на содержание.

Ледеомус вышел из домика.

— Что там в книге?

Герсен пролистал ее, а Ледеомус пробежал взглядом по страницам.

— Ничего важного... Что это за буквы? Я никогда раньше не видел ничего подобного.

— Трудно разобрать?

— Какое дурачество! Что за польза от письма, которое никто не может разобрать? Здесь картинки: герцоги и короли в расшитых костюмах. Какой-то карнавал. Отец думал, что Говард переписывает «Органон». Мне казалось, что здесь дело связано с девочками. Говард дурачил всех.

— Похоже на то,— сказал Герсен.— Я возьму это у вас, как сувенир из Глэдбитука. Вы согласитесь принять десять СЕВов за беспокойство?

— Ну, я не знаю... — Ледеомус поколебался; потом взял деньги.— Мне кажется, что отец этого бы не одобрил. Не говорите ему ничего.

— Я ничего не скажу, а вы не напоминайте Говарду о книге, если увидите его раньше меня. Интересно, где он сейчас?

* Местное жалающее насекомое длиной в четыре дюйма.

Ледеомус пожал плечами.

— Я думал, что останется здесь. Пока он говорил с отцом, но он уехал вскоре после того, как приехал. Он может остановиться в гостинице Свичера, так как она лучшая в городе.

Вернувшись в Глэдбитук, Герсен подошел к дереву, росшему перед гостиницей Свичера, он отыскал место за одним из стволов, спиной к заходящему послеполу-денному солнцу: черная тень дерева пересекала ствол розового дерева. Высокий, нервного вида парень подошел, чтобы узнать, что нужно.

— Что у вас есть на ленч?

— Ленч уже прошел, сэр. Сейчас несколько поздно. Я могу принести вам тарелку маунса и наш хороший хлеб.

— Что такое маунс?

— Ну, это такое смешанное блюдо из трав и речной рыбы.

— Это меня вполне удовлетворяет.

— Вы будете пить?

— А что есть?

— Все, что вы выберете, сэр.

— Я бы хотел пинту холодного пива.

— Этого у нас нет, сэр, ни холодного, ни теплого.

— В таком случае покажите мне меню.

— У нас этого нет, сэр. Люди знают, что у нас есть и без меню.

— Ясно... Что вон те люди взяли?

— Они выбрали охлажденный кофе.

— А люди вон там?

— Виски.

— Что еще можно заказать?

— Почечный тоник. Ниббет. Кислый сок.

— Что такое ниббет?

— Витаминизированный чай.

— Я, пожалуй, остановлюсь на ниббете.

— Минуту сэр.

Парень удалился, а Герсен стал обдумывать ситуацию. Где-то рядом, может быть в пределах видимости, находился Говард Алан Трисонг. Герсен почти физически чувствовал его присутствие. Если бы его было возможно завлечь хотя бы на несколько шагов из города, упомянув о старой записной книжке, и утопить его в реке Свит Трелоки, то дело можно было бы считать завершенным. Маловероятно, чтобы все пошло так хорошо... Обслужи-

вающий его парень принес тарелку с рыбой, хлеб и чайник.

Герсен налил чай, попробовал, ощутив аромат, которому он не мог подобрать названия. Один из компонентов сначала прижигал язык, а потом и всю полость рта. Парень, пряча улыбку, спросил вежливо:

— Сэр, как вам нравится ниббет?

— Замечательно,— Герсен ел белое мясо с пряностями и рисом в Ласхар Куортер на Замбоанге: он пил перцовый ром в Сэйрл Сити на Копусе.— Кстати, я поджидаю друга с другой планеты. Мне кажется, его еще нет в гостинице. У вас заказаны номера для мистера Слайда или каких-нибудь других иностранцев?

— Этого я не знаю, сэр.

Герсен достал монету.

— Посмотрите, но незаметно, так как я хочу сделать сюрприз моему другу. Он приезжает на школьную вечеринку.

Парень подхватил монету и исчез.

Герсен вяло съел маунс, как он ел другие подобные блюда на других обитаемых планетах. Парень вернулся.

— Ничего похожего, сэр, у нас нет забронированных номеров.

— Есть еще таверна. Где еще он мог бы остановиться?

— Есть еще таверна Данкуолл, ниже по дороге, но их номера слишком бедные: есть еще Курорт Отта на озере Скуни, где останавливаются богатые люди. Но нет больше ничего ближе, чем гостиница в Бларри Корнес.

— Ясно. Где тут телефон?

— Естественно, в офисе, но сначала заплатите за маунс и ниббет, а то со мной уже проделывали подобные штуки.

— Как хотите,— Герсен выложил монеты.— И второе.— Герсен дал парню еще один СЕВ.— Будьте добры, позвоните сначала на озеро Скуни, а потом в таверну Данкуолл и узнайте о постояльцах, прибывших сюда на школьную вечеринку. Запомните: будьте осторожны и не упоминайте обо мне.

— Как скажете, сэр.

Прошло несколько минут. Герсен выпил еще немного ниббета. Вернулся парень.

— Ни одного иностранца, сэр. Участники встречи в большинстве своем здешние, хотя есть несколько из-за рубежа. Дядя Дитти Джингол приехал из Банти, есть

несколько человек из Литринга. Ваш друг, вероятно, прибудет сегодня вечером. Что-нибудь еще, сэр?

— Позже.

Парень ушел. Герсен достал красную книжечку. В начале был заголовок, тщательно выписанный большими буквами:

КНИГА СНОВ

Герсен открыл книгу и сосредоточил свое внимание на записях молодого Говарда Хардоа...

Прошел час, два.

Герсен отвлекся, осмотрелся, оценил высоту, на которой находилась Звезда Ван Каата над горизонтом. Было много позже полудня. Он медленно закрыл книгу и засунул ее в карман. Потом обратился к парню, который обслуживал его:

— Как вас зовут?

— Мое имя Витчинг, сэр.

— Витчинг, вот СЕВ. Он принадлежит вам. Возможно, будет еще. Когда я вернусь, я хочу, чтобы вы обслуживали меня.

Витчинг подмигнул.

— Это очень хорошо, сэр, но как? Я не могу поступать против Учения. Это повредило бы всем моим добрым делам в прошлом.

— Здесь нет конфликта с Учением. Я хочу, чтобы вы понаблюдали за тем человеком, о котором я вам говорил.

— Вот это другое дело, не вижу причины, почему бы мне не одолеть это.

— Запомните, это должно быть сохранено в тайне! Если вырвется хоть одно слово, я серьезно разозлюсь.

— Не беспокойтесь, сэр!

Герсен передал ему монету.

— Сейчас я пойду прогуляться по городу.

— Здесь почти не на что смотреть, сэр, для приезжих, подобно вам побывавших в Клоути.

— И все же я прогуляюсь. Имейте в виду, никому ни слова о нашем деле.

— Договорились, сэр.

Герсен пошел по улице, сейчас он чувствовал себя выделяющимся в одежде, купленной в Клоути. Он задержался около магазина одежды и посмотрел на товары. На полке рядом с дверью стояли тупоносые ботинки черного цвета, вышитые зеленым и крас-

ным. Он вошел в магазин и подобрал себе одежду в местном стиле: пиджак с высокими плечиками из черной материи, брюки без пуговиц, поддерживаемые на коленях черными ремнями, широко зеленую шляпу, низко надвигаемую на лоб. Поглядев в зеркало, Герсен увидел деревенского парня, достаточно мягкого и простого, чтобы обмануть взгляд прибывшего из другого мира.

Выйдя из магазина, он повернул на Голчер Бэй. Перейдя Свит Трелоки, он прошел мимо Дидрам Ранела, мимо церкви ортомстристов. Четвертью мили дальше он перешел реку Сванибель и снова остановился перед школой. Строение соответствовало наиболее разработанным принципам архитектуры Маукиша. С каждой стороны было крыло, заканчивающееся причудливой башней, тяжелая крыша была увенчана колокольной с высоким бронзовым шпилем. В серебряном свете заходящей Звезды Ван Каата каждая деталь, каждый кирпичек, кронштейн и деталь орнамента создавали сильный контраст друг с другом.

Надпись над воротами гласила:

Встреча, посвященная 25-й годовщине.

Добро пожаловать в знаменитый

Класс Скачущей Камбалы.

Скачущей Камбалы? Старая шутка, понятная только ученикам класса... Невозможно представить себе Трисонга в этом окружении, идущего по этой дороге, поднимающегося по школьным ступеням, выглядывающего из высоких окон...

Между северным крылом и Сванибель располагался павильон, место, где студенты могли празднично провести время, поболтать, полюбоваться на реку. Теперь в павильоне работали несколько мужчин и женщин; они подвешивали гирлянды, расставляли столы и стулья, украшали сцену.

Герсен прошел по дорожке, поднялся по широким ступеням из отполированного красного порфира, пересек площадку, подошел к бронзовым застекленным дверям, одна половина которых была открыта.

Герсен вошел и оказался в длинном актовом зале, расположенном в восточном и западном направлениях. В дальнем конце его через другие двери пробивались потоки лучей Звезды Ван Каата. На стенах по обеим сторонам висели стенды с фотографиями далекого прошлого.

Герсен стоял, прислушиваясь. Было тихо, если не считать музыки, то усиливавшейся, то замолкавшей, то резко обрывавшейся. Ближайшая дверь была открыта. Заглянув туда, Герсен увидел высокого мужчину с худым лицом, со светлыми волосами, в компании двух девушек, играющих на фаготах.

Герсен отошел и стал рассматривать фотографии. Крайняя фотография была сделана пятьдесят два года назад. По мере того, как он шел вдоль коридора, даты приближались к настоящему времени. Герсен остановился у фотографии, изображающей класс двадцатидвухлетней давности, и начал изучать молодые лица, подавшиеся вперед, некоторые гордо позирующие, другие ехидно улыбающиеся, остальные угрюмые и скучающие от всей этой процедуры... Голоса и шаги. Из музыкальной комнаты вышел учитель и его ученики. Учитель подозрительно посмотрел на Герсена. Девушки, бросив быстрый взгляд, удалились. Учитель заговорил.

— Сэр, школа закрыта для посетителей. Я сейчас ухожу и должен запереть дверь. Могу ли я попросить вас удалиться?

— Я вас ждал, сэр. Могли бы вы уделить мне минуту?

— Для чего?

Герсен начал развивать идею, которая только что пришла ему в голову.

— Вы преподаете музыку в этой школе?

— Да, я профессор Кутте. Я даю уроки; из маленьких музыкальных варваров я создаю чудо оркестра. В других местах меня зовут Вольдемар Кутте, магистр музыки и дирижер Большого Салонного Оркестра.— Вольдемар Кутте измерил Герсена взглядом, отточенным десятками учеников, которых он натаскивал в игре на фортепиано, арфе, фаготе.

— А кто вы? Инопланетянин, насколько я вижу.

— Как вы это определили? — спросил Герсен.— Я думал, что выгляжу, как обыкновенный житель Глэд-битука.

— Но не в этих неуклюжих ботинках. И вы надели брюки более низко, здесь мы культивируем стиль, а не расхлябанность. Вы выглядите, будто бы вырядились для маскарада.

Герсен уныло рассмеялся.

— Попытаюсь исправить в соответствии с вашими инструкциями.

- Всего хорошего, сэр. Я должен идти.
- Одну минуту. Большой Салонный Оркестр будет играть на завтрашнем торжестве?
- Вальдемар Кутте отрывисто бросил:
- Они наняли оркестр в соответствии с финансовыми ограничениями.
- Обстоятельства, казалось бы, определяют присутствие вашего оркестра.
- Возможно, что и так. Как всегда, находится некто, крепко держащийся за кошелек — обычно самый богатый из лиц, имеющих власть.
- Поэтому они и стали богатыми.
- Да, вероятно.
- Как долго вы являетесь здесь музыкальным директором?
- Очень давно. Я отпраздновал двадцать пятую годовщину этого события еще три года назад.
- Значит, вы курировали этот класс? — Герсен указал на фотографию на стене.
- Я занимался со многими из них... некоторые имели желание, но были бесталанны. У других был талант, но не было желания. Значительно большее число не имело ни того и ни другого. И только некоторые обладали обоими качествами, и этих я помню.
- Кто из этой группы был музыкантом?
- Ага. Дербен Садалфлори прекрасно играл на флейто-тантайин. Надеюсь, он все еще играет. Мартина ван Боуфе — она пробовала играть на разных инструментах на протяжении четырех лет, но всегда играла слишком вяло. Говард Хардоа был наиболее одаренным, но недисциплинированным. Увы, он, должно быть, уехал в далекие края.
- Говард Хардоа? Который из них?
- Третий ряд, в самом конце, парень с коричневыми волосами.
- Герсен тщательно рассматривал Говарда Алана Трисонга, его лицо с большим лбом, широким и высоким, опрятные светло-коричневые волосы, пылкий взгляд сине-серых глаз. Ощущение чистосердечности и здоровья нарушалось лисьим подбородком, угрюмым женоподобным ртом и носом.
- Признаюсь, что мне на память приходит слишком мало. Сэр, я должен идти и запереть школу.
- Они вышли: дверь была заперта. Вальдемар Кутте поклонился:

— Было приятно побеседовать с вами, сэра.

— Одну минуту,— сказал Герсен.— Мне в голову пришла отличная мысль. Я испытываю сентиментальную тоску по этому классу, и, как анонимный благодетель, хочу организовать оркестр, чтобы увеличить радость события. Вы можете предложить хороший оркестр?

Преподаватель стоял, в напряжении моргая глазами.

— Совершенно случайно я могу это сделать. Я адресую вас в Большой Оркестр Вольдемара Кутте, которым лично руковожу. Это единственный достойный здесь. Правда, существуют и другие местные коллективы: фольклорная музыка, бах-и-бух группы и им подобные, но я заведу единственной музыкальной организацией, достойной упоминания на этой стороне Клоути.

— Что вы делаете вечером?

— Я совершенно свободен.

— Тогда будем считать, что мы договорились. Какую вы назначите цену?

— Дайте мне подумать... Сколько инструментов потребуется? В общем, у меня есть две тарелки справа и слева, цимбала, флейта-сопрано, кларнет, гитара и фагот в классической манере. За все это я обычно прошу двести СЕВов, но...— профессор Кутте посмотрел с сомнением на Герсена.

— Я не буду торговаться,— сказал Герсен.— Вы можете рассчитывать на две сотни и еще пятьдесят СЕВов. Мое единственное условие: я хочу стать членом вашего оркестра, но только на это выступление.

— О! Так вы музыкант?

— Я не могу сыграть ни ноты. Я буду тихо постукивать по барабану, и никого не потревожу.

— Вы потревожите нас всех! Барабан — это шумное создание!

— Тогда что вы предложите?

— Это нелепо. Почему вы просто не послушаете из-за сцены?

— Я хочу непосредственно участвовать, но если вы не можете...

— Нет! Я найду возможность. Вы постараетесь играть так, как я скажу вам?

Герсен почувствовал некоторое унижение от некомпетентности.

— Я никогда не пробовал.

— Ба! Это потрясающе! Пойдемте со мной. Мы посмотрим, что можно сделать.

Глава 13

В студии Вольдемара Кутте Герсен получил длинную деревянную флейту.

— Детский инструмент, — сказал Кутте пренебрежительно. — Но все-таки, если на чем-нибудь и играть вместе с Большим Салонным, то это на деревянной флейте. Теперь пальцы сюда, сюда и сюда. Так. Теперь дуйте.

Герсен извлек из инструмента раздражающий звук.

— Еще раз.

Спустя три часа Герсен выучил одну из пяти основных гамм, а Кутте был утомлен.

— Пока этого достаточно. Я помечу эти отверстия: один, четыре, пять и восемь. Мы будем играть простые мелодии: променады, галопы, иногда прогулки. Ваша партия: один — пять, один — пять, один — пять — восемь, один — пять — восемь, во время общего течения мелодии, изредка четыре — пять — восемь или один — четыре — пять. Когда мы будем играть другое я укажу вам другой инструмент. Больше я ничего не могу сделать. Пожалуйста, заплатите вперед, плюс двадцать четыре СЕВа за три часа интенсивных занятий.

Герсен выложил деньги.

— Теперь возьмите флейту. Когда появится возможность, практикуйтесь. Играйте гаммы. Играйте простейшие мелодии. Но прежде всего выучите: один — пять — восемь, один — пять, один — пять.

— Я постараюсь.

— Вы должны сделать больше, чем постараться! Запомните, вы будете играть с Большим Салонным Оркестром! Даже несмотря на то, что слово «играть» слишком сильно для вашего уровня исполнения, а вы будете, конечно, просто извлекать тихие звуки, но надеюсь, что все пройдет удачно. Странная ситуация, но для музыканта жизнь полна необычных событий. Мы встретимся здесь завтра, в полдень. Потом вы пойдете в магазин Ван Зесля и приобретете надлежащий для музыканта костюм, подходящий для Большого Салонного Оркестра; я проинструктирую вас перед тем, как вы придете. Потом, после приобретения костюма, приходите сюда, и я дам вам дальнейшие инструкции. Кто знает? Может быть, этот случай сделает из вас музыканта.

Герсен с сомнением посмотрел на флейту.

— Может быть.

Снова оказавшись в гостинице Свичера, Герсен пообедал чечевичной массой, тушенкой бледного цвета с травами, салатом из речного тростника и половиной буханки хлеба с поджаристой корочкой. Парень из прислуги в своих поисках был безуспешен, но Герсен тем не менее прилично вознаграждал его.

Темнота опустилась на Глэдбитук. Покинув гостиницу, Герсен пошел по главной улице к центру города. На каждом углу площади высокие столбы поддерживали бело-зеленые глобусы, вокруг которых кружились розовые насекомые в целый фут длиной с восемью мягкими крыльями по сторонам тела.

В магазинах было темно и пусто. Хозяин магазина мужской одежды не подумал задвинуть полку с ботинками в глубь своего заведения, а рубашки висели так же, как и раньше: любой мог украсть что угодно, на выбор. Другие торговцы, казалось, также полагаются на случай; очевидно, население Глэдбитука не было склонно к воровству.

В центре города отсутствовала «ночная жизнь». Герсен повернул обратно, прошел мимо гостиницы к таверне Данкуолл, где в общей комнате при свете нескольких тусклых ламп рабочие с ферм пили прокисшее пиво... Потом он возвратился в гостиницу, поднялся в свой номер, где в течение часа играл, пока у него не занемели губы. Затем он взял «Книгу Снов» и стал ломать голову над ее запутанным письмом. Очевидно, молодой Говард развивал серию героических сказок, включающую компанию героев, которых он описывал с любовной заботой, останавливаясь на запутанных деталях.

Герсен отложил книгу в сторону и попытался устроиться поудобнее на неудобной кровати. Утром он выполнил инструкции Кутте. Он потренировался в игре на флейте и направился в студию Кутте на Голчер Бэй в сотне ярдов к югу от площади. Кутте без энтузиазма выслушал, как он играет гаммы.

— Теперь попробуйте один — четыре — пять.

— Я еще не достиг такого уровня.

Кутте поднял глаза к потолку и вздохнул:

— Ясно, но это необходимо, это урок, который учат все музыканты. Я говорил с миссис Лавекчер. Она председательствует на этой встрече. Я сказал ей, что анонимный меценат приглашает Большой Салонный Оркестр, и это ее очень обрадовало. Мы должны явиться завтра

в четыре часа вечера и подготовиться. Мы будем играть перед ужином, когда гости начнут пить ликер, и во время ужина. После ужина намечаются поздравления, потом немного танцев, несомненно некоторые гости будут пить пунш, который, надо сказать, мне непривычен. Как инопланетянин, вы, вероятно, видели пьянство?

— И принимал участие.

— Благословен будь Учитель Дидрам! Вы только подумайте! И все-таки вы выглядите относительно здоровым человеком!

— Я редко, если вообще когда-либо, пью сверх меры.

— Но разве это не вредная привычка?

— Я слышал противоположные мнения.

Кутте, казалось, не расслышал его. Он задумчиво нахмурил брови.

— Где, по-вашему, притоны наиболее невыносимого пьянства в Ойкумене?

Герсен задумался.

— Трудно сказать.

— Как же счастливы мы в Глэдбитуке! Наша благопристойность должна вызывать зависть в космосе! Однако я говорю это преждевременно, завтрашним вечером наша репутация будет опорочена. Садалфлори, как Бессемсы, Левангеры — все, конечно же, будут пить эссенции и виски. Но ничто нас не побеспокоит, я думаю, или, по крайней мере, надеюсь. Еще раз давайте попробуем те гаммы... Так: один — пять — восемь. Один — четыре — пять. Один — пять, один — пять... Один — четыре — пять... Стоп! Так подойдет: сегодня я больше не могу слушать. Старательно потренируйтесь сегодня вечером. Сосредоточьтесь на извлечении звуков, тонах, тембрах, звучности. Когда вы изменяете звук, поднимите один палец, но одновременно ставьте другой, а не ждите секунду или больше. Когда вам надо поставить палец на четыре, пусть это будет четыре, а не два или шесть. Это все понятно?

— Вполне.

— Хорошо! — вскричал Вольдемар Кутте в сердцах. — Вот завтра и посмотрим.

В полдень следующего дня оркестр собрался в студии Кутте. Кутте роздал ноты, отвел Герсена в сторону и послушал, как тот играет свою партию. Это привело Кутте в состояние фаталистического спокойствия, и он не делал уклончивых замечаний.

— Будь, что будет,— сказал он.— Игратьте очень тихо, и все будет хорошо.

Кутте провел Герсена к другим музыкантам.

— Все, внимание! Я хочу представить своего друга, мистера Герсена, который непрофессионально играет на флейте. Он будет играть только в единственном случае, в качестве эксперимента. Мы все должны быть снисходительны к нему.

Музыканты повернулись, осматривая Герсена и переговариваясь между собой. Герсен отнесся к этому вниманию с максимальным апломбом.

Оркестр прошел по Голтер Бэй, каждый музыкант нес собственный инструмент. Герсен нес для себя пять флейт. Все были одеты одинаково, в черные костюмы-пиджаки с высокими плечами и соответствующие брюки-бриджи, серые гетры, черные ботинки, черные шляпы с опущенными полями.

Группа прибыла в школу, и Герсен почувствовал себя еще более напряженно. Идея, казавшаяся сначала такой оригинальной, теперь, когда настал критический момент, выглядела неудобной, шаткой и сомнительной.

Если Говард Трисонг чуть внимательнее оглядит музыкантов, то он может узнать Генри Лукаса из «Экстанта», что создаст затруднительную ситуацию. Говард Трисонг несомненно прибудет хорошо вооруженным и с охраной. Герсен же, напротив, принес только пять флейт и кухонный нож, прихваченный этим утром.

Оркестр вошел в павильон, разместил свои инструменты на сцене и подождал, пока Вольдемар Кутте совещался с Сосимом Садалфлори из хорошо известной здесь семьи Садалфлори, осанистым и общительным мужчиной в нарядном костюме.

Вольдемар Кутте повернулся к оркестру.

— Столы для нас располагаются позади павильона. Будут консервы, чай и свежая вода.

В задних рядах кто-то пробормотал и рассмеялся: Кутте посмотрел туда и заговорил с многозначительным ударением:

— Мистер Садалфлори понимает, что мы в определенном смысле мнительны, и уважает наши убеждения. Для оркестра не будет приготовлено никаких эссенций или продуктов с ферментами, чтобы ничто не повредило выступлению. А теперь пора на сцену! Больше жизни и изящности!

Музыканты расселись по своим местам, стали настра-

ивать инструменты. Кутте поместил Герсена в заднем ряду между цимбалой и гобоем, на обоих инструментах играли крупные светловолосые мужчины флегматичного вида.

Герсен разложил флейты в порядке, указанном Кутте. Он сыграл несколько гамм, стараясь не отличаться от остальных, потом сел на свое место и стал рассматривать старых одноклассников по мере того, как они прибывали в павильон. Большинство было местными жителями: остальные приехали из других городов.

Несколько человек приехали из отдаленных стран, а некоторые проделали путь в Глэдбитук с других планет. Они приветствовали друг друга восклицаниями удивления и непочтительным смехом, каждый удивлялся, как постарели остальные. Сердечными приветствиями обменялись представители одинаковых социальных слоев; между лицами различного статуса приветствия носили более официальный характер.

Говард Хардоа еще не появился. Что будет, когда он появится? Герсен не мог представить себе даже приблизительно.

В четвертом часу дня началась официальная часть. Столы были заполнены. Справа от оркестра собралось дворянство, слева сидели фермеры и владельцы магазинов. Несколько столов с самого края слева были заняты обитателями реки, которые носились на барках: мужчины одеты в коричневые костюмы, женщины были одеты в грубошерстных брюках и блузках с длинными рукавами. Дворяне, как заметил Герсен, потягивали ликер из маленьких синих и зеленых флаконов. Когда флаконы пустели, их величественным жестом бросали в корзину.

Вольдемар Кутте, взяв скрипку, вышел на сцену. Он поклонился направо, налево, затем обернулся к своему оркестру:

— Танец «Шармаллы», полный вариант. Легко, но весело, не слишком энергично в дуэтах: вы готовы? — Кутте взглянул на Герсена, указав пальцем: — Четвертую... Нет, не эту... Да, правильно.

Он взмахнул руками; оркестр заиграл веселую пьесу. Герсен дул в свою флейту, как его обучили, только тихо.

Пьеса закончилась. Герсен с облегчением опустил флейту. Могло быть и хуже, — подумал он. Основное правило, кажется, это прекратить играть, когда останавливаются все остальные.

Вольдемар Кутте объявил другую пьесу и, как раньше, указал Герсену, какой инструмент надо взять.

Пьеса «Гнусный Вангфер» была знакома всем присутствующим. Все вокруг запели хором и затопали ногами по полу. Песня, насколько Герсен мог понять, описывала проделки Вангфера, отчаянного пьяницы, который свалился в выгребную яму в Бантертауне. Убеденный, что он упал в чан с пивом, он напился до пресыщения, и когда поднялась Звезда Ван Каата и осветила место действия, из ямы торчал только набитый дерьмом живот Вангфера. Неприятная песня,— подумал Герсен, но Вольдемар Кутте дирижировал оркестром со смехом. Герсен воспользовался общим возбуждением, чтобы дуть посильнее в свою флейту, получив только один или два предостерегающих взглядов от Кутте.

Джентльмен из-за стола справа подошел к сцене и заговорил с Вольдемаром Кутте, который отвечал с раздражением. Потом он повернулся к собравшимся:

— По многочисленным заявкам мисс Тадука Мильгер споет для нас.

— О, нет! — закричала из-за своего стола Тадука Мильгер. — Это совершенно невозможно!

Но ее затащили на сцену, поставив рядом с Кутте, который кисло улыбался.

Тадука Мильгер спела несколько баллад: «Я — одинокая птица», «Моя маленькая красная баржа на реке».

Места за столами были заполнены; постепенно собирались все опоздавшие. Герсен уже сомневался, что Трисонг придет.

Тадука Мильгер вернулась на свое место, было объявлено о начале ужина, и оркестр пошел отдохнуть в служебное помещение.

Вечер опустился на Глэдбитук. Сотни карнавальных фонарей, подвешенных на деревянных шестах, освещали павильон. За столами ужинали дворяне, попивая ликеры. Те, кто более строго придерживались учения, коротали время за чашками чая...

Это совсем реально,— подумал Герсен. — Где же Говард Трисонг? Почти в руках! — вдруг вспыхнула в подсознании мысль, неприятная и сильная. Герсен оглядел все углы павильона, берег реки... Время, казалось, застыло. И вдруг нереальность рассеялась. Теперь все стало четким. Около входа неподвижно стояли три человека и глядели в павильон. Герсен обернулся, посмотрел на дорогу. У ограды, с лицами и одеждой, которые

нельзя было рассмотреть в тени, стояли еще трое мужчин. Судя по их позам, они были не из Глэдбитука.

Все переменялось. К этому времени встреча приобрела характер легкого застольного разговора. В мерцании праздничных фонарей воображение рисовало фантастические картины. Герсен прошел в конец павильона и посмотрел на юг. Он различил очертания людей, почти незаметные под несколькими вазами.

Кутте позвал свой оркестр на сцену.

— Сейчас мы сыграем «Рhapsодию спящих дев». Внимание! Грациозно и изящно.

Пирушка старых одноклассников достигла стадии общительности и панибратства. Друзья звали старых знакомых через павильон, вспоминая выдумки, проделки и шутки. Социальные барьеры были разрушены, веселье охватило весь павильон: «Ничего подобного! Это был Кремберт! Мы сделали выговор и объявили...». «О, Садкин! Помнишь вонючий цветок в букете мисс Воаб? Какая шутка, а!», «Самый ужасный скандал из всех! Это было за год до тебя...», «...что с ним случилось?», «Утонул в канале, бедняга. Упал со своей баржи...», «Самый громкий скандал был с перископом Фимфла, помнишь?», «А как же. Он подсматривал в раздевалку девчонок на ноги и кое-что между ними». «...Какая мысль была!», «Фимфл! Что за парень! Где он сейчас?», «...Эй, кто-нибудь знает, что случилось с Фимфлом?»; «Не вспоминайте этого маленького сорванца» — последнее донеслось из-за стола Садалфлори и было сказано Аделией Лэгнал.

Неожиданно раздался звук, похожий на самый низкий тон огромного тонга — был ли он на самом деле, или почудился? Герсен очень отчетливо почувствовал его, но больше никто, казалось, не заметил.

В дверях появилась высокая широкоплечая фигура. Узкие брюки из зеленого велюра облегали его длинные сильные ноги; поверх белой рубашки с длинными рукавами он надел черный жилет с фиолетовыми и золотыми карманами. Его ботинки до колен были светло-коричневого цвета: мягкая черная шляпа закрывала его широкий и высокий лоб. Он стоял в дверях, криво улыбаясь. Затем он сел на свободное место за столом поблизости. Из-за стола Садалфлори громкий шепот, который нарушил внезапно наступившую тишину:

— Это был Фимфл!

Говард Алан Трисонг или Говард Хардоа медленно повернул голову и посмотрел на Садалфлори, потом

он окинул взглядом сцену, скользнул по Герсену и остановился на Вольдемаре Кутте, его улыбка стала шире.

Школьные товарищи возобновили разговоры. Застолье продолжалось, но теперь оно уже не было таким свободным, исчезла легкость, когда глаза встречались с взглядом Говарда Хардоа.

Наконец, Морна Ван Халген, одна из руководителей вечера, взяла себя в руки и приблизилась, сердечно, но только немного тихо приветствуя его, на что Говард Хардоа ответил грациозно. Морна Ван Халген указала на буфетный стол, предлагая ужин, но Хардоа покачал головой. Морна нерешительно оглядела зал, перебегая глазами от группы к группе, потом снова обернулась к учтивому мужчине, сидящему за столом перед ней.

— Как приятно видеть вас после стольких лет! Я бы никогда вас не узнала, хотя вы не так уж изменились! Годы оказались снисходительны к вам.

— Действительно, я был счастлив с ними.

— Я не помню ваших друзей... Но вы не должны сидеть здесь один. Вон Сол Чиб, вы помните его? Он сидит с Эльвиной Герли и ее мужем.

— Разумеется я помню Сола Чиб. Я помню всех и все.

— Почему бы вам не присоединиться к нему? Или к Шимусу Буту? Ведь за столиком можно поговорить.— Она показала на столы в левой части зала.

Говард Хардоа быстро взглянул в указанном направлении.

— К Солу или Шимусу, не так ли? Оба, как я помню, были неловкими, тупыми и неряшливыми людьми. Я же, вы помните, был философом.

— Возможно. Но ведь люди меняются.

— Но не в своей сущности! Возьмите меня, к примеру. Я по-прежнему философ, даже более изощренный, чем раньше.

Морна сделала принужденное движение, готовясь отойти прочь.

— Это же прекрасно, Говард.

— В таком случае, после этого маленького добавления, к какой группе вы посоветуете мне присоединиться? Может быть к Садалфлори? Или к ван Войерсам? Или, может быть, к вашей собственной?

Морна искривила губы и моргнула.

— В самом деле, Говард, я уверена, что вам будут

рады везде, как было и в школе, вы знаете, и я думала...

— Вы думали обо мне, как о бедном космическом бродяге, возвратившемся усталым и одиноким, полным сантиментов, чтобы встретиться с Шимусом и Солом на нашей классной вечеринке. В каком-то смысле. Морна, время — это волшебная линза. Как и в детстве, я не употребляю такого количества ликера и эссенций. Будьте добры, Морна, позовите официанта и посидите со мной. Мы вместе выпьем «Нектар Флокса», «Голубые слезы» и «Теперь ты видишь меня?»

Морна сделала шаг назад.

— Здесь вообще нет официантов. Все делают себе напитки сами. А теперь...

— В таком случае я принимаю ваше приглашение, — Говард Хардоа вскочил на ноги.

Мы пойдем к вашему столу, и Чимберли поставит нам один-два флакона. — И он повел Морну через павильон к столу, где она сидела со своим мужем Чимберли. Компания встретила Говарда прохладно и с немногочисленными приветствиями. Он ответил в том же духе.

— Спасибо вам всем. Морна соблазнила меня этими замечательными старыми «Голубыми Слезами», и я с удовольствием отведаю их. Леди и джентльмены, мои наилучшие пожелания! Пусть праздники никогда не покидают ваше сердце!

— Здесь нет официальной программы, — сказал Джернер. — Ты не заметил никого из своих старых друзей?

— Только вы, — сказал Говард Хардоа. — Вы говорите нет программы? Мы должны исправить это дело. Ведь встреча должна быть памятной! Спасибо, Чимберли, я выпью другого джина. Эй, маэстро Кутте, сыграйте что-нибудь!

Вольдемар Кутте поклонился всей верхней половиной туловища с суровым видом. Говард Хардоа засмеялся и откинулся на спинку стула.

— Он не изменился на йоту; все тот же сухой старикан. Некоторые из нас изменяются в одном направлении, некоторые — в другом. Правильно, Клой? Ты ошутимо изменился: в самом деле, ты, кажется, отпустил живот?

Клой Садалфлори покраснел:

— Я не хотел бы, чтобы эта тема обсуждалась.

Но Говард Хардоа уже вел разговор в другом русле:

— Во Флатер Тунсипе так много Садалфлори, что

я не могу разделить отдельные ветви этого семейства. Мне кажется, вы из главной ветви?

— Совершенно верно.

— А кто сейчас глава семьи?

— Это мой отец, мистер Номо Садалфлори.

— Он сегодня отсутствует?

— Но ведь он не учился с нами в одном классе.

— А что с Саби Садалфлори, которая была когда-то такой красивой?

— Ты, очевидно, имеешь в виду мою сестру, миссис Саби вер Аз. Она здесь.

— Где же она сидит?

— Вот за тем столом, со своим мужем и другими...

Говард Хардоа рассматривал темноволосую даму за столом в двадцати футах от них. Он поднялся и подошел к ней.

— Саби! Ты узнаешь меня?

— Мне кажется, это Говард Хардоа,— голос Саби вер Аз не отличался теплотой.

— Да, это я. Не представишь ли ты меня своим друзьям?

— Мой муж, Поль. Мои дочери, Мирл и Нод, мистер и миссис Дженат с реки Виста, мистер и миссис Гилди с озера Скуни и их дочь Хальда.

Говард Хардоа поблагодарил за знакомство и повернулся к Саби:

— Как я рад, что встретил тебя снова! Теперь я вижу, что пришел не зря. А твои дочери так же прелестны, как и ты в их возрасте.

Голос Саби был настолько холодным, что казался подернутым ледком:

— Удивительно, что ты решил вспомнить старое.

Поль вер Аз сказал:

— Удивительно, что ты вообще решился появиться.

Говард Хардоа уныло улыбнулся:

— Меня же пригласили. Или это не мой класс и не моя школа?

Поль вер Аз несколько грубовато заметил:

— Об этих вещах лучше не говорить.

— Совершенно верно.— Говард пододвинул стул и сел.— Если позволите, я попробую вашего «Аммара».

— К столу я вас не приглашал.

— Тише, Поль, не будь скаредным!

Говард Хардоа откинул назад голову и засмеялся:

— Я рад встретить вас всех.— Он взял руку Мирл

и поцеловал ее пальцы. — Особенно тебя, девочка. Я совершенно взволнован — как бы точнее передать это чувство? — ненасытно, нет, это даже не то слово — восхищение прекрасной девушкой. И еще до того, как кончится вечер, мы встретимся снова.

Поль вер Аз начал приветствовать, но Говард Хардоа уже отвернулся от Мирл. Он поднес бутылку «Аммара» к губам и проглотил ее содержимое залпом.

— Освежает! — изящным движением он бросил флакон в корзину.

Внимание Саби было отвлечено. Она тронула своего мужа за руку.

— Поль, кто эти люди? — Она указала в конец павильона. Там стояли трое мужчин с тяжелыми лицами, в серой и черной униформе и черных касках. Каждый держал короткое тяжелое ружье.

Миссис Джанет тихо вскрикнула:

— Они повсюду! Они нас окружили!

Говард Хардоа небрежно произнес:

— Не обращайтесь на них внимание. Это часть моей охраны. Вероятно, надо сделать объявление, чтобы никто не беспокоился.

Говард Хардоа запрыгнул на сцену, где располагался оркестр.

— Школьные товарищи, старые знакомые, все остальные, вы заметили вокруг группы людей, похожие на военные отряды? Это один отряд моих спутников. Сегодня они одели эти крайне отталкивающие костюмы, которые своим цветом говорят нам, что их обладатели в мрачном настроении. Когда они одевают желтые, вы увидите их оживленными и веселыми. Когда они одевают белое, мы называем их «мертвыми куклами».

А теперь воспользуемся их мудрым советом и проведем вечер удовольствий! Все продолжают вечеринку. Пусть воспоминания текут своим чередом. Дженф Садалфлори сказал мне, что никаких развлечений особо не планировалось. Это меня несколько огорчило, так что я решил составить маленькую программу. Позвольте мне коротко рассказать о себе. Возможно, что из всех, посещавших старую добрую школу, я был наиболее наивным. Я теперь поражаюсь этим иллюзиям. Каким мечтателем я был двадцать пять лет назад! В школе я придумывал волшебный новый мир незаконных удовольствий и мучительных вожделений. Но когда я пытался найти себя, то получал отпор. Все возвращалось ко мне извра-

щенным. К этому бедному мальчику придирались, его оскорбляли, над ним насмехались и дали идиотскую кличку «Фимфл». Я уверен, что Блой Садалфлори был первым, кто использовал это выражение. Я верно говорю, Блой?!

Блой Садалфлори надул щеки, но ничего не ответил.

Говард Хардоа опустил голову, покачав ею с удивлением.

— Бедный Говард! Девушки относились к нему не-намного лучше. Даже теперь я вздрагиваю, вспоминая их пренебрежение. Саби Садалфлори играла в жестокую игру, которую я не буду описывать. Теперь я приглашаю ее очаровательных дочерей совершить круиз на борту моего корабля. Мы посетим интересные районы космоса, и я уверяю их, что в моей компании они не будут скучать. Возможно, что Саби будет терзаться и испытывать одиночество, но она должна была предвидеть возможные последствия своих поступков двадцатипятилетней давности, которые меня самого привели к бегству из Глэд-битука!

В данном перечне фактов ничто не было мне полезно. Теперь я очень богатый человек. Я могу купить весь Глэдбитука и не заметить этого. С философской точки зрения я вполне определенная личность. Я присоединяюсь к Доктрине Космического Равновесия. Теперь скажу относительно сегодняшней программы. Я назвал ее довольно оригинально: «Мечта Выдающегося Школьника о Справедливости!» Я совершенно счастлив, что в моих руках возможность распоряжаться обстоятельствами!

Корнелиус ван Вайерс, председатель по строительству праздника, поспешно вышел вперед.

— Говард! Ты говоришь экстравагантные глупости! Это не просто несерьезно, но в сущности ты доставил нам удовольствие. Садись, наконец, на место, ты хороший парень, а нам всем вечер понравится.

Говард поднял палец. Два спутника вывели Корнелиуса ван Вайса из павильона и закрыли в женском туалете, и этим вечером его больше никто не видел.

Говард Хардоа повернулся к оркестру. Герсен, сидевший в двадцати футах от него, надеялся, что широкополая шляпа и кроткое выражение лица, являются хорошей маскировкой.

Говард Хардоа едва взглянул на него.

— Маэстро Кутте! Мне доставляет огромное удовольствие встретить вас снова! Вы помните меня?

— Не особенно отчетливо.

— Это потому, что вы разозлились на меня и вырвали скрипку. Вы сказали, что я играю, как напившаяся белка.

— Да, помню этот случай. Ты произвел грубую вибрацию. В попытке сентиментальности ты произвел диссонанс.

— Интересно, а вы не играли в этом стиле?

— Никким образом. Каждая нота должна быть логически завершенной и точной, и ограничена с каждой стороны.

— Позвольте мне напомнить вам о труде музыканта,— сказал Говард Хардоа.— Когда вы перестаете расти, вы начинаете опускаться. Вы никогда не играли в стиле «напившейся белки», а сейчас пришло время, когда вы должны попытаться. Для того, чтобы играть, как «напившаяся белка» — тогда как вы не являетесь белкой вовсе — вы, по крайней мере, должны напиться. Здесь у нас есть необходимые эссенции. Пейте, профессор Кутте, а потом играйте! Так, как раньше вы никогда не играли.

Маэстро Кутте наклонился и оттолкнул в сторону предложенные бутылки.

— Простите, но я не употребляю ферментов или спирта. Учение категорически запрещает их использование.

— Ба, сегодня мы бросаем вызов теологии, мы набрасываем на нее покрывало, как могли бы набросить платок на болтливого попугая. Доставьте нам радость! Пейте, профессор! Пейте здесь, или же вне павильона, со спутниками.

— Пить я не хочу, но если принуждают насильно...— Кутте опрокинул содержимое флакона себе в рот. Он закашлялся.

— Вкус горький.

— Да, это «Горький Амари». А теперь попробуйте «Дикий Солнечный Свет».

— Это несколько лучше. Позвольте мне попробовать «Голубые слезы»... Так. Отлично. Но этого достаточно.

Говард Хардоа засмеялся и хлопнул Кутте между его узких плеч. Герсен смотрел на него с тоской. Так близко и так далеко! Один из музыкантов рядом с ним пробормотал:

— Этот человек безумен! Если он подойдет ближе, я ударю его своим инструментом по голове: вы сможете

играть на флейте, и мы сделаем его беспомощным мгновенно.

У входа стояли двое мужчин: первый низкий и толстый, как обрубок, с большой головой и крупными чертами лица; второй — худощавый, мрачный, с короткими черными волосами, худыми щеками, с длинным бледным подбородком. Они не были одеты в униформу спутников.

— Видите тех двух людей? — Герсен незаметно указал на них. — Они наблюдают и только и ждут от кого-нибудь подобной глупости.

— Я не намерен допускать унижение! — сказал музыкант.

— Сегодня вечером вам лучше вести себя осторожнее, а то вы можете не дожить до завтрашнего дня.

Вольдемар Куттё пробежал пальцами по волосам, его глаза остекленели, и он шатался, когда поворачивался к своему оркестру.

— Сыграйте что-нибудь, — окликнул его Говард Хардоа. — В стиле «напившейся белки», пожалуйста.

— «Цыганский костер в Аолиане».

Говард Хардоа внимательно слушал, как играет оркестр. Наконец он закричал:

— Довольно! Теперь переходим к программе! Мне доставляет большое удовольствие присутствовать на сегодняшней вечеринке. Она состоялась спустя двадцать пять лет. Так как я импресарио, и так как темы взяты из моего собственного жизненного опыта, то субъективная точка зрения не удивительна.

Итак, начнем! Я вращаю назад колесо истории. Сейчас мы находимся в школе с нашим милым Говардом Хардоа, которого донимали задиры и изменчивые девочки. Я вспоминаю один такой случай. Маддо Страбини, я вижу тебя вон там, ты выглядишь теперь более представительным, чем тогда. Выйди вперед! Я хочу напомнить тебе один случай.

Маддо Страбини смотрел сердито и с вызывающим видом. Спутники приблизились. Он поднялся на ноги и неспешно подошел к оркестровой сцене, высокий дородный мужчина с темными волосами и тяжелыми чертами лица. Он стоял, глядя на Говарда Хардоа со смешанным чувством презрения и неуверенности.

Говард Хардоа заговорил резким голосом:

— Как приятно видеть тебя спустя столько лет! Ты все еще играешь в теннис?

— Нет. Это игра для детей — гонять мяч вперед-назад.

— Когда-то мы оба думали иначе. Я пришел на корт со своей новой ракеткой и мячом. Ты явился туда вместе с Ваксом Баддлом и вытолкал меня с корта. Ты сказал: «Охлади свой пыл, Фимфл. Потренируйся на заднем дворе». А потом вы играли, используя мой мяч. Ты помнишь? Когда я стал возражать, говоря, что пришел первым, ты сказал: «Заткнись, Фимфл. Я не могу играть хорошо, когда у меня в ушах стоит твоё нытье». Когда же вы прекратили игру, ты забросил мой мяч за забор и он потерялся в траве. Ты помнишь?

Маддо Страббино не ответил.

— Я долго переживал ту потерю, — продолжал Говард Хардоа. — Этот случай запал мне в память; цена мяча была пятьдесят центов. Мое время, потраченное на ожидание и поиски мяча, стоит еще один СЕВ, то есть всего полтора СЕВа. С учетом двадцатипяти процентов годовых набегаёт еще шестнадцать СЕВов двадцать пять центов и два фартинга. Добавь десять СЕВов в качестве наказания за все, округли, и получится двадцать шесть СЕВов. Заплати мне сейчас.

— Я не ношу с собой такой суммы денег.

Говард Хардоа проинструктировал своих спутников:

— Порите его в течение двадцати шести минут, потом отрежьте ему уши.

Страббино сказал:

— Подождите минуту... Вот деньги.

Он достал монеты, потом повернулся и пошел к своему столу.

— Еще не все, — сказал Говард Хардоа. — Ты заплатил мне только за потерянный мяч. Сиди тихо, сказал ты.

Спутники поставили перед сценой деревянный стул, на котором был закреплен кусок льда. Они подвели Маддо Страббино к стулу, сняли с него брюки, посадили его на лед и крепко привязали.

— Сиди спокойно, охлади свою собственную задницу, — сказал Говард Хардоа. — Ты выкинул мой мяч, а меня так и подмывает приказать отрезать тебе мошну, но я понимаю, что это твоё единственное семейное развлечение. Мы сделаем по-другому...

Вперед вышел один из спутников и приложил ко лбу Маддо Страббино клеймо: тот закричал от боли. Когда тавро было убрано, на коже осталась буква «Ф».

— Это, первая буква пресловутого прозвища «Фимфл»,— сказал Говард Хардоа.— Это будет меткой для каждого, кто, если я вспомню, упоминал эту кличку. Давайте следующим номером программы объявим этого тучного борова.

Блой Садалфлори был раздет догола, и на нем были вытатуированы буквы «Ф» по всему телу, кроме ягодич, где Фимфл было написано полностью.

— Ты придерживаешься моды,— сказал Говард Хардоа, критически осмотрев его.— Когда ты будешь купаться в озере Скуни, и твои друзья спросят, почему ты пятнистый, как леопард, отвечай: «Я наказан за длинный свой язык!»

Эй, спутники, ведь верно! Пометьте-ка заодно и его язык, как и все остальное.

Итак, кто следующий? Эдвер Бисси? Вперед, пожалуйста... Помнишь Анжелу Дайн? Хорошенькую маленькую девушку из низшего сословия? Я восхищался Анжелой со всем пылом своего романтического сердца. Однажды, когда я стоял, разговаривая с ней, подошел ты и оттолкнул меня в сторону. Ты сказал: «Беги вдоль, Фимфл. Выбирай направление, Анжела и я пойдем другой дорогой». Я ломал голову над этим приказом долго и часто. «Беги вдоль...» Вдоль чего? Дороги? Воображаемой линии? Длинного пути? — Голос Хардоа был гнусавым и педантичным.— В этом случае мы упростим дело и вообразим беговую дорожку вокруг павильона. Ты будешь бежать по «длинному пути» «вдоль» этого курса, и мы узнаем, как правильно расставить акценты. Четыре собаки будут преследовать тебя и кусать за ноги, если ты станешь останавливаться. Эй, Эдвер! Дай нам посмотреть на пару быстрых ног, когда ты будешь бежать «вдоль». Жаль, что маленькой Анжелы здесь нет, чтобы повеселиться вместе с нами.

Спутники поставили Эдвера Бисси на курс и заставили бежать, а четыре гончих мчались сзади с рычанием и лаем.

Стоящий рядом музыкант пробормотал Герсену:

— Вы когда-нибудь видели подобное! Этот человек безумец, если устраивает такие представления.

— Будьте осторожны,— сказал Герсен.— Он слышит шепот, произнесенный десять минут назад на расстоянии мили. Пока он ведет себя еще благоразумно, он в хорошем настроении.

— Надеюсь никогда не увидеть его в ярости.

Программа продолжалась.

Олимпия Сметед назначила Говарду свидание в Блинник Понд Пикник Граунд. Говард протащился десять миль и ждал четыре часа только для того, чтобы увидеть, как Олимпия приехала в компании с Гардом Фориблимом.

— Теперь тебя доставят в отдаленное место, — сказал Говард Олимпии. — Ты подождешь до восьми утра, а потом прогуляешься пешком двадцать миль до реки Лиггал. Но чтобы ты навсегда запомнила этот случай, я придумал тебе наказание.

Олимпию раздели донага до пояса; одна грудь ее была покрашена в ярко-красный цвет, другая — в ярко-синий, а дополнительно ей на живот была поставлена лиловая буква «С».

— Прекрасно! — воскликнул Говард Хардоа. — В будущем тебе будет затруднительно обманывать и пользоваться доверием молодых ребят.

Затем Говард сосредоточил свое внимание на Леопольде Фриссе, а Олимпия была выведена из павильона и унесена в ночь.

Леопольд обучал молодого Говарда целовать себя в зад. Теперь же шесть свиней были поставлены перед Леопольдом в соответствующую позу, и он должен был целовать каждую в анальное отверстие.

Ипполита Фауер ударила Говарда по лицу на парадном крыльце школы, и была отшлепана двумя спутниками, пока профессор Кутте играл на скрипке, чтобы заглушить ее крики.

Но долго он не выдержал. Кутте упал на колени, с трудом проводя смычком по струнам. Говард Хардоа с отворачиванием выхватил у него скрипку.

— Я выпил в пять раз больше тебя! — сказал Кутте он. — Ты хвастался компетентностью в музыке, а не можешь играть даже тогда, когда немного выпьешь! Я сыграю намного правильнее. — Он сделал сигнал спутникам, и те продолжали хлестать Ипполиту, которая возобновила свои крики, тогда как Говард играл на отобранной у Кутте скрипке. Он начал пританцовывать, продолжая играть, время от времени поднимая то одну, то другую свою длинную ногу и слегка притопывая ею, важно выступая вперед и подгибая колени; его глаза были полузакрыты, а лицо — неподвижно.

Сосед со смущением сказал Говарду:

— По правде говоря, он играет приятно... Уверенно,

заметьте, как умело он акцентирует на криках женщины. Меня так и подмывает закричать «браво».

— Ему это было приятно,— сказал Герсен.— Но в малом, наверное, будет лучше не привлекать к себе внимание.

— Думаю, что вы правы.

Мелодия подошла к концу, и Ипполита вернулась в изнеможении к своему столу. Настроение Говарда Хардоа требовало музыки.

Он повернулся к оркестру:

— Теперь все вместе, с огоньком, редкостными тонами и точным исполнением,— «Удовольствия Поттивилла».

Герсен толкнул локтем музыканта:

— Какая флейта?

— С медной каймой.

Говард Хардоа топнул ногой, мелодия зазвучала. После первого куплета Говард потребовал тишины.

— Красиво, только красиво! Кларнет, более резко! Эй ты, на дудке, почему ты не играешь традиционное соло?

Герсен изобразил смущенную улыбку.

— Я плохо знаю эту партию, сэр.

— Тогда ты должен практиковаться в игре на своем инструменте.

— Я делаю все, что могу, сэр.

— Еще раз только поживее!

Мелодия была сыграна, а Говард Хардоа продолжал свой абсурдный танец.

Внезапно он остановился, топнув ногой, поднял руки над головой, размахивая с возмущением скрипкой и смычком.

— Ты, с дудкой! Почему ты не играешь, как положено? К чему это нелепое пи-па-па, пи-па-па?

— Видите ли, сэр, по правде говоря, так я научен играть на этом инструменте.

Говард Хардоа схватился за голову, сдвинув шляпу в яростном нетерпении.

— Ты раздражаешь меня до исступления своим пи-па-па! И своим идиотским лицом, злобно смотрящим. Спутник! Возьмите этого кретина и окуните в реку его! Мир будет лучше без музыкантов такого сорта.

Спутники схватили Герсена, стащили его со сцены. Говард обратился к публике:

— Вы являетесь свидетелями важного события. Все

люди делятся на три категории: первые — личности, привередливые в дискриминации и вкусах; вторые — вульгарные массы — служат сами себе примером; а третьи — никудышные выскочки, подражающие стилю лучших. К последним относится вот этот музыкант. Таких надо останавливать! А теперь — музыка! Кто хочет, может танцевать!

Два спутника выволокли Герсена из павильона и потащили его по склону к реке. Третий небрежно шел сзади. Герсену ничего другого и не надо было. Они спустились вниз, к лодочной станции, и прошли в дальний конец, где волшебные фонари отражались в мелкой ряби темной воды.

Спутники подняли Герсена за руки и брюки. Герсен висел безразличный и расслабленный.

— Считаю до трех и отправляю его своей дорогой. Начали!

— Начали,— сказал Герсен. Он извернулся, вырвался из рук, нанес стоящему слева страшный удар по шее, сломав ему горло. Другого он ударил кулаком в висок и почувствовал ломающуюся кость. Повернувшись и пригибаясь он бросился под ноги третьего человека, который пошатнулся, потерял равновесие и упал назад, подставив под себя руки. Герсен поймал его в захват, перевернул лицом вниз, наступил своими коленями ему на плечи, дотянулся до его рта, внезапно дернул вверх и назад и сломал ему хребет.

Тяжело дыша, Герсен встал на ноги. Менее чем за три секунды он убил трех человек. Герсен взял одно из ружей, пистолет, пару кинжалов, потом столкнул тела в реку.

Он пошел назад к павильону. Музыка прекратилась. Спутники, имеющие связь по радиоканалам, заметили беспорядок на берегу.

Герсен мельком увидел нескольких спутников, бегущих, пригнувшись, из павильона. Говард Алан Трисонг стоял на сцене, глядя в его направлении. Герсен поднял ружье, прицелился и выстрелил как раз в тот момент, когда Говард Трисонг спрыгивал со сцены. Тот подпрыгнул в воздухе, раненный в плечо. Герсен выстрелил снова и поразил Говарда Трисонга в пах, снова заставив его завертеться. Потом Трисонг упал на пол павильона и исчез из поля зрения Герсена.

Герсен заколебался, порываясь то назад, то вперед, почти непреодолимо подгоняемый желанием броситься

вперед и убедиться в смерти Говарда Трисонга... Но опасность была слишком близка. Если Говард Трисонг только ранен, что было вероятнее всего, то это было бы полным крахом. Но больше нельзя было ждать. Метнувшись в тень деревьев, он обежал павильон, оказавшись на дороге, там он спрятался среди стоявших машин. Показались трое спутников, бежавших вдоль фасада павильона; Герсен прицелился и три раза выстрелил — три тела упали на землю.

Герсен быстро вскочил на ноги и осмотрелся, надеясь увидеть Трисонга и выстрелить еще раз. Но опасность резко возросла. Герсену грозила гибель, поэтому он перебежал дорогу и спрятался в зарослях. Неожиданно гигантский силуэт заслонил звезды, зависнув над павильоном. Яркие лучи прожекторов осветили все вокруг... Герсен решил больше не ждать, вскоре поисковые группы будут прочесывать окрестности. Он подбежал к берегу реки, прыгнул в воду и поплыл на север.

Он переплыл реку и спустился еще на четверть мили вниз по течению, вылез на берег, мокрый, как ондатра, и встал, вглядываясь в окружающую его тьму. Снова провал. Еще более раздражающая неудача. Во второй раз только ранил противника.

Он смотрел на юг, где оставил раненого Трисонга со своими спутниками и кораблем. С корабля были спущены контейнеры, а через минуту вновь подняты наверх.

Прожектора были погашены; теперь корабль висел черной массой с линиями освещенных иллюминаторов по бортам, он поднялся вверх на тысячу футов и парил там.

Внутри корабля мозг Трисонга не мог оставаться пассивным. Сигнал тревоги пришел со стороны дока, куда спутники потащили глупого музыканта. Кто был этот музыкант, которого профессор Кутте пригласил играть с оркестром? Несомненно, этот вопрос будет задан Кутте, который живо расскажет все, что знает: музыкант был с другой планеты, и он желал участвовать во встрече.

Инопланетянин? Он должен, без сомнения, быть схвачен. Сейчас же будут произведены поиски в гостиницах, городах, транспортных агентствах, космопортах. В космопорте найдут «Фэнтомик Флайтлернинг». В регистратуре узнают имя Курта Герсена. И это станет известно Говарду Трисонгу. Герсен поморщился. Он поднялся на берег и направился к северу, на Голчер Бэй,

затем около кладбища свернул на запад. На главной улице Герсен остановился на мгновение, подумав об автомобиле, но более необходимым представлялось увидеть профессора Кутте, и он продолжил путь на Голчер Бэй к дому Кутте.

В окнах, выходивших на улицу, горел свет. Держась в тени, Герсен приблизился к дому. Вольдемар Кутте в халате каштанового цвета шагал по комнате взад и вперед, держась за голову.

Прошло много времени, подумал Герсен, но здесь все тихо. Корабль Трисонга мог уже улететь, а идиот-музыкант оставался бы неразрешенной загадкой...

И все-таки Герсен решил немного подождать. Он нашел укромное местечко позади изгороди и затаился там.

Проходили минуты: пять, десять.

Герсен раздраженно сменил позу. Он осмотрел небо, но увидел только звезды и странный рисунок созвездий. Он поднялся, приводя себя в порядок; его одежда все еще была сырой.

Слабый звук раздался сверху. Герсен мгновенно насторожился. Опять! Что это?

С неба спускалась небольшая авиетка. Тихо, как тень, она скользнула, приземляясь на улице, в десяти ярдах от того места, где спрятался Герсен. Три человека спустились на землю — черные силуэты на фоне звезд. На минуту они остановились, тихо переговариваясь, очевидно удостоверившись, что это действительно дом Кутте.

Герсен, пригибаясь, пробежал за оградой, обогнул посаженные у дома кусты и притаился за воротами.

Через окно было видно, как Вольдемар Кутте в позе возмущения и негодования рассказывал о событиях вечера маленькой женщине, охваченной ужасом. Два человека подошли по дороге. Они свернули во двор дома Кутте. Герсен обрушил на первого удар железной калиткой, бросился ко второму и пронзил его сердце кинжалом.

Не раздалось ни звука. В доме профессор Кутте, как и раньше, продолжал ходить вперед и назад, размахивая руками, делая паузы, чтобы подчеркнуть некоторые особенно ужасные эпизоды.

Герсен подошел к ограде и посмотрел в сторону машины. Третий человек стоял, прислонившись к авиетке спиной. Герсен, крадучись, вышел на улицу позади него. Взмахнув кинжалом, он перерубил тому спинной мозг.

На пассажирские сиденья в авиетке Герсен уложил три трупа. Он поднялся в воздухе, пролетел над Глэд-битуком, погруженным в темноту ночи, и приземлился во дворе позади гостиницы Санчера. Он тихо пробрался в свою комнату, переоделся в обычную одежду, засунул в карман «Книгу Снов». Вернувшись к авиетке, он поднял машину и направился на Теобальд.

Над рекой Далглиш он снизился, сбросил тела спутников, затем продолжил полет. Наконец внизу показались огни Теобальда. Красные и синие мерцающие лампочки обозначали очертания космопорта. Незамеченный и не потревоженный никем, Герсен приземлился рядом со своим «Фэнтомик Флайтлернинг». Он поднялся на борт. Затем он вспомнил об авиетке. Если Говард Трисонг найдет ее здесь, около места, занимаемого ранее его кораблем, он сможет додумать остальное. Служащий порта предоставит ему регистрационные записи «Фэнтомик Флайтлернинг», и следы приведут прямо к Кирту Герсену и Джеану Адделсу на Понтефракт. Герсен включил автопилот, зафиксировал управление и отправил авиетку в полет через ночь.

Он вернулся на корабль, запустил двигатели и оставил Страну Леландера внизу... На высоте десяти миль он прекратил подъем и начал исследовать небо.

Но ни макроскоп, ни радары, ни ксенодный детектор не могли обнаружить никаких следов корабля Трисонга.

Герсен улетел далеко на север и приземлился на просторах безлюдной тундры, вдали от детекторов Трисонга, если бы тот вздумал использовать их.

Вокруг корабля властвовали тишина и лунный свет. Герсен поудобнее устроился в кресле, крайне усталый, но странные мысли не давали ему уснуть: нервное напряжение медленно спадало, разочарование оттого, что ему не удалось убить Трисонга уступало место мрачному удовлетворению тем, что ему удалось сделать, заставить Трисонга испытывать злобу, страх, неуверенность и боль: не такая уж и плохая работа.

Взяв «Книгу Снов» Герсен стал ее изучать. Но он слишком устал, чтобы быть упорным... Он забрался в постель и вскоре уснул.

Утром Герсен пил чай, а в окно падали косые лучи солнца. Низкие холмы теснились у южного горизонта. Землю покрывали серо-зеленые лишайники, прерываемые группками камыша и черными проплешинами земли с алыми ягодами.

Встреча одноклассников в Глэдбитуке, казалось, происходила где-то далеко в пространстве и времени.

Герсен прошел в салон и выпил еще чашку чая. Сидя на комингсе входного люка в бледном свете Звезды Ван Каата, он снова заставил себя просмотреть «Книгу Снов».

Чай остыл. Герсен читал страницу за страницей и дошел, наконец, до того места, где юный Говард прервал свои записи чуть ли не на середине предложения.

Герсен отложил книгу и уставился в пространство. Когда-то Говард Хардоа очень дорожил этой книгой. Для Говарда Трисонга она могла представлять воспоминания о юности, полные сладкой печали. Однако она представляла гораздо большее — определяла его сущность. Предположим, что он теперь узнает о ее существовании... Создается очень сложная ситуация. Говард был уверен, что книгу у него украл его бывший друг. Пимпи Клидхо. Осталось решить самый важный вопрос: где теперь находится Пимпи Клидхо?

Герсен сидел в задумчивости. Он грезил о молодом Хардоа, слабом, чувствительном: о Говарде Трисонге, сильном, окруженным тайной.

Снова взяв «Книгу Снов», Герсен подумал, что от нее словно чувствуется трепет подобия жизни... При первом прочтении книга казалась просто бесформенной смесью. Там были личные рассуждения, разговоры между семьей паладинами, двенадцать песен, как версий повествования. Последняя глава была на языке Наомей, известном только семи паладинам, и включала азбуку с буквами и триста пятьдесят понятий, по которым Наомей мог быть правильно расшифрован. Перед тем, как юный Говард полностью развил Наомей, книга прерывалась.

Очевидно, книга занимала Говарда на протяжении ряда лет. Предисловие занимало полторы страницы — это было заявление, в котором чуткое ухо услышало бы много яркого и неотразимого, тогда как типичный человек не заметил бы ничего, кроме неопытной напыщенности. То же самое, подумал Герсен, можно сказать и обо всей

книге; впечатление о ней шло вразрез с представлением о том, чего может достигнуть юношеская фантазия. В этом свете термин «неопытная напыщенность» был бы отброшен, а на вооружение взято выражение «слабое преуменьшение».

Книга начиналась так:

«Я — Говард Алан Трисонг. Я не признаю верности к Хардоа и тому подобное. То, что мое рождение имело место посредством вмешательства Адриана и Ребе Хардоа — это случай, который был для меня неподконтролен. Я предпочитаю говорить о своем происхождении в другом роде:

Я произошел от коричневой земли, которую я теперь сжимаю в руках, от мокрого дождя и стонущего ветра. Моя материя пропитана десятью цветами, из которых пять содержатся в цветах леса Даак, а пять могут быть выбраны из спектра сияния Мемон.

Такова материя моей сущности.

Я претендую на линию Демабно Атконза¹ от его союза с принцессой Гиссет из башни Трисонг, откуда появился Корл Трисонг, Рыцарь Пламенного Копья. Мой вистгейст² известен по имени тайной магии.

Это имя ИММИР.

На следующей странице был прикреплен рисунок, выполненный неумелой рукой, однако со старанием и непосредственностью. Был изображен нагой мальчик, стоящий перед нагим молодым мужчиной: мальчик — рослый и решительный, с ясным и умным взглядом: мужчина немного худощавый, но что-то заставляло смотрящего на рисунок думать о нем, как о сильном и отважном.

Это, подумал Герсен, было изображение молодого Говарда и его вистгейстера Иммира.

На следующей странице была подборка афоризмов; некоторые четкие, другие столь туманные, что был неясен их смысл:

«Проблемы подобны деревьям Блидстонского леса; всегда есть дорога между ними».

Я — вещь в себе. Я верю. Я волнуюсь, и это истина.

¹ Главный персонаж героического цикла сказок «Хазм фолиот». коллекция саг и сказаний, признанной вредным Учением.

² Термин из жаргона Учения: идеализированная версия чьего-либо бытия. Учение определяет вистгейст крайне туманно, но убеждает личность попытаться в течение всей жизни следовать блаженству вистгейста, формирует сущность, полностью свободную от суждений Учения.

Я побеждаю героев: я ухаживаю за прекрасными дамами. Своим пылким убеждением я обгоню время и думаю о том, о чем думать невозможно. Мне подвластны тайные силы. Одна из них находится внутри меня: иногда она выходит на поверхность, и последствия этого появления ужасны. Это ВЛОН, который не может быть открыт никому.

Мне нравится Глайд со светлыми волосами. Она существует в грезах и снах, как анемона, живущая в холодной воде. Она не осознает, что я — это я. Желал бы я знать дорогу к ее душе. Хотел бы я быть волшебником, чтобы следовать путями нашей мечты. Если б я только мог говорить с ней звездным светом, как проникает он в тихие воды.

Я могу видеть контуры путей, чтобы использовать их во имя своей власти. Я учусь многому. Страх, паника, террор — они как дикие звери, которые должны быть приручены и заставлены служить мне. Это должно быть сделано. Куда бы я ни шел, они следуют за мной по пятам, невидимые и неведомые.

Глайд!

Я знаю, что она должна сознавать.

Глайд!

Она сделана из звездного света и цветочной пыли, она дышит памятью полночной музыки.

Я удивлюсь, я удивлюсь, я удивлюсь.

Сегодня я показал ей знак, случайно, как будто он не имеет значения. Она посмотрела на него, потом посмотрела на меня. Но она не сказала ничего.

(Следующие несколько заметок носили следы подчисток, а там были места, переписанные более твердой рукой.)

Что такое власть? Это средство осуществить то, что желаешь. Для меня власть становится необходимостью; сама по себе она добродетель и бальзам, сладкий, как поцелуй девушки.

Я одинок. Враги окружают меня, смотрят безумными глазами.

Глайд, Глайд, почему ты так сделала? Я лишился тебя, ты порочна и испорчена. О, милая порочная Глайд! Ты узнаешь горечь сожаления и раскаяния, ты споешь песню горя. Что касается собачьей шкуры Таапера Садалфлори, то я посажу его на янтарную гондолу, отвезу на остров Слаймаркот и отдам на растерзание козлам. Но впереди еще много времени обдумать это.

В тексте было пропущено много страниц, затем записи возобновились темными лилово-синими чернилами. Рука казалась более твердой; характеры выписаны более правдиво. Последующие записи были озаглавлены:

МАНТРИКИ

Аккумуляция власти — это самоподдерживающийся процесс. Прирост первого низок, но он увеличивается согласно дирекции¹. Необходимо сделать первые шаги.

Однообразие и беззаботное житье — просто растительное существование. Во время этой фазы невозможно привести хоть какие-то суждения. Дисциплина, сама по себе — не отвлеченное понятие. Она освобождает от Учения, от долга.

Очевидно, прошло время, возможно несколько месяцев. Дальше почерк был крупным, заостренным, угловатым и выделял почти осязаемую энергию.

Новая девушка в городе появилась!

Ее имя — Зада Мемар.

Зада Мемар.

Все время думаю о ней.

Она существует в своем пространстве, раскрашенном в свои цвета. Как же мне присоединить ее пространство к моему? Как же мне разделить с нею мои секреты? Как можем мы объединить в одно целое наши тела, души, порывы? Интересно, знает ли она меня так, как я знаю ее?»

Затем следовало несколько страниц экстравагантных рассуждений над Судьбой и Обстоятельствами, последующими за возможностью встречи Говарда с Задай Мемар.

Следующая часть состояла из страстных обещаний Заде Мемар, обращенных к ее сознанию. Там не было определенной нити, сообщений о прогрессе или развязке любовных отношений.

Враги окружают меня; они таращатся на меня безумными глазами, проходя мимо, или, как бы проносимые ветром; они вызывающе нагло привлекают внимание. Я постоянно вижу их.

Сейчас настало время. Я вызываю Иммира.

Иммир! Явись!

¹ Дирекция равно заменяется выражением «личный контроль», персональная манипуляция.

Пустая страница и разделение «Книги Снов». Предшествующее можно было назвать «Часть первая». «Часть вторая» была написана округлым твердым почерком. Раздражающая горячность предыдущих строк, казалось, попала под сильный контроль.

Над этим местом, которое стало для меня священным, я пустил себе кровь, я поставил Знак. Я сказал Слово, я вызвал Иммира, и он пришел.

Я сказал, Иммир! Сейчас настало время. Встань вместе со мной!

— Несомненно, мы — одно целое.

— Теперь мы должны определить наши отношения. Нам надо организовать это так, чтобы каждый знал каждого, всех паладинов.

— Так будет. Приходите, становитесь в свете луча Мемон и благоухайте, подобно цветам.

Луч ударил в черный драгоценный камень, появился великолепный черный рыцарь, он и Иммир обнялись, как старые приятели.

— Первый паладин здесь: это Джеха Рамс Мудрый. Он подсчитывает возможные варианты и советует неизбежное, без слабости, сожаления, жалости и мягкости.

— Добро пожаловать, благородный паладин. Иммир подставил лучу камень, и появился человек, одетый в темно-красные доспехи, присоединяясь к двум другим.

— Это Лорис Хозигер, красный паладин. Он знает искусства и занимается ими. Без труда он совершает деяния, которые невозможны для обычного человека. Ему незнаком страх. Он смеется, когда начинается битва.

— Иммир. Кто теперь присоединится к нам?

Иммир, использовал зеленый драгоценный камень, и некто, одетый в зеленые одежды, вышел вперед. Высокий и сильный, он стоял перед нами, его волосы были полны полночью, и глаза горели зеленоватым светом.

— Это Мьюнесе, выдающийся паладин, гибкий и странный, мрачный в своей манере мыслить. Он не знает себе равных в разгадке ребусов, он также самый талантливый музыкант, искусный в игре на различных инструментах.

— Зеленый Мьюнесе, ты будешь паладином вместе с нами?

— С великой радостью и навсегда.

— Замечательно! Иммир, кто теперь?

Иммир выбрал красивый топаз и подставил его под луч Мемон, и появился человек, одетый в черную кирасу,

в желтых сапогах и кольчужных рукавицах. Иммир приветствовал его и назвал Спенглвэй Гротеси.

— Нам сопутствует счастье, раз с нами веселый Спенглвэй. Он поможет нам, когда путь покажется утомительным. В сражении он хитер и мастер ужасных проделок; среди нас только Мьюнесе может состязаться с ним.

— Иммир, к кому еще мы обратимся?

— Я подставляю этот сапфир лучу Мемон; я вызываю Рума Фадера Синего!

Человек стройный и сильный, подобный солнечному лучу памяти выступил вперед.

— Это наш Рум, красивый и сильный, равно пренебрегающий отчаянием и горестями! Иногда он известен как Рум Кроткий.

— Рум Фадер, мы приветствуем тебя; ты присоединись к нам?

— Все ветры и громы, все силы сражений — ничто не заставит меня отделиться.

— Тогда ты — наш паладин.

— Иммир, кто еще? Есть еще кто-либо, кто мог бы дополнить этот удивительный отряд?

— Еще один; человек, знающий все.

Иммир высоко поднял белый кристалл:

— Я вызываю Эйа Ненайо Белого!

Появился человек, одетый в черный плащ поверх белоснежных доспехов. Его лицо было бледно и лишено искры юмора, его щеки впали, а глаза, казалось, сверкали бледным огнем.

Иммир говорил:

— Эйа наводит такой страх на врагов, что подобен самой смерти. Радуйтесь, паладины, что Эйа — один из нас; он грозен для своих врагов. Эйа Ненайо, я приветствую тебя и делаю тебя своим братом — паладином, и мы свершим многое.

— Это и мое желание.

Иммир говорил:

— Итак отважная семерка! Пусть все пожмут друг другу руки, и пусть наш союз разрушит только смерть!

Они сделали так и был свершен замечательный обряд, предназначенный только для таких случаев.

На следующей странице молодой Говард изобразил портреты семерки, что, очевидно, потребовало от него больших усилий. Эти наброски заканчивали вторую часть Книги.

Затем следовали несколько страниц записей и заметок. Затем, очевидно, Говард сильно устал, и продолжал уже на обычном языке.

На листе оглавления значилось:

1. Приключения в Туареч.
2. Борьба с победителями Сарзен Ебритан.
3. Приход Зады.
4. Наглая спесь короля Липера.
5. Зада покинута.
6. Замок Гарунд.
7. Сватовство Зады Мемар.
8. Семь странностей Халтенгорста.
9. Приключения в гостинице Зеленой Звезды.
10. Великие Игрища в Вун Линдзей.
11. Темницы Морна.
12. Триумф паладинов!

Что бы ни предлагал Говард Хардоа для своих двенадцати глав, все это не было включено в книгу, за исключением отрывков и фрагментов, которые занимали последующие места. Затем, внезапно, чуть ли не на середине предложения, записи обрывались, и примерно треть книги пустовала.

Герсен отложил книгу. Он спустился на землю и шагнул вперед-назад перед «Фэнтомик Флайтлернинг». Не все еще потеряно. Он потерпел неудачу в Боймонте, а теперь и в Глэдбитуке, но «Книга Снов» могла предоставить третью возможность, если только он сумеет использовать ее правильно. На любую очевидную приманку Говард Трисонг, дважды раненый, должен теперь реагировать крайне подозрительно.

Теперь задачей было представить приманку как можно более естественно.

Герсен остановился и стоял, глядя в задумчивости на юг. До того, как он выработает план, необходимо снова вернуться в Глэдбитук.

Запрещение вторгаться в воздушное пространство Маукиша больше не беспокоило Герсена; очевидно, никто не делал попыток воспрепятствовать подобным вещам. Около часа дня он вывел «Фэнтомик Флайтлернинг» из низких облаков и посадил его в лесу позади фермы Хардоа. Помня о недавней оплошности, он тщательно вооружился, затем запер корабль и вышел к краю поля.

Справа раскинулся большой пруд, слева была полоска земли, ранее принадлежащая Клидхо.

Когда Герсен приблизился к ферме, Ледеомус Хардоа вышел из сарая с ведром корма, который выплеснул домашней птице, а затем вернулся в сарай.

Герсен подошел к двери дома и постучал. Дверь открылась, и появилась Ребе Хардоа. Она оглядела Герсена снизу доверху с бессмысленным выражением на лице. Герсен вежливо поздоровался.

— Сегодня я здесь по делу. Мне нужно получить кое-какую информацию. Естественно, я готов заплатить за потраченное вами время.

Ребе Хардоа сказала, нервно бросая слова:

— Мистера Хардоа сейчас здесь нет. Он ушел в деревню.

Ледеомус, появившийся из сарая, увидел Герсена. Он поставил ведро и направился к нему через двор.

— Итак, вы вернулись. Вы слышали новости о Говарде, а?

— Новости? Какие новости?

Ледеомус захохотал и закрыл рот тыльной стороной ладони.

— Наверное, я не должен смеяться, но этот безумец Говард появился на школьной встрече с целой шайкой и заставил всех прыгать через хула-хуп. Говард сводил свои старые счеты.

— Ужасно, ужасно,— резко сказала Ребе Хардоа.

— Он оскорбил ван Войерсов и избил Блоя Садалфлори, в общем, учинил страшные злодеяния. Мы осрамлены недостойным сыном.

— Теперь, мама,— сказал Ледеомус,— поздно скорбеть по этому поводу. Говоря по правде, мне становится смешно, когда я думаю об этом. Кто бы мог подумать, что Говард вернется таким мошенником?

— Это позор! — закричала Ребе. — Твой отец сейчас пытается загладить его.

— Он слишком уж честен,— сказал Ледеомус. — Говард с ними ничего не сделал.

— Как я пойду в Дом Учения, если не знаю, куда мне смотреть? — сказала Ребе.

— Смотри сверху вниз,— сказал ей Ледеомус. — Дай им понять, что если они не будут хорошо себя вести, ты пожалуешься Говарду. Это должно заткнуть рты.

— Что за безумная идея! Дай этому джентльмену

информацию, которую он просит, он готов за нее заплатить.

— В самом деле? И что именно ему нужно?

— Ничего особенного. Вы называли одного из друзей Говарда Нимпи Клидхо.

— Действительно. И что?

— Что случилось с Нимпи? Где он теперь?

Ледеомус нахмурился и посмотрел через поле на мрачный маленький домик под двумя деревьями.

— Эти Клидхо всегда были со странностями, порода не от мира сего. Старый Клидхо был самым странным, он был мармелайзером во Флатер Таунсип.

Я не помню отчетливо, но они неодобрительно отнеслись к драке Говарда с Нимпи и подозрению, что их сын украл книгу. Миссис Клидхо приходила к отцу жаловаться, тот говорил с Говардом, и Говарду пришлось убраться, чтобы потом сделать карьеру, и мы видели, что он преуспел в этом.

— Ледеомус, не говори так! Его поступки — позор для всех нас!

Ледеомус только рассмеялся.

— Я бы хотел присутствовать при всем этом. Как подумаю о Маддо Страббино на куске льда!.. Это здорово!

Герсен спросил:

— А что с Нимпи?

— Клидхо покинули эти места. Их больше никто не видел.

— Куда они поехали?

— Мне они ничего не говорили. — Он посмотрел на мать. — А тебе?

— Они вернулись туда, откуда в свое время приехали. — Ребе Хардоа ткнула пальцем в небо. — На другую планету. Когда старые Клидхо умерли, молодые связались со своими инопланетянами-родственниками по поводу наследования земли, и приехали новые Клидхо. Это было до твоего рождения. Мы почти не имели с ними дел.

В дом вошел Адриан Хардоа. Увидев Герсена, он остановился и посмотрел подозрительным взглядом на всех собравшихся.

— Что все это значит? Опять что-то с Говардом?

— На этот раз нет, сэр, — сказал Герсен. — Мы обсуждали ваших старых соседей, Клидхо.

Хардоа пробурчал что-то и закинул шляпу на вешалку.

— Плохая была порода. Никогда ничего путного не делали. И уехали только по милости божьей.

— Меня интересует, куда они уехали?

— Кто знает... Во всяком, случае, за пределы планеты.

Ребе сказала:

— Разве ты не помнишь? Старый Ото говорил, что они уезжают туда, откуда пришли.

— Верно, что-то в этом роде.

— Где же могло быть это место? — спросил Герсен.

Хардоа бросил на него недружелюбный взгляд.

— Хардоа были всегда последователями Дидрама Флатера. Я сам Инструктор Колледжа: моя мать была монахиней — Дидрам. А Ото Клидхо был общественным потрошителем, который не обращал своих ушей к Учению. Могу ли я после всего этого быть его закадычным другом?

— Скорее всего, нет.

Адриан Хардоа глубокомысленно кивнул.

— Пойдите посмотрите мармелы. Мармел первого Клидхо стоит в самом начале, его табличка скажет вам о годе рождения.

— Правильно и совершенно точно! — закричал Ледеомус. — Отец никогда не ошибается! Там написано, когда и где он родился.

Ледеомус и Кирт Герсен въехали в город в старом самоходном вагончике Хардоа. По пути Ледеомус обсуждал поступки Говарда на школьной вечеринке. Его настроение ясно показывало, что он не чувствует ни стыда, ни раскаяния за поступки Говарда. Ледеомус остановил вагончик около церкви, и они пошли на кладбище.

— Клидхо и им подобные дальше. После них только люди инопланетного происхождения и нищие.

Время перевалило за полдень. Вдвоем они шли вдоль фигур, отбрасывавших разные тени. Надписи сообщали их имена тем, кто по прошествии лет мог забыть их: Кэссиде... Хориблат... Дадендорф... Луи... Клидхо...

Герсен указал пальцем.

— Это один из них.

— Вот Люк Клидхо. Это действительно первый из них. А вот и ответ на ваш вопрос: «Родился на Ветуни Презев, Кроу, дальнем мире, лишенном благословения Учения.

Прибыв в Глэдбитук, он старательно работал, на ферме и имел семью в несколько душ, к сожалению

глухих к Учению»,— прочитал Ледеокус с торжеством.

Когда они шли назад через кладбище по направлению к церкви, Герсен заметил мармел молодой девушки. Она стояла прямо, слегка склонив набок голову, как будто прислушиваясь к далекому звуку, голосу или пению птиц. Одета она была очень просто. Надпись гласила: «Зада Мемар, несчастное дитя, смерть взяла ее из колыбели, и родители не смогли насладиться полным расцветом своей дочери».

Герсен указал Ледеокусу на мармел.

— Вы ее помните?

— Да, конечно. Еще школьницей она отправилась в лес, и ее нашли в озере. Она была очень миленькой.

Солнце спряталось за линию крон деревьев; мармелы стояли в полумраке.

Ледеокус вдруг сказал напряженным голосом:

— Пора уходить! Здесь не место, чтобы слоняться после наступления темноты.

Глава 15

«Вокруг пьедестала располагалась низкая насыпь из рамок портретов различных столетий. Последний из них, изображавший Верниусса, лежал опрокинутый, с одной ногой, задранной высоко вверх, Мармадюк, стоявший в стороне в коричневой рясе, предавался печальным воспоминаниям.

Теперь изображение Святого Мангола было выставлено вперед и поднято вверх, перевозносимое толпой.

Уоркин из Горланда забрался на пандус. Он поднял руки и воззвал звенящим медью голосом:

— Победа последняя и навечная! Да здравствует Святой Мангол, верно охраняющий нашу страну! Так будет всегда! Радуйтесь!

Толпа реагировала с ликованием, издавая громкие звуки и устраивая хороводы.

Лорд Уинд колотил в свой щит кулаками в железных перчатках. Брача играл свои лучшие мелодии. Звонили колокола; маленький Уэфкинс веселился.

Снова заговорил Уоркин:

— Свершилось! Парапеты охраняются нашими могущественными Бенцедорами; Вернисусс теперь меньше, чем ничто. Но хватит о прошлом! Святой Мангол стоит над нами и устремляет свой гордый взгляд сквозь беско-

нечность. Пусть каждый возьмет свою добычу и идет с миром домой. Синие Люди — на запад; Зеленые Люди — на восток. А я, со своими Кантатюрками, пойду на север.

Толпа издала заключительный радостный крик и рассеялась; каждый шел своей дорогой. Одна группа из семи человек направлялась на юг, в сторону Сасоеа. Это были: Кэфри, Люмпики с плоским лицом, дородными плечами и бесстыдным языком; три — Лиггонса — Шалмар, Бэхаг и Ажа-обжора. Это была разношерстная группа, довольно мрачная, так как ни один из них не взял свою добычу. Переходя через пустыню они наткнулись на поезд из трех фургонов, нагруженных добром, награбленном в Мфландерском аббатстве. Командиром был Хорман, одноглазый бродяга. Он и его приверженцы получили недолгую индульгенцию, и теперь сидели кружком, деля награбленное.

В первом фургоне Мармадюк обнаружил восхитительную Сафрит, которая чувствительно задела его сердце еще в Гранд Маок. К испугу Мармадюка, Кэфри утверждал, что Сафрит считается частью его добычи.

С лукавой предусмотрительностью Кэфри сказал Мармадюку:

— Так как ты недоволен, раздели добычу на семь частей, и пусть каждый выберет себе то, что ему больше всего понравится.

Мармадюк подошел к разбойникам. Сафрит прошептал ему на ухо:

— Тебя обманули. Жребий определит, кому выбирать первым, но ты должен будешь выбирать последним, считая, что ты разделишь добычу на части равного достоинства.

Мармадюк издал крик ужаса. Сафрит сказала:

— Тогда слушай! Определи меня в качестве отдельной доли. Раздели все сокровища на шесть частей. В последнюю долю помести три железных ключа Хормана, его ботинки, его барабан и другие неценные вещи. Все это естественно, достанется тебе. Сохрани ключи, но откажись от всего остального.

Мармадюк сделал так, как ему было сказано.

Сжувничав, Кэфри выиграл право первого выбора и с торжеством забрал Сафрит себе.

Остальные забрали доли с золотом и драгоценными камнями, и Мармадюку достался хлам.

Внезапно обнаружилось, что волы разбежались, и,

что еще хуже, все бурдюки продырявлены и пусты. Раздались вопли, проклятия.

— Как мы теперь сможем достичь Сасоета, который лежит в пяти днях пути по раскаленной пустыне? — кричал Кэфри.

— Не важно, — сказала Сафрит.

— Я знаю оазис неподалеку на юге. Мы достигнем его к закату.

Ворча и уже испытывая жажду, банда подобрала добычу и направилась на юг. В сумерках они подошли к саду, окруженному высокой железной стеной, на которую никто не мог влезть из-за отравленных шипов, торчащих наружу. В стене была одна калитка, ключ от которой был у Мармадюка.

— Какая удача! — вскричал Кэфри. — Предусмотрительность Мармадюка помогла всем нам!

— Не спеши, — сказал Мармадюк. — Я требую платы за пользование моим ключом. С каждого из вас я возьму лучший бриллиант.

— У меня нет бриллиантов! — закричал Кэфри. — Не могу же я из-за этого погибнуть?!

— Что ты можешь предложить?

— У меня есть только мой меч, мои доспехи и рабыня, которой ты не можешь владеть, а никакой честный воин не расстанется со своим мечом.

— Тогда отдай мне твои доспехи.

Это было сделано, и Кэфри вошел в сад голым, как яйцо, ко всеобщему удовольствию.

— Смейтесь пока, — сказал им Кэфри. — Сегодня ночью я получу удовольствие от своей рабыни. Как вы тогда будете смеяться?

На ужин шайка ела фрукты с деревьев, запивая их чистой холодной водой. Затем Кэфри увлек Сафрит под деревья с желанием удовлетворить свою похоть. Но всякий раз, когда Кэфри пытался бесстыдно действовать, огромная белая летучая мышь слетала вниз, задевая его своими крыльями, пока Кэфри, наконец, не прекратил, и Сафрит продолжала спать не потревоженная.

На следующий день, наполнив бурдюки водой, шайка продолжила свой путь на юг.

На закате Сафрит вывела отряд к заброшенному монастырю, доступ в который открывал ключ Мармадюка.

Теперь Кэфри был вынужден расстаться и со своим мечом, прежде чем Мармадюк позволил ему войти.

Ночью Кэфри опять попытался использовать Сафрит

для получения удовольствия, но привидения окружили его, почти залезая на его спину, и Кэфри был вынужден оставить свое занятие.

Утром отряд двинулся дальше. Кэфри страдал от ран на ногах, укусов насекомых и волдырей от солнечных ожогов. И все-таки он не освободил веревку, один конец которой был завязан на талии Сафрит.

Через час после заката банда достигла ущелья, которое почти сразу сужалось. Ступени вели высоко к запертой двери, которую отворил поворот ключа Мармадюка. Каждый из отряда прошел в дверь, отдав Мармадюку по бриллианту, которые он выбрал сам, кроме Кэфри, который передал ему конец веревки, на которой он вел Сафрит.

— Она твоя вместе со всеми остальными моими вещами. Дай мне пройти.

Мармадюк сразу же развязал веревку.

— Сафрит, ты свободна. Я умоляю тебя о любви, но не о покорности.

— У тебя будет и то, и другое,— сказала она ему, и они соединили руки.

Отряд продолжал идти по узкой тропинке.

Из пещеры выскочил горный дьявол.

— Как вы осмелились воспользоваться моей личной дорогой?

— Успокойся! — сказала Сафрит. — Мы заплатим пошлину.

За себя и Мармадюка она заплатила мечом и доспехами, когда-то принадлежавшими Кэфри. Все остальные отдали по бриллианту, кроме Кэфри, закричавшего:

— У меня нет ничего! Я представляю в доказательство мое нагое тело. Я не могу заплатить.

— В таком случае ты пойдешь со мной в пещеру,— сказал дьявол.

Остальные поспешили по дороге, стремясь подальше убежать от ужасных криков Кэфри.

Наконец дорога вывела их в чудесную страну. Дорога разветвлялась на несколько тропинок.

Товарищи распрощались, и каждый пошел своей дорогой.

Мармадюк и Сафрит стояли рука об руку и рассматривали разные направления. Одна из тропинок спускалась в зеленую долину, снова поднималась и отклонялась через возвышенность по направлению к шпиле часовни, обозначающую дорогу и знакомую деревню.

— По этой дороге я бы пошел,— сказал Мармадюк Сафрит.— Пойдешь ли ты со мной?

Сафрит посмотрела в другом направлении; тропинка вела к местам, хорошо ей знакомым, но где она никого не любила.

— Да, Мармадюк, я пойду с тобой.

— Тогда поспешим, и мы будем дома до заката.

И так было. Они весело бежали по дороге к дому, пока позади них садилось солнце.

За чаем только Пинасси задавал нескромные вопросы, но они отвечали, что были в городе на маскараде».

Позднее события этих дней смешались в памяти Герсена, вероятнее всего вследствие усталости и необходимости постоянно изобретать новые планы взамен старых. Говард Алан Трисонг стал блуждающим огоньком, неуловимо светящимся впереди.

Снова оказавшись в космосе, Герсен подавил назойливую мысль вернуться в Понтефрак, где он сможет не спеша обдумать новый план, а также продолжить свое знакомство с Элис Рок.

Вместо этого он взял «Краткий справочник Планет».

Бетум Презев были единственной планетой Корвуса 892, желтого карлика в группе однотипных звезд. В целом, система состояла из четырнадцати планет, их спутников и бесчисленных астероидов, и лишь на Бетум Презев существовала жизнь.

Эту планету открыл Труды Селанд. Его описание феноменальной флоры и фауны вызвало сенсацию и подсказало Обществу Натуралистов начать немедленно переговоры, которые привели к покупке планеты.

В «Справочнике» Герсен прочитал:

«В настоящее время Бетун Презев представляет любопытную смесь: десять частей сохраненной дикой природы, пять туристических аттракционов, три части, занимаемые Обществом Натуралистов, его филиалами и другими организациями, такими как: «Друзья природы», «Лив Ги», «Жизнь в Церкви Бога», «Клуб Сьерра», «Биологическая Фаланга», «Женщины за естественное рождение».

Определенная часть площади отведена под использование этими группами, так же как учеными, студентами и естествоиспытателями. На практике почти каждый, кто находит условия Бетун Презев приемлемыми, может

получить участок и прописку, которые могут быть расширены неопределенно.

Сегодня Бетун Презев насчитывает свыше шестисот видов животных и естественных ресурсов, ревностно сохраняемых в их первоначальном состоянии.

Исполнительные опекуны сегодня так же бдительны, как их предшественники. Они управляют миром, как будто это частный музей естественной истории, каковым в сущности этот мир и является».

В соответствии с местными требованиями, Герсен прибыл на одну из десяти орбитальных карантинных станций.

К нему на борт поднялись четыре чиновника в униформах сине-зеленого цвета. «Фэнтомик Флайтлернинг» подвергся осмотру: Герсену задали вопросы относительно контрабанды форм жизни и проинструктировали о местных правилах.

На борт поднялся пилот-лоцман, чтобы посадить корабль на плато около города Танакил. Здесь от Герсена потребовали подписать обязательство, а потом поинтересовались его делом здесь.

От посадочной площадки Герсен добрался омнибусом в Танакил, через рощу огромных деревьев с черной листвой, расцвеченных множеством цветов и населенных маленькими чирикающими созданиями, которые прыгали по веткам и летали высоко в залитом солнцем небе.

Омнибус прибыл в Танакил, город неожиданно причудливый, как будто построенный из детских кубиков или ярких цветов. Эта оригинальная схема была задумана председательницей первого Архитектурного Совета, и казалось, что она была под впечатлением от иллюстраций какой-то детской книги.

Она установила архитектурные параметры, по которым «согласие»¹ достигалось легко и непринужденно, одним цветом.

Герсен снял номер в отеле «Грайоретопс», гостинице для туристов, отличающейся чучелами сауринов двадцати футов длиной, с шестью ногами и двумя рогами.

¹ «Согласие» — основное понятие в функционировании общества Бетун. Опекуны управляют Бетун Презев в «согласии» со старыми правилами. Опекуны избираются из «Организации Выдающихся», участие в которой наследственно. Существует Кастовая система.

Герсен подошел к портье у стойки.

— Я бы хотел навестить старого знакомого, но не знаю, где он живет.

— Это не трудно. Обратитесь в Регистратуру. Нас ведь здесь не так много, менее пяти миллионов. Но сейчас в Регистратуре вы никого не застанете — все на ленче.

В обеденном зале, который был оформлен под уголок джунглей, Герсену были поданы обычные космополитичные кушанья, хотя каждое блюдо носило местное наименование. Так на пивной этикетке было написано «Эль дикого маулера» и изображено отвратительное животное.

В Регистратуре Герсену предложили адреса двух Клидхо, оба были жителями континента Реас, места, известного под названием Лагерь в Синем Лесу.

Герсен заметил туристическое бюро Гальцион Виста в здании, прилегающем к отелю, но, когда он отправился в офис, тот был закрыт, казалось, что деловые люди Танакила стремились к удобствам больше для себя, нежели для приезжих.

Герсен вернулся в отель и провел полуденный отдых на тенистой веранде, разглядывая туристов, местных жителей и огромных летающих насекомых. Он выпил несколько порций джина и размышлял, как лучше приступить к делу.

Если он расскажет Клидхо о своем плане, они, возможно, помогут ему, но, возможно, и помешают и это будет полным крушением его надежд.

Он перебирал сотни возможностей, и когда солнце скрылось за верхушками деревьев, он сдался.

Пока он не знает достаточно Клидхо, он не может составить конкретного плана.

Утром Герсен вернулся к зданию туристического бюро Гальцион Виста, где клерк с улыбкой проинформировал его, что только квалифицированные ученые со специально подготовленными экспедициями имеют возможность нанимать воздушный транспорт.

— Иначе могут быть разные неприятности, сэр, — сказал он. — Подумайте сами! У нас были случаи семейных пикников в самом центре Гандерсон Уаллоус, когда детей съедали дикие звери, а дочерей насиловали трехрукие болотные обезьяны.

— Но тогда как я смогу попасть туда, куда мне надо?

— Туристам рекомендуется заказывать билеты на одно из совершенно безопасных и удобных средств воздушных сообщений. Инспекции Жизни Природы. Это самый лучший и наиболее легкий путь для посещения заповедников. Но куда вы хотите отправиться? Вы должны понимать, что многие районы не входят в области для посещения туристов.

— Мне надо попасть в Лагерь в Голубом Лесу.

Клерк покачал головой.

— Эта область не для туристических поездок, сэр.

— Предположим, что вы сами захотели попасть в Лагерь в Голубом Лесу. Как бы вы отправились туда?

— Я не турист.

— И все-таки, что бы вы сделали?

— Я бы, естественно, воспользовался коммерческим рейсом до станции на реке Маунди и потом уже местной линией в Лес. Но...

Герсен положил на стойку сертификат в пятьдесят СЕВов.

— Я не турист. Я путешествую по коммерческим делам, продаю средства от насекомых. Достаньте мне билеты. Я спешу.

Клерк улыбнулся, пожал плечами и положил сертификат в выдвижной ящик.

— Здесь не следует торопиться. В сущности, это даже противоречит закону.

Голубой Лес представлял собой саванну, заросшую деревьями, и располагался в бассейне реки Великого Бальдюка, районе, занимающем примерно миллион квадратных миль. Листва в Лесу преобладала в основном голубая, но трех оттенков. Кроме того, некоторые деревья имели листву, подобную зеленым крыльям жуков, а некоторые вообще были серыми.

Огромные мягкрылые мотыльки порхали в солнечном свете, производя мелькание малинового и черного цветов. Различные виды живности прятались в тени под деревьями.

Герсен прошел из аэропорта в город по немощенной дороге, огороженной с двух сторон забором десятифутовой высоты, который служил защитой от растительности и животных, но оставлял свободу перемещения насекомым. Тепло и сырость в воздухе угнетали, одновременно чувствовалось по меньшей мере тридцать незнакомых

запахов: растения, земля, животные. Забор тянулся до самого города.

Герсен прошел к отелю Окружной Кооперации и вошел в холл, томимый и прохладный. Без лишних разговоров молодая женщина указала ему пальцем в направлении коридора и взяла деньги.

— Комната № 4.

Ключи здесь, видимо, не считались необходимостью.

Комната Герсена оказалась чистой и прохладной, изысканно обставленной и с хорошим обзором.

Справочник по старому городу лежал на столе. Герсен полистал страницы. Он увидел:

Клидхо Ото. Место жительства: двадцатый периметр.

Занятие: служащий почтовой станций.

Клидхо Тути. Место жительства: двадцатый периметр.

Занятие: комиссар.

Герсен вышел на маленькую центральную площадь. Городок был тихий: прохожих на улицах мало. Через дорогу было странное сооружение с надписью: «КОМИССАР».

Герсен заглянул в дверь. Он увидел пожилого мужчину и темноволосую женщину с широкими черными бровями, крупным носом и резкими движениями. Появление посетителя привлекло ее внимание; Герсен повернулся и вышел. Комиссариат не был подходящим местом для встречи с Тути Клидхо.

В центре площади продавались холодные напитки со льдом. Герсен взял пинту фруктового пунша и сел на скамейку.

Около часа он ждал, пока жители Лагеря в Синем Лесу шли по делам. Дети спешили домой из школы: посетители заходили в комиссариат и выходили оттуда. Солнце склонилось к западу.

Из комиссариата вышла Тути Клидхо. Она неторопливо направилась в южную часть города.

Герсен последовал за ней, держась в тени огромных раскидистых деревьев. Тути Клидхо вошла в дом около периферийной ограды.

Герсен выждал минут десять, потом позвонил в дверь. На пороге появилась Тути Клидхо.

— Слушаю, сэр?

— Я бы хотел поговорить с вами.

— Пожалуйста.— Ее темные глаза оглядели Герсена с ног до головы.— На какую тему?

— Вы жили раньше в Глэдбитуке на Маукише?

Последовала короткая пауза.

— Да. Очень давно.

— Я только что прибыл оттуда.

— Меня это не интересует. У меня сохранились крайне слабые воспоминания о Глэдбитуке. Вы должны извинить меня. Соседи будут удивлены, если увидят, что я разговариваю с незнакомым мужчиной.— Она стала закрывать дверь.

— Подождите! — закричал Герсен.— Вы жили с семьей Хардоа рядом?

Тути Клидхо выглянула в узкую щель.

— Это правда.

Герсен вдруг обнаружил, что он продолжает говорить быстрее, чем намеревался.

— Вы помните Говарда Хардоа?

Тути Клидхо смотрела на Герсена секунд десять. Потом она ответила севшим голосом:

— Да, конечно.

— Могу я войти? Я здесь в связи с делом Говарда Хардоа.

Тути Клидхо неохотно отступила в сторону и сделала приглашающий жест.

— Ладно, проходите.

Внутри было темно, душно и жарко, мебели слишком много. Тути указала на стул, обитый розовым велюром.

— Садитесь, если хотите... А теперь рассказывайте, по какому делу, связанному с Говардом Хардоа, вы прибыли сюда.

— Недавно у меня была возможность посетить ферму Хардоа, и разговор коснулся Говарда.

Тути взглянула недоверчиво:

— Говард живет дома?

— Нет. Он уехал очень давно.

Тути кивнула головой:

— Вы знаете, почему?

— Я думаю, случилась какая-то неприятность.

— Если бы я смогла дотянуться до него,— она развела руки со сжатыми пальцами.— Я бы разорвала его на куски.

Герсен откинулся на спинку стула.

Тути говорила шипящим голосом:

— Он пришел к нам домой и позвал нашего сына, но так тихо, чтобы мы не слышали. Совершенно случайно я слышала. Он вызвал нашего единственного

цыпленочка, нашего мальчика Нимфотиса, который был таким кротким и хорошим. Они пошли к пруду, и там Говард утопил нашего маленького сына, сунув его в воду.

У меня было ужасное предчувствие, я звала: «Нимфотис! Где ты?» Потом я пошла к пруду и там нашла наше любимое дитя. Я подняла его тело и понесла домой. Ото пошел искать Говарда, но тот уже удрал.

Герсен спросил:

— Говард никогда не думал, что вы его подозреваете?

— Подозрений не было. Все и так совершенно ясно.

— Но Говард этого не знал?

Тути сделала раздраженный жест.

— Как он мог знать? Он уехал. Это была наша трагедия.

Герсен сказал:

— Я не знал, что Нимфотис погиб. Простите, что воскресил у вас ужасные воспоминания.

— Вы ничего не воскресили. Мы живем ими ежедневно. Посмотрите! — голос Тути срывался от волнения. — Посмотрите!

Герсен повернул голову. В темном углу комнаты стоял мальчик, сделанный из глянцевого белого материала.

— Это наш Нимфотис.

Герсен отвернулся.

— Я расскажу вам кое-что о Говарде Хардоа и о том, кем он стал, и как справедливость может быть восстановлена.

— Подождите. Ото должен слышать это. Если я и оказалась вам озлобленной, то он превосходит меня в этом вчетверо.

Она подошла к телефону, набрала номер и тихо сказала несколько слов в трубку. Время от времени ее прерывал вопросами мужской голос. Тути сделала жест Герсену:

— Теперь говорите. Мы оба услышим вас.

— В настоящее время Говард Хардоа крупный преступник. Он называет себя Говард Алан Трисонг.

— Продолжайте.

— Я выслеживал его по всей Ойкумене. Он осторожен. Его нужно привлекать и заманивать с огромной аккуратностью. Я дважды терпел неудачу, но теперь у меня есть приманка, чтобы привлечь его снова. Здесь ваша помощь может быть полезной.

Герсен сделал паузу. Ото сказал:

— Продолжайте.
— Я не хочу продолжать, пока не почувствую, что вы поможете мне. Это будет опасно.
— Вам нет нужды беспокоиться о нас,— сказал Ото.— Расскажите нам, что вы задумали.
— Вы поможете?
— Сначала расскажите.
— Я хочу заманить его сюда, в джунгли, и убить.
Тут сказала сердитым голосом:
— Но как же мы? Вы сами будете бороться с ним, и вы убьете его! А он должен заплатить за Нимфотиса!
— В общем-то это безразлично,— тяжело сказал Ото.— Мы поможем.

Глава 16

Прибыв в Понтефракт, Герсен приехал на такси на площадь Тара, где и вышел. Вокруг него были узкие старые здания, бледные жители в официальных костюмах все так же спешили; анютины глазки на клумбах, туман, облака, пронизывающий ветер и запахи. Все спокойно, привычно и безмятежно... По уличному коммутатору Герсен позвонил в контору «Экстанта» и связался с Макселем Рекрозом, который временно исполнял обязанности главного редактора.

Рекроз приветствовал Герсена одновременно и сердечно и осторожно. Он сообщил, что в общем с «Экстантом» все идет хорошо, заслугу в чем он приписал себе.

— Я рад слышать, что все хорошо,— сказал Герсен.
— И хочу проверить, на месте ли мой секретарь.
— Ваш секретарь? — голос Рекроза прозвучал удивленно.— Кто это?

Сердце Герсена упало.

— Элис Рок. Рыжеволосая девушка. Она больше не работает?

— О да, помню,— сказал Рекроз.— Да, конечно, Элис Рок. Девушка с такой спортивной фигуркой. Она ушла.

— Куда ушла?

— Она не сообщила... Я посмотрю в книге... Вам повезло. Она оставила письмо, адресованное вам. Я скоро буду.

На конверте было написано: передать лично в руки Генри Лукасу.

И в письме:

Дорогой Генри Лукас!

Я обнаружила, что на самом деле меня журналистика не интересует. Поэтому я покидаю «Экстант». Я остаюсь в отеле Гладена, Порт Беатри, к югу по побережью.

Элис Рок.

Герсен, связался по коммутатору с отелем Гладена в Порт Беатри. Мисс Рок не было на месте, но она должна была вернуться через час или около того.

На станции проката Герсен нанял аэромобиль. Он полетел на юг вдоль побережья, следуя волнистой белой линии, создаваемой волнами серой воды, обрушивающейся на скалы; через залив Св. Кильда, Герсен приземлился на общественной стоянке, пешком прошел по набережной к отелю Гладена.

Он нашел Элис Рок в глубине кресла в ее номере. Она увидела его, попыталась встать, но Герсен опередил ее.

Он пересек комнату, взял ее руки и поставил на ноги. Он поцеловал ее лицо, затем обнял.

— Генри, остановись! — закричала Элис Рок. — Ты меня задушишь!

Герсен ослабил объятия.

— Больше нет необходимости называть меня Генри. Генри — это как почтовый адрес. На самом деле меня зовут совсем не так.

Элис откинулась на спинку кресла и оглядела его с ног до головы.

— Какое же имя у этого варианта?

— Меня зовут Кирт Герсен, но, к сожалению, он меньше джентльмен, чем Генри Лукас.

Элис вновь оглядела его.

— Генри Лукас мне нравился, хотя он и был высокомерен. А что с известным нам человеком?

— Он все еще жив. Это интересная история. Ты, надеюсь, подождешь, пока я приму ванну и переоденусь.

— Я вызову миссис Гладен, и она даст тебе номер. Она очень респектабельна, поэтому постарайся не делать ничего шокирующего.

Герсен и Элис обедали при свете свечей в углу веранды.

— Теперь,— сказала Элис,— расскажи мне о своих приключениях.

— Я приехал на школьную встречу Говарда в Глэдбитук на Моудервельте. Говард всячески развлекался. Одновременно с этим он взялся критиковать игру одного из музыкантов оркестра. Музыкант выстрелил в него, тем вечер и закончился.

— А где был ты?

— Я был этим музыкантом.

— А! Теперь все понятно. Что еще произошло?

— Я нашел «Книгу Снов» Говарда, которую он потерял двадцать пять лет назад. Я уверен, что он захочет получить ее назад.— Герсен бросил старую записную книжку через стол.— Вот она.

Элис склонила голову над книгой. Отблеск свечи расцвечивал разными красками ее волосы и бросал тени на ее щеки.

Герсен смотрел на нее. Вот и опять сижу почти рядом с этой удивительной девушкой, думал он.

Элис листала страницы. Она дочитала до конца и закрыла книгу. Через несколько мгновений она сказала:

— Почти всегда он Иммир. Но я встречала Джаху Рамса, Мьунесе и Спенглвэя, а раз или два — Руна Фадера, который не обратил на меня внимания. Мне повезло, что Лорис Хоэнгер был занят.

Герсен положил книгу в карман. Элис сказала задумчиво:

— Хотела бы я знать, что случилось с Задай Мемар.

— Она прибыла в Глэдбитук с другой планеты. Однажды во время пикника она утонула в озере Персиммом.

— Бедная Зада Мемар. Удивляюсь...

Герсен покачал головой.

— Ничего удивительно здесь нет.

Элис взглянула на него. Ее глаза потемнели при свете свечи.

— Что ты имеешь в виду?

— Теперь я ничему не удивляюсь.

В «Космополисе» появилась статья, сопровождаемая несколькими иллюстрациями.

Она была озаглавлена:

ГОВАРД АЛАН ТРИСОНГ
ПОСЕТИЛ ШКОЛЬНУЮ ВСТРЕЧУ
В СВЯЗИ С 25-й ГОДОВЩИНОЙ
ОКОНЧАНИЯ КОЛЛЕДЖА.

Этот вечер никто не забудет. Даже преступники проявляют сентиментальность, и этот преступник величайший по части сантиментов.

— от нашего местного корреспондента Глэдбитук, Маукиш, Моудервельт, Звезда Ван Каата.

(Примечание издательства: Маукиш — один из тысячи пятисот шестидесяти двух независимых районов, составляющих политическую карту Моудервельта. Его ландшафт включает прерии, поймы рек, поля и леса, население составляет около миллиона человек. Говард Алан Трисонг родился на ферме неподалеку от селения Глэдбитук.)

Двадцать пять лет назад застенчивый коричнево-волосый парень, известный как Говард Хардоа, прибыл в районный лицей в Глэдбитук. Теперь он стал выдающимся преступником Ойкумены и Глуши, известным, как один из «Демонов Тьмы». Его имя Говард Алан Трисонг порождает страх во множестве сердец, его поступки приковывают внимание каждого.

Но Говард Алан Трисонг по-прежнему помнит старые времена, и не без ностальгии.

На состоявшейся встрече класса он устроил драматизированное представление, в основном, для своих классных товарищей, которое можно было назвать эмоциональным.

Это событие никогда не будет забыто, и хотя бы только поэтому имело огромный успех. Ранним вечером Говард Хардоа (как он был известен в колледже), прибыв на встречу и переходил от стола к столу, рассказывая анекдоты и вспоминая старые случаи, иногда к неудовольствию присутствующих.

В течение вечера душа мистера Хардоа взлетела на более высокие уровни развлечений и дерзости. Он играл веселые мелодии на скрипке, станцевал несколько гавотов. Фантазии мистера Хардоа не знали пределов и полностью очаровали собравшихся. Он изобретал остроумные шалости и шарады, вспоминая старые эпизоды; их послушно исполняли разнервничавшиеся теперь одноклассники.

Он усадил мистера Маддо Страббину на кусок льда, он татуировал мистера Блоя Садалфлори, он организовал для миссис Саби-вер Аз и двух ее очаровательных дочерей Мирл и Мод, длительный круиз в открытом космосе.

Празднество было прервано шайкой мародеров, которые прострелили мистеру Хардоа ягодицы и посеяли такой ужас, что вечер невольно пришлось завершить. Мистер Хардоа был госпитализирован. Но он намерен появиться на следующей встрече, предусмотрев, чтобы она смогла закончиться менее неожиданно, принимая во внимание, что он не успел исполнить некоторые из своих замыслов.

В следующем номере «Космополиса» читайте:

ГОВАРД АЛАН ТРИСОНГ,
его детство и примечательные
случаи из жизни.

(Примечание издательства: настоящая статья относится к великому Говарду Алану Трисонгу, о котором сейчас много говорят. Мы надеемся, что следующая публикация может быть тоже интересна для читателей.)

В редакцию «Космополиса»:

Я прочитала вашу предыдущую статью о школьной встрече в Глэдбитуке с большим интересом, потому что мой сын Нимфотис был школьным товарищем Говарда Хардоа. Странно, как может сложиться жизнь. Мальчики были неразлучны, и Нимпи, как мы его называли, часто рассказывал о талантах Говарда Хардоа и его мастерстве. А самой дорогой его вещью была маленькая книга фантазий, «Книга Снов», которую Говард дал ему.

Наш мальчик трагически погиб во время купания незадолго до того, как мы покинули Маукиш. Но «Книга Снов» по-прежнему у нас, напоминая нам старые дни. Трудно поверить, что Говард Хардоа стал таким, как вы его описываете, но ведь в жизни случается и не такое. Мы часто вспоминаем о нашем бедном маленьком Нимпи. Если бы он был жив, возможно, что тоже стал бы известным человеком.

Пожалуйста, не публикуйте мое имя и адрес, так как боюсь, что не смогу справиться с корреспонденцией.

С уважением Тути К.

(Полное имя и адрес исключены по ее просьбе.)
В контору «Космополиса» вошел худой мрачный

мужчина неопределенного возраста, одетый в черный костюм местного покроя, стесненный в плечах и свободный на бедрах. Он двигался с беззвучным проворством кошки. Его глаза были черными, лицо со впалыми щеками, худое. Черные волосы были зачесаны назад, к макушке, и ниспадали за ушами. Он подошел к регистрационной стойке, оглянулся тревожно по сторонам, что скорее походило на привычку, выработанную в течение длительного времени.

Служащая спросила:

— Чем мы можем быть вам полезны, сэр?

— Я бы хотел переговорить с джентльменом, который написал о мистере Говарде Трисонге несколько недель назад.

— О, это должно быть Генри Лукас. Мне кажется, что он сейчас в конторе. Могу ли я узнать ваше имя, сэр?

— Шахар.

— Род ваших занятий, мистер Шахар?

— Ну, мисс, это несколько сложно. Я бы предпочел объяснить это сначала мистеру Лукасу.

— Как вам будет угодно, сэр. Я спрошу мистера. Лукаса, может ли он увидаться сейчас с вами.

Девушка позвонила, ей ответили. Она снова повернулась к Шахару.

— Подождите, он сможет принять вас через пять минут.

Шахар тихо сел, взгляд его черных глаз блуждал по комнате.

Раздался мелодичный сигнал. Служащая за стойкой сказала:

— Мистер Шахар, пожалуйста.

Она провела Шахара по вестибюлю и ввела в кабинет с бледно-зелеными стенами.

За столом в небрежной позе сидел одетый по последней моде мужчина с томным лицом, обрамленным глянцевыми темными локонами. Его одежда была исключительно элегантна; его манеры, как и выражение лица, были томные и почти высокомерные. Он заговорил монотонным голосом:

— Сэр, я Генри Лукас. Присаживайтесь, пожалуйста. Мне кажется, что мы незнакомы. Мистер Шахар, как же?

— Все верно, сэр.— Шахар говорил легким непри-
нужденным голосом.— Вы — деловой человек, и я не зай-

му у вас много времени. Я писатель, как и вы сами, хотя, конечно, не такой компетентный и удачливый.

Герсен, заметив сильные плечи Шахара, длинные крепкие руки, тяжелые кулаки с длинными сильными пальцами, подавил улыбку мрачного удовольствия. Шахар присутствовал на школьной встрече, он стоял у входа с приземистым толстым человеком.

Герсен вспомнил также события, происшедшие еще месяцем раньше, когда Ломар Медрано с Дикого Острова встретила Иммауса Шахара в Звездном Порту на Нью-Концепте. Она покинула отель «Диомед» вместе с ним и больше ее не видели.

— Ну,— сказал Герсен.— Я не писатель, я журналист. На какую тему вы предпочитаете писать?

— Отношения между людьми. Факты и лица. Меня заинтересовал Говард Алан Трисонг и его удивительная карьера. К несчастью, очень трудно получить информацию.

— Мне тоже так показалось,— сказал Герсен.

— Статья о школьной встрече была написана вами, как мне кажется.

— Наш местный корреспондент прислал десять страниц очень взволнованной прозы, которые я немного подправил. Чтобы получить информацию о Трисонге, мне представляется необходимым посетить Маукиш.

— Я воспользуюсь вашим советом. А что это за женщина и ее «Книга Снов»?

Герсен безразлично пожал плечами.

— Я туда не заглядывал. Письмо где-то здесь,— Герсен открыл папку, вытащил лист бумаги и заглянул в него. Шахар подошел ближе.

— Старая записная книжка, или что-то вроде этого,— сказал Герсен.— Вероятно, ничего особенного.

Шахар взял его за руку.

— Можно я посмотрю?

Герсен поднял брови, как бы удивляясь. Казалось, он колеблется. Он взглянул на письмо.

— Извините, но лучше не стоит. Женщина не хотела, чтобы ее называли. Не могу сказать, что я порицаю ее, но у каждого свои причуды.— Герсен вложил письмо в папку.

Шахар отошел, слабо улыбаясь.

— Мне бы хотелось собрать любую информацию по этому вопросу. Меня больше всего интересует начало жизни Говарда Трисонга, период формирования его как

личности, так сказать. Пригодились бы безделушки, подобные «Книге Снов». — Шахар сделал паузу, но Герсен ответил только небрежным кивком.

Шахар приблизился и заговорил с убедительной настойчивостью:

— Предположим, я решу навестить эту женщину в качестве журналиста, работающего в «Космополисе», дадите ли вы тогда мне ее адрес?

— Ваши усилия намного превышают вашу выгоду — таково мое мнение. Почему бы вам не посетить Глэдбитук на Моудервельте и не расспросить о старых знакомых Говарда Алана Трисонга? Мне кажется это более продуктивным.

— Снова вы даете мне прекрасный совет, сэр. — Шахар поднялся, помедлил мгновение и, казалось, собрался уйти.

Герсен тоже вяло поднялся.

— У меня есть еще дела, а то бы я с большой охотой обсудил бы эту проблему в течение более длительного времени. Желаю вам успеха.

— Благодарю вас, мистер Лукас. — Шахар вышел из комнаты.

Герсен подождал некоторое время. Датчик на краю стола издал сигнал. Герсен улыбнулся. Он пристроил сигнальное устройство к выдвижному ящику своего стола, затем повернул ключ в старинном замке. Надев шляпу, купленную на Алойзиусе, он вышел из комнаты и прошел по коридору мимо двух незанятых помещений. За одной из дверей стоял Шахар, о чем Герсена уже проинформировал сигнализатор.

Герсен прошел неспешным шагом через весь корпус, затем вернулся. Он направился прямо в свой кабинет. Встав на всякий случай сбоку от двери, он раскрыл ее.

Против ожидания ничего не произошло.

Герсен вошел в комнату. Сигнализатор на ящике был смещен. На замке не было следов повреждения, Шахар оказался в этом деле искусным. Герсен открыл ящик. Письмо лежало так же, как он оставил его. Шахар удовлетворился именем и адресом.

Герсен связался по коммутатору с Элис.

— Итак, это прошло.

— Кто приходил?

— Человек по имени Шахар. Я отправляюсь прямо в космопорт.

Голос Элис не выдавал эмоций.

— Береги себя.

— Конечно.

Герсен бросил свою шляпу на стул, сменил узкоплечий костюм на обычную одежду космолетчика и покинул контору «Космополиса», возможно, в последний раз.

Он прибыл в космопорт по специальному проезду непосредственно к «Фэнтомик Флайтлернинг». Корабль был чистым, проветренным и заправленным, был готов к взлету.

Герсен поднялся на борт, закрыл люк и прошел в салон. Его нос уловил запах парфюмерии. Он огляделся. Ничего необычного.

Он сделал три больших шага к рубке управления: пусто. Отворил дверь в головной отсек.

— Я с тобой!

Одетая в шорты серого цвета и черную тунику, Элис шла ему навстречу.

— Так вот ты где,— сказал Герсен.

— Я решила никогда больше не оставлять тебя одного. Ты ведь можешь не вернуться.— Она вплотную подошла к нему и посмотрела в лицо.— Ты не хочешь, чтобы я сопровождал тебя?

— О, я уверен, что ты будешь очень полезна. Хотя наше путешествие и будет опасным.

— Я знаю.

— Ладно, у нас мало времени. Теперь, поскольку ты здесь...

— Я знала, что ты поймешь меня.

Глава 17

Бетун Презев висела в космическом пространстве в лучах Корвуса 892. Герсен подвел «Фэнтомик Флайтлернинг» вплотную к одной из орбитальных карантинных станций. Там не смогли немедленно предоставить пилота-лоцмана, и было приказано подождать.

Элис ворчала по поводу формальностей:

— Мне совершенно безразличны их звери! Я говорила им это, но не думаю, чтобы они поверили мне.

— Говард будет еще более раздражен. Он не сможет показаться здесь на своем боевом крейсере и опуститься прямо на планету.

— Вполне возможно, что он прибудет, как турист. А возможно, он вообще не прибудет.

— Я не могу представить, чтобы он послал Шахара за своей драгоценной «Книгой Снов». В любом случае ты должна остаться в Танакиле: если он заметит тебя, у нас все может сорваться.

Элис сделала невинное лицо.

— Как ты скажешь. Хотя ты и сам говорил, что я не похожа на себя, когда одеваюсь мальчиком и прикрываю волосы.

— Мы лучше перекрасим тебя и подстрижем.

— В этом нет необходимости, хотя было бы забавно. Но ты будешь смеяться надо мной, а я разозлюсь, так у нас не пойдет...

Герсен обнял ее:

— Мы не воспользуемся этим вариантом.

— Конечно нет... Подожди, не сейчас... Кирт, давай попозже. Ты уже дважды за сегодняшний день гонялся за мной по кораблю!

— Но здесь больше нечего делать. И ты же сама хотела того же, не правда ли?

— Ты не возражаешь, если я разденусь?.. Нет? О, хорошо...

Наконец прибыл лощман-пилот и провел корабль в Танакил, вопреки просьбе Герсена о приземлении в космопорте в Лагере в Голубом Лесу.

— Извините,— сказал пилот,— но это не по правилам.

Герсен отметил, что каждое третье слово, которое говорил пилот, было «правило». Пилот продолжал:

— Мы не можем позволить такого, вы же знаете. Тогда бы каждый приземлялся, где ему вздумается, топтал и рвал цветы, дразнил обезьян. Туристы должны посещать заповедники, соблюдая правила приличия и сдержанности. Я бы даже ужесточил эти правила.

— Тогда вообще никто не стал бы выполнять эти правила, и вы бы остались без работы.

Пилот посмотрел на Герсена голубыми глазами. Он решил, что Герсен пошутил, и рассмеялся.

— Я бы нашел чем заняться. Я считаю себя экспертом по патологии сегментарных червей.

Элис спросила:

— Почему же в таком случае вы работаете здесь, вместо того, чтобы изучать этих червей?

— Сегментарных червей не так уж много. Они прячутся глубоко в землю, и их трудно поймать... Вот мы и прибыли на узловую станцию. Оставьте все вещи, кроме

предметов первой необходимости, на борту вашего корабля. Когда вы выйдете, я опечатаю двери.

Герсен и Элис, каждый с маленькой дорожной сумкой, подверглись досмотру на таможне и были, наконец, пропущены.

У окошечка с надписью «Официальный и коммерческий транзит» Герсен попробовал заказать билеты до Лагеря в Голубом Лесу. Клерк отказался выслушать его и вернул деньги назад.

— Лучше вам будет обратиться к должностному лицу.

— Из чистого любопытства: когда следующий рейс в Лагерь в Голубом Лесу?

— Сегодня два рейса, сэр, в полдень и через пару часов.

В открытом омнибусе Герсен и Элис проехали в город под высокими джакарандами и друпамы, преследуемые истеричными криками древесных тварей.

В туристическом бюро Гальцион Виста, Герсен увидел другого клерка — важничавшую молодую женщину с узкими глазами и вздернутым носиком.

Она немедленно объяснила просьбу Герсена невыполнимой и попыталась продать ему билеты на Туристический Маршрут С. Герсен использовал всю свою настойчивость и разумные аргументы. После десяти минут тщательных поисков в инструкциях женщина не смогла доказать свою позицию и недовольно выписала два пассажирских билета.

Омнибус с космопорта отошел от агентства еще днем: Герсен обнаружил в городе только такси, и они чуть не опоздали на свой рейс, прибыв только за десять минут до отлета.

Через два часа ракетоплан приземлился в джунглях к северу от Лагеря в Голубом Лесу. Дверь отворилась, в кабину проник ветерок, доносящий вонь болот:

Герсен и Элис спустились на землю. Ракетоплан поднялся и исчез в южном направлении, они остались в джунглях одни.

— Должно быть, дорога ведет к Лагерю — сказал Герсен.

Из отеля Окружной Корпорации Герсен позвонил Клидхо в комиссариат.

— Я вернулся. Все идет согласно плану. Что у вас нового?

— Пока ничего, — голос Тути был резким. — Мы ожи-

даем посетителя с надеждой и тревогой. Вы привезли книгу?

— Я принесу то, что привез, к вам домой через полчаса.

Тути издала раздраженный звук «тс-с».

— У нас здесь свои правила. Я не могу оставлять работу по своей прихоти!.. Но если это необходимо, то я отпущусь. Я найду предлог.

Герсен сказал Элис:

— У миссис Клидхо странные взгляды: в сущности она упряма и подозрительна.

Он критически оглядел ее.

— Лучше бы ты одела что-нибудь более однообразное и незаметное.

Элис оглядела себя. Она надела серые брюки космолетчика, черные сапоги и темно-зеленую рубашку.

— Что может быть более однообразно и незаметно, чем это?

— Ладно, но одень вот эту шляпу, спрятав волосы, и попытайся выглядеть мальчиком.

— Миссис Клидхо будет сегодня более подозрительной, чем всегда.

— Я все еще думаю о Говарде Трисонге,— сказал Герсен.— Если он увидит твои рыжие волосы, то сразу же узнает тебя. Было бы лучше, чтобы ты осталась здесь в отеле.

— Мы уже обсуждали это.

— В таком случае не высовывайся. И говори тихим грубоватым голосом. Я постараюсь все сделать наилучшим образом.

Из дорожной сумки Герсен достал какие-то детали и принялся их собирать. Элис молча наблюдала за ним. Наконец, Герсен сказал:

— Это оружие, все начинено ядом. Возьми вот это, и будь с ним поосторожнее.

Он протянул ей отрезок стеклянной трубки.

— Если кто-то тебе не понравится или подойдет к тебе слишком близко, подними трубку до уровня его лица и резко дунь в этот конец. Потом как можно быстрее отойди.

Элис с мрачным видом засунула трубку в карман своей рубашки.

Они покинули свой отель и направились к коттеджу Тути Клидхо. Она заметила их, дверь отворилась, как только они приблизились.

На мрачном лице Тути отразилось удивление при виде Элис: — Кто это? И зачем?

— Ее имя Элис Рок. Она мой коллега.

— Хм, хорошо, это не мое дело. Входите.— Комната изменилась со времени предыдущего посещения Герсена только в одном: мармел Нимпи больше не стоял в углу с грустным видом.

Тути зловеще кивнула.

— Нимпи ушел на время. Ну, давайте книгу.

Герсен протянул ей красную записную книгу, озаглавленную «Книга Снов». Тути пробежала взглядом по страницам. Потом с раздражением сказала:

— Но тут ничего нет!

— Естественно, нет. Неужели вы думаете, что я стану рисковать настоящей книгой? Это — копия, скажем так.

Тути мрачно проговорила:

— Этого достаточно. Вам не нужно ничего больше делать, Ото и я составили план, все учтено: вы возвращайтесь в Танакил и ждите. Вас оповестят, когда работа будет сделана.

Герсен засмеялся.

— У Говарда, наверняка, тоже есть план. Он ведь профессионал.

— Все равно мы будем действовать без колебаний. А как бы вы поступили с ним?

— Раньше или позже он покажется здесь. Когда это случится, я убью его.

Тути засунула руки в карманы.

— Конечно, конечно, но как вы сделаете это без оружия?

— Я могу спросить вас о том же.

— У меня есть прожак модели «Джей».

— Вы не доверите мне воспользоваться им?

— Конечно, нет! Наши правила строго запрещают это. Да и Ото не одобрил бы... Сколько времени до прихода Говарда?

— Я не знаю. Я приехал как можно быстрее. Думаю, что он постарается сделать то же. Тогда разрыв между нами невелик.

Элис выглянула в окно.

— У нас вообще нет времени... Посмотри.

По улице шел Шахар, а позади него низенький толстый человек с мощными плечами и головой почти без шеи.

— Эти двое — люди Говарда, — сказал Герсен. — Вы по-прежнему думаете, что сможете справиться с ним?

— Конечно! Ведь сюда идет он! Давайте в заднюю комнату, и ни звука.— Она вытолкала их в дверь и захлопнула ее.

Свет, пробивавшийся сквозь боковое окно, падал на фотографию Нимпи в серебряной рамке, стоящую на письменном столе.

Герсен толкнул дверь, но та не поддавалась. Он тихо выругался:

— Эта старая дура заперла нас.

Элис посмотрела на окно.

— Оно очень мало. Но я могу протиснуться в него.

— Дверь не слишком прочна, и мы сможем в любое время выйти наружу.

— Тс-с. Слушай.

Из прихожей донеслись звуки разговора.

— Вы Тути Клидхо? — Это был голос Шахара.

— Ну и что из этого? Кто вы такие? Я никого из вас не знаю.

— Миссис Клидхо, я выездной секретарь...

— Ступайте в гостиницу. У меня нет желания иметь дело с незнакомыми людьми. Кроме того, я не одна, у меня есть оружие, готовое к применению. Убирайтесь восвояси.

— ...известного во многих мирах джентльмена, который хотел бы поговорить с вами; уверен, что к вашей выгоде.

— Джентльмен. Мне подобные неизвестны. Как его зовут? И если он такой известный, то почему не явился сам сюда, а вместо этого прислал вас?

— Как и вы сами, миссис Клидхо, он не любит общаться с незнакомыми людьми. Он тоже нервный и робкий. Оружие беспокоит его, так что, пожалуйста...

— Убирайтесь отсюда вместе с вашими оскорблениями. И потарапливайтесь, пока я, нервная и робкая, не отстрелила вам ноги! Я стара и одинока, но не стану терпеть оскорбления от тупоголовых туристов!

— Простите меня, миссис Клидхо. Простите, что беспокоили вас. Пожалуйста, не размахивайте своим продажом так резво. Меня интересует всего один вопрос: Это вы та «Тути К.», которая недавно написала письмо в журнал «Космополис»?

— Ну и что из этого? Почему я не могу написать, если захочу? Что плохого я сделала?

— Совершенно ничего. Вы принесли этим письмом себе удачу. Вы убедитесь в этом, если отложите ору-

жие и успокойтесь. В таком случае я приглашу своего патрона сюда.

— И вас будет двое против одного! Ха, ха! И не мечтайте! Присылайте вашего робкого джентльмена одного, без вас. Что же касается проджака, то я положу его, когда увижу, что мне ничего не угрожает.

— Уверен, что у вас не будет повода для тревоги, миссис Клидхо, наоборот, все причины для удовлетворения.

— Не могу представить себе такое.

Шахар не ответил: он немедленно вышел.

Герсен плечом налег на дверь. Она треснула и закричала. Сейчас же последовал сильный удар в стену.

— Эй вы, сидите тихо! Не вмешивайтесь в наши планы. А теперь ни звука, кто-то подошел к дому.

Герсен что-то пробормотал. Элис сказала:

— Ш-ш. Слушай. Я думаю, это Говард.— Они прислушались к звукам открывающейся наружной двери и голосу Тути.

— Кто вы такой, сэр?

— Миссис Клидхо, вы не узнаете меня?

— Нет. Почему я должна узнавать вас? Что вам нужно?

— Я освежу вашу память. Вы написали в «Космополис» о старых временах в Глэдбитуке и о близком приятеле вашего Нимфотиса.

— Боже, неужели вы Говард Хардоа? Точно, я узнаю тебя! Как ты вырос! Мальчиком ты выглядел таким хрупким! Ну подумать только! Я должна позвонить Ото! Жаль, что он не может сейчас быть здесь!

В задней комнате Герсен, сжав зубы от расстройства планов, положил руку на ручку двери. Элис увлекла его назад.

— Не делай глупостей! Тути застрелит тебя, не размышляя ни секунды. Будь благоразумен.

Герсен снова приложил ухо к двери.

— ...удивительно, как бегут годы. Все это было так давно и так далеко отсюда! А как ты изменился! Каким красивым и обходительным ты стал! Проходи, не стесняйся, сейчас я налью чего-нибудь... У меня остались кое-какие хорошие старые настойки. Может быть, чаю с пирогом?

— Это очень любезно с вашей стороны, миссис Клидхо. Я выпью каплю настойки... Спасибо, этого более чем достаточно.

— Совершенно непонятно, как ты нашел меня здесь, и почему... А, ну да, мое письмо в журнал...

— Разумеется, оно всколыхнуло старые воспоминания, вспомнились вещи, которые я забыл много лет назад. Такие, как та маленькая книга, о которой упомянули...

— О, да! Эта прелестная маленькая книжечка красного цвета! Каким мечтательным пареньком ты был, полным грез и обаяния! Кажется ты назвал эту книгу «Книгой Снов».

— Верно. Это именно так. Хотелось бы увидеть ее снова.

— Конечно, конечно, я покажу ее тебе. Я ее разыщу, но ты должен сначала пообедать со мной. Я как раз приготовила рагу, как в Глэдбитуке, кроме того, у меня есть лессами. Надеюсь, ты не потерял вкуса к домашней кухне?

— К сожалению, я заработал болезнь желудка, и теперь ограничен в еде. Но не обращайтесь на меня внимания, готовьте обед по-своему, а я тем временем посмотрю мою записную книжку...

— Подожди, дай вспомнить, куда я ее дела?.. О, да, конечно, она на станции, где работает Ото. Он дежурит там сменами, очень жаль! У них так мало квалифицированных специалистов, и Ото днюет и ночует там. Он был бы рад увидеть тебя. Может быть, ты погостишь здесь с недельку, пока он не прибудет из джунглей? Он не простит мне, если ты уйдешь, не повидавшись с ним!

— Неделя? О, миссис Клидхо, я не могу задерживаться здесь на столь длительный срок.

— У меня есть отличная свободная комната, и я уверена, что тебе нужно отдохнуть. А потом ты сможешь увидеть мистера Клидхо. Я сообщу ему, чтобы он принес твою книгу. Мы так хорошо сможем поболтать о старых временах!

— Это звучит заманчиво, миссис Клидхо, но я не могу тратить столько времени впустую. Но мне все же хотелось бы повидать мистера Клидхо. Где находится станция?

— Она в джунглях, в добром часе езды на рельсомобиле. Туристы, естественно, и близко не допускаются.

— В самом деле? Почему же?

— Они дразнят зверей и кормят их непригодной пищей. Над некоторыми из этих животных ставят эксперименты, мы содержим их вдали от посторонних взглядов и обеспечиваем пищей. Мистер Клидхо тоже работает с ними.

— Жаль, что он не может приехать со станции сегодня вечером. Почему бы не вызвать его по телефону?

— О нет, он и слушать не станет. Это неправомерно в любом случае.

— Это почему?

— В полдень прибывает состав с пищей для опытных животных. Он отправляется на станцию, а возвращается только на следующее утро — таков порядок, и он не может быть изменен. Иногда я сама привожу поезд и остаюсь там на ночь, но это только в том случае, когда штатный водитель хочет отдохнуть. Он всегда платит мне за потерянное время.

Пауза, затем голос Трисонга, веселый и непринужденный:

— А почему бы нам не поехать сегодня вечером? Это было бы интересно. Конечно же, я возмещу ваши расходы.

— А кого ты имеешь в виду, говоря «нас»?

— Вас, себя, Амиса, Шахара. Мы все хотели бы посетить станцию.

— Это невозможно. Туристы на станцию не допускаются — это строгий закон. Один человек в кабине с водителем может проехать, но не трое.

— Могут ли они добраться туда еще каким-нибудь образом?

— Если только в грузовых отсеках, но там так грязно. Вашим друзьям это бы не понравилось. Да и это тоже против всяких правил.

Опять пауза. Затем:

— Пятьдесят СЕВов покроют ваши издержки в комиссариате?

— Конечно. Они нам не переплачивают, это правда. Но все-таки мы не жалуемся. За коттедж не надо вносить ренты, а в комиссариате мне предоставляют хорошие скидки. Подождем до завтра, и если у вас не пропадет охота, то плата меня вполне устраивает. А если тебе не все равно, ехать вместе с друзьями, или без них, то почему не подождать неделю? Это не понравилось бы, что ты будешь испытывать неудобства.

— Правда, миссис Клидхо, меня очень поджимает время. Возьмите, здесь пятьдесят СЕВов. Мы отправимся сегодня после полудня.

— Но у нас почти не осталось времени на приготовления. Мне надо кое-куда позвонить. И еще надо чем-то заткнуть рот Джозефа, это он штатный водитель.

Деньги будут самым безопасным. У тебя найдется еще двадцатка?

— Да, я думаю.

— Этого вполне хватит. А теперь отправляй своих друзей обратно в отель, а потом встретишь меня на узловой станции, это в ста ярдах по дороге отсюда. На все тебе дается полчаса, и не появляйся раньше, чем я тебе дам сигнал. Вполне может быть, что управляющий Каннифер будет следить за отправкой... Да, я еще должна позвонить мистеру Клидхо, и предупредить его; что мы прибудем — пусть он освободит лучшую комнату. Итак, через полчаса на станции.

Дверь за Говардом Алоном Трисонгом закрылась. Тути Клидхо подошла к двери в заднюю комнату.

— Эй, вы двое! Вы слышали?

Герсен налег плечом на дверь, и та с треском отворилась. Тути Клидхо отступила назад, сжимая в руках прожак. Ее коренастое тело окаменело, а лицо сморщилось в усмешке.

— Назад! Одно движение — и я продырявлю вас обоих! Стоять!

Герсен заговорил с достоинством:

— Я думал, что вы и в самом деле с нами.

— Это так и есть. Вы доставили Говарда сюда, я передаю его мистеру Клидхо и мы посмотрим, что будет дальше. А теперь продолжайте сидеть здесь, а я продолжу свое дело. — Она махнула дулом в сторону дивана. Элис увлекла Герсена к нему, и они сели.

Тути удовлетворенно кивнула, и направилась к телефону. Она несколько раз с кем-то связывалась, потом повернулась к Герсену и Элис.

— Теперь, что касается вас...

— Миссис Клидхо послушайте меня. Не принимайте Говарда Трисонга за простака. Он умен и опасен.

Тути махнула своей тяжелой рукой.

— Ба, я хорошо его знаю. Он был паршивцем, издевался над маленькими девочками и мальчиками. Он убил моего Нимпи. Он не мог измениться, мы, Клидхо, тоже не изменились. В конце концов, мы рады видеть его. — Она провела их на кухню и открыла дверь. — А теперь в погреб, живо!

Элис взяла Герсена за руку и подтолкнула его к двери. Они спустились по ступенькам и оказались в подвале, заваленном бумагой, заставленном банками с соленьями и приправами.

Дверь за ними захлопнулась, раздался скрежет запираемого замка. Элис и Герсен оказались в темноте.

Герсен поднялся по ступенькам и приложил ухо к двери. Тути не ушла, Герсен отчетливо представил себе ее, стоящую рядом с дверью с оружием наготове.

Прошло две минуты, половицы заскрипели, и Тути ушла.

Герсен поднялся к потолку, надеясь обнаружить хоть малейшую щелку, но тщетно. Он нажал на дверь, которая заскрипела, но выдержала, а его шаткое положение не позволяло нажать сильнее.

Потом лестница обрушилась.

Герсен ощупью пробрался сквозь тьму.

До него донесся голос Элис:

— Я не могу найти здесь других дверей. Только корзины, полные старого хлама.

— Все, что мне нужно — это крепкая палка или кусок доски, — сказал Герсен.

— Нет ничего, только корзины, несколько ящиков и старых ковров.

Герсен ощупал корзины.

— Давай выгрузим эти вещи. Если я смогу добраться по этой куче и достать до двери...

Спустя десять минут Герсен соорудил шаткое подобие лестницы.

— Не стой внизу. Это довольно рискованно...

Он уперся плечом в дверь, напряг изо всех сил ноги. Замок лопнул, дверь отворилась, и Герсен вывалился на кухню Тути Клидхо.

Он поднялся, помог вылезти Элис, помедлил, осматривая хозяйственные принадлежности Тути, затем выбрал два столовых тяжелых ножа, которые заткнул за пояс.

Элис нашла сумку для одежды.

— Положи это сюда. Я ее понесу.

Они пошли к входной двери, выглянув наружу. На улице никого не было.

Держась в тени, они направились на станцию рельсомобилей — скопление ветхих построек ярдах в ста впереди.

— Тути не понравится, если все пойдет не по ее плану, — заметила Элис. — Она неистовая женщина.

— Она самонадеянная старая карга, — сказал Герсен: — Теперь пошли помедленнее, совершенно незачем, чтобы нас заметили.

Они ощутили острый запах гнили. Приглядевшись,

они увидели ее источник. У хоппера стоял осанистый светловолосый мужчина с безразличным выражением на лице. Он следил за потоком розово-серой массы, текущей из хоппера в цистерну рельсомобиля. Он перекрыл вентиль, и струя исыкла. Маленький локомотив приблизился задом и сцепился с цистерной. Под куполом кабины сидела Тути Клидхо, управляя локомотивом.

Человек у хоппера махнул рукой, повернулся и пошел к мастерским. Тути потянула рукоятку управления на себя: локомотив с вагоном-цистерной двинулся вперед. Появился Говард Трисонг и сел в кабину рядом с Тути. Из-за кустов вышли Шахар и Амис. Они пробежали немного за цистерной, потом запрыгнули на маленькую платформу, которой цистерна заканчивалась. Состав скрылся за углом ближайшего барака.

Герсен подошел к мастерской. Из нее на звук шагов выглянул представительный мужчина, сделав предостерегающий жест рукой.

— Сэр, посторонние сюда не допускаются.

— Я не посторонний, — сказал Герсен. — Я друг миссис Клидхо.

— В таком случае вы опоздали. Она только что поехала со своим племянником на станцию.

— Мы должны были ехать вместе. Похоже, что мы несколько припозднились. Есть ли у вас другой локомотив, готовый к поездке?

Джозеф указал на старый, ржавый механизм, помятый и погнутый, казавшийся нелепым нагромождением блоков и колес.

— Это старый локомотив, поставленный на ремонт. Я скоро, буквально на днях, доделаю его.

— Как далеко находится станция?

— Это добрых семьдесят миль по дороге. По воздуху короче, но в городе нет хорошего воздушного транспорта. Он запрещен в целях поддержания экологического баланса и чтобы не пугать животных.

— Семьдесят миль — это десять часов хорошего бега.

— О нет! — воскликнул Джозеф. — Вы пробежите, может быть, миль пять, а потом ваши глаза будут залеплены грязью, а что случится потом — кто знает? Это дьявольское место — джунгли.

Элис указала в глубину мастерской.

— А это что такое?

— Это тележка путевого инспектора — простая платформа на четырех колесах с парой сидений под сфе-

рическим куполом, снабженным защитой от насекомых. Управление элементарно простое — пара рукояток, два рычага и циферблат. Она не очень красива, но катится хорошо, — сказал Джозеф с гордостью. — Я сам ее смастерил.

Герсен достал хрустящую бумажку и протянул ее Джозефу.

— Мне бы хотелось воспользоваться тележкой. Мистер Клидхо очень хотел видеть нас. Она готова для поездки?

Джозеф осмотрел сертификат.

— Это не по правилам, но, в сущности...

— Вы получите еще двадцать, когда мы завтра вернемся. Клидхо не понравится, если мы опоздаем, а это важно более, чем правила.

— Вы не работаете на Корпорацию? Нет ничего более важного, чем правила.

— За исключением жизни и денег.

— Это верно. Хорошо, я разрешаю вам воспользоваться тележкой. Черная ручка — это акселератор, красная — тормоз. Первая развилка налево к станции. Правая ветка — к гнездовищу красных обезьян. Там еще будет ответвление на пастбищные луга, но она, в конечном итоге, тоже ведет на станцию — значит, вы поедете направо, налево, а потом по любой дороге.

Теперь я ухожу домой. Имейте в виду — я вас предупредил.

Джозеф повернулся и пошел прочь от мастерской.

Герсен влез на борт тележки. Он нажал на черную ручку, тележка двинулась вперед. Элис быстро вскочила на платформу рядом с ним. Герсен выжал рычаг до отказа, и тележка покатилась от станции в джунгли.

Глава 18

Предоставленное им транспортное средство было изготовлено из каких-то старых деталей и запасных частей. Правый рычаг был сделан из вольфрамовой поллой трубки, тогда как левый — из деревянного бруска. Сиденья раньше были домашней софой с оранжевыми и голубыми подушками. Сферическая кабина была продырявлена, и в отверстиях просвечивало небо, колеса явно сняты с тачек, тележек и тому подобного, Фланцы были приварены к ним грубо и на скорую руку. Не-

смотря на все это, тележка двигалась мягко, и скоро Лагерь в Голубом Лесу остался позади.

Первые несколько миль пути проходили по своеобразному растительному туннелю, сверкающему сотней цветов и оттенков, пронизанному лучами полуденного солнца. На открытых местах порхали мотыльки с раскрашенными яркими крыльями. Другие летающие существа проносились в воздухе с такой скоростью, что в памяти оставалось воспоминание о золотых пятнах, а не о живности.

Наконец, джунгли расступились. Теперь рельсы проходили по пустошам и заливным лугам, перемежающимися с прудами, в каждом из которых жил свой водяной бык — огромная водянистая тварь с рогами и рылом, похожим на лопасти водяной мельницы, которое бык использует по мере роста для расширения своего пруда.

Дальше за болотами земля поднималась, переходя в саванну. Здесь, среди травы, паслись создания, отчасти напоминавшие грызунов, они передвигались стаями по двадцать — тридцать особей. Часто появлялись десятифутовые обезьяны — существа с белой кожей, покрытой пятнами черного меха.

Рельсы пролегли по поверхности саванны, ныряя с полумильным интервалом в туннели, проходящими под тропинками животных. Дальше дорогу огораживали два ряда электрической защиты, тянувшейся по обоим сторонам.

Солнце уже низко висело в небе, заливая ландшафт нереальным, похожим на призрачный, светом, и существа, окружавшие их, казались скорее порождением воображения, нежели реальными зверями.

Рельсы были пустыми, поезд с продовольствием немного опередил их. Герсен полностью выжал акселератор, и тележка неслась вперед с огромной скоростью, подпрыгивая и раскачиваясь на неровностях пути. Чтобы не опрокинуться, Герсен с неохотой сбавил скорость.

Миля следовала за милей, а впереди по-прежнему, ничего, что напоминало бы поезд.

Саванна протянулась нескончаемо...

Наконец, в миле впереди показался темный лес, и там, на границе света и тени, солнечный свет мелькнул на мгновение, отражаясь на кабине обогнавшего их локомотива.

— Мы их догоняем, — сказал Герсен.

— А что будем делать, когда догоним? — спросила Элис.

— Мы не догоним.— Герсен оценивающе покачал головой.— Мы отстаем всего на несколько минут по времени. И все же, мне хотелось бы быть намного ближе. Говард не сможет объяснить присутствие Шахара и Амиса: может произойти непредвиденное.

У леса рельсы поворачивали, чтобы обогнуть скалы. Герсен уменьшил скорость, а потом снова увеличил ее, когда открылось свободное пространство.

Рядом с путями промелькнул знак — белый треугольник, почти сразу же за ним рельсы разветвлялись, одна ветка вела на север, другая направлялась прямо на восток. Поезд шел прямо, о чем свидетельствовала переведенная стрелка.

В миле дальше путь снова разветвлялся, и одна из веток вела на юг, но, как и раньше, поезд следовал на восток. Герсен удвоил внимание: поезд с провизией не мог уйти далеко вперед. Но, по-прежнему, он увеличивал скорость на прямых участках, а на поворотах осторожно замедлял ход.

Рядом с путями появился еще один белый треугольник.

— Третья развилка,— сказала Элис.— Станция находится справа, но поезд двинулся влево.

Герсен остановил тележку.

— Поезд с кормом поехал налево. Видишь переведенную стрелку? Нам лучше будет следовать за ними.

Через полмили рельсы снова повернули на север, через лес. Просветы в листве позволяли определить, что к востоку снова раскинулась саванна.

Элис указала жестом:

— Вот они!

Герсен затормозил и остановил тележку.

Поезд подъехал к разгрузочному устройству в месте, не защищенном электрооградой.

Тути остановила локомотив, отсоединила цистерну и проехала немного вперед. Открылся клапан, и масса потекла по желобу.

На площадке цистерны Шахар и Амис вскочили на ноги, глядя с беспокойством на отъехавший локомотив. Затем их внимание привлекли твари, которые спешили со всех сторон к кормушке с пищей.

Обезьяна, двадцати футов ростом, с головой напоминающей медведя и насекомого одновременно, неуклюжей походкой подошла к кормушке. Шахар и Амис спрыгнули с площадки и побежали к ближайшему дереву. Но обезьяна оказалась проворнее их. Она схватила

Амиса и подняла его за ноги в воздух. Амис яростно сопротивлялся и умудрился ударить пяткой по хоботу твари. Обезьяна разозлилась, отбросила Амиса на землю, подпрыгнула и опустилась прямо на его тело, принявшись месить его кулаками. Потом она повернулась и поглядела на Шахара, который уже успел залезть на нижние ветки дерева, где он привлек внимание напоминающей паука рептилии, которая жила на верхушке дерева. Она выбросила длинную серую лапу, удар которой качнул Шахара, тот пронзительно закричал, выхватил нож и ударил им.

Когда паук-рептилия стал спускаться, мягко покачиваясь на тонких волосатых ногах. Шахар спрыгнул на землю, увернувшись от обезьяны, которая угодила в щупальца паука-рептилии. Паук спрыгнул с дерева, накиннул липкую сеть на голову обезьяны, высунул жало и пронзил спину жертвы.

Обезьяна заревела от боли, рванула лапами щупальца поразившего ее монстра. Но щупальца сомкнулись еще крепче, жало ударило снова. Обезьяна швырнула паука-рептилию о ствол дерева, потом еще раз, превращая его в месиво, и наконец освободилась. Потом она отскочила в сторону, дернулась конвульсивно и упала мешком. Несколько пожирателей падали с ревом кинулись вперед. Заметив Шахара, они окружили его и Шахар исчез под телами животных.

Герсен произнес упавшим голосом:

— Как ты думаешь, Тути знала, что эти двое едут ча задней площадке цистерны?

— Не хочется строить предположения.

Поезд с Тути и Трисонгом исчез в джунглях в дальнем конце луга. Теперь цистерна с кормом загоразживала дорогу.

— Нам необходимо вернуться на развилку, — сказал Герсен. Он осмотрел рычаги и рукоятки. — Где же привод заднего хода?

Но искал он тщетно. Рычаг акселератора заставлял двигаться машину только вперед. Герсен спрыгнул на землю и попытался поднять один конец тележки, но без успеха, так как она была сбалансирована, и лишний груз прижимал ее к рельсам на поворотах. Тогда он попытался толкать тележку назад, но и это было невозможно, так как препятствовал наклон пути.

— Это абсурд, — сказал Герсен. — Должен же быть обратный путь... Если бы у меня был длинный рычаг,

то мне удалось бы приподнять тележку над рельсами. Но я боюсь идти в лес.

— Темнеет, — сказала Элис. — Солнце садится.

Герсен подошел к кювету и заглянул в лес: он окружал их, высокий и таинственный. — Я ничего не вижу... Я пойду...

— Подожди, — сказала Элис. — Что это за приспособление?

Герсен вернулся к тележке. В центре платформы находился ручной червячный привод.

— Элис, ты молодчина! Это же домкрат, который поднимает тележку достаточно высоко, чтобы мы могли повернуть ее вокруг собственной оси.

Элис скромно сказала:

— Я так и думала, что могу быть тебе полезной и даже необходимой.

Через пять минут они уже возвращались по той же дороге, по которой приехали сюда. От развилки они повернули на восток и мчались свозь сумерки на полной скорости.

Миля, две мили, пять... Лес внезапно кончился, и открылась заболоченная пустошь. Впереди солнечный свет отражался на излучине реки.

Рельсы вели через металлический мост, очевидно, электрифицированный, чтобы защитить путь от речных обитателей.

За мостом была станция, состоявшая из склада, амбулатории и шести маленьких коттеджей, стоящих в ряд. Несколькими ярдами далее находилась лаборатория, которая выходила на затопленные места, к реке Горгон.

Тележка свернула на боковую ветку.

Герсен затормозил и остановился прямо за локомотивом. Мгновение они сидели, прислушиваясь.

Тишина.

В Лагере в Голубом Лесу Говард Трисонг проговорил общительным и дружелюбным голосом:

— Зачем мне надо скрываться? Я поеду впереди вместе с вами.

— Жаль, но этого нельзя сделать, — сказала Тути. — Представь, что там окажется управляющий Кеннифер. Тебе придется сидеть за спинками кресел, пока мы не достигнем джунглей. Тогда можно расслабиться и наслаждаться поездкой. Посмотришь на грибных бабочек и водяные цветы.

Трисонг залез в кабину позади кресел и затих. Поезд

тронулся. Если краем глаза Тути и видела Шахара и Амиса, когда они влезали на площадку позади цистерны, то не подавала виду.

Через джунгли, по саванне, углубляясь в темный лес и выезжая из него, ехал поезд с кормом. На третьей развилке Тути свернула к северу. Там находился запасной пункт разгрузки корма, который использовался редко, лишь в тех случаях, когда биологи проводили эксперименты. Но сегодня вечером Тути решила покормить животных. Почти не останавливая локомотив она отцепила цистерны.

Трисонг вскочил на ноги и припал к заднему стеклу.

Тути Клидхо лишь слегка взглянула через плечо.

Говард Трисонг сгорбился, его лицо посерело, и он снова опустился на сиденье.

Наконец, поезд добрался до станции, проехал среди группы строений и остановился рядом с лабораторией.

Тути спрыгнула на землю, разминая затекшие ноги. Потом из кабины вылез Говард Трисонг и встал в проеме двери, осматривая местность.

Тути окликнула его звонким голосом:

— Эй, Говард! Как ты находишь нашу родимую сердцу страну?

— Это совсем не то, что старый добрый Глэдбитук. И все же здесь довольно живописно.

— Правда? Ну, тогда пошли, поищем мистера Клидхо, который уже должен приготовить для нас хороший ужин. Надеюсь, ради тебя он оставит своих любимцев хоть на некоторое время. Он без ума от своих животных, он все время проводит с ними. Пойдем, Говард. Ночные насекомые налетят через несколько минут.

Тути пошла по дорожке к лаборатории.

Она толкнула дверь.

— Ото! Мы здесь! Надеюсь, Дитси нет. Говард не хочет, чтобы его стесняли твои питомцы. Ото? Ты здесь?

Грубоватый голос ответил:

— Тише, ну где мне еще быть? Проходите... Так это Говард Хардоа?

— Как он изменился? Ты бы никогда не узнал его, правда?

— Это факт! — Ото Клидхо вышел им навстречу.

Он был на шесть дюймов выше Трисонга, но такой же худощавый. Огромная голова Клидхо была лысой, на макушке неаккуратные пучки волос обрамляли лысину. У него была окладистая серая борода и голубоватые

глаза. Он смерил Трисонга долгим оценивающим взглядом. Говард игнорировал этот взгляд, осматривая комнату.

— И это ваша лаборатория? Мне говорили, что вы теперь занимаетесь наукой.

— Ха, не совсем. Я по-прежнему занимаюсь старыми делами, но мои объекты и методы изменились. Пойдем, я покажу тебе кое-что из моих работ, пока миссис Клидхо разогревает нам ужин.

Тути предупредила звонким веселым голосом:

— Только десять минут, не больше! У тебя целый вечер впереди, чтобы показать свои трофеи!

— Десять минут, дорогая. Пойдем, Говард. Сюда, и пригни голову. Эти двери не рассчитаны на высоких людей. Давай мне свою шляпу.

— Лучше я останусь в ней,— сказал Трисонг.— Я очень чувствителен к сквознякам.

— Ладно... Ну тогда пойдем по этой дорожке. Здесь часто появляются эксперты из Танакила, чтобы посмотреть, как мы тратим общественные деньги. И могу добавить, что они никогда не остаются неудовлетворенными. Это Палата Астничей.

Говард Трисонг оглядел комнату из-под полуопущенных век. Ото Клидхо, если и заметил у Трисонга отсутствие энтузиазма, то не обратил на это внимания.

— Здесь все разновидности астничей, это андроморфные с Бетун, развившиеся здесь эволюционно. Этот род особенно широко представлен на Шакаре, они близкие родственники наших. Там они достигают тридцати футов.— Он указал на камеру.— Я обработал этих существ практически самостоятельно. Я работал в аргонной атмосфере, при условиях, убивающих бактерии.

— Замечательно,— сказал Трисонг.— Прекрасная работа.

— Эти существа удивительны, они слишком подвижны для своих размеров. Мы часто видели, как они прыгали на приличное расстояние... Ты знаешь, они все еще остаются загадкой. Неизвестно, как они размножаются, как развиваются, какова биохимия их жизнедеятельности. Сплошные тайны! Но я не буду запутывать тебя специфическими деталями. Как видишь, они бывают разных размеров, разных цветов. Разум? Кто знает? Некоторые мышленные, некоторые...

Неожиданно у Трисонга вырвался крик раздражения. Из одной камеры выпрыгнула тварь восьми футов дли-

ной с тоненькими задними и передними конечностями, сорвала шляпу с Трисонга и метнулась из комнаты.

Ото Клидхо засмеялся, каркая от удовольствия.

— Умные — да... Озорные — да... Разумные? Кто знает? Это Дитси, большая проказница. Боюсь, что тебе придется распрощаться со своей шляпой.

Говард Трисонг подбежал к двери и выглянул наружу.

— Что она делает? Она кинула мою шляпу в огонь!

— Жаль, что поделать. Не знаю, как и извиниться... Как ты думаешь, зачем она это сделала? Если голове станет прохладно, пожалуйста, скажи, у Тути должен быть запасной капюшон или какая-нибудь шаль.

— Это не важно.

— Я накажу Дитси. Этих существ привлекают яркие цвета, и они могут невежливо обойтись с гостями. Я допустил ошибку, не предупредив тебя.

— Ничего. У меня есть еще несколько запасных.

— Но другие, наверное, не такие красивые. Да, жаль... Теперь пойдет отсюда. Мы покидаем Палату Астничей и попадаем в Зал Болотных Гуляк.

Говард Трисонг проявил лишь поверхностный интерес к двадцати лиловым и черным существам.

— Очень представительная коллекция, — сказал Говард.

— Их можно обнаружить только вдоль реки Горгон... А теперь пойдем в Берлогу Ужасов, как я называю свою мастерскую.

Клидхо провел теперь уже скучающего и томящегося Трисонга в комнату, освещаемую через высокий стеклянный купол. Широкая платформа поддерживала массивное красно-черное создание с шестью ногами и свирепой мордой.

— Станный зверь, — сказал Трисонг.

— Совершенно верно. Но это еще и наибольший из моих экспериментов. Мой кабинет несколько мрачен, но Корпорация не может предоставить мне ничего лучшего. Ваша книжечка там и мы ее заберем позже.

— Почему же не теперь? — спросил Говард. — Когда она так близко?

— Как хочешь. Она лежит на моем столе, если хочешь, сходи за ней.

Говард Трисонг прошел в боковую комнату. На столе лежала маленькая книжечка, озаглавленная «Книга Снов». Трисонг шагнул вперед, дверь за ним закрылась.

Войдя в мастерскую, Ото Клидхо повернул вентиль, подождал пятнадцать секунд, потом закрутил его.

В мастерскую заглянула Тути Клидхо.

— Суп готов. Ты поешь?

— Я буду занят,— сказал Клидхо.— Я не хочу есть.

Глава 19

Герсен и Элис быстро пробирались в темноте к лаборатории. Ночь была теплая, чистая и темная, расцвеченная тысячами мерцающих звезд. Из болот и джунглей доносились звуки: далекий резкий вой и неуютно близкое ворчание ярости.

Из окна падал свет: Герсен и Элис увидели Тути Клидхо, суetyающуюся по кухне. Она нарезала хлеб, колбасу и салат, помешивая содержимое кастрюли, и раскладывала посуду на столе.

Герсен пробормотал:

— На двоих. Кто-то не будет ужинать.

— Она выглядит совершенно спокойной,— прошептала Элис.— Может, просто постучимся в дверь и спросим, успели ли мы к ужину?

— Это не хуже, чем что-либо другое.— Герсен попробовал дверной замок, затем постучал. В кухне Тути застыла неподвижно, затем метнулась к стене, сорвала прожак, потом подошла к коммутатору, что-то сказала, выслушала несколько слов в ответ, обернулась, прошла к двери и отворила ее, держа прожак наготове.

— Привет, миссис Клидхо,— сказал Герсен.— Мы не опоздали к ужину?

Тути Клидхо мрачно перевела взгляд с одного на другого.

— Почему вы не остались там, где я вас оставила? Вы что, глухие? Не понимаете, что ваше присутствие здесь нежелательно?

— Это не имеет значения теперь, когда вы нарушили наше согласие.

Тути Клидхо слабо улыбнулась.

— Возможно, ну и что из того? Вы бы сделали то же самое, окажись я на вашем месте.

Она поглядела через плечо.— Но раз уж так получилось, проходите. Поговорите с мистером Клидхо, если хотите.

Она провела их на кухню. Ото Клидхо стоял у рако-

вины и тщательно мыл руки. Он обернулся и внимательно осмотрел Герсена и Элис.

— Гости, да? К сожалению, сегодня я занят, а то показал бы вам местные достопримечательности.

— Мы здесь не для этого. Где Говард Трисонг?

Клидхо ткнул пальцем через плечо.

— Вон там. Совершенно невредим. А теперь давайте ужинать. Вы составите компанию?

— Садитесь,— сказала Тути.— Хватит на всех.

— Наваливайтесь,— сказал Ото Клидхо глубоким басом.— Поговорим о Говарде Хардоа. Вы знаете, что он убил нашего Нимфотиса?

Герсен и Элис сели за стол.

— Он убил многих людей,— сказал Герсен.— Что же вы намерены сделать с ним. Убить, чтобы отомстить?

— Да.

Клидхо тяжело кивнул.

— Что ж, и у вас будет свой шанс. Я запер его в камере и усыпил газом. Он проснется через шесть часов.

— Значит, вы не убили его?

— О нет.— Клидхо улыбнулся.— Жизнь — сложная штука, и Говард Хардоа, возможно, со временем раскается в своих преступлениях.

— Возможно,— сказал Герсен.— Но вы не сдержали обещания, данного нам.

Клидхо взглянул на него непонимающе, затем продолжил есть.

— Возможно, что из-за своих эмоций мы поступили нечестно по отношению к вам. Но не спешите с гневом. Вы будете участвовать в заключительном наказании.

Тути выкрикнула:

— И не забывайте, что мы избавили вас от опасностей! Говард привез с собой двух убийц. Но теперь они уже безвредны.

Ото Клидхо одобрительно улыбнулся, как будто Тути пересказывала рецепт своего фирменного блюда. Потом он сказал:

— Говард хитер. Представьте себе, он принес сюда оружие, спрятанное в шляпе. Но я поручил Дитси стащить с него шляпу и кинуть ее в огонь. Как вам уже сказано, мы сделали свою часть работы.

Ни Герсен, ни Элис ничего не сказали.

— Примерно через шесть часов Говард придет в себя,— сказал Клидхо.— Тем временем вы можете от-

дохнуть, выспаться, осмотреть мои коллекции. Но лучше будет, если мы вместе посидим, выпьем чаю, а вы расскажете нам о вреде, причиненном Говардом Хардоа.

Герсен взглянул на Элис.

— Что ты скажешь на это?

— Мне не хочется спать. Возможно, мистер и миссис Клидхо захотят услышать о школьной встрече в Глэд-битуке?

— Да, это будет кстати.

В полночь Ото Клидхо покинул кухню.

Спустя двадцать минут он вернулся.

— Говард приходит в сознание. Если хотите, вы можете послушать.

Они все прошли по лаборатории и, пройдя по коридору, остановились около двери.

— Слушайте! Он разговаривает!

Из-за двери доносился голос.

Сначала говорил Трисонг, чистым и сильным голосом, но в замешательстве и раздражении:

— ...тупик, как стена: я не могу двинуться вперед, ни уйти назад. Выход. Мы не знаем, куда идти. Будьте осторожны, не расходитесь в стороны. Паладины, кто слышит меня?

Ответы посыпались быстро. Голоса почти сливались, как будто одновременно говорили несколько человек:

— Мьюнесе остается с тобой,— это был спокойный чистый голос без эмоций.

— Спенглвэй здесь, вместе с вами.

— Рун Фадер Синий, и Хоэнгер, и Черный Джеха Рамс — все здесь.

Высокий холодный голос произнес:

— Эйа Ненайо здесь.

— А Иммир?

— Я с тобой до конца.

— Иммир, ты такой же, как и все. Теперь необходимо выработать план. Джеха Рамс, твое слово.

Зазвучал голос Джеха Рамса, черного паладина:

— Я более чем серьезен. Вы узнали его?

Иммир (взволнованно):

— Он назвал себя Клидхо с фермы Данделион.

Джеха Рамс:

— Он Страдалец.

Пауза в несколько секунд.

Иммир (тихо):

— Мы в отчаянном положении.

Рун Фадер:

— Такое случилось с нами и раньше. Вспомните путь в Илкад! Было достаточно припугнуть Железного Гиганта, чтобы мы прорвались.

Спенглвэй:

— Я вспоминаю засаду в Старом Городе Массилии. Ужасный час!

Иммир:

— Братья, не будем отвлекаться! Сконцентрируем все наши цели только на этом моменте.

Джеха Рамс:

— Страдалец похож на злорадное животное. Может быть, предложим ему богатство?

Иммир:

— Я открою ему даже сокровища. Он сможет владеть Сибарисом.

Мьюнесе:

— Это не соблазнит Страдальца.

Лорис Хоэнгер:

— Предложим ему девушек, каждая из которых прекраснее предыдущей. Пусть они оденут прозрачные одежды, пусть неотрывно смотрят на него, как бы спрашивая: «Кто этот мармел? Кто этот полубог?»

Иммир (грустно смеясь).

— Добрый Хоэнгер, ты верен себе! Но я подозреваю, что ты бросил бы своих братьев-паладинов, чтобы принять участие в таком параде.

Мьюнесе:

— И этим не сломить Страдальца.

Спенглвэй:

— Богатство, красота — что же осталось?

Рун Фадер:

— Если бы мы только владели Чашей Валкирии и вечной молодостью!

Иммир (невнятно):

— Сложности, сложности. Мне кажется, что мы — жертвы заговора.

Рун Фадер:

— Тихо все! Кто-то стоит за дверью.

Клидхо проговорил шепотом:

— Он еще не совсем проснулся, разговаривает, как будто во сне...

Он открыл дверь.

— Войдем.

Только половина комнаты была голой и тусклой: дру-

гая ее часть была задумана и сделана в подражание поляне в джунглях. Свет падал вниз через сотни отверстий, напоминающих листву.

На сучках висели цветы и стручки спор. Узкая речка устремлялась сквозь скалы, образуя маленькую заводь. Позади бассейна в кресле сидел Говард Алан Трисонг, почти обнаженный, если не считать короткой набедренной повязки. Его руки опирались на подлокотники кресла, ноги покоились на торфяной подушке. Голова была обрита наголо. Напротив него, на маленьком островке в заводи стоял мармел Нимфотиса. В кустах вокруг шевелились маленькие Астинги с мордами, испещренными красными и синими хрящами, хохолками, похожими на маленькие черные шляпки, с блестящими черными шкурками. Присутствие Говарда Трисонга волновало их.

Разговор в комнате прекратился, глаза Говарда смотрели из-под опущенных век: его дыхание было спокойным.

Клидхо обратился к Герсену и Элис:

— Первоначально это была клетка для маленьких астричей. Они еще называются «игрушечными мандаринами» — это очень опасные маленькие существа. Не подходите слишком близко — там почти невидимая паутина, которая сильно жалится. Это прекрасное место для Говарда.

— Вы мармелизировали его ноги!

— Совершенно верно. Теперь он неподвижен, и его удел — смотреть на Нимфотиса, которого он убил. Таково его наказание. Так что какое бы вы ему ни уготовили наказание, я не стану возражать. Это ваше право.

Герсен спросил:

— Как долго он останется жив в таком состоянии?

Клидхо покачал головой.

— Это трудно предполагать. Организм его функционирует, но он совершенно неподвижен. Под его волосами, между прочим, была металлическая сетка. Но под ней не было ни имплантантов, ни скрытого оружия.

Глаза Трисонга были открыты. Он смотрел вниз, на свои ноги, двигал руками, пробовал холодную ткань, которая теперь составляла оболочку его бедер.

Клидхо сказал:

— Говард Алан Трисонг! Мы пришли к тебе от всех твоих бесчисленных жертв, и воздаем тебе теперь должное.

Тути закричала резким контральто:

— Вот он, наш сын Нимфотис, а вот сидишь ты, Говард Хардоа, его убийца. Посмотри на свое дьявольское дело.

Говард Трисонг заговорил спокойным голосом:

— На меня велась хорошая и профессиональная охота. Кто же эти двое? Элис Рок? Как она оказалась здесь, среди этих фанатиков?

— Я — одна из них. Ты помнишь, как я просила тебя спасти жизнь моему отцу? И это тогда, когда ты уже убил его!

— Моя дорогая Элис, когда кто-то связывает себя с политикой, то может иной раз не обратить внимание на мелкие детали. Смерть твоего отца, а также твои услуги были частью большого плана. Ну, а вы, сэр? Вы мне определенно какого-то напоминаете.

— Так и должно быть. Ты встречался со мной несколько раз. Точнее, два раза: в Боймонте и в Глэд-битуке, где я имел удовольствие стрелять в тебя, к сожалению не очень эффективно. Одновременно с этим ты знаешь меня, как Генри Лукаса из «Экстанта». Это я придумал, как заманить тебя сюда с помощью твоей «Книги Снов». Но разреши мне напомнить тебе еще более ранний эпизод. Ты помнишь рейд на Маунт-Плизант?

— Да, такой эпизод был в моей биографии. Это было превосходное приключение.

— Я увидел тебя тогда впервые, и после этого вся жизнь моя была посвящена тому, чтобы организовать сегодняшнюю встречу.

— В самом деле? Ты фанатик!

— Всю жизнь ты сам занимался тем, что создавал таких фанатиков. Это благодаря тебе мы собрались здесь.

Говард Трисонг небрежно взмахнул рукой:

— Итак, теперь я в твоей власти. Как ты намерен со мной поступить?

Герсен кисло улыбнулся:

— Что же большее я могу с тобой сделать?

— Да, это попытка — находиться в таком состоянии. Но ведь ты можешь получить удовольствие, убив меня.

— Я уничтожил тебя, как человека. Этого достаточно.

Голова Говарда Алана Трисонга поникла.

— Моя жизнь проходит по предначертанному пути. Я хотел быть первым императором Вселенной, управлять всеми людьми. И почти добился этого, но теперь я устал.

Я не могу двигаться, зачем же мне жить? Оставьте меня, я хочу побыть один.

Герсен повернулся и, взяв Элис за руку, вышел из комнаты. Клидхо последовал за ними. Дверь закрылась. Почти сразу же донесся разговор:

Иммир:

— Теперь все ясно. Страдалец поступил ужасно. О, мои паладины! Что теперь? Что скажешь ты, Джеха Рамс?

Рамс:

— Время наступило.

Иммир:

— Так значит? А ты, Зеленый Мьюнесе, почему ты отворачиваешься?

Мьюнесе:

— Есть еще много дорог, по которым нужно пройти, и много мест, где я мог бы остановиться.

Иммир:

— Почему вы избегаете смотреть на меня? Разве мы не братья, не паладины? Джеха Рамс, придумай что-нибудь, чтобы эти ноги мармела могли двигаться.

Спенглвэй:

— Иммир, я прощаюсь с тобой.

Рамс:

— Прощай, Иммир, время наступило.

Иммир:

— Лорис Хоэнгер, ты тоже покидаешь меня?

Хоэнгер:

— Я должен идти к новым приключениям и новым битвам.

Иммир:

— А добрый Синий Фадер, как ты? А ты Эйа Ненайо?

Ненайо:

— Я сделаю наилучшее для тебя. Паладины, отвернитесь! Осталось еще одно дело. Прощай, благородный Иммир! А сейчас...

Четверо в коридоре услышали глухой удар и всплеск. Клидхо побежал к двери и открыл ее.

Огромное кресло опрокинулось: Говард Трисонг лежал в неестественной позе, лицом в бассейн.

Клидхо повернулся, его ноздри раздувались, глаза блестели. Руки энергично жестикулировали.

— Кресло было намертво закреплено! Он не мог перевернуть его один!

Герсен отвернулся.

— Того, что случилось, для меня достаточно.— Он взял Элис за руку.— Пойдем отсюда.

Глава 20

«Фэнтомик Флайтлернинг» неся в пространстве.

В кают-компании Элис взяла «Книгу Снов», потом отбросила ее в сторону.

— Что ты намерен с ней сделать?

— Не знаю. Может, отдам ее в «Космополис».

— Почему бы просто не выбросить ее в космос?

— Я не могу сделать этого.

Элис положила руки ему на плечи.

— Что с тобой происходит?

— В каком смысле?

— Ты какой-то тихий и подавленный. Ты беспокоишь меня. С тобой все в порядке?

— Вполне. Может быть, просто устал. У меня больше нет врагов, нет необходимости мстить кому-то. Трисонг мертв. Я сделал все.

СОДЕРЖАНИЕ

КОРОЛЕВСКАЯ ОХОТА	3
ДЕМОНЫ ТЬМЫ	169

Джэк ВЭНС

«Королевская охота». («Сокровищница боевой фантастики и приключений»).

Художественный редактор А. САЯПИН

Технический редактор Л. ЗАИЧКИНА, И. ТЫРВА

«Мелор». ЕЕ0001. Эстония, г. Таллинн, а/я 3515.

ЛР № 062693 выдана 7.06.93 г. Сдано в набор 8.10.95. Подписано в печать 7.01.96 г. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура Литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,5. Заказ № 4969. Тираж 10 000 экз. Заказное.
Отпечатано на Смоленском полиграфическом комбинате Комитета Российской Федерации по печати. 214020, г. Смоленск, ул. Смольянинова, 1.

СОКРОВИЩНИЦА
БОВЕОЙ ФАНТАСТИКИ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

